

МАРИНА СВАНИДЗЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ
**ИСТОРИЧЕСКИЕ
ХРОНИКИ**
С НИКОЛАЕМ СВАНИДЗЕ
1934-1953

Исторический документ

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «ПРОСВЕТИТЕЛЬ» 2008 ГОДА

Annotation

В основе книги — сценарий популярного телесериала «Исторические хроники с Николаем Сванидзе», посвященного российской истории XX века. Вторая часть охватывает события с 1934-го по 1953 год. В центре каждой главы, повествующей о каком-либо одном годе, — как правило, известная, наиболее характерная для этого времени историческая личность.

- - [1934 год](#)
  - [1935 год](#)
  - [1936 год](#)
  - [1937 год](#)
  - [1938 год](#)
  - [1939 год](#)
  - [1940 год](#)
  - [1941 год](#)
  - [1942 год](#)
  - [1943 год](#)
  - [1944 год](#)
  - [1945 год](#)
  - [1946 год](#)
  - [1947 год](#)
  - [1948 год](#)
  - [1949 год](#)
  - [1950 год](#)
  - [1951 год](#)
  - [1952/1953 годы](#)
  - [1953 год](#)
-

Защиту интеллектуальной собственности и прав издательской группы «Амфора» осуществляет юридическая компания «Усков и Партнеры»

1934 год

Осип Мандельштам

1934-й — год двух исторических съездов, крепко-накрепко связанных между собой.

Один из них — XVII съезд ВКП(б), который известен как съезд победителей. Он открывается 26 января. Выступая с отчетным докладом, Сталин сказал: «Марксизм добился того, что он одержал полную победу в одной шестой части света. Решающие успехи социализма во всех отраслях хозяйства и культуры очевидны. Генеральная линия партии победила по всей линии».

Через два года, в 1936-м, именно эти выводы войдут в преамбулу сталинской конституции. Разговоры о новой конституции ходят по Москве уже осенью 1934-го. Литератор и журналист Илья Эренбург вспоминает: «Ноябрь 1934-го: говорили, что на предстоящем съезде Советов будет обсуждаться проект новой конституции».

Сталинскую конституцию напишет Бухарин. За два года до своего расстрела Бухарин вносит в текст конституции: «Социализм в СССР победил полностью и окончательно». Иными словами, извечная мечта человечества о светлом будущем осуществилась. Больше мечтать не о чем и ни о чем больше мечтать нельзя.

Надежда Мандельштам, жена поэта Осипа Мандельштама, пишет: «Я утверждаю, что все мы находимся в состоянии, близком к гипнотическому сну. Нам действительно внушили, что мы вошли в новую эру, и нам остается только подчиниться исторической необходимости, которая, кстати, совпадает с мечтами борцов за человеческое счастье. Люди лишились воли и самостоятельного суждения».

Один старый знакомый говорит Мандельштаму: «Неужели ты не понимаешь, что все теперь иначе?» Во-первых, это относится к вопросам личной чести и порядочности. Во-вторых, убежденность, что «теперь все иначе», объясняет насилие со стороны власти и заставляет смириться, принять его как неизбежное.

Кроме того, практически все поголовно верят, что «там», за пределами СССР, еще хуже, чем у нас. Но ведь скоро советская власть

выйдет из своих границ, распространится на большую часть света, и везде будет одинаково. И в этом историческая предопределенность. Обычным делом тогда был такой разговор: «Нам хоть когда подкинут селедки там, или сахару, или керосинчику... А как в капиталистических странах? Там, верно, хоть пропадай!»

В январе 1934 года доклад Сталина о победе социализма слушают 1966 делегатов. 1108 из них в ближайшие годы будут репрессированы. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК уцелеет 41.

О. Э. Мандельштам

В 1934-м, еще до начала Большого террора, матери уже учат своих маленьких детей говорить на том новом языке, на котором говорят взрослые. Жена поэта Пастернака Зинаида Николаевна говорила: «Мои мальчики больше всех любят Сталина, а потом уже меня». Все хотят, чтобы их дети выжили. Своими сомнениями, переживаниями с детьми не делится никто. Из детей вырастают совсем новые люди.

17 августа открывается еще один исторический съезд 1934 года. Это Первый всесоюзный съезд советских писателей. У входа в Колонный зал толпы людей. Все хотят живьем увидеть писателей. Внутрь входят самые неожиданные делегации. От моряков-командиров запаса Осоавиахима до художников Палеха. Пионеры «Базы курносых», метростроевцы, колхозники Узбекистана. Представители саамской народности Кольского полуострова, которые докладывают об отёле самок северного оленя. Ударник-колхозник товарищ Чабан обращается к Шолохову: «Очень хочется, чтобы Лукерья, которая все время ласкается к мужу, стала ударницей колхозного производства».

Кандидатуры возможных участников съезда начали обсуждаться еще в 1932 году. В числе беспартийных писателей рассматривались фамилии Бабеля, Платонова, Клюева, Эрдмана, Пастернака. Рядом с фамилиями в скобках указывались произведения, которые расценивались как крамольные. В список допущенных беспартийных писателей на 1932 год включен поэт Осип Мандельштам.

Вспоминает Мария Вишнякова, мать режиссера Андрея Тарковского, первая жена поэта Арсения Тарковского: «Я стояла на лестнице в Литинституте имени Герцена. Вдруг почувствовала сильнейшую боль в руке. Это Тарковский с такой силой сжал мою руку и сдавленным голосом произнес: „Смотри, Мандельштам идет“».

К рубежу 30-х годов Осипом Мандельштамом уже написано все, что даст многим современникам и потомкам право говорить о нем как о самом сильном русском поэте XX века.

У него нет постоянного места жительства. Долго живет где придется, по знакомым в Ленинграде. Потом несколько лет по разным углам в Москве. В январе 1932-го он с женой получает десятиметровую комнату в Доме Герцена, то есть в общежитии Литинститута. Оборванные обои. Тьма клопов. В отвращении к клопам Мандельштам решил обрить жене голову. Кто-то из знакомых возразил: «Это же будет некрасиво». Мандельштам ответил: «Я вообще люблю шершавую эстетику».

Потом там же, в Литинституте, им дали комнатку побольше. А в десятиметровку въехал некий начинающий поэт с женой и ребенком. Жена этого молодого поэта выбегала в коридор и кричала, что ее муж — молодой поэт, а Мандельштам — старик, уже не пишущий, а если и пишет иногда, то все равно он бывший поэт, устаревший.

Но вдруг в октябре 1933-го Мандельштаму дают квартиру в одном из первых кооперативных писательских домов в Нащокинском переулке, д. 3/5. Кто внес деньги за квартиру, Мандельштамы не знали, но не могли не догадываться, что это был аванс. Аванс со стороны власти.

В ноябре Мандельштам написал стихотворение «Квартира»:

И стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать,

И я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть.

Стены квартиры для утепления обиты войлоком. Вследствие этого в квартире полно моли. Приходящие в гости ловят ее, хлопая руками. Войлок меж тем не спасает от отличной слышимости. И вот в этой квартире с отличной слышимостью через месяц после вселения Осип Мандельштам пишет стихотворение «Горец»:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей.
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычит,
Как подковы, дарит за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него — то малина
И широкая грудь осетина.

Осип Мандельштам не только написал это стихотворение. Он начал его читать. Вспоминает друг поэта биолог Борис Кузин: «Однажды утром Осип Эмильевич прибежал ко мне в сильном возбуждении, но веселый. Он прочитал стихотворение о Сталине. После паузы остолбенения я спросил, читал ли он это еще кому-нибудь. „Никому. Вам первому. Ну, конечно, Наденьке“. Я умолял его никому больше не читать этого. В ответ последовал очень веселый и

довольный смех, но все же обещание никому не читать эти стихи он дал».

О. Э. Мандельштам. 1933 год

Вслед за этим Мандельштам читает «Горца» другу семьи Эмме Герштейн. Читает и добавляет: «Смотрите — никому. Если дойдет, меня могут расстрелять». И еще добавляет: «Это комсомольцы будут петь на всех улицах! В Большом театре... на съездах... со всех ярусов».

Пастернаку Мандельштам прочел «Горца» во время прогулки, где-то в районе Тверских-Ямских. Пастернак сказал: «То, что вы мне прочли, не имеет никакого отношения к литературе, к поэзии. Это не литературный факт, но акт самоубийства, которого я не одобряю. И в котором не хочу принимать участия. Вы мне ничего не читали, я ничего не слышал и прошу вас не читать их никому другому».

Через два дня после этого Мандельштам опять пришел к Кузину. Кузин вспоминает: «Осип Эмильевич со сладчайшей улыбкой, точно он съел кусок чудного торта, сообщил мне: „Читал стихи Борису Леонидовичу“».

Года за два до написания «Горца» в гостях у Эммы Герштейн Мандельштам затеял разговор с ее отцом, членом группы консультантов Кремлевской больницы. Мандельштам видел его впервые. Разговор происходил на квартире доктора Герштейна. Квартира — при больнице имени Семашко. Из-за двери кабинета доносилось: «Он не способен сам ничего придумать. Воплощение нетворческого начала. Тип паразита». Не было никаких сомнений, что Мандельштам говорил все это о Сталине. Доктор Герштейн сказал

потом дочери: «Слушай, твой Мандельштам — форменный ребенок. Он такие дикости говорил. Какой-то детский лепет».

В декабре 1933-го Осип Мандельштам читает «Горца» знакомым прямо на бульваре. В феврале 1934-го он идет по Гоголевскому бульвару с Анной Ахматовой. Ахматова вспоминает: «Осип сказал: „Я к смерти готов“».

В 1932 году, в начале сентября, Мандельштам, проживавший тогда в общежитии Литинститута, потребовал у соседа, армянского поэта Амира Саргиджана, чтобы тот вернул давно взятые в долг 75 рублей. Настоящее имя Саргиджана — Сергей Бородин. В начале 30-х в Москве большой официальный спрос на представителей национальных литератур. И начинающие литераторы из русской глубинки из карьерных соображений часто берут армянские, грузинские, таджикские псевдонимы. Так вот, от Бородина-Саргиджана Мандельштам потребовал вернуть 75 рублей. Дело в том, что Мандельштам в окно увидел, как по двору Литинститута идет жена Саргиджана и несет корзинку с продуктами и двумя бутылками вина. В Москве в это время все по карточкам, а у нее в корзинке такая роскошь. Осип Эмильевич закричал на весь двор: «Вот, молодой поэт не отдает старшему товарищу долг, а сам приглашает гостей и распивает с ними вино». Началась ссора. В разгар ее жена поэта Саргиджана потребовала, чтобы муж побил Мандельштама. Саргиджан полез с кулаками на Мандельштама. Ударил он и жену Мандельштама. Мандельштамы потребовали товарищеского суда. Товарищеские суды в большой моде. В советском сознании тех лет товарищеский суд — это вполне достаточная мера защиты чести, по накалу страстей и зрелищности вполне заменяющая дуэль.

Председательствовал на товарищеском суде писатель Алексей Толстой. Перед процессом его проинструктировали в том смысле, что необходимо проявить снисхождение к молодому национальному поэту, который к тому же член партии. Молодого поэта обязали вернуть по возможности деньги. Но избиение жены Мандельштама порицания со стороны суда не получило.

А. Н. Толстой и А. А. Фадеев

Смешной человек Мандельштам коммунальную советскую склоку воспринял как пушкинскую ситуацию: жена оскорблена, это требует отмщения. Но в СССР пушкинская ситуация не может разрешиться по-пушкински. Речь не о дуэли, а о невозможности защиты достоинства вообще. Впоследствии защищать собственных жен никому и в голову не придет. Жен будут отправлять в лагеря, а их высокопоставленные мужья будут тем временем спокойно пользоваться всеми материальными привилегиями своего положения. Сталин эффектно закрепит это положение вещей в 1937-м, когда торжественно и празднично во всесоюзном масштабе будет отмечаться столетие со дня смерти Пушкина. Каждый человек должен будет усвоить: раз — Пушкин умер, два — вместе с ним навсегда похоронен пушкинский кодекс чести.

К весне 1934 года выясняется, что Мандельштам с пушкинскими понятиями о чести расставаться не собирается. Отмщение за жену становится у него идеей фикс. Причем его ненависть сконцентрировалась на фигуре председателя товарищеского суда Алексея Толстом. Мандельштам мечтает дать Толстому пощечину. Он вовлекает в это дело еще не посаженного Льва Гумилева, сына Анны Ахматовой и расстрелянного в 1921 году Николая Гумилева. Они на пару ходят возле особняка Толстого, это рядом с особняком Горького у Никитских ворот. Гумилев, завидев Толстого, должен подать Мандельштаму сигнал. Тогда не получилось.

В конце апреля 1934 года Мандельштамы едут в Ленинград. В начале мая в помещении «Издательства писателей» Мандельштам дает

пощечину Алексею Толстому. «Вот вам за ваш товарищеский суд», — произносит Мандельштам.

Происшедшее получает широчайшую огласку. Известный поэт Перец Маркиш реагирует: «О, еврей дал пощечину графу». Высказался и Горький: «Мы ему покажем, как бить русских писателей». Это заявление Горького, дошедшее до нас в воспоминаниях современников, много говорит и о власти, и о Горьком. Горький всегда был ярим борцом с антисемитизмом. Если в 1934-м он до него опускается, значит, клещи сжаты до упора.

А. Н. Толстой

За Мандельштамом пришли в ночь с 13 на 14 мая 1934 года. Ахматова — свидетельница ареста: она гостила у Мандельштамов. Ордер на арест подписан ценителем литературы и в прошлом приятелем Маяковского зампредом ОГПУ Яковом Аграновым. Причина ареста — стихотворения «Горец», «Квартира», а также стихотворение «Холодная весна», написанное в Крыму в 1933-м. По поводу этого стихотворения в протоколе допроса от 25 мая 1934 года содержится следующее заявление Мандельштама: «В моем политическом сознании и социальном самочувствии — большая депрессия. Социальной подоплекой этой депрессии является ликвидация кулачества как класса. Мое восприятие этого процесса выражено в моем стихотворении „Холодная весна“».

На следующий день после ареста Мандельштама Анна Ахматова идет к Пастернаку. Пастернак — к Бухарину, тогда главному редактору «Известий». Ахматова доходит до секретаря ЦИК Авеля Енукидзе. Он

выслушал Ахматову и не проронил ни слова. Ахматова пошла к писательнице Лидии Сейфуллиной, которая позвонила знакомому чекисту. «Лишь бы его не свели там с ума, — сказал знакомый чекист, — наши на этот счет большие мастера».

Мандельштама свели с ума. Тяжелейшее психическое расстройство со слуховыми галлюцинациями. Врачей в 1934 году это не удивляло. Женщина-врач в ссылке сказала жене Мандельштама, когда та требовала медицинской экспертизы: «Чего вы от меня хотите? Все они „оттуда“ приезжают в таком состоянии». И посоветовала не отдавать Мандельштама ни в какое лечебное заведение. «Там его загубят. Вы знаете, как у нас в таких местах». Другой врач уже на поселении сказал, что подобные психические состояния возникают после нескольких недель, а иногда даже нескольких дней ареста. Мандельштам тогда поинтересовался у врача, почему сейчас тяжело заболевают после нескольких дней внутренней тюрьмы, хотя раньше просиживали по многу лет в крепости и выходили здоровыми. Врач в ответ только развел руками.

Вследствие сильной природной возбудимости поэт Мандельштам был легкой добычей для следствия и особых, утонченных приемов не потребовалось. Действовали стандартно. Бессонный режим. На допросы водят по ночам. Большая часть времени уходит не на допрос, а на ожидание допроса у дверей следователя. Во время допроса направляют в глаза яркий свет. Кормят соленым. Пить не дают. Когда Мандельштам просил воды, на него надевали смирительную рубашку и тащили в карцер.

В камере с Мандельштамом второй, подсадной. Он говорит, что все близкие и знакомые Мандельштама уже арестованы, что всем будут предъявлены обвинения в терроре и заговоре. Однажды утром этот человек вернулся в камеру позже Мандельштама — якобы с допроса. Мандельштам заметил, что от него пахнет луком, о чем тут же ему и сказал. Подсадного немедленно убрали.

Это еще был социалистический гуманизм образца 1934 года" ближе к 1937-му одиночных камер с подсадными или без в помине не будет Уже совсем скоро одиночки будут битком набиты и люди в них сутками будут стоять на ногах.

Мандельштама не интересуется, кто на него донес. Он человек своего времени, то есть отлично знает, что на Лубянку таскают тысячи

и тысячи самых разных людей, как говорили в 1934-м, "всех таскают".

С этими бесчисленными мужчинами и женщинами на специальных квартирах беседуют и требуют, чтобы они информировали органы о мыслях и настроениях своих знакомых и соседей. Им сулят покровительство. Их запугивают. Другу Мандельштама биологу Кузину говорили: "Ваша мать не вынесет, если мы вас арестуем". Он отвечал, что желает смерти своей матери. Его собеседник зверел, орал: "Мы распустим слухи, что мы вас завербовали, и вы не сможете смотреть в лицо людям". Попутно с получением информации достигается еще одна, вероятно, более важная цель. Люди теряют доверие друг к другу. Ведь о приглашениях на Лубянку в Москве знают все. То же самое происходит в провинции. Люди перестают общаться, замолкают, нормальные связи рвутся, общество слабеет. И ослабевает совсем. В 1934-м это уже свершившейся факт. Именно в таком состоянии советское общество подойдет к 1937 году.

Мандельштам на первом же допросе признал авторство инкриминируемых ему стихов. Следователь интересовался тем, что послужило толчком к написанию этих стихов. Мандельштам ответил: "Больше всего мне ненавистен фашизм". Следователь потребовал, чтобы Мандельштам прочитал стихотворение о Сталине. Мандельштам прочитал.

Следователь Николай Христофорович Шиваров — Мандельштам, вспоминая, называл его Христофорыч. Христофорыч курировал в ОГПУ литературу и принадлежал к той части чекистов, которые отличались слабостью к литературе. Так что допрос большого поэта доставляет ему утонченное удовольствие. Христофорыч на допросе говорит Мандельштаму: "Вы рассказывали мне, что для поэта крайне полезно ощущение страха — оно способствует возникновению стихов. Так вот теперь вы получите полную меру этого стимулирующего чувства". Чекист Христофорыч не понял поэта. Страх, сопровождающий написание стихов, не имеет ничего общего со страхом перед ОГПУ. Мандельштам часто повторял: "Когда появляется примитивный страх перед насилием и террором, исчезает другой главный таинственный страх — перед самим бытием. С революцией, у нас на глазах пролившей потоки крови, этот страх исчез".

По требованию Христофорыча Мандельштам записал стихотворение "Горец". Следователь приложил автограф поэта к делу.

Следователь Мандельштама Николай Шиваров будет расстрелян в 1938-м. В 1934-м, как раз в период следствия о стихах Мандельштама, по Москве пошли слухи о том, что Главный прокурор Вышинский начинает копать под главу НКВД Ягоду. Некоторые граждане воспринимают эти слухи как обнадеживающие, полагая, что Вышинский, юрист по образованию, положит конец самоуправству органов безопасности.

Фото из следственного дела О. Э. Мандельштама. 1934 год

В соответствии с особенностями человеческой памяти люди в этот момент забывали, как однозначно страшно уже проявил себя Вышинский на процессах конца 20-х — начала 30-х годов.

Кроме того, общественное сознание первой половины 30-х категорически отказывалось воспринимать происходящее как борьбу властных группировок за право бесконтрольно распоряжаться жизнью и смертью граждан СССР. Неограниченная и жесточайшая эксплуатация человеческого ресурса страны — основа сталинской экономики. То есть эта эксплуатация — основа сталинского режима и личной власти самого Сталина.

Что касается граждан страны, то в 1934-м никто из них не задумывается о том, что новая волна террора впереди и что она непременно будет.

Только больной поэт Осип Мандельштам в 1934-м в своем следователе разглядел то, чего не обнаружил бы ни один человек в здравом уме. В ссылке он будет говорить жене, что "во всем поведении

следователя, несмотря на крик и угрозы, чувствовалась какая-то двусмысленность и проступала ненависть к Сталину". Христофорыч зная, что ему готовит система. Знал, что смерть не будет мгновенной. Что о смерти он еще будет мечтать. Больной Мандельштам во время собственного допроса рассмотрел самый сокровенный страх своего следователя.

Первым делом на Лубянке у Мандельштама отобрали брючный ремень. Брюки падали. Он все время нелепо их подхватывал.

Мандельштама на Лубянке видел Петр Павленко. Павленко — советский писатель. Он даже проехался с Мандельштамом в лифте, когда того везли на очередной допрос. Мандельштам в нервном припадке упал, забился в угол. Советский писатель Павленко укоризненно сказал ему: "Мандельштам, Мандельштам, как вам не стыдно".

Павленко был приятелем следователя Христофорыча. Тот по-дружески пригласил Павленко поприсутствовать на допросе Мандельштама. Павленко принял приглашение, в том числе, как он говорил, чтобы набраться художественных впечатлений.

В кабинете следователя на Лубянке несколько одинаковых дверей. Одни ведут в специальные шкафы-ловушки, если кто попытается бежать. Другие служат запасным выходом для хозяина кабинета. Писатель Павленко наблюдает за допросом Мандельштама, сидя в спец-шкафу. Трудно сказать, как было дело с художественными впечатлениями у писателя Павленко во время допроса поэта Мандельштама, но политически Павленко точно промахнулся. Сталин в мае 1934-го не желал смерти Мандельштама. У него были виды именно на этого поэта. Мандельштам давно и по гамбургскому счету поэт с большой буквы. В России, где есть Пушкин, само звание поэт — уже более чем достаточная оценка. Кроме того, Осип Мандельштам — поэт Серебряного века со старыми дореволюционными корнями. Это важно для Сталина. Еще в незабвенные времена петербургского артистического клуба "Бродячая собака" и именно в "Бродячей собаке" Анна Ахматова произнесла: "Мандельштам, конечно, наш первый поэт". А тогда было из кого выбирать. Сталину наплевать, что к 1934 году мало кто в советском литературном сообществе ценит Мандельштама. Цена всех оценок ему отлично известна. Надо сказать, и в иные времена публика была не в состоянии принять

Мандельштама. В 1920 году при Врангеле в Крыму, в Феодосии, местный литературно-артистический кружок устроил в его честь вечер. Он вышел, заложив руку за борт пиджака, откинул назад маленькую птичью голову и начал читать. В публике послышались смешки. Потом пошел откровенный и грубый смех. Вспоминает очевидец Андрей Седых, впоследствии главный редактор нью-йоркского "Нового русского слова": "До сих пор со стыдом вспоминаю, как вела себя в тот вечер наша публика. Люди смеялись над тем, чего не могли понять. Мандельштам остановился, топнул ногой. Смех только усилился. "Варвары!" — крикнул он и сошел с эстрады. Максимилиан Волошин утешал его и говорил, что чернь и не должна понимать поэта".

Слева направо: О. Мандельштам, К. Чуковский, Б. Лившиц, Ю. Анненков. 1914 год

В 1933-м Сталин над стихотворением Мандельштама "Горец" не смеялся, потому что, несомненно, оценил его высоко. Это было первое серьезное посвященное ему поэтическое произведение, принадлежащее перу, возможно, сильнейшего из живущих поэтов. Негативное авторское отношение в такой ситуации значения не имеет. На изменение авторской позиции с минуса на плюс, если речь идет о таком авторе, можно и поработать. Более того, даже при очевидном знаке минус в стихотворении Мандельштама "Горец" Сталин вычитал главное для себя: его власть абсолютна.

Скорее всего, на фоне истории с "Горцем" Сталин пожелал ознакомиться с творчеством поэта пошире. Мимо его глаз в этом случае, очевидно, не прошла мандельштамовская строка 1931 года:

"Душно, а все-таки до смерти хочется жить". Сталин вырвал эту строку из контекста и принял решение: "Живи и пиши. Ты знаешь, чего я от тебя жду. Твое, Мандельштам, несравненное перо оставит мой образ в истории".

Стихотворение 1931 года, из которого Сталин вырвал строку, — это обреченность. Вечное ожидание казни на рассвете. После внутренней тюрьмы Лубянки это стихотворение Мандельштама стало его жизнью. И его болезнью. После Лубянки всю оставшуюся недолгую жизнь с редчайшими просветами каждый день в шесть часов утра он ждет, что его расстреляют. Он забивается в угол, трясется, кричит, что сейчас его поведут на расстрел. В ссылке в Чердыни он выбросится в этот час из окна больницы. Со второго этажа. Нелепо упадет на мягкую клумбу. Будет лежать, сжавшись в комочек. Санитары с руганью потащат его наверх. После прыжка наступит успокоение. В стихах так и будет сказано: "Прыжок — и я в уме". В безумии он правильно понимал, что его ждет. В периоды просветления он терял чувство реальности и начинал верить в собственную безопасность.

Лечить Мандельштама в ссылке в Чердыни нечем. Чтобы избавить его от ежедневного ожидания расстрела, просто переводят часы на два часа вперед, Он видит — восемь часов, за ним никто не приходит. И успокаивается.

Иногда просыпается среди ночи и говорит жене, что арестована Анна Андреевна Ахматова и ее сейчас ведут на допрос. Когда гулял по Чердыни, искал труп Ахматовой в оврагах.

В той же чердынской больнице, где Мандельштам, много ссыльных крестьян. Они здесь с гнойными язвами, сломанными конечностями, надорванные от подъема непомерных тяжестей. Север Пермской области, где Чердынь, в 1934-м — самое что ни на есть лагерное место. Сюда гнали эшелонами содранных с родной земли крестьян. Здесь они и полегли.

Жена одного из этих мужиков написала письмо Сталину. Письмо выловлено местным ГПУ. "Товарищ Сталин. Я бедная женщина-крестьянка. Мы считались на деревне самые бедные, наш дом был ветхий и никудышный. Все у нас отняли и сослали в ссылку. У нас четверо детей, старшему 9 лет, а младшей 2 годика. Прикажи совсем

нас убить. Пусть убивали бы совсем, так лучше было бы, чем так мучить. Прости меня, бедную бабу. Крестьянка Елена Федосеева".

Женщин в ссылке на легкую работу не берут. Даже посудомойкой не устроишься.

В начале июня 1934 года — точная дата неизвестна, но скорее всего числа 7–8, Николай Бухарин пишет письмо Сталину. Пункт третий этого письма так и называется "О поэте Мандельштаме": "Я получил отчаянную телеграмму от жены Мандельштама, что он психически расстроен, пытался выброситься из окна и т. д. Моя оценка Осипа Мандельштама: он первоклассный поэт, но он абсолютно несовременен. Так как я не знаю, что он и в чем наблудил, то я решил написать тебе. Привет, твой Николай".

В постскриптуме к письму — опять о Мандельштаме: "Борис Пастернак в полном умопомрачении от ареста Мандельштама, и никто ничего не знает".

Бухарин писал по единственно верному адресу, где знали о судьбе Мандельштама. К моменту получения бухаринского письма Сталин уже принял решение, как распорядиться жизнью поэта. Приговор пересмотрен. Трехлетняя ссылка в Чердынь заменена тем, что называлось "минус двенадцать". То есть запрет на проживание в Москве, Ленинграде и еще десяти крупных городах СССР. Это невероятное послабление, для автора "Горца" — фантастическое.

На письме Бухарина Сталин оставил автограф: "Кто дал им право арестовать Мандельштама? Безобразие..." Замечание очень интересное. В особенности потому, что документ не имеет обязательных входящих и исходящих данных. То есть сталинскую ремарку никто не видел. Она не рассчитана на подчиненных. Это актерство, скуки ради. "Арестовали Мандельштама! Безобразие!" Сталин шутит, Сталин развлекается. Потом Сталин позвонит Пастернаку.

13 июня 1934 года в квартире Бориса Пастернака в доме № 14 по Волхонке начинается его знаменитый разговор со Сталиным. Сталин говорит, что отдано распоряжение и с Мандельштамом все будет в порядке, и спрашивает, почему Пастернак не хлопотал за Мандельштама. "Если бы мой друг попал в беду, — сказал Сталин, — я бы лез на стену, чтобы его спасти". Пастернак ответил, что если бы

он не хлопотал, то Сталин не узнал бы об этом деле. Сталин спросил: "Но ведь он ваш друг?" Последовала пауза. Сталин продолжил вопрос: "Но ведь он же мастер, мастер?" Пастернак ответил: "Это не имеет значения. Почему мы все говорим о Мандельштаме и о Мандельштаме, я так давно хотел с вами поговорить", — сказал Пастернак. "О чем?" — спросил Сталин. "О жизни и смерти", — сказал Пастернак. Сталин повесил трубку.

Б. Л. Пастернак. 30-е годы

В Чердынь телеграмма из Москвы об изменении приговора пришли 14 июня. Комендант не поверил своим глазам, послал запрос в Москву и только тогда убедился, что телеграмма действительно правительственная. Мандельштаму предложили выбрать город для проживания. Мандельштам вдруг вспомнил, что у знакомого биолога Леонова отец работал тюремным врачом в Воронеже. "Кто знает, может, еще понадобится тюремный врач", — сказал Мандельштам и выбрал Воронеж.

По дороге в Воронеж Мандельштамы были несколько часов в Москве. Надежда Мандельштам побежала к Бухарину. Бухарин ее не принял. К этому моменту Бухарин уже знал причину ареста Мандельштама. Он встречался с Генрихом Ягодой, и Ягода читал ему "Горца" Мандельштама. Глава НКВД читал его наизусть.

Летом 1935 года, беседуя со знакомым в скверике у памятника поэту Алексею Кольцову, ссыльный Осип Мандельштам спросил: "Как вы думаете, а будет ли когда-нибудь поставлен в Воронеже памятник мне?"

На съезде советских писателей в августе 1934-го Николай Бухарин в своем докладе первым советским поэтом назвал Бориса Пастернака. Бухарин говорил больше трех часов подряд. Доклад сложный, со вкусом, с латынью вскользь без перевода. Пастернак в президиуме. Пастернак принимает от лица Союза писателей портрет Сталина. Скоротечное пребывание Пастернака в советской официальной обочине — следствие его со Сталиным телефонного разговора о Мандельштаме. Уже через несколько часов после того разговора вся Москва знала о телефонном звонке Сталина. Вспоминает жена поэта Зинаида Пастернак: "В Союзе писателей все перевернулось. В ресторане стали нас особенно внимательно обслуживать, вплоть до того, что когда Боря приглашал к столу нуждавшихся писателей, то за их обед расплачивался Союз писателей". Как ни странно, из этого сложнейшего положения Пастернака высвободит Сталин. В декабре 1935 года "лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи" Сталин назначит Маяковского. Это позволит Пастернаку написать Сталину письмо следующего содержания: "Горячо благодарю Вас за Ваши слова о Маяковском. Косвенно Ваши строки о нем отозвались и на мне спасительно. Последнее время меня под влиянием Запада страшно раздували. Я даже заболел от этого. Теперь, после того как Вы поставили Маяковского на первое место, я с легким сердцем могу жить и работать по-прежнему в скромной тишине".

Добрая знакомая семьи Мандельштама Эмма Герштейн пишет, что последний всплеск психической зараженности Пастернака личностью Сталина пришелся на 1936 год. Корней Чуковский вспоминает об их с Пастернаком посещении X съезда комсомола в 1936-м: "Вчера на съезде сидел в шестом ряду. Оглянулся. Борис Пастернак. Я взял его в передние ряды. Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Жданов и Сталин. Что случилось с залом! А ОН стоял немного утомленный, задумчивый. Видеть его — просто видеть — для всех нас было счастьем. Когда ему аплодировали, он вынул часы — серебряные — и показал аудитории с прелестной улыбкой. Все мы зашептали: "Часы, часы, Сталин показал часы". Домой мы шли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью".

Н. Тихонов и Б. Пастернак в президиуме Первого съезда советских писателей

На съезде писателей в 1934-м Сталин не появлялся. Он на юге. Но он регулярно получает информацию от секретно-политического отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. НКВД изначально был главной организацией по подготовке съезда писателей. В составе всех делегаций — "творческие деятели", работающие на органы. Регулярно идет информация о настроениях в писательской среде.

В правление Союза писателей, несмотря на усилия Горького, не будет введен сибирский писатель Владимир Зазубрин. В 1923-м он написал повесть под названием "Щелка". В 1992 году по повести Зазубрина снят фильм "Чекист". Короткий фрагмент из повести:

"Трое стреляли как автоматы. Глаза у них были пустые, с мертвым стеклянным блеском. Ждали, пока приговоренные разденутся, встанут, механически поднимали револьверы, стреляли, отбегали назад. Ждали, когда уберут трупы и приведут новых". Писатель Владимир Зазубрин расстрелян в 1938-м.

20 августа 1934 года замначальника секретно-политического отдела товарищ Люшков сообщает главе НКВД Ягоде о листовке, распространенной на съезде: "Пока обнаружены 9 экземпляров. Написано карандашом под копирку печатными буквами. Проверяем почерка по анкетам делегатов. Прилагаю копию листовки". Обращена листовка к иностранным гостям съезда:

"Мы, русские писатели, напоминаем собой проститутку публичного дома, с той лишь разницей, что они торгуют своим телом, а мы душой. Нам нет выхода из публичного дома. За наше поведение

отвечают наши семьи. Мы даже дома не говорим так, как думаем, ибо в СССР круговая система доноса. Вы устраиваете у себя комитеты по спасению жертв фашизма, но почему мы не видим вашу деятельность по спасению жертв от нашего советского фашизма, проводимого Сталиным".

Как раз во время съезда писателей в поселке Переделкино под Москвой начинается строительство и распределение первых писательских дач. Журналист Михаил Кольцов шутит на съезде: "Алексей Максимович Горький открыл пять вакансий для гениальных и 45 для очень талантливых писателей. Уже началась дележка".

В те дни на съезде обращает на себя внимание Юргис Балтрушайтис, поэт Серебряного века, в 1934-м посол независимой Литвы. Он умоляет спасти Мандельштама. Он не находит ничего лучшего, как заклинять советских писателей памятью расстрелянного поэта Гумилева. Еще в 1921 году Балтрушайтис уговаривал Мандельштама принять литовское подданство. Это было возможно — Мандельштам родился в Варшаве.

Юргис Балтрушайтис

Он даже собрал какие-то бумаги, но потом раздумал. Сказал, что уйти от своей участи все равно нельзя и не надо даже пытаться.

Во время съезда и два с лишним года после него Мандельштам будет в Воронеже. Там он напишет четверть из созданного им за всю жизнь. Сначала была возможность работать в Воронежском театре и в местном радиокомитете. Потом уволили. Жена приходила с просьбой о материальной помощи в Воронежский союз писателей. Приняли решение — отказать. В начале 1937-го без работы, без денег

Мандельштам пишет "Оду Сталину". Он создавал, сочинял впервые не так, как всё до нее.

Анна Андреевна Ахматова рассказывала, что, когда в ней зародилась ее знаменитая "Поэма без героя", она заболела ею так мучительно, что ей хотелось избавиться от нее, освободиться. Она готова была сделать что угодно, даже бросилась стирать, но ничего не помогло. Мандельштам знал это сложное ощущение, близкое к галлюцинации. Но к написанию "Оды Сталину" оно отношения не имеет. Впервые в жизни Мандельштам раскладывает на столе карандаши и бумагу. Садится за стол и берет в руки карандаш. Через полчаса вскакивает и проклиная себя за отсутствие мастерства.

Вспоминают, что однажды, в 1937-м, в Воронеже он кинулся через дорогу к городскому автомату, набрал какой-то номер, начал читать стихи, потом кому-то гневно закричал: "Нет, слушайте, мне больше некому читать!" Мандельштам читал высокому чину из НКВД, к которому он был прикреплен. Мандельштам читал ему "Оду Сталину". Человек, который слушает Мандельштама на другом конце провода, — начальник управления НКВД по Воронежской области Семен Дукельский. В 1938-м он будет назначен главой Комитета по кинематографии СССР. До революции он служил тапером в синематографе. В 1937-м Дукельский "Оду Сталину", прочитанную по телефону, не понял. В ней много блестящего литературного опыта, но нет главного, чего ждал от Мандельштама Сталин: она лишена чеканности и простоты "Горца", она никогда не ляжет на слух. Доносчик не сможет записать ее по памяти. Она ненародна.

Сталин дал Мандельштаму на попытку три года жизни. Попытка не удалась. Срок истек.

Стихотворение Осипа Мандельштама "Горец" до сегодняшнего дня остается единственным серьезным поэтическим произведением, посвященным Иосифу Сталину.

Второй раз Мандельштама арестуют при Ежове. Погибнет он при Бери.

Он стал полным доходягой еще по дороге в Магадан. Его оставили в пересыльном лагере "Вторая речка". Он был в состоянии помешательства. Подозревал, что из Москвы пришел приказ отравить его. Он отказывался от пищи, таскал еду у соседей, считая, что их пайки не отравлены. За это его били, пока не поняли, что он безумен.

Тогда его выкинули из барака. Он жил около помойных ям, подбирал отбросы. По словам выживших очевидцев, он до последнего сочинял стихи. Он читал их, люди их слышали, но никто ничего не записал.

1935 год

Сергей Киров

1935 год в СССР начался 1 декабря 1934-го в 16 часов 37 минут. В этот час в Ленинграде убит член Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК, руководитель Ленинградского обкома и горкома партии Киров. Индивидуальный террористический акт, осуществленный Леонидом Николаевым в отношении высокого партийного лица, произведет на Сталина сильнейшее впечатление. Сталин испытает глубочайший шок. Последствия шока будут отложенными во времени.

1 декабря в 9:30 утра на дежурство у дома 26/28 по улице Красных Зорь, где живет Киров, заступают, как обычно, два оперативника. Улица Красных Зорь — в прошлом Каменноостровский проспект, в будущем Кировский проспект, сейчас снова Каменноостровский. Киров в тот день готовится к докладу на ленинградском партактиве в Таврическом дворце.

29 ноября он вернулся из Москвы с пленума ЦК ВКП(б). Он собирается делать доклад по итогам пленума. В 15:55 Киров звонит в гараж, который находится в том же доме, где он живет, и просит подать машину. В 16:00 Киров выходит из дома. Он говорит, что пройдет несколько кварталов пешком. У Троицкого моста — тогда мост Равенства — он садится в машину и едет в Смольный. Он входит в Смольный через главный подъезд и направляется к себе в кабинет на третьем этаже. Когда Киров проходит по большому коридору третьего этажа, там полно народу. С кем-то Киров останавливается на минуту, перекидывается парой слов. Взад-вперед по коридору ходит директор цирка в ожидании назначенной встречи. Впереди Кирова в том же направлении, что и он, идет курьер Федорова. Она не знает, что за ней идет Киров. Из показаний курьера Федоровой: "Я увидела Николаева, который стоял у стенки. Я удивилась, что он страшно качался, и одна рука его была заложена за борт. Я хотела подойти к нему, но не успела, о чем после очень жалела, так как если бы я подошла, то отвлекла бы его внимание. Я думала, что Николаеву худо".

Леонид Николаев в этот день уже второй раз приехал в Смольный. Никакой системы спецпропусков в Смольном для членов партии нет. Проход по партбилету. Его предъявляют охране между вторым и третьим этажами. Первый раз в тот день Николаев явился в Смольный около половины второго и примерно в течение часа ходил по знакомым и выпрашивал пригласительный билет на предстоящий в этот день партактив. Николаева в лицо в Смольном знают многие. Он работал некоторое время в аппарате обкома партии, а затем в Институте истории ВКП(б) при том же обкоме, откуда он был уволен весной 1934-го. При увольнении из Института истории партии ему была предложена работа в системе транспорта. Он отказался, Его исключили из партии. Потом восстановили. С трудоустройством у Николаева всю жизнь были проблемы: за 15 лет он сменил 13 мест работы. Никогда не скрывал, что стремился к негрязной работе с дополнительным пайком. В этом смысле начало 30-х для него крайне удачное время. Пик материальной обеспеченности, то есть пребывание в стенах обкома партии, приходится на самые голодные для страны годы. Мелкий обкомовский служащий Николаев переезжает из коммуналки в отдельную трехкомнатную квартиру в только что отстроенном Батенинском жилом массиве. По тем временам — это фантастика.

Ленинград уплотнен до предела. Еще 1 августа 1927 года вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР "О самоуплотнении". В соответствии с постановлением каждый владелец или съемщик квартиры получал право вселить на свою площадь любого человека, даже не родственника. Однако воспользоваться этим правом люди могли только в течение трех недель после выхода постановления. По истечении трехнедельного срока вопрос о подселении переходил в ведение домоуправления. Домоуправление подселяет кого и куда хочет.

С. М. Киров и И. В. Сталин

Отныне коммуналка становится главной формой проживания в Ленинграде. Киров к моменту реализации постановления ВЦИК и СНК "О самоуплотнении" уже два года как у власти. Он переведен в Ленинград из Баку с поста секретаря ЦК компартии Азербайджана. Он — протеже Сталина. Во главе Ленинграда он оказывается после смещения Зиновьева. То есть Киров направляется на важнейший участок борьбы Сталина с последствиями зиновьевской оппозиции. 4 января 1926 года он пишет жене из Москвы: "Меня переводят в Ленинград, где теперь происходит невероятная склока". Киров не хочет ехать в Ленинград, Киров к этому времени уже опытный и осторожный аппаратчик.

13 февраля 1926 года на пленуме Губкома партии он избран 1-м секретарем. 3 марта в "Ленинградской правде" опубликовано постановление ЦК ВКП(б) об утверждении Кирова в должности. 12 апреля в Ленинград приезжает Сталин, чем публично выражает поддержку новому главе города. Уже в июле 1926 года на пленуме ЦК Киров избран кандидатом в члены Политбюро. Членом Политбюро он станет в 1930-м.

Дом 26/28 по улице Красных Зорь, в который Киров с женой въехали в апреле 1926-го, построен по семейному проекту братьев Бенуа в самом начале XX века. Дом заселяется партноменклатурой с первых послереволюционных лет. То есть новое советское чиновничество вселяется в чужие квартиры.

8 января 1922 года Петрогубисполком специальным постановлением узаконил право новых владельцев на чужую мебель. В

этом доме в квартире 118 жил первый советский хозяин Петрограда-Ленинграда Григорий Зиновьев. Киров проживает в квартире 20.

Семья Кирова бездетна. Хозяйство ведут кухарка, домработница и специально прикрепленный человек от обкома, который следит за состоянием квартиры. Плюс охрана. Это стандартный набор сталинской номенклатуры.

Киров появляется в Ленинграде в конце НЭПа и окончательно сворачивает НЭП в Ленинграде. После относительного шестилетнего затишья город принимает второй послереволюционный удар, меняющий его социальный состав. Киров проводит в жизнь постановление ВЦИК и СНК РСФСР "Об ограничении проживания лиц нетрудовых категорий в национализированных домах". Это постановление адресовано тем коренным жителям, петербуржцам, которые, ни за что и несмотря ни на что, не хотели покидать родной город. И которые все еще придают этому городу необщее выражение лица.

Летом 1929 года к гражданам, подлежащим выселению, приходят представители домоуправления и вручают им извещения о необходимости освободить занимаемую жилплощадь. В случае отказа — выселение принудительное. Лица, выселяемые в рамках этой кампании, проходят под общим, давно уже привычным названием "лишенцы", то есть лишенные гражданских прав.

Эти лица лишены не только формально существовавшего избирательного права. У них нет возможности устройства на работу. Они не могут поступить в учебные заведения. Никаких шансов на получение пайков и продуктовых карточек. Детей лишенцев не принимают в школу.

Писатель Михаил Пришвин пишет в дневнике: "Классовый подход практикуется даже к умирающим. Из больницы выбрасывают трех больных, признанных лишенцами".

Киров квалифицированный партийный чиновник. Не больше и не меньше. Ленинград под его руководством твердо идет в русле общегосударственной политики по выравниванию социального состава страны. В 1933 году кампания по паспортизации населения позволит ленинградскому руководству дополнительно выселить из города около 80 тысяч бывших.

Киров точен в поведении вплоть до мелочей. Киров никогда не выходит на люди в очках, хотя страдает возрастной дальнозоркостью. В 1934-м ему 48 лет. Дома у него четыре пары очков. Перед аудиторией он не пользуется ими принципиально. Он пишет тезисы своих выступлений крупными буквами. Очки интеллигентны или буржуазны. Они не в моде. Киров следит за партийной модой.

С. М. Киров, первый секретарь Ленинградского обкома партии

В 1929 году глава одной из московских комсомольских организаций, впоследствии глава ВЛКСМ и впоследствии расстрелянный, Александр Косырев на страницах "Комсомольской правды" предлагает новый фасон костюма для советской молодежи. Гимнастерка с отложным воротником, с двумя карманами по бокам, с двумя карманами на груди, брюки полугалифе, ремень или портупоя. Форма цвета темного хаки. Эта одежда — прообраз знаменитой сталинки, распространившейся не только в СССР, но и в Китае, Вьетнаме, в Северной Корее. Киров на большинстве фотографий начала 30-х именно в этой одежде.

Академик Дмитрий Лихачев вспоминает Ленинград в разгар правления Кирова. Лихачев в 1932-м только вернулся из лагеря — сперва Соловки, потом Беломорканал. Родной город должен был ослепить его. Тем не менее он пишет: "Толпа на улице темная, серая. Если кто-то в белом или ярком, значит, иностранец".

Дмитрий Сергеевич Лихачев пишет, что Ленинград 1932–1933 годов полон беженцев из деревни. Крестьяне от лютого голода бегут в города. Лихачев вспоминает: "Я возвращался из филармонии. Стоял сильный мороз. С площадки трамвая на Большом проспекте я увидел дом, имевший глубокий подъезд". Лихачев на всю жизнь запомнит

номер этого дома — 44. "Дверь, запиравшаяся на ночь, была в глубине. Ближе к улице стояли крестьянки и держали на поднятых руках какие-то скатерти или одеяла. Так они создавали нечто вроде закутка для детей, лежащих в глубине".

До зимы 1933-го крестьяне-беженцы с детьми еще могут ночевать на лестницах в подъездах. В конце 1933-го городские власти отдают приказ: все подъезды с вечера запирают. Начинается срочный ремонт парадных дверей, вставляют замки, проводят звонки к дворникам, ворота во дворы запирают. В числе 80 тысяч, высланных из Ленинграда во время паспортизации, — крестьяне, спасавшиеся от голода; они идут наравне с адвокатами, врачами, инженерами и научными работниками из бывших.

На сводках ОГПУ о ходе высылки из Ленинграда Киров пометок не оставляет. Он берет их просто для ознакомления, и его карандаш не вычеркнул из списков ни одной фамилии.

Что касается крестьянского вопроса, то свою позицию Киров сформулировал абсолютно четко в речи на совещании руководителей районного звена Ленинградской области. Речь была опубликована в "Правде" от 6 августа 1932 года. Киров сказал: "Наша карательная политика очень либеральна, Мне кажется, если человек уличен в воровстве колхозного добра, так его надо судить вплоть до высшей меры наказания. И если уж смягчать наказание, так не менее чем на 10 лет лишения свободы". Эта публикация речи Кирова вышла за день до принятия драконовского закона "Об охране общественной собственности написанного лично Сталиным, Этот закон, принятый в разгар голода и каравший смертью за кражу картофеля или горсти зерна, получил народное название "закона о трех колосках".

Речь Кирова предвосхищала принятие закона, под который будут подводить многодетных матерей, не знающих, чем накормить своих голодающих детей. Именно эти женщины будут бежать в большие города, в том числе в Ленинград. Именно при Кирове их будут выметать из Ленинграда.

Вот в эти тяжелые для рядовых ленинградцев годы мелкий обкомовский служащий Леонид Николаев добивается плохо объяснимого жизненного, то есть материального, успеха. Полоса везения продолжается до 31 марта 1934 года, когда его выгоняют с работы. Он вынужден жить на зарплату жены. Жена Николаева —

латышка Мильда Драуле, член партии с 1919 года. Высокая, крупная, рыжеволосая. В 1930 году она поступает на работу в обком партии в сектор статистики, потом переходит в сектор кадров легкой промышленности.

М. Драуле и Л. Николаев

Менее чем через год после начала работы жены Николаева Мильды Драуле в стенах обкома ее семья получает отдельную трехкомнатную квартиру. Киров известный поклонник женской красоты. Вероятно, это самая яркая его характеристика, хотя в негласном списке партийных донжуанов он стоит всего лишь на третьем месте после председателя ЦИК СССР Калинина и секретаря ЦИК Енукидзе.

В Ленинграде об амурных похождениях Кирова говорят как о само собой разумеющемся. Конкретно об особых отношениях с Мильдой Драуле говорит кадровый работник НКВД Леонид Райхман. Он рассказывает об этом другому высокопоставленному сотруднику НКВД, Павлу Судоплатову.

Женой Райхмана через несколько лет станет звезда балета Большого театра Ольга Лепешинская.

Жена Судоплатова работает в секретно-политическом отделе НКВД, который занимается вопросами идеологии и культуры и курирует Большой и Мариинский театры. Судоплатов со слов жены и Райхмана указывает: "В оперативных донесениях осведомителей НКВД из Мариинского театра подчеркиваются особые отношения Кирова с Мильдой Драуле". Другими словами, балетная труппа Мариинки проявляет признаки ревности к Мильде Драуле. Ленинградский балет начала 30-х — это мир хорошо и очень близко

знакомый с Кировым. Киров активно ценил красоту женской части труппы. Когда после убийства Кирова Ленинградский театр оперы и балета Сталин назовет Кировским, он будет дважды прав. И политически и по существу.

Летом 1933 года Мильду Драуле неожиданно убирают из обкома и переводят в Управление уполномоченного наркомата тяжелой промышленности с повышением оклада. Наркомат тяжелой промышленности возглавляет Серго Орджоникидзе. Ленинградское управление в его ведении. Орджоникидзе — ближайший друг Кирова.

Николаев не мог не быть в курсе слухов о своей жене и Кирове. После убийства Кирова даже академик Павлов, наслушавшись разговоров своих ассистентов и домработницы, однозначно прокомментировал происшедшее: "Ревность".

Но одной ревностью все не ограничивается. Леонид Николаев — узкоплечий, с искривленными ногами, непомерно длинными руками, от рождения страдавший рахитом, не ходивший до 11 лет, этот замкнутый, нервный человек необыкновенно самолюбив и честолюбив. Он ревнует жену и при этом хочет войти в историю. Опыт отечественной революционной борьбы подсказывает ему, что лучший способ войти и закрепиться в истории — это террор. В своем дневнике Николаев пишет: "Совершив террористический акт, я войду в историю, мне будут ставить памятники, мое имя встанет в один ряд с Желябовым".

Андрей Желябов — организатор убийства императора Александра II, отменившего в России крепостное право.

Николаев в определенном смысле старомоден. Он мечтает об индивидуальном терроре, в то время как уже 17 лет в моде террор государственный. С одним из столпов государственного террора, с Лаврентием Берией, Киров работал рука об руку еще в 1921 году. Сталин в то время даже не слышал о Берии.

Киров в 1921-м — 1-й секретарь ЦК компартии Азербайджана. Берия при Кирове зампред азербайджанской ЧК. На самом деле их пути пересеклись раньше. Киров в мае 1920 года назначен полпредом РСФСР в меньшевистской, еще не советской Грузии. Берия в этот момент сидит в кутаисской тюрьме. Именно Киров направляет министру иностранных дел Грузии ноту за № 327, в которой требует освобождения Берии и высылки его за пределы Грузии. Именно после

этого освобождения Лаврентий Берия и попадает в Азербайджан, где и становится ответственным секретарем ЦК по экспроприации буржуазии. Это первая чекистская должность Берии. В определенном смысле Киров его крестный отец на этом поприще. В 1935 году, будучи уже первым лицом в Закавказье, Берия курирует издание сборника под названием "Сергей Миронович Киров в борьбе за нефть".

Леонид Николаев

Надо сказать, в начале своей партийной карьеры Киров одевался иначе, чем в ленинградский период. В 1919-м, в разгар Гражданской войны, в Астрахани Киров не носит военной формы, чем всех удивляет. Он в костюме и галстуке. Перед дипломатической командировкой в Тбилиси Киров тщательнейшим образом одевается в Москве. Его обшивают по последней моде лучшие московские портные. Синий костюм, макинтош, мягкая шляпа, замшевые перчатки.

Если бы осуществилась самая дерзкая советская оппозиционная идея и Сталина неведомым образом поменяли на Кирова, культ вождя все равно неизбежно бы сложился. Культ — всегда в большей степени характеристика страны, а не лидера. Но культ Кирова по своим внешним проявлениям отличался бы от того, что было сотворено в отношении Сталина. Культ Кирова скорее напоминал бы встречу оперного тенора с экзальтированными поклонницами у служебного подъезда после премьерного спектакля. Женщины переходят на визг, он улыбается фирменной кировской улыбкой. Но, в отличие от оперного певца, он не бережет голос. Он говорит без усталости. Киров неутомимый публичный говорильщик.

С. М. Киров. 20-е годы

К театральному подъезду, к сцене Кирова тянуло с юности. С 1909-го до октября 1917-го он работает во Владикавказе в газете "Терек". Статьи подписывает псевдонимом Сергей Миронов. В числе прочего ведет колонку театрального критика. Как репортер имеет постоянное кресло во втором ряду партера. Приводим фрагмент из рецензии Кирова на спектакль "Анна Каренина" в городском театре Владикавказа: "В высшей степени драматический момент, когда Анна открывает своему мужу, что она беременна. Здесь не нужно слов, тут говорить нечего. Надо суметь передать свои переживания фигурой".

В плане экономической политики в случае прихода Кирова к власти принципиальных изменений не было бы. Теоретиком Киров не был. Сохранение прежней линии в экономике по-прежнему требовало бы огромных даровых трудовых ресурсов. То есть аресты продолжались бы. В хозяйстве Кирова — Хибиногорский комбинат, Волховский алюминиевый комбинат, строительство электростанции на Свири, торфоразработки в Ленинградской области. Основной вид рабочей силы на всех объектах — раскулаченные крестьяне и заключенные. Кирова это устраивает. У него на них чисто практический взгляд.

Киров дважды посетил строительство Беломорско-Балтийского канала. Первый раз сам в июне 1932 года, второй раз вместе со Сталиным, Ворошиловым и Ягодой.

В докладе на XVII съезде ВКП(б) Киров скажет о строительстве канала, поглотившем более ста тысяч человеческих жизней: "Надо

отдать справедливость нашим чекистам, которые руководили этим делом. Которые буквально чудеса сделали".

"Мы строим коммунизм и будем его строить до конца, несмотря ни на какие затруднения и жертвы. Любой ценой, любыми средствами будем идти к намеченной нами цели кратчайшим путем", — скажет начальник Управления НКВД по Ленинградской области Филипп Медведь, ближайший помощник и соратник Кирова.

С. М. Киров, репортер владикавказской газеты "Терек"

Идея замены Сталина на Кирова, действительно блуждавшая в начале 1930-х, связана как раз с тем, что Киров ни в коем случае не состоял в оппозиции Сталину. В обстановке, которая сложилась в стране в начале 30-х, Сталина в результате переворота мог заменить только верный сталинец. Именно таким был Киров. Киров активно и правомерно способствовал созданию культа Сталина. Он постоянно ссылается на Сталина в своих многочисленных выступлениях. Он произносит: "Трудно представить себе фигуру гиганта, каким является Сталин". В подобных высказываниях Киров не оригинален. Но сама идея культа для него органична. Кирову — человеку и политику — Сталин симпатичен. Когда Киров приезжает в Москву, старой дружбе с Орджоникидзе он предпочитает ночевки в квартире Сталина. Он спит на сталинской кровати. Сталин уступает ему свою кровать. При Кирове по сталинскому указанию распроданы шедевры Эрмитажа и уничтожена половина церквей города. В последние годы Киров иногда переходит на прямое подражание сталинскому стилю.

Он перестает курить папиросы. Меняет их на трубку. Хотя публично этого не демонстрирует.

Именно близость Сталина и Кирова порождает идею о том, что в случае переворота фигура Кирова может быть принята партийной верхушкой и населением. О событиях 1933 года рассказал своему сыну писатель и драматург Всеволод Иванов, человек, близкий к Горькому. Картина событий, а точнее, версия событий выглядит следующим образом. Одним из активных сторонников выдвижения Кирова на главную роль в стране является Горький. Главный мотив: при всей его любви к Сталину Киров лично значительно более терпим и уравновешен, чем Сталин. Горький полагает, что Киров не склонен к политической истерии. Сам Горький находится под постоянным контролем ОГПУ. Всякое действие и слово Горького за спиной зампреда ОГПУ Ягоды невозможно. Но горьковская затея без участия Ягоды вообще не имеет смысла. Горький в личных дружеских отношениях с Ягодой. В этой ситуации трудно сказать, кто вообще из них двоих — Ягода или Горький — был инициатором идеи смещения Сталина и замены его на Кирова. Очевидно одно: вся охрана Сталина — в подчинении Ягоды. Ягода может осуществить любую акцию в отношении первого лица. ОГПУ при Ягоде в начале 30-х — мощнейшая как никогда, мало зависящая от партийного руководства организация. Она обеспечена собственными войсками, армией штатных и внештатных осведомителей. Кроме того, именно ОГПУ при Ягоде курирует экономику страны, построенную на лагерной системе. У Ягоды, как мало у кого другого, прямая заинтересованность в сохранении своих позиций. При Сталине эти позиции под постоянной угрозой. Горький — инженер человеческих душ и знает сталинскую подозрительность. Он в состоянии просчитать ближайшее политическое будущее и втолковать Ягоде, что его ждет.

А. М. Горький с сыном Максимом

По одной из версий сын Горького Максим в апреле 1934-го направлен с определенной миссией в Ленинград к Кирову. Миссия осталась невыполненной, разговор с Кировым не состоялся. Сын Горького был срочно отозван в Москву. Он погибнет через две недели после поездки в Ленинград. А Ягода через два месяца после смерти Горького получит пост главы НКВД. Киров и Сталин останутся каждый на своем посту. В 1937-м Ягода будет арестован. В 1937-м арестованного Ягоду прокурор СССР Вышинский будет допрашивать о его замысле о "смене советского руководства". Горький к этому моменту уже год как будет лежать в могиле.

1 декабря 1934 года Николаев не ожидал увидеть Кирова в Смольном. Киров и не должен был быть в Смольном. Он заезжает туда неожиданно по дороге на заседание партактива в Таврическом дворце. В начале пятого Николаев второй раз в тот день приходит в Смольный. Пригласительный билет на заседание партактива он так и не раздобыл. На третьем этаже он заходит в уборную. Когда он выходит из нее, то видит, что прямо на него по коридору идет Киров. Вот в этот момент Николаева и видит курьер Федорова, которая идет по коридору впереди Кирова. Сопровождавший Кирова охранник, или опер-комиссар, Борисов, как всегда, нетороплив и отстал. Николаев останавливается у стены, отворачивается, пропускает Кирова. Киров поворачивает в маленький коридор к своему кабинету. Николаев уже быстро делает несколько шагов, на бегу достает револьвер и делает один выстрел в затылок. Киров падает лицом вниз.

Николаев взводит курок и намеревается выстрелить в себя. В конце коридора стоит на стремянке электромонтер Смольного Платоч. При звуке выстрела Платоч оборачивается и бросает в Николаева молоток, удар которого приходится по голове. Именно по этой причине Николаев не убивает себя. Выстрел произведен, но пуля попадает в стену. Николаев падает в полуметре от убитого им Кирова.

В Москву Сталину о происшедшем сообщает начальник ленинградского НКВД Филипп Медведь. Он произносит в телефонную трубку: "Сегодня в Смольном убит товарищ Сергей". "Шляпы!" — в ответ говорит Сталин. Он произносит это в присутствии Молотова,

Кагановича, Ворошилова и Жданова. После звонка из Смольного Сталин вызывает Ягоду. Потом появляются Орджоникидзе, Микоян, Калинин, Андреев, Енукидзе. Потом все уходят. Остается Ягода.

В Ленинград Сталин прибывает 2-го утром. Сначала в больницу имени Свердлова, где находится тело Кирова, потом — к вдове, потом — в Смольный.

Очевидец вспоминает: "Вижу, идет группа лиц. Смотрю, в середине — Сталин. Впереди Сталина — Генрих Ягода с поднятым в руке наганом. Он командует: "Всем лицом к стенке! Руки по швам!"

2 декабря в Смольном Сталин сам допрашивает Николаева. Записи допроса не ведутся. Рапорт сотрудника НКВД Кацафы, охранявшего Николаева в камере, передает слова Николаева после допроса: "Сталин обещает мне жизнь, если я выдам соучастников. Нет у меня соучастников".

Там же, в Смольном, Сталин допрашивает осведомительницу НКВД Марию Волкову. Волкова в 1934 году предоставляла разнообразную информацию о готовящихся покушениях на Кирова. Волкова съездила в дом отдыха НКВД, где обнаружила заговор сотрудников НКВД в целях убийства Кирова. Вслед за этим она сообщает, что в Ленинграде действует контрреволюционная организация "Зеленая лампа" в количестве 700 человек. Доносы Волковой проверяются. Результаты проверок обсуждаются на совещаниях у главы ленинградского НКВД Медведя. Тогда же, на совещании, начальнику санчасти НКВД рекомендовано показать Волкову психиатру. После обследования Волкова отправлена в знаменитую психиатрическую Обуховскую больницу. В эту самую больницу в финале пушкинской "Пиковой дамы" попадет Германн. Там он твердит: "Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!" Именно оттуда Волкову доставили в Смольный к Сталину. Вот как в конце 30-х о встрече со Сталиным она рассказывала своим дочерям. Она со Сталиным едет в машине, город в траурных флагах, и она узнает, что убит Киров. Она плачет, а Сталин успокаивает ее, протягивает ей свой платок, и она утирает слезы.

Волкова до самой смерти в середине 70-х будет оставаться на службе в органах и на психиатрическом учете. Вполне вероятно, что именно после разговора с душевнобольной Волковой у Сталина

появилась мысль придать убийству Кирова характер коллективного политического заговора.

Жену Николаева Мильду Драуле допросили в первую очередь. Через 15 минут после убийства Кирова. Она была в Смольном.

По некоторым предположениям, именно на встречу с ней Киров и заехал в Смольный. Работник НКВД Попов, который допрашивал жену Николаева, вспоминает слова Мильды Драуле: "Мне тут говорят о ревности, что вы, кому это могло прийти в голову".

На самом деле это последние слова, имеющие отношение к реальной жизни Кирова, а также к его смерти. На самом деле смерть Кирова, убитого наповал на почве ревности, — это "прекрасная смерть". В 1937-м его смерть могла бы быть иной. Близость к Сталину, любовь к Сталину ничего не гарантирует. К тому же за Кировым с XVII съезда партии был непростительный грешок. При голосовании кандидатур в члены ЦК Киров получил практически столько же голосов, что и Сталин.

Мильда Драуле

А если точнее, то против Кирова голосов меньше, чем против Сталина. Выстрел Николаева снял с повестки дня вопрос о дальнейшей судьбе Кирова. Выстрел Николаева сделал Кирова дважды мучеником. В сталинском официальной мифологии он — жертва заговора оппозиции. В послесталинской мифологии Киров — жертва, павшая от руки, наведенной Сталиным.

До 5 декабря Николаев утверждает, что "он единственный исполнитель акта над Кировым". Заместитель Ягоды Яков Агранов,

оставленный Сталиным в Ленинграде, передает Сталину материалы допросов Николаева от 4 декабря. Агранов пишет Сталину: "Николаев держится крайне упорно". Реплика Агранова отчетливо указывает на то, какая задача уже поставлена Сталиным перед отъездом из Ленинграда. Убийство Кирова — дело рук организации, а не одиночки. Политическая направленность организации пока не озвучена.

Вне зависимости от допросов Николаева в первые же дни в разных городах арестованы 103 человека, вернувшиеся в СССР из-за границы. Мотивы возвращения у них были прозаические — воссоединение с родными и близкими. Мотив ареста — участие в подготовке теракта против Кирова. Все 103 расстреляны.

5 декабря арестованы Котолынов и Шатский, чьи фамилии случайно упоминаются в конфискованном дневнике Николаева. 6 декабря Николаев после усиления психологического давления соглашается, что двое арестованных являются участниками теракта. Вслед за первыми двумя арестованы еще 11 человек. Четверо из них вообще Николаеву незнакомы. Николаев после попытки самоубийства дает показания о принадлежности всех арестованных к организации, которая в ходе следствия получает название "Ленинградский центр".

В 1937 году на пленуме ЦК ВКП(б) нарком внутренних дел Ежов делится воспоминаниями: "Как сейчас помню, вызвал товарищ Сталин меня и Косырева и говорит: "Ищите убийц среди зиновьевцев"". 14 декабря 1934 года в протоколах следствия впервые появляются фамилии Каменева и Зиновьева. 15 декабря на пленуме обкома ВКП(б) в Ленинграде Жданов с трибуны оповещает партактив, что руку Николаева направляли сторонники Зиновьева и Каменева.

16 декабря на закрытом заседании пленума обкома в Шахматном зале Смольного выступает Агранов: "Убийство организовано молодежной частью бывшей зиновьевской оппозиции".

18 декабря впервые "Ленинградская правда" называет Зиновьева и Каменева "фашистским отребьем".

Леонид Николаев и 13 арестованных по сфабрикованному обвинению расстреляны 29 декабря. К этому времени советская юриспруденция уже обеспечена руководством о судопроизводстве по делам террористов и контрреволюционеров: "Следствие заканчивать в десятидневный срок. Дело слушать без участия сторон. Подачи

ходатайств о помиловании не допускать. Приговор к высшей мере приводить в исполнение по вынесении приговора".

На юридическое нововведение реагирует академик Иван Павлов: "Никакой защиты осужденных. Убийцу царя Александра II, освободившего крестьян и сделавшего немало хорошего, судили 50 лет на зад судом с защитой и кассацией".

Реакция академика Павлова — единичный случай. Страна после убийства Кирова встречает новый, 1935 год в состоянии массовой истерии. Тысячи и тысячи людей на митингах по всей стране с упоением скандируют: "смерть, расстрелять, выродки, ублюдки, стереть с лица земли". Это звучит повсеместно с первых дней следствия и в течение всего следствия. В этой обстановке нормально и естественно то, что прокурор СССР Вышинский привозит из Москвы готовый приговор. Текст приговора написан Сталиным.

В дни истерии, сопровождавшей следствие, академик Павлов направляет письмо в Совет народных комиссаров. Он пишет: "Те, кто превращен в забитых животных, едва ли смогут потом сделаться существами с чувством собственного человеческого достоинства".

В первые же дни после убийства Кирова в редакцию Госиздата в Ленинграде зашла писательница Раиса Васильева. Она громко сказала: "Теперь мы все погибли". Ей никто не возразил. Действительно, 28 февраля 1935 года начинается зачистка Ленинграда. Ввиду того, что план по аресту сторонников зиновьевской оппозиции провален — в городе арестовано всего 983 человека, — обком и ленинградский НКВД принимают решение о высылке "бывших". Операция завершена за месяц. Из спецсообщения УНКВД по Ленинграду на имя наркома внутренних дел Ягоды: "Совершенно секретно. За 28 дней операции изъято "бывших людей" из города Ленинграда и осуждено Особым совещанием НКВД 11 тысяч 702 человека".

Дворян из их числа 1434 человека. Все остальные — люди разных сословий и рода занятий. Изымаются из города вместе с семьями. Дмитрий Сергеевич Лихачев в 1935-м работает корректором в издательстве Академии наук. В коридоре мимо него пробегает молодая особа, завкадрами. На ходу она кричит Лихачеву: "Я составляю список дворян. Я вас записала". Лихачев, недавно вернувшийся из лагеря, мгновенно понимает, что его ждет. Он хватается завкадрами за рукав и

начинает объяснять ей: "Мой отец имел личное дворянство, оно не передается по наследству". "Подумаешь, — говорит завкадрами, — буду я из-за такой мелочи перепечатывать список". Лихачев сам заплатил машинистке за перепечатку.

В начале 1935-го — толпы людей каждый день возле так называемого Большого дома на Литейном. "Большой дом" — это бытовое название здания ленинградского НКВД. Построено ударными темпами при Кирове к 15-й годовщине Октября. Все улицы, прилегающие к Большому дому, заполнены людьми с вещами. Это те, кого выгоняют из родного города. Старая женщина в толпе говорит: "Ну, пусть мы. Но за что же наших детей и внуков. Что же, это месть до десятого колена?"

Обычный разговор в городе в это время: "Пусть выселяют. Может, рабочим скорее квартиры дадут". Освободившиеся квартиры на самом деле получают другие. После высылки членов зиновьевской оппозиции освободилось 450 комнат и квартир. После высылки "бывших" город получает 9950 комнат и квартир. В них въедут партактив, сотрудники НКВД и военные, прибывающие для укрепления ситуации в городе.

Кроме того, в марте производится высылка финнов-ингерманландцев. Высылаются те, кто проживает в 22-километровой приграничной зоне с Финляндией. Их отправляют в Таджикистан. В Ленинградской области ликвидируется существовавший до 1935 года финский национальный район. Его ликвидируют в течение суток. Разорено около ста деревень, выслано 22 тысячи человек.

Мы знаем о размахе сталинских антикрестьянских репрессий в 1929–1931 годах, мы знаем о безжалостной политике в отношении голодающих в 1931–1933 годах. Известно, какой мощной волной террор накроет страну в 1937-м. В этом контексте, который определяется количеством пролитой крови, реакция Сталина на убийство Кирова выглядит крайне умеренной, подозрительно мягкой.

Убийство Кирова взорвало сталинскую уверенность в прочности собственной власти, в собственной безопасности. Он потерял чувство опоры. НКВД бесполезен, а точнее, опасен в существующем виде. Убили именно Кирова. Киров не ленинский человек, он его, Сталина, человек. И частушка появилась в, казалось бы, уже добитой деревне: "Самолет летит, / Под ним проталина, / Убили Кирова, / Убьют и Сталина".

И. В. Сталин у гроба Кирова

Сталинское потрясение настолько сильно, что его последствия, по всем законам медицины, дадут о себе знать не сразу. Пауза продлится два года. 1935-й — первый год этой паузы. На Западе его даже называли розовым. В смысле, не красным. В смысле, меньше крови. А иногда, второпях, поговаривали о новом НЭПе.

В 1935-м Сталин неожиданно начинает заигрывать с крестьянством. Амнистия для колхозников и председателей колхозов, осужденных за экономические преступления. В том числе и осужденных по "закону о трех колосках". Детям раскулаченных дано формальное право на высшее образование. Сталин лично на II съезде колхозников-ударников предлагает давать отпуск по беременности и родам женщинам-колхозницам. Сталин лично предлагает расширить приусадебные участки колхозников.

1935-й — год стахановского движения. Оно получает название в честь донбасского шахтера Алексея Стаханова, давшего рекорд добычи угля в ночь с 30 на 31 августа. Стахановское движение пропагандируется и распространяется повсеместно. Съезды стахановцев проводят в Москве. Именно на этих мероприятиях Сталин появляется в новом образе. Он добродушен, он держится по-отечески, никакой замкнутости, он улыбается. Он в гуще народа. Именно в 1935-м на публичных, непартийных мероприятиях Сталин предстает в облике отца народа.

Победителей стахановского движения премируют. Им дают деньги, швейные машинки, иногда даже настоящие машины, мебель,

патефоны. В 1935-м, в отличие от предыдущих лет, материальными приобретениями можно и нужно гордиться. Это новая установка.

В 1935-м отменяют карточки на хлеб. На самом деле это эффективное действие государства вовсе не вызвано ростом производства. Напротив, государство не в состоянии выполнять своих обязательств и отказывается их выполнять. Карточная система к этому моменту уже загнала советскую экономику в тупик. Торговля как механизм в СССР отсутствует. Деньги через торговлю в бюджет не возвращаются. Дефицит бюджета означает отсутствие капиталовложений в промышленность, невыплату зарплат. Государство живет на денежной эмиссии. Сталин вспоминает об экономических стимулах к труду. Сталин говорит: "Надо вернуть моду на деньги".

В газетах появляется термин "свободная торговля". Речь вовсе не идет о рыночной экономике. Но производит головокружительное впечатление на население, давно живущее по карточкам. Открывшиеся коммерческие магазины дороги, но их витрины вселяют надежду.

А на улицах уже начинают повсеместно продавать мороженое. Люди без карточек могут купить неожиданно появившиеся сосиски. Товарный дефицит сохраняется. Но женщины переодеваются в крепдешиновые платья и шелковые кофточки. Мужской костюм вытесняет "сталинку". Члены Политбюро на параде физкультурников в 1935 году в легких белых пиджаках. В Мосторге — вечерние платья и смокинги.

Дама-член партии, приглашенная на прием в Кремль по поводу 8 Марта, вспоминает: "В последний момент нам дали инструкцию, чтобы все наши деятельницы выглядели женщинами. Наши активистки носились по Москве как угорелые, приводили себя в предписанный Сталиным вид". В довершение всего в канун приближающегося 1936 года разрешают елку, запрещенную в 1928 году как религиозный пережиток.

В городах моментально открываются елочные базары.

Все перечисленное распространяется, естественно, в основном на Москву и Ленинград. Доступ к коммерческим товарам имеет номенклатура и приближенная к власти интеллигенция. В Москве отоваривается верхушка стахановского движения. Тем не менее поскольку с отмены НЭПа, то есть с конца 20-х годов, в магазинах

вообще ничего не продавалось, просто не было магазинной торговли, было только прямое распределение товаров из расчета минимальных потребностей, то 1935 год по внешним проявлениям выгодно отличался от предыдущих, и это производит обманчивое психологическое впечатление перелома к лучшему. Это ложное впечатление срабатывает на стабилизацию сталинского режима и, главное, сталинского самоощущения.

17 ноября 1935 года на закрытии всесоюзного совещания стахановцев Сталин говорит: "Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей".

А 1 декабря, ровно через год после убийства Кирова, Сталин произносит другие знаменитые слова: "Сын за отца не отвечает". В 1935-м никто не знает, что через два года детей будут отбирать у родителей при аресте. Их будут отправлять в детприемники, где их лишат даже родительской фамилии. Жизнь этих детей станет платой за сталинский страх, пережитый после убийства Кирова.

8 декабря 1934 года, через день после похорон Кирова, девочка Надя Артюхина написала письмо секретарю ЦИК Авелю Енукидзе: "Здравствуй, родной товарищ Енукидзе! Твою речь на траурном митинге я слышала по радио, и она мне очень понравилась. Когда я услышала, что товарищ Сталин целовал Кирова, то мне стало его очень жалко и хотелось плакать, но я не заплакала, потому что плакать нельзя. Я обязательно научусь стрелять в буржуев. Милый Апель Софроныч, я хочу, чтобы ты жил долго-долго, до мировой революции". Судьба девочки Нади Артюхиной нам неизвестна. Апель Енукидзе расстрелян в 1937-м.

1936 год

Андрей Вышинский

27 января 1936 года на имя Сталина, Молотова и Ягоды поступает телеграмма от юношей и девушек, высланных из Ленинграда после убийства Кирова. Причина высылки — социальная неблагонадежность их родителей. Под социальной неблагонадежностью подразумевается непролетарское происхождение. В телеграмме молодые люди просят Сталина "снять с них незаслуженное наказание", так как "они рождены в революции, возвращены Советской властью и хотят влиться в ряды советской молодежи". Полтора месяца назад, 1 декабря 1935 года, Сталин произнес: "Сын за отца не отвечает". Телеграмма отправлена именно после этого сталинского высказывания.

Насколько самостоятельно писалась эта телеграмма — сказать трудно. Известна реакция на нее. Непосредственно на телеграмме председатель Совнаркома Молотов пишет резолюцию: "Товарищу Вышинскому. Прошу Вас от себя и товарища Сталина внимательно и быстро разобраться в этом деле. Надо дать ответ и, видимо, пойти им навстречу". Вышинский выполняет указание. В кратчайший срок рассмотрены шесть тысяч дел. В отношении 1802 человек высылка отменена.

Немного раньше, в декабре 1935-го, Вышинский обращается в ЦК ВКП(б) с предложением о пересмотре приговоров, вынесенных по так называемому "закону о трех колосках". Закон был принят в разгар голода. Большинство осужденных — крестьяне, уносившие с поля картофелины для спасения своих детей. Тысячи людей, начиная с января 1936-го, неожиданно получают свободу.

Еще до истории с крестьянами Сталин и Молотов составляют секретную инструкцию для партийных и советских работников. Смысл инструкции: методы произвола и принуждения в деревне изжили свою целесообразность. Эти слова не содержат сожаления о содеянном в деревне. Эта секретная инструкция отражает сталинское настроение после раскулачивания и голода 1931–1933 годов. Второй раз раскулачить нельзя, последствия раскулачивания для страны чудовищны.

В 1935-м карточки отменяют, потому что распределительная система разваливает экономику. Но в 1936-м карточки введут снова. Товарный дефицит катастрофический. Плюс к этому НКВД при Ягоде вырос во всесильную и мало контролируемую самим Сталиным организацию. ЧК, созданная Лениным и холмая все годы после него, готова сожрать Сталина. Восторг населения по отношению к Сталину роли не играет. ЧК-ОГПУ-НКВД давно и реально контролирует страну. Сталин сам этого хотел, но теперь это стало реальной угрозой для него самого.

В этих обстоятельствах Сталин делает нестандартный ход. Он извлекает из дореволюционного бытия тезис о верховенстве закона. Население должно усвоить: страна выходит на новый этап, страна вступает в период стабильности и может позволить себе такую роскошь, как закон.

Член Политбюро Каганович говорит: "Пролетарская диктатура настолько выросла, что мы можем уже сейчас карать классовых врагов через суд, не пренебрегая к внесудебным карам, как это было до сих пор". Сказанное Кагановичем означает, что реально расширяется сфера применения уголовного права. Отныне оно используется против политических противников режима. Их дела пойдут через суды. Теперь на время суд станет ключевым звеном государственной карательной системы и будет придавать ей видимость законности. Для работы в этой сфере у Сталина есть человек и юрист, способный на все. Этот человек — Вышинский.

17 мая 1936 года в Верховном суде РСФСР начинается рассмотрение дела бывшего начальника зимовки на острове Врангеля Семенчука и каюра Старцева. Семенчук и Старцев обвиняются в убийстве доктора Вульфсона. Обстоятельства дела достаточно экзотичны.

А. Я. Вышинский

В Арктике, на острове Врангеля, уходят в ночь две собачьи упряжки. Первой управляет достаточно опытный погонщик Старцев, на другой упряжке впервые в жизни в путь отправляется бывший доктор завода "Манометр" Вульфсон, ныне лечащий эскимосов. Упряжки выезжают с мыса Роджерс и направляются в бухту Предательскую. Через два дня Старцев возвращается обратно и говорит начальнику зимовки Семенчуку, что по пути он потерял доктора. Зимовщики вместе с охотниками едут на розыски. Находят нарты доктора, а в двух километрах от них обнаруживают его труп. Лицо доктора обезображено, шарф в крови, нос приплюснут, носовой хрящ оторван, на руках кольцевые ссадины.

Начальник зимовки Семенчук выслушивает Старцева и на основании его показаний составляет заключение: доктор заблудился, потерял нарты и замерз, потому что был пьян.

Жена погибшего Вульфсона доктор Фельдман, бывшая с ним на зимовке, требует независимого расследования лицами из Москвы. Семенчук начинает ее преследовать, не отправляет ее телеграммы в Москву, морит голодом, требует ее выселения за пределы зимовки.

В апреле прибывает комиссия из Москвы, производит эксгумацию трупа Вульфсона и квалифицированно доказывает, что доктор Вульфсон был убит. Кроме того, выясняется, что Семенчук развалил зимовку, жестоко обращался с местным населением, пренебрегал его интересами и спровоцировал голод.

Эти события, развернувшиеся под покровом полярной ночи на важнейшем форпосте советской Арктики, несомненно, могли привлечь внимание публики. Но широкая советская общественность вряд ли

узнала бы о мерзавце Семенчуке, терроризировавшем безответное местное население и подбившем на убийство своего холуя Старцева, если бы не одно обстоятельство.

Государственное обвинение по этому делу в Верховном суде РСФСР пришел поддерживать прокурор СССР Андрей Януариевич Вышинский. Обличительное выступление Вышинского на этом процессе занимает 60 печатных страниц в сборнике его речей издания 1938 года. Речь по поводу убийства в Арктике длиннее, чем речи на последующих политических процессах. Речь Вышинского придает делу неожиданный масштаб. Сам Вышинский предстает перед широкой публикой в роли торжествующего правосудия. Он — завистник обычного маленького человека, даже если этот человек гибнет в буквальном смысле на краю земли. Процесс идет по всем цивилизованным правилам. Защита представлена отличными адвокатами Коммодовым и Казначеевым. Защита, как и положено, спорит с обвинением. Подсудимые свою вину не признают. Вышинский не стремится придать делу политический характер. Речь о другом — о нравственном падении человека, который представляет советскую власть. О том, что его подчиненные либо содействуют ему в издевательствах над нищим местным населением, либо безмолвствуют.

Картина преступления, которая вырисовывается из речи Вышинского, понятна всем и каждому. Но Вышинский этим не ограничивается. Он извлекает на свет правосудия еще одно обстоятельство. Он говорит, что преступление имеет выраженный антисемитский оттенок. Он воспроизводит сделанное и сказанное Семенчуком в адрес доктора Фельдман, жены убитого Вульфсона. Вышинский ставит в один ряд понятия "разложившийся человек" и "антисемит". Если к этому добавить всего лишь единичное упоминание "гениального учителя и вождя народов СССР товарища Сталина" и не обратить внимания на тезис "большевик — лучший друг эскимоса", Вышинский предстает практически цивилизованным юристом, к тому же блестящим. Газеты фиксируют этот образ и доносят его до каждого.

Выступление А. Вышинского

Процесс Семенчука-Старцева — исключительно успешная в чистом виде пиаровская кампания Андрея Вышинского. В качестве главного политтехнолога — лично Сталин.

Дело об убийстве на острове Врангеля раскручивает образ Вышинского, законника и гуманиста, до последней точки. После этой точки начинается Большой террор. А вернее, увертюра к Большому террору: Сталин начинает убивать себе подобных — крупных партийных функционеров.

19 августа 1936 года прокурор СССР Вышинский занимает свое место в Октябрьском зале Дома Союзов. Идет большой процесс по делу о троцкистско-зиновьевском центре. Главные обвиняемые — Зиновьев и Каменев.

На самом деле в Доме Союзов Вышинский не первый раз. Впервые это было в 1928-м. Начинаясь первый политический процесс, который получит название "Шахтинское дело". Обвиняются инженеры, которые создали "вредительскую организацию", чтобы бороться с существующей властью путем уничтожения шахт Донбасса. Основная проблема в ходе подготовки полностью сфальсифицированного процесса заключалась тогда не в фигуре государственного обвинителя. Им был абсолютно надежный Николай Крыленко, прокурор РСФСР.

Проблема была в главном судье. Процесс решили сделать открытым. Ожидаются иностранные наблюдатели и журналисты. Новые судьи-выдвиженцы без образования для такой публики не подходят. Судьи старой закалки могут сорвать акцию просто в силу обычной профессиональной честности. Нужна фигура, совмещающая

внешнюю респектабельность, живость ума, способность воздействия как на подсудимых, так и на публику. И ко всему прочему, это должен быть человек во всех смыслах надежный. Вот тогда Сталин впервые извлекает и использует Вышинского для своих нужд. Он ректор Московского государственного университета. Сталина не смущает, что формально он не судья и потому не может оказаться во главе Верховного суда.

Под Вышинского создается внесудебный орган — Специальное судебное присутствие. Процесс под председательством Вышинского показателен. Во-первых, подсудимые по сфабрикованному делу признают свою вину — и это главное доказательство их вины. Во-вторых, гособвинитель Крыленко пролетарски агрессивен и практически груб. Вышинский вежлив, логичен, изыскан, от него пахнет дорогим одеколоном. И при этом он требует "расстрела". По итогам процесса Вышинский выпускает книгу, в которой формулирует важнейший тезис: "Советский суд должен исходить и всегда исходит исключительно из соображений государственной и хозяйственной целесообразности".

Место закона в этой конструкции не предусмотрено. Это естественно, потому что государственная и хозяйственная целесообразность зависит от соображений первого лица. Эти соображения часто меняются. Закон не в состоянии поспеть за ними. В 1937 году Вышинский напишет: "Надо помнить указание товарища Сталина, что бывают такие периоды, такие моменты в жизни общества, и в жизни нашей в частности, когда законы надо отложить в сторону".

Одним из адвокатов на Шахтинском процессе в 1928 году был Павел Малянтович. Павел Николаевич Малянтович — один из выдающихся адвокатов дореволюционной России. Он защищал Льва Троцкого, сормовских рабочих и Петра Заломова, прототипа Петра Власова в горьковской "Матери", харьковских и полтавских крестьян, восставших моряков с крейсеров "Азов" и "Очаков". Выиграл дело о 100 тысячах, завещанных Саввой Морозовым большевикам. Более того, Малянтович лично получил всю сумму по доверенности и передал из рук в руки Красину.

Летом 1915 года в Москве происходит знакомство Малянтовича и Вышинского. Вышинскому в это время 32 года. Он безработный. В Москву приехал из Баку. Баку — вторая родина Вышинского. Родился он в Одах". В Баку с 10 лет. Там заканчивает гимназию. В университет поступает в Киеве. Настолько активно включается в борьбу против отдачи студентов в солдаты, что исключен из университета. Возвращается в Баку. Вступает в меньшевистское крыло РСДРП. В 1905-м создает боевую дружину. Он открытый противник страшной резни армянского населения, учиненной бакинской полицией. Вышинский уже известен как крайне темпераментный оратор. Он арестован. Год проводит в тюрьме. Потом возвращается в Киев и к 30 годам заканчивает университет. Женат, у него дочь. Он опять в Баку, где дает частные уроки литературы, географии и латыни. Его приглашают на работу в частную гимназию. Но он на самом деле юрист. Его тянет в профессию. Вот он и уезжает в Москву, где знакомится с Малянтовичем, который берет его к себе в адвокатскую контору.

До Вышинского помощником у Малянтовича был Керенский. Они с Вышинским не пересеклись по чистой случайности. Когда Керенский возглавит Временное правительство, он предложит Малянтовичу пост министра юстиции и генерал-прокурора.

Павел Николаевич Малянтович на этом посту вплоть до Октябрьского переворота.

Вышинский — председатель первого участка управы Якиманского района города Москвы. 20 октября 1917 года Вышинский получает распоряжение: "Постановлением Петроградской следственной власти Ульянова-Ленина Владимира Ильича надлежит арестовать.

Поручаю вам распорядиться о немедленном исполнении этого постановления в случае появления названного лица в пределах вверенного вам округа. Министр юстиции П. Н. Малянтович".

Вышинский отнесся к распоряжению со свойственной ему исполнительностью. Он дал письменное указание по своему округу за своей подписью. Афиши с ленинским портретом были расклеены на стенах домов.

Малянтович, по некоторой информации, лично сообщил Ленину о возможном аресте. После Октябрьского переворота Малянтович

получит мандат, гарантирующий ему неприкосновенность. Что касается Вышинского, то он оказался с такой черной меткой, которая в советской стране была практически несовместима с жизнью.

Малянтовича в 1937-м объявят руководителем заговора в московской адвокатуре. Он будет писать из Бутырки Вышинскому, и жена Малянтовича, ослепшая и прикованная к постели, будет писать Вышинскому. В 1937 году на письма Малянтовичей Вышинский распорядился не реагировать. В 1940 году Малянтовича расстреляли. Вместе с ним погибли два его сына, брат и семья брата.

Кстати говоря, именно на Шахтинском процессе 1928 года началось ожесточенное соперничество Вышинского с Николаем Крыленко, в то время прокурором РСФСР, а впоследствии наркомом юстиции. Оно продолжалось несколько лет и завершилось победой Вышинского.

Нарком юстиции Крыленко обладал огромным опытом использования судебных работников в различных политических кампаниях. Он неоднократно с гордостью высказывается о вкладе юридических работников в борьбу с крестьянством. Он представитель того, что называется пролетарским правосудием. Этот вид правосудия адресуется конкретным социальным группам или ряду лиц, которые рассматриваются как враждебные: сначала дворяне, офицеры, потом специалисты, потом крестьяне. Именно эту систему адресных репрессий позаимствует у советской власти нацистская Германия. У нацистов просто свои объекты — евреи и коммунисты, которые будут подвергнуты системному уничтожению. Крыленко отлично вписывается в сталинскую систему правосудия, он ее классический персонаж, и тем не менее проигрывает Вышинскому. В 1938-м он расстрелян.

Вышинский не обладал опытом и революционным прошлым Крыленко. Он взял другим. Формой. Упаковкой. Он упаковщик-виртуоз. Он то, что нужно для западных наблюдателей. Он теоретик, оратор, ректор МГУ, выходец из интеллигентной семьи. Он способен создать новый экспортный облик Советского Союза, уважающего права граждан, Советского Союза — демократического государства.

В 1934-м СССР вступил в Лигу Наций, довоенный прототип ООН. Это обязывает соблюдать внешние приличия во внутренней политике. В 1936-м Сталин даже близок к тому, чтобы разрешить выдвижение

нескольких кандидатур на одно депутатское место на выборах в Верховный Совет. В феврале 1937-го на пленуме ЦК с докладом выступит Жданов. Он скажет: "Выборы в Верховный Совет будут не только всеобщими, равными и прямыми, независимо от социального происхождения и прошлой деятельности. Теперь за каждое место на выборах будут бороться несколько кандидатов и не будет списков, заранее подготовленных парторганизациями. Коммунисты должны научиться соревноваться с беспартийными кандидатами. И должны быть готовы к тому, что кто-то провалится на выборах". Эта невероятная по тем временам идея проживет до лета 1937 года. Сталин отбросит ее 2 июля 1937-го. В этот день он подпишет решение Политбюро за № П-51/94. Это официальный документ о начале массового террора. Он ставит крест на всех играх в закон. Решение Политбюро разлетается по стране в виде телеграмм за подписью Сталина. Сталинская ненависть вновь в первую очередь адресуется крестьянам: "ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившиеся из ссылки кулаков с тем, чтобы они были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки". Количество подлежащих расстрелу приказано предоставить в пятидневный срок.

Именно это оголтелое сталинское решение ляжет в основу секретного приказа Ежова за № 00447 от 30 июля 1937 года под названием "Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов". Сталинская телеграмма и приказ № 00447 открывают эпоху тотальной резни по всей стране.

Прокурора СССР Вышинского не интересуют причины изменений сталинского настроения и нюансы политического курса. Он идет в фарватере.

Политические процессы 1936–1937 годов — это отложенные последствия сталинского шока после убийства Кирова. Элементарно осуществленное убийство второго по рейтингу популярности человека в СССР несомненно вызвало у Сталина мощнейший страх уже не за власть, а за собственную жизнь. Речь Вышинского в августе 1996-го на первом большом процессе по так называемому делу троцкистско-

зиновьевского террористического центра позволяет оценить состояние Сталина Вышинский обвиняет Зиновьева, Каменева и ряд лиц вместе с ними в организации и практически личном участии в убийстве Кирова. Вышинский произносит все необходимые слова об убитом Кирове; лучший из лучших людей советской земли, один из самых дорогих людей революции, чудесный, светлый, радостный, как светла и радостна улыбка на его устах, как светла и радостна наша жизнь.

Г. Е. Зиновьев

Но уже совершенное убийство Кирова не главное. Главное — возможное убийство Сталина. Целый раздел речи Вышинского под названием "Троцкий, Зиновьев, Каменев — заклятые враги Советского Союза" посвящен вообще исключительно этой теме. В каждом абзаце рефреном от лица Троцкого, Зиновьева и Каменева идет: "убрать Сталина", "убить Сталина", "террор против Сталина" и опять "убрать Сталина". Несомненно, эти слова должны произвести возбуждающее впечатление на население страны. Но это не все. Два года после убийства Кирова Сталин постоянно боится за свою жизнь. Относительные послабления 1935–1936 годов, которые на Западе назвали "розовым периодом", — это первое проявление сталинского страха.

Л. Б. Каменев

В ходе подготовки процесса Вышинский постоянно на связи со Сталиным. Хотя Сталин в это время на юге. Сталин лично редактирует и утверждает обвинительные заключения и тексты выступлений Вышинского. Когда Сталин дает добро Вышинскому на многократное произнесение фразы "убрать Сталина, убить Сталина", — это уже открытая паника.

Вышинский в речи на троцкистско-зиновьевском процессе говорит; "Они убили Кирова, они готовились убить Сталина". Это чистый перепев уже упоминавшейся частушки, разошедшейся по стране в декабре 1934-го после убийства Кирова; "Самолет летит, / Под ним проталина, / Убили Кирова, / Убьют и Сталина". Был и второй вариант, еще более народный: "Убили Кирова, / Убьем и Сталина". Частушка в 1934-м дошла до Сталина в сводках НКВД. Речь Вышинского в 1936-м — это ответ Сталина советскому народу. Его страх диктует государственную политику. Государственной политикой становится террор. Если страна добровольно отдает всю власть одному человеку, она неизбежно становится его заложницей.

Вышинский со Сталиным познакомились в Баку в 1908 году. Сталин тогда еще не Сталин, а Коба. В бакинской полиции он значится как Гайоз Нижарадзе. Вышинский проходит под кличкой Рыжий.

Сталин и Вышинский сидят в одной камере Баилдовской тюрьмы. Тюрьма переполнена, но режим свободный, двери камер не закрываются. Сталин, лежа на нарах, изучает универсальный язык будущего — эсперанто. В 1937-м в СССР эсперанто будет объявлен языком шпионов, эсперантистов будут расстреливать. В гитлеровской

Германии эсперантисты также подлежат репрессиям. В 1908-м большинство в камере — меньшевики и эсеры. Вышинский — меньшевик. В камере они со Сталиным ведут бесконечные политические дискуссии. Ограничений на передачи в тюрьме нет. Вышинскому ежедневно жена приносит домашнюю еду. Сталин с удовольствием ест еду, приготовленную женой Вышинского.

Вышинский будет оставаться меньшевиком до 1920 года. В 1920-м он сочтет, что большевики победили окончательно и продолжение карьеры требует вступления в РКП(б). Именно Сталин окажет ему в этом деле протекцию. Таким образом, уже с 1920 года.

Вышинский сидит у Сталина сразу на двух крючках. Один — промедление с вступлением в партию. Для многих такое промедление скоро будет не просто смерти подобно, а будет означать смерть.

Обвинительная речь Вышинского на втором московском политическом процессе в 1937-м содержит пассаж для гурманов от истории партии Вышинский с трибуны говорит: "В 1904 году Троцкий выступил, "как известно, с подлейшей брошюрой под заглавием "Наши политические задачи". Эта брошюрка наполнена грязными инсинуациями по поводу нашего великого учителя, вождя международного пролетариата Ленина. Троцкий клеветает на Ленина, называя Ленина "Максимилианом" — именем Робеспьера, героя буржуазной французской революции, — желая этим унижить великого вождя международного пролетариата".

Во-первых, кто такой Ленин в 1904 году. Ленин в 1904-м — лидер одной из экстремистских карликовых партий. Вот такому Ленину Троцкий отвечает грандиозный комплимент, равняя его с Робеспьером, фигурой всемирно-исторического масштаба. Во-вторых, Ленин чтит французскую революцию и ее лидеров, в особенности Робеспьера. В-третьих, именно Троцкий реально осуществил в 1917-м октябрьский переворот. И, наконец, главное — этот беззаветный ленинец, который в 1937-м защищает вождя мирового пролетариата от врага народа Троцкого, не кто иной, как Вышинский, который в октябре 1917-го поставил свою подпись под распоряжением об аресте Ленина. Эта подпись — еще один крючок, на котором Вышинский висит у Сталина.

Два крючка в сочетании с личными свойствами Вышинского дают Сталину полную уверенность в том, что на этого человека он может

полностью положиться. Воспоминания о бакинской стряпне жены Вышинского делают эту уверенность сладкой. Сам Вышинский, встретившись со Сталиным в Москве в 1920-м, ни словом не обмолвится об общем прошлом в Баиловской тюрьме. Он обращается к Сталину на "вы". Вышинский получит от Сталина не меньше, чем Сталин от Вышинского.

Процесс о так называемом троцкистско-зиновьевском центре завершается расстрелом Зиновьева, Каменева и еще четырнадцати, проходивших по этому делу. Это первый расстрел высокопоставленных партийных функционеров-участников октябрьского переворота 1917 года. Вероятно, в это время Сталин вообще теряет интерес к идее руководящей роли партии и самой партии как таковой. Партии ему не нужна. Партийных руководителей легко заменить, и они уже заменяются на бюрократию. Кроме того, если списать все последствия бессмысленной экономической политики на партийное руководство, это выведет его, Сталина, из зоны ответственности. Эти рациональные соображения хорошо сочетаются с его параноидальными настроениями.

Террор 1937–1938 годов вычистит партийные кадры на всех уровнях. Газетные публикации перед началом террора выстроены так, чтобы разжечь и выплеснуть наружу всю затаенную ненависть населения к партийной верхушке, обладавшей материальными привилегиями. Сталин, который все предыдущие годы культивировал фактический подкуп партийной верхушки, разворачивается на 180 градусов. Газеты пишут, что руководители на местах создают собственный культ личности, запугивают подчиненных, используют госсредства для роскошной жизни.

Вышинский на московских процессах по делам партийной, советской и военной верхушки создает ощущение, что перед сталинским законом все равны.

В 1937-м по всей стране пойдет пьеса под названием "Очная ставка". Пьеса написана в соавторстве — братья Тур и Лев Шейнин. На сценах страны — те же допросы, что и в жизни. Это драматургия из первых рук. Соавтор пьесы Лев Шейнин — следователь по особо важным делам прокуратуры РСФСР, а потом СССР. В ноябре 1936-го, после первого московского процесса, ему тридцать и он возглавляет

следственный отдел прокуратуры. Кроме того, он пописывает. Вхож в высшие писательские, артистические и спортивные круги. Вышинский его крайне ценит и даже находит возможность упомянуть в своих речах о его участии в допросах. Когда в 1951-м Шейнина арестуют, Вышинский палец о палец не ударит, чтобы ему помочь.

В команде Вышинского к началу больших процессов — Василий Ульрих. Он бессменный председатель Военной коллегии Верховного суда в течение двадцати лет, депутат Верховного Совета, орденосец. В 30-40-е годы отправил на смерть многие тысячи людей. Никогда не имел квартиры, жил в номере гостиницы "Метрополь". Под конец жизни приводил туда проституток и, налившись, рассказывал им о расстрелах, на которых присутствовал. Иногда он приводил приговоры в исполнение лично.

Свою обвинительную речь на первом большом политическом процессе по делу Зиновьева и Каменева Вышинский заканчивает словами: "Взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до единого", Лексика Вышинского подхвачена, она входит в газетный и разговорный язык. Бухарин в письме Вышинскому пишет: "Что расстреляли собак — страшно рад". Бухарин так же, как и Каменев и Зиновьев, из рядов ленинской партийной гвардии. Его имя было упомянуто на процессе. Именно это обстоятельство заставляет его судорожно писать Сталину, членам Политбюро и Вышинскому.

Н. И. Бухарин и И. В. Сталин

Из компании Зиновьева, Каменева, Бухарина и Карл Радек, публицист, "золотое перо партии". Карл Радек еще до обвинительной речи Вышинского требует "уплаты головой от троцкистско-

зиновьевской банды". Георгий Пятаков также из компании Каменева, Зиновьева, Бухарина, Радека. Первый замнаркома тяжелой промышленности СССР Георгий Пятаков призывает: "Зиновьева, Каменева, всю банду презренных убийц уничтожать, уничтожать как падаль. Хорошо, что ее можно уничтожить. Честь и слава работникам НКВД".

Вышинский отлично знает о призывах Радека и Пятакова. Но они не знают, какой у Вышинского для них сюрприз. Перед тем как начать свою обвинительную речь на процессе Зиновьева-Каменева, Вышинский публично заявляет, что на основании показаний Зиновьева и Каменева возбуждено дело и начато следствие против Радека, Пятакова, Томского, Серебрякова, Сокольникова, Бухарина, Рыкова. Они обвиняются в подготовке свержения советской власти, восстановления капитализма путем вредительской, диверсионной, шпионской и террористической деятельности. Работают под руководством Троцкого. Троцкий, по утверждению следствия, лично находится в контакте с ближайшим сподвижником Гитлера Рудольфом Гессом.

10 сентября 1936-го в газетах появляется заявление Вышинского: следствие по делу Бухарина и Рыкова прекращено ввиду отсутствия доказательств их участия в антисоветском троцкистском центре. Все остальные подозреваемые арестованы. Михаил Томский, многолетний член ЦК и Политбюро, член партии с 1904 года, успел застрелиться до ареста. Михаил Томский и покончивший самоубийством начальник политуправления РККА Ян Гамарник — два человека в высшем советском руководстве, которые, расставшись с жизнью по собственной воле, смогли избежать физических пыток, публичных издевательств, человеческого и мужского унижения. В рамках дела о так называемом антисоветском троцкистском центре Карл Радек арестован в последнюю очередь.

Отношения арестованного Радека и прокурора СССР Вышинского складываются своеобразно. Радек оказывает Вышинскому постоянное содействие. Вышинский захаживает в тюремную камеру к Радеку. Они вместе пишут сценарий процесса и тексты ролей его участников. Высокопоставленный советский работник Георгий Пятаков в надежде спасти собственную жизнь пишет письмо Сталину. Пятаков просит Сталина в обмен на жизнь дать ему возможность лично расстрелять

всех, кого приговорят к смертной казни. В том числе он готов расстрелять свою жену.

Все последние месяцы 1936 года обвиняемые по делу об антисоветском троцкистском центре находятся в полном распоряжении у следователей НКВД. НКВД руководит новый человек. Через месяц после расстрела Каменева и Зиновьева Сталин из Сочи направил телеграмму с указанием снять с НКВД Генриха Ягоду, который 13 лет находился на руководящих должностях в ВЧК-ОГПУ-НКВД. Сталин заменяет его на секретаря ЦК ВКП(б) и председателя Комитета партийного контроля Николая Ежова. В НКВД подследственных пытаются и шантажируют. Вышинский осуществляет прокурорский надзор над следствием. Он встречается с подследственными в НКВД. Лично грозит расстрелом, уничтожением семьи и новыми пытками. Результат — все подследственные готовы дать на публичном процессе любые признательные показания. Тандем Ежов-Вышинский, созданный Сталиным, работает безукоризненно.

В разгар следствия Вышинский отнимает у еще не расстрелянного обвиняемого Серебрякова дачу на Николиной горе под Москвой. Хозуправление прокуратуры СССР немедленно берет дачу на свой баланс и в авральном порядке осуществляет ремонт дома для своего шефа.

Вышинскому принадлежит идея привлечь адвокатов к участию в политическом шоу. Избранные Вышинским адвокаты действительно первоклассные юристы. Но предложение, которое им делает Вышинский, таково, что они не в силах отказаться. Отказ подобен смертному приговору. Адвокаты готовятся к процессу исключительно по тексту обвинительного заключения. Фрагмент из адвокатской речи: "Товарищи судьи, защитник — это прежде всего сын своей Родины, он гражданин великого Советского Союза. И чувство великого возмущения, гнева и ужаса, которое охватывает сейчас всю нашу страну от мала до велика, чувство, которое так ярко отразил в своей речи прокурор, это чувство не может быть чуждо и защитникам". Вышинский подхватывает слова адвоката: "Я обвиняю не один! Я обвиняю вместе со всем нашим народом, обвиняю тягчайших преступников, достойных одной только меры наказания — расстрела, смерти!" Далее стенограмма процесса фиксирует: "Долго не смолкающие аплодисменты всего зала". Действительно, слаженная

работа прокурора, подсудимых, адвокатов и судей не может не произвести сильнейшего впечатления на присутствующих в зале. В зале присутствуют представители дипломатического корпуса, иностранные и советские журналисты, советская литературная элита. От западной литературы — писатели Лион Фейхтвангер и Мартин Андерсен Нексе.

Н. И. Ежов

Публичность процесса в равной степени рассчитана на советское население и на западную аудиторию. Отношение Запада к тому, что происходит в СССР, наглядно передает реакция Англии. В день казни Зиновьева и Каменева собирается на совещание Комитет по иностранным делам английского кабинета министров. Но обсуждают не Каменева и Зиновьева. Только что получена шифрограмма от британского посла в Москве лорда Чилстона. Он сообщает об аресте Сокольников. Сокольников в прошлом посол СССР в Великобритании. "Мы не можем оставить в беде мистера Сокольников, — заявляет член Комитета по иностранным делам Эштон Гваткин, — наш посол должен обратиться к советскому правительству с просьбой не ухудшать советско-британские отношения. Высшая мера для мистера Сокольников может омрачить эти отношения и произведет ужасающее впечатление на английскую публику". После продолжительного обсуждения возникшей проблемы члены Комитета единодушно соглашаются с министром иностранных дел Энтони Иденом. Иден полагает, что нет смысла защищать Сокольников. Во-первых, это внутреннее дело Советского Союза —

кого казнить, а кого миловать. Во-вторых, это все равно бесполезно. Сталин сделает то, чего хочет.

В конце 1936 года британский посол в Москве лорд Чилстон информирует свое руководство: "Ежов очень сильная фигура. И что очень важно, партийный деятель, а не чекист. Скорее всего, он станет преемником Сталина. У него очень большие перспективы. Сталин дал Ежову НКВД, чтобы уменьшить власть этой кошмарной организации. Поэтому назначение Ежова следует приветствовать". Тот же лорд Чилстон пишет: "Новая советская конституция ограничивает власть НКВД".

Сталинская конституция принята 5 декабря 1936 года. В обсуждении проекта приняли участие 51 миллион трудящихся. Трудящимися внесено более 2 миллионов поправок, дополнений и предложений. Для населения это второй за 1936 год опыт всенародного обсуждения. До проекта конституции в стране обсуждается закон о запрете аборт. Массы женщин против запрета аборт. Причины: отвратительное здравоохранение, бедность, ужасные жилищные условия. Аборты в СССР запрещены 27 мая 1936 года. Сталин сказал: "Нам нужны люди. Это не личное дело женщин. Это дело большой социальной важности".

Действенность новой советской конституции полностью исчерпывается тем фактом, что через полгода после ее принятия страна вступает в Большой террор. Информация, полученная в ходе всенародного обсуждения проекта конституции и отражающая настроения населения в 1936-м, стекается в НКВД. На следующий год она будет использована против граждан и ляжет в основу многих расстрельных приговоров.

Главный автор сталинской конституции — Николай Бухарин. Он любит доставать из кармана ручку и хвастаться: "Вот ею была написана Конституция. Помогал мне в этом Карлуша". Бухарин имеет в виду Карла Радека. Арестованный, подсудимый Радек в это время уже готовит вместе с Вышинским текст, который он произнесет на срежиссированном процессе. Радек будет клеветать на Бухарина, и это будет его личным вкладом в убийство Бухарина. Сталин, а вместе с ним Вышинский расправятся с Бухариным в 1938-м. Николай Бухарин — верный и убежденный сподвижник Ленина, который первым принес террор на землю России. Мученическая кончина на фоне массового

сталинского террора придаст Бухарину, как и другим погибшим ленинским соратникам, жертвенный образ.

Н. И. Бухарин

В 1936 году собран крайне низкий урожай. В колхозах изымают хлеб подчистую. С ноября 1936-го в Москву, в НКВД идут спецсообщения. География спецсообщений, то есть география голода, обширна: Воронежская область, Горьковская, Кировская, Курская, Куйбышевская, Оренбургская, Саратовская, Сталинградская, Челябинская, Ярославская, Ставрополье, Мордовия, Чувашия, Башкирия, Республика немцев Поволжья.

В 1936-м от повторения голодомора 1931–1933 годов спасает одно. После убийства Кирова в страхе за собственную жизнь Сталин разрешил крестьянам приусадебные участки. Эти крохотные собственные хозяйства в 1936-м спасают людям жизнь, а Сталину — власть. Случись повторение однажды пережитого голода, режим мог быть сметен. К зиме 1936-го НКВД фиксирует массовое распространение листовок с призывом к бунту.

В 1936-м карточки на хлеб для городского населения вводятся на местах без согласования с центром. Центр панически боится нового введения карточек. Ответственность за бессмысленную государственную экономическую политику перекладывается на местных руководителей всех уровней. В следующем, 1937 году они будут объявлены врагами народа. Измотанное население в это поверит. Поиск врагов народа — это канал, по которому Сталин направит отчаяние беспомощного населения.

В конце 1936-го по деревням в разных областях страны ходит одна и та же история. В сводках НКВД она называется "Легенда о мешке с хлебом, луже крови и таинственном старике". Вот как ее рассказывает колхозница М. В. Прыткова Суворовского колхоза Золотовского кантона Республики немцев Поволжья. Граждане села Рогаткино ездили в село Дубровку и по дороге нашли мешок с хлебом. Они попробовали поднять его, но не смогли. Далее по дороге им попало ведро с человеческой кровью. Они поняли, что находки обозначают какую-то загадку, которую им разгадал встретившийся по дороге старик. Старик сказал, что мешок с хлебом обозначает, что в 1937 году будет сильный урожай, а ведро с кровью означает, что в этом году будет большое кровопролитие.

Урожай 1937 года действительно будет рекордно большим. Большой террор начнется одновременно с уборкой урожая.

Вышинский будет работать не покладая рук. Сам останется цел, будет обласкан и умрет спокойно в своем кабинете в Нью-Йорке в должности постоянного представителя СССР в ООН.

В 1944 году, после неудавшегося покушения на его жизнь, Гитлер будет кричать: "Преступников ждет короткая расправа. Они предстанут перед народным судом. Суд будет быстрым. Фрейслер — это наш Вышинский".

Роланд Фрейслер — председатель народного суда Третьего рейха — тщательно изучал приемы Вышинского. Недолго пожил в Советской России. Был членом РКП(б). Сбежал в Германию по поддельным документам. Член национал-социалистической рабочей партии Германии с 1925 года. Фанатично предан партии и фюреру.

1937 год

Дети

10 февраля 1937 года страна встречала с ощущением праздника. Повод для всенародного праздника — 100-летие со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина. Еще 17 декабря 1935 года газета "Правда" написала: "В подготовке к историческому празднику советской культуры примет участие вся страна". Во "Временнике Пушкинской комиссии" за 1937 год читаем: "Подготовка к пушкинским дням широко развернулась в партийных и комсомольских организациях, на заводах, в колхозах, в Красной Армии. Пушкинский юбилей приобрел характер всенародного праздника социалистической культуры". Из сказанного вытекает, что речь идет вовсе не об одном из самых трагических событий в русской культуре. Напротив, 100-летняя годовщина смерти великого русского поэта называется пушкинским юбилеем. И, стало быть, есть повод для торжества, есть ощущение неожиданной победы и причина для веселья.

На могиле Пушкина в Святогорском монастыре состоялся пятитысячный митинг. Выступил председатель колхоза имени А. С. Пушкина товарищ Андреев. Он сказал: "Стихи Пушкина помогают нам жить и весело работать. И все это происходит оттого, что у нас наша Советская власть, что живем под руководством нашего любимого товарища Сталина".

Приезжие гости, академики, писатели, представители партийных и советских организаций осмотрели музей и парк. Праздник закончился показом колхозной художественной самодеятельности.

Вспоминает литератор Виктор Шкловский: "Колхозники устроили маскарад на льду. Проходила Татьяна Ларина, надевшая ампирное платье на тулуп. Шли богатыри, царевна-лебедь, в кибитке ехал с синей лентой через плечо бородатый крестьянин Емельян Пугачев, рядом с ним — Маша Миронова, капитанская дочка. И за ними на тачанке с Петькой ехал Чапаев.

Я спросил устроителя шествия: "Ведь про Чапаева Пушкин не писал?" "А нам это все одно", — ответил мне колхозник".

Перед гостями промчалось более 300 троек, украшенных портретами Сталина, Горького и Пушкина с зеленью и флажками.

Поэт Безыменский записал в книге для гостей: "То, что было сегодня, — грандиозный праздник советской культуры. Имя ей — ленинизм, сердце и знамя ее — Сталин".

До приезда на празднование в Михайловское поэт Безыменский выступает на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР. Безыменский с Пушкиным на "короткой ноге". Он переделывает Пушкина. Со сцены Большого театра он читает: "Да здравствует Ленин! / Да здравствует Сталин! / Да здравствует солнце! / Да скроется тьма!"

Президент Академии наук СССР ботаник академик Комаров говорит: "Прав поэт Безыменский, когда он превращает цитату Пушкина в боевой клич нашего времени".

Открывает торжественное заседание в Большом театре нарком просвещения Бубнов. Он говорит: "Сто лет назад наша страна понесла утрату, значение и тяжесть которой можем оценить только мы, люди сталинской эпохи. Пушкин — наш! Пушкин принадлежит тем, кто под руководством Ленина и Сталина построил социалистическое общество".

В феврале 1921 года поэт Владислав Ходасевич по-своему и очень мрачно объяснил, почему должен отмечаться день смерти Пушкина. Ходасевич говорил: "Так мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам перекликаться в надвигающемся мраке".

В 1937-м предчувствие Ходасевича оказалось недостаточно мрачным. Именем Пушкина никто не аукается. Нарком просвещения Бубнов под занавес своего выступления приводит отрывок из письма безымянной колхозницы Азовско-Черноморского края: "Книги Пушкина накаляют любовь к великому Сталину".

В. Ф. Ходасевич

В дореволюционной России, в 1899 году, в год 100-летия со дня рождения Пушкина, при Александровском лицее, который окончил Пушкин, было учреждено Пушкинское лицейское общество. В его уставе указывалось: "Общество имеет целью всестороннее изучение творений Пушкина, разъяснение их во всех слоях русского народа". Членами Пушкинского общества были лицеисты разных поколений, известные общественные деятели — знаменитый юрист Кони, академик Веселовский, родственники Пушкина. Пушкинское лицейское общество просуществовало около 20 лет. В 1925 году ОГПУ сфабрикует так называемое "Дело лицеистов", по которому будет осужден 81 человек. Обвинения всевозможные: "монархический заговор", "помощь международной буржуазии", "попытки убить Сталина и Троцкого".

Искусствовед Николай Пунин, муж Ахматовой, в дневнике пишет: "Расстреляны лицеисты. Говорят, 52 человека, остальные сосланы, имущество вплоть до детских игрушек и зимних вещей конфисковано". В числе приговоренных к расстрелу — бывший директор Лицея семидесятилетний Владимир Александрович Шильдер. Он умер до расстрела в тюрьме, узнав, что смертный приговор вынесен также его жене и сыну.

Расстрелы по делу лицеистов происходят ровно через 100 лет после написания знаменитого пушкинского стихотворения "19 октября":

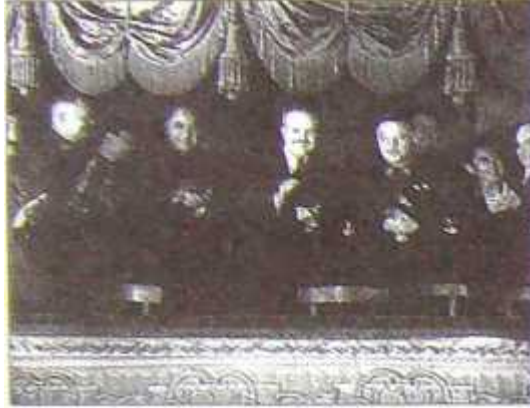
Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен.

В архивах ОГПУ "дело лицеистов" проходит под названием "Союз верных".

10 февраля 1937 года Сталин в Большом театре. На сцене члены Пушкинского комитета по главе с Ворошиловым и Ждановым. Заседание в Большом театре транслируется на всю страну по радио.

В детском доме радио работает постоянно, почти не умолкая. Черную тарелку включают с самого утра. Утром детям дают на завтрак воду и 100 граммов хлеба. В обед — суп из картошки. Вечером — 100 граммов хлеба. Посуды нет, ложки отсутствуют, воду пьют по очереди. Иногда на ужин к 100 граммам хлеба добавляют 100 граммов соленого огурца. Топлива не подвезено ни одного кубометра. Нет ни одной пары годной к носке обуви. Хром, выделенный на пошив обуви, пошел на куртку директору и его жене и на сапоги сотрудникам. Эта информация из актов обследования детских домов. Очень редко подобные сведения под грифом "секретно" идут в партийные и советские органы. Это в случае, если кто-то из проверяющих вздумал просить о помощи. Что происходит очень редко, потому что о помощи просить бесполезно.

В тех же актах обследования читаем: "Ночная няня ведет среди детей контрреволюционную агитацию разговорами о том, что детям живется плохо, и воспоминаниями о семье". У Наташи Носковой, 13 лет, к 1937 году из родных в живых нет никого. Она из семьи сосланных крестьян. Отца завалило в шахте. Стали жить на единственный паек матери. Четверо детей перешли на подножный корм в тайге вокруг спецпоселка. Мать, работавшая на раскорчевке леса, пошла в больницу за семь километров, по дороге упала и умерла. Дети узнали о ее смерти через неделю. Через две недели их отдали в детдом. Это было в 1933-м. Детдом размещался в бараке дореволюционных времен, предназначавшемся под местную холодную тюрьму. Все жалось к единственной буржуйке. На ней же пекли куски мороженой картошки.

Заседание в Большом театре, посвященное столетию со дня смерти А. С. Пушкина

У старшей девочки из семьи Носковых, Ани, от печки вспыхнуло и сгорело единственное, еще из дома, платье. Другого не было и не дали. Она сидела теперь постоянно на нарах, завернувшись в мешковину. К весне умерла.

Наташа болела полгода. Момент возвращения в сознание помнит. Над ней склоняется чье-то лицо, чужой голос произносит: "Эта, видно, оклемается, а соседку Бог прибрал, наконец-то отмучилась". Наташа поворачивает голову и видит, что рядом лежит умершая ее сестренка Маня. Мане было пять лет. Ее слабенькое желание жить прорывалось, когда она просила: "Нянечка, не бейте меня, я ведь и так мало хлеба ем".

Младшему братику Лене было три года. Он умер зимней ночью, тихо, никого не беспокоя. Его завернули в тряпицу и зарыли где-то в снегу.

Детдомовцы, чтобы прокормиться, просят милостыню. Подают плохо. Потому что голод повсеместный. К тому же беспризорные дети в начале 30-х уже не вызывают сострадания у населения. Толпы оборванных детей, чьи родители уже умерли в ссылке, мечутся по стране, стараются пробиться на родину. Воровство — единственный источник жизни для бывших крестьянских детей, которых власть сделала сиротами. Страна с лагерной экономикой поглощает жизни взрослых и воспроизводит все новых и новых сирот.

Беспризорники. Начало 30-х годов

На детей, бежавших из ссылки, устраивают облавы и конвоируют в детприемники, которые еще называют коллекторами. В коллекторах положено держать детей в течение двух месяцев. Обычно этот срок растягивается до полугода и более. Детприемник — это барак или стоящее на отшибе полуразрушенное строение. Из быта свердловского детприемника имени Луначарского: "Дети сидят на грязных койках. 7 коек на 38 детей. Играют в карты, которые нарезаны из портретов вождей, дерутся, курят, ломают решетки на окнах".

Это дети из крепких крестьянских семей, которые были совсем маленькими в момент раскулачивания. Навыков нормальной жизни у них нет, в семье они просто не успели выработаться. В нормальной ситуации из них выросли бы здоровые кормильцы своей страны.

В партийные и советские органы идут бесконечные просьбы о помощи: "Вышлите деньги на детприемник!" Большинство детей раздеты и разуты. Средств нет. Детские дома от детей из детприемников отказываются. Детские дома переполнены.

Первый детский дом Наташи Носковой — в Богословске. Ребята из старшей группы как-то залезли в пристанционный склад и вскрыли бочку с солеными огурцами. Их поймали. Мгновенно появился директор детдома. Расправа была страшной. Он валил мальчишек о ног, пинал, таскал за волосы, бил головой о рельс. Саша Лаптев от побоев вскоре умер. У Володи Комаровского отнялись ноги. Вместе с Наташей Носковой он переберется из Богословского детдома в Ирбитский. Ходил на самодельных костылях. В 1940-м его направят в Тагильский детдом для инвалидов и умственно неполноценных. По

дороге, из милосердия, ему сделают смертельный укол, чтобы больше не мучился.

Детдомовцы совершенно незащищены. Поэтому они самый подходящий материал для идеологической обработки. Чем голоднее дети, тем меньше их сопротивляемость. Детдома обязываются организовывать кружки по истории партии и революции, политсуды над Папой Римским, политбой между детьми. Директор детдома на методической конференции делится опытом. Силами детей и педагогов воссоздан шалаш Ленина в Разливе. Головешки в костре у шалаша натуральные. Каждый вечер дети сидят по полчаса молча перед шалашом. При этом в актах медико-санитарного обследования этого детдома указано: среди детей — двое больных костным туберкулезом, два случая сифилиса третичной стадии, четыре случая глубокой умственной отсталости, десять больных трахомой, у шести человек чахотка, все малокровные.

С детьми регулярно проводятся беседы о жизни детей раньше и теперь, у нас и за границей.

Наташа Носкова попадает во второй в ее жизни детдом в 1937-м, как раз перед празднованием 100-летия смерти Пушкина. Антикрестьянская кампания 1929–1931 годов, названная раскулачиванием и сломавшая Наташину жизнь, предоставляла детям ссыльных определенную свободу действий. В том смысле, что власть не привязала детей умерших ссыльных к местам поселений. Они могли бежать, кому повезет — добираться до родных мест или просто умирать на дороге. На самом деле власть уже сожалела, что детей ссыльных выпустили на волю. В ссылке они умирали бы незаметно. В 1936-м из-за отсутствия средств идут на послабление: разрешают смешивать ссыльных сирот с обычными сиротами в общих детдомах. Дети, пережившие раскулачивание и его последствия, в 1937-м к своим 10–13 годам имеют огромный опыт выживания. Правда, таких выживших детей очень немного. В 1937-м появляется второе поколение детей, которых советская власть целенаправленно и технологично превращает в сирот. У них жизненного опыта еще нет.

Вспоминает бывший детдомовец Владимир Блок; "Мою мать увезли в Бутырскую тюрьму ночью 5 сентября 1937 года. Через час после ее ареста те же энкавэдисты приехали за мной. Мне еще не исполнилось 12, я плакал, кричал, они улыбались и говорили; "Сейчас

поедем к маме". Меня отвезли в Даниловский детский приемник. Это была детская пересыльная тюрьма в монастыре. В камере, куда меня втолкнули, я увидел хорошо одетых детей. Многие плакали. Вскоре пришел начальник детприемника и объявил: "Вы все — дети врагов народа". Через два месяца меня разбудили ночью и повели в кабинет человека, который предложил мне письменно отказаться от родителей. Я стал кричать, что ничего писать не буду. Позже я узнал, что такое предложение делалось многим детям и кое-кто согласился".

Детприемник. Середина 30-х годов

Светлана Оболенская, дочь первого председателя ВСНХ, экономиста, кандидата в члены ЦК Валериана Осинского-Оболенского, также проходит через Даниловский детприемник. До детприемника она живет с родителями в Кремле. Летом 1937-го ее отца выводят из кандидатов в члены ЦК и выселяют из Кремля. Они переезжают в Дом правительства, в квартиру № 389. Это бывшая квартира командарма Августа Корка, только что арестованного по делу маршала Тухачевского. Светлана Оболенская спит на кровати арестованного командарма Корка. Вскоре они опять переезжают. На сей раз в квартиру только что арестованного Алексея Рыкова, бывшего главы советского правительства. Когда Светлана входит в кухню, на столе стоит неубранная посуда. На заварном чайнике надпись "Дорогому Алексею Ивановичу Рыкову от рабочих Лысьвы". Кабинет Рыкова в квартире Осинских опечатан. В этой квартире будут арестованы родители и старший брат Светланы. Отец и брат расстреляны. Мать в лагере. Светлане 12 лет.

В Доме правительства, где еще недавно жила в квартире командарма Корка семья Осинских-Оболенских, в 1937 году проживает Алексей Стаханов, чьим именем Сталин нарек движение ударничества. Стахановское движение, возникшее в 1935 году, на самом деле имеет мало общего с экономикой. Ударничество — явление по сути политическое. Рабочим в зависимости от выработки гарантируется прогрессивное увеличение заработной платы. В 1936 году стахановцы на многих предприятиях составляют 20–30 процентов коллективов. В условиях провалов в сельском хозяйстве и очередного введения карточек на хлеб эта часть рабочих сохраняет лояльность власти. Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Постышев называет стахановцев "самой сокрушительной силой в борьбе с контрреволюцией" и ставит их в один ряд с армией и НКВД. На самом деле ударничество — это санкционированный властью переход на авральную систему работы, что раньше допускалось в исключительных случаях. Технические нормы, техника безопасности, качество продукции при этом никого не интересуют. Ударничество тем самым провоцирует неизбежные производственные конфликты между рабочими-стахановцами, стремящимися к высокой зарплате, с одной стороны, и квалифицированным инженерным составом, с другой. Стахановцы в этих конфликтах ощущают сталинскую поддержку. Сталин на съезде стахановцев еще в 1935 году сказал, что если инженеры и хозяйственники не захотят поучиться у стахановцев, то стахановцам придется "в крайнем случае дать этим уважаемым людям слегка в зубы". К 1937 году предприятия становятся ареной политической борьбы. По одну сторону — инженеры всех уровней, ученые, квалифицированные рабочие. По другую — стахановцы. Один из них прямо говорит "Сейчас масса сама рвется в бой. Люди готовы идти на кулаки". К 1937 году становится очевидной вся экономическая безграмотность и опасность стахановского движения. Инженерная мысль, технология беспощадно гробится. Рекорды не способны поднять промышленность — таково мнение специалистов. Нарком тяжелой промышленности СССР Орджоникидзе отмечает: "На пути стахановского движения стоят бюрократы. Таких надо сметать с пути героического стахановского движения". Еще до 1937 года только в Донбассе за год стахановства за мнимый саботаж осужден 131 инженерно-технический работник.

Штучные рекорды, полученные при авральной работе, берутся за основу плана на следующий год. В угольной, а также в других отраслях повсеместно в качестве базовых вводятся ударнические нормы выработки. Предприятия с фантастическим планом не справляются и не могут справиться. В 1937 году из 292 шахт Донбасса план с трудом выполняют 33. Первый секретарь Донецкого обкома партии, пропагандист стахановского движения Саркис Саркисов, за срыв плана назван "подлым шпионом и предателем". Газета "Правда" пишет: "Ничем не брезгует фашистская агентура". Саркисов расстрелян.

Сталинский поиск вредителей, шпионов, врагов народа неотделим от его, Сталина, незнания, что делать с экономикой.

Из сочинения 13-летнего ученика московской школы на Пречистенке. Тема "Как я провел зимние каникулы". "Я провел зимние каникулы очень нерадостно. Я за каникулы потерял все силы. Мне приходилось с трех часов утра вставать и ходить за хлебом. И приходил человеком 20-м или 30-м. А хлеб привозили в 9-10 утра. Приходилось мерзнуть на улице по 5–6 часов. Хлеба привозили мало: стоишь, мерзнешь-мерзнешь, а потом пустым уйдешь домой. Я, пионер, врать не хочу, пишу то, что видел и делал". Это сочинение написано зимой невоенного 1937 года. Хранится в архиве ФСБ.

Через 20 лет, прошедших после октябрьского переворота 1917 года, наступает сильнейший за все это время кризис в управлении государством. Отсутствие и невозможность свежих идей, экономическая и управленческая бездарность на самом верху — главные причины страшного террора. В 1937 году окончательно выясняется, что сталинская власть просто не умеет ничего кроме террора.

Газета "Легкая индустрия" в 1935 году написала о стахановцах: "Мы сейчас являемся свидетелями самого значительного явления нашей эпохи — рождения нового человека".

В 1937 году рядовые рабочие-стахановцы уже лишаются больших заработков из-за общего кризиса в системе выплаты зарплат и на производстве в целом. Первые политические процессы стахановцы воспринимают как сигнал к мести всем тем, кто, по их мнению, обманул их и лишил радужных надежд на обеспеченное будущее.

Моментально налаживается сотрудничество стахановцев с НКВД. Это серьезно: стахановцев несколько миллионов. Они есть даже среди зубных врачей. Теперь это армия, занятая поиском и разоблачением врагов народа. Поводы для разоблачения любые — негодность техники, необходимость сверхурочной работы, несъедобная еда в столовых, отвратительные жилищные условия. 1937 год — второе рождение стахановского движения.

Сам Алексей Стаханов в 1937-м говорит: "Если бы не вредители, стахановское движение развивалось бы еще лучше. Надо, чтобы партийные организации защищали стахановцев от вредителей. Если бы эти гады попались к нам в руки, каждый из нас растерзал бы их". Из Дома правительства, где живет Стаханов, в это время уже всю доем и ночью увозят жильцов. Целыми семьями. В этом доме арестовано 700 человек.

Жертвы из Дома правительства — особый случай. Главы этих семейств убежденные и до 1937-го успешные партийные, советские и хозяйственные работники высшего звена. Они плоть от плоти режима, они работали на него. Они до последнего уверены, что режим отвечает им взаимностью, потому что он давал им материальные привилегии. В 1937-м в семье Улановских состоялся разговор. В этой семье — профессиональные революционеры, участники Гражданской войны, советские резиденты в Америке. Разговор происходит между мужем и женой. Вспоминает Надежда Улановская: "При очередном аресте я недоумевала: "Что же делается? Почему? За что?" Муж спокойно ответил: "Что ты так волнуешься? Когда я рассказывал, как расстреливают белых офицеров в Крыму, — не волновалась? Когда кулаков уничтожали — ты оправдывала? А как дошло дело до нас, так "как? почему?"".

И мы стали искать в прошлом — когда же все началось? И разматывали нашу жизнь все дальше и дальше, и дошли до Октябрьской революции.

Мы остались одни. Вокруг всех пересадили".

Принято решение Политбюро с подзаголовком "Об антисоветских элементах". 2 июля оно рассылается в виде телеграмм: "Секретарям обкомов, крайкомов и ЦК компартий". Заканчиваются телеграммы словами: "ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в

ЦК количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке".

Это решение Политбюро — главный документ о начале Большого террора. В нем содержится требование в пятидневный срок представить в ЦК состав троек. В тройку входят: представитель НКВД, 1-й или 2-й секретарь республиканской или областной парторганизации, а также прокурор соответствующего уровня. Тройка — главная боевая единица в войне Сталина против страны. Большой террор, начавшийся в 1937-м, — это не громкие политические процессы и отстрел бывших соратников по партии, это даже не расстрелы маршалов, которые остались в памяти. Большой террор — это хорошо спланированная операция в масштабах целой страны. Эта операция имеет дату своего начала.

"Приказываю с 5 августа 1937 года во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников".

Это цитата из приказа наркома внутренних дел Ежова за № 00447 от 30 июля 1937 года под грифом "Сов. секретно". В пункте II приказа читаем: "Все репресслируемые разбиваются на две категории. А) К первой категории относятся все наиболее враждебные элементы. Они подлежат немедленному аресту и по рассмотрению их дел на тройках — расстрелу. Б) Ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагере на срок от 8 до 10 лет. Приговоры приводятся в исполнение по указаниям председателей троек, то есть наркомов республиканских НКВД или начальников областных управлений НКВД".

Проект оперативного приказа Ежова рассматривается на Политбюро на следующий день после поступления и утверждается практически без поправок.

Из протокола № 51 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 31 июля 1937 года: "Отпустить НКВД из резервного фонда СНК на оперативные расходы, связанные с проведением операции, 75 миллионов рублей.

Подпись: Секретарь ЦК Сталин".

Сталин выделил на террор 75 миллионов рублей.

В соответствии с приказом № 00447 операция, начатая 5 августа 1937 года, должна закончиться в четырехмесячный срок.

В приказе дается готовая разрядка: сколько людей должно быть расстреляно и сколько должно быть отправлено в лагеря. В первую, то есть расстрельную, категорию по приказу попадает 75 950 человек. Цифры разложены по регионам в соответствии с численностью населения. Все цифры крутые. Это означает, что они не базируются ни на каких реальных оперативных сведениях. Эти цифры имеют чисто политический смысл.

По второй категории проходят те, кто подлежит отправке в лагеря, 193 тысячи человек. Это по приказу № 00447. Вслед за ним появляется серия приказов, ориентированных против лиц конкретных национальностей, проживающих на территории СССР. Под них попадают: немцы, поляки, харбинцы, греки, китайцы, афганцы, латыши, иранцы и иранские армяне. Отдельная статья — иностранцы в СССР, проходящие как граждане враждебных государств. По национальным приказам норм на аресты и расстрелы нет. Предоставляется свобода действий.

Представителей советских этнических меньшинств и иностранцев осуждают двойки. Двойка — то же самое, что и тройка, но без представителя от партии. Через двойки проходят также арестованные квалифицированные специалисты, партийные работники и старые большевики, которые не принадлежат к высшей элите страны. Документы собираются в так называемые альбомы и направляются к Высшей двойке в составе прокурора СССР Вышинского и наркома внутренних дел Ежова.

Дела высших советских, партийных, комсомольских, профсоюзных деятелей, а также народных комиссаров и их замов, высших военных чинов, деятелей культуры и искусства рассматриваются Военной коллегией Верховного суда.

Дела рядовых граждан СССР идут через тройки.

Система вынесения приговоров четкая, простая в эксплуатации и не обремененная процедурными сложностями.

По приказу № 00447 соотношение расстрел-лагерь 1 к 2,5. В реальности тройка выносит около 50 процентов смертных приговоров.

Высшая двойка выдает 73 процента смертных приговоров.

Военная коллегия Верховного суда — 85 процентов.

Чем выше инстанция, тем больше ответственность, тем больше крови. В четырехмесячный план репрессии в 1937-м не укладываются. Не могут уложиться. В 1937-м сотрудники НКВД снизу требуют увеличения плана. Высшее партийное руководство встречает эти требования с пониманием. Главный технологический термин 1937 года — "лимит". Лимит — это разрешенное сверху количество подлежащих репрессиям — расстрелу и отправке в лагерь. Две области — Омская и Смоленская — просят увеличить лимит еще до официального начала террора. По разнарядке в приказе № 00447 Омской области разрешено взять 1000 человек, подлежащих расстрелу. Еще до начала операции арестовано 3000. Председатель Омской тройки Григорий Горбач рапортует в Москву, что Омское НКВД работает "стахановскими методами". Через две недели уже 5000 в ожидании расстрела. Горбач просит Москву о повышении лимита до 8000. На письме Горбача Сталин ставит резолюцию: "Товарищу Ежову. За увеличение лимита до 9000. И. Сталин". В Красноярском крае лимит на расстрел по указанию Сталина и Молотова увеличен в 8,8 раз.

Под новый, 1938 год ударная работа НКВД достигает рекордных темпов. Сотрудники органов еще не знают, что операция будет продлена до января 1938 года, а потом и на весь 1938 год. Они торопятся, они хотят максимальный результат. Работают даже 20 декабря, в праздник, в День чекиста. Под Новый год интервал между приговором и расстрелом сокращен до минимума.

Москва. Леонтьевский переулок. Короткий переулок, В 1937-м здесь забирают из всех домов подряд. В доме 2 из квартир № 2,7,8, 10,17,18,19, 20, 21,22, 23. В доме 9 из квартир № 2,4, 5, 7, 9. В доме 11 — из квартир № 4,11,23,27. И из дома 14, и из 15-го, из 16-го, Из всех. Арестовывают людей разных национальностей, разного рода занятий. Счетовод швейно-ткацкой фабрики райпромсовета. Преподаватель энергетического института. Служащий пассажирской службы Казанской железной дороги. Академик, секретарь АН СССР. Начальник монтажно-ремонтной конторы "Дизель-монтаж". В этом маленьком переулке за 4 месяца 1937 года арестованы 50 человек. Все расстреляны.

С августа 1937-го по ноябрь 1938-го, когда была завершена эта хорошо организованная массовая операция, арестованы 1 миллион 575

тысяч 259 человек. Расстреляно 681 тысяча 692 человека. Личная подпись Сталина стоит на 40 тысячах смертных приговоров.

Террор как технологический процесс оставляет отходы. Отходы террора — дети.

15 августа 1937-го появляется приказ Ежова № 00486. Он охватывает жен и детей врагов народа. Аресту подлежат жены, состоящие в юридическом или фактическом браке с осужденным. Аресту подлежат также и жены, состоящие с осужденным в разводе, но не сообщавшие органам власти о контрреволюционной деятельности осужденного. Жены изменников родины, имеющие грудных детей, после вынесения приговора без завоза в тюрьму направляются непосредственно в лагерь. Грудные дети направляются вместе с осужденными матерями в лагерь. По достижении годовалого возраста дети передаются в детдома. Детей в возрасте от 3 до 15 лет содержат в детдомах вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов. Дети старше 15 лет подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД.

Со станции "Ленинград-товарная" трогается большой состав из 45 теплушек с арестованными. Два вагона матерей с грудными детьми. Везут в Томский лагерь. Едут восемнадцать дней. Одна буржуйка не дает тепла на весь вагон. У многих грудных детей воспаление легких. Температура за сорок. Вспоминает Мария Карловна Сандрацкая:

"Две матери от отчаяния разрезали себе горло стеклом. Истекли кровью. Сласти их не удалось. Одна мать сошла с ума. Все время кричала, рыдала, хохотала, выла, кусала тех, кто пытался ее сдержать. Воды очень мало. Нет возможности постирать детское белье как следует. То, что все-таки выстирали, сушили придуманным нами способом. Детские рубашонки, пеленки, чулочки мы обматывали вокруг своих ног, рук, спины, груди и так сушили.

В Томске нас привезли в "Мертвый дом", так называлась дореволюционная пересыльная тюрьма. Шестьдесят три матери с закутанными грудными малютками идут по коридору. В камере лежали день и ночь на топчанах. Возле нас лежат наши дети. Детей кусают клопы. С обледенелых окон днем стекает вода. Ночью она застывает. Была одна мечта, чтобы согласно приговору всех отправили из тюрьмы

в лагерь, где детям полагались какие-никакие ясли. В лагерь матерей с детьми перевели только через два года".

Мать писателя Василия Аксенова Евгения Гинзбург проведет в лагере на Колыме 10 лет. Потом она напишет книгу "Крутой маршрут". Евгения Гинзбург вспоминает: "Деткомбинат в лагере — это тоже ЗОНА. На дверях обычных лагерных бараков неожиданные надписи: "Грудниковая группа", "Ползунковая", "Старшая". В старшей группе только двое — Стасик и Верочка — знают загадочное слово "мама". Я нарисовала домик и спросила у Стасика — что это такое? "Барак", — четко ответил мальчик". Возле домика она нарисовала кошку. Но ее не узнал никто из детей. Они никогда не видали кошку. Тогда она нарисовала вокруг домика забор: "А это что?" "Зона! Зона!" — радостно закричала Верочка и захлопала в ладоши.

Дети рождались и в лагере. Несмотря на запрет общения между женщинами и мужчинами, несмотря на наказание, унижение и карцер. Вспоминает Хава Владимировна Волович: "Просто до безумия, до битья головой об стену, до смерти хотелось любви, нежности, ласки. И хотелось ребенка. Я держалась сравнительно долго. Через три года лагеря я родит дочку и назвала ее Элеонорой", Матери разрешено было быть с ребенком год. Она вспоминает: "Ночами я стояла у постельки, отбирала клопов и молилась, чтобы Бог не разлучал меня с дочкой. Когда девочка только начала ходить и говорить "мама", ее у меня забрали". Мать — на лесоповал, ребенок — под казенный присмотр. Свидания редкие. Хава Волович пишет: "Дети, которым полагалось сидеть, ползать и ходить, лежали на спинках, поджав ножки к животу, и издавали странные звуки, похожие на странный голубиный стон Они даже не плакали. Они гукали и кряхтели по-стариковски".

У лагерных няnek много работы. Им некогда. Они рационализируют свой труд. Они приносят кипящую кашу. Загибают ребенку назад руки, привязывают полотенцем к туловищу и напихивают горячей кашей. Быстро, ложку за ложкой. Ребенок не может ни глотать, ни дышать. Они делают это даже на глазах у матерей. Рационализация узаконена Ока дает триста детских смертей в год. Хава Волович пишет: "Это дом Смерти Младенца". Те дети, которые выживали несмотря ни на что, к шести-семи годам обладали хитростью и пронырливостью взрослых лагерников-блатарей.

Евгения Гинзбург, мать Василия Аксенова, пишет: "Внешне зги дети мучительно напоминали мне Ваську. Но только внешне. Васька в свои четыре года шпарил наизусть огромные куски из Чуковского и Маршака, а эти дети в четыре года произносили отдельные несвязные слова. Преобладали нечленораздельные вопли, мимика, драки. Откуда же им было говорить? Кто их учил? Кого они слышали? Их и на руки запрещено было брать".

В изоляторе долго умирала пятимесячная девочка. Лицо у нее было такое, что ее прозвали Пиковой дамой. Восьмидесятилетнее лицо, умное, насмешливое, ироническое. Когда она умерла, она снова стала ребенком. Матери рядом не было. Мать угнали в этап.

Вдова поэта Мандельштама свидетельствует: "У глагола "писать" появилось новое значение. Писать отныне означает "доносить, информировать"".

По средним подсчетам, в каждом учреждении каждый пятый сотрудник пишет доносы на своих коллег. Чтобы посадить человека, донос не обязательно подписывать. Одна из самых известных доносчиц — киевская аспирантка Николаенко. Присутствие ее на каком-либо собрании уже в 1936 году вызывает ужас у присутствующих. Дело доходит до того, что второй секретарь ЦК компартии Украины Постышев исключает ее из партии. Однако в 1937-м Сталин говорит. "В Киеве от Николаенко хотели отмахнуться как от докучливой мухи. Они осмелились исключить ее из партии. И лишь вмешательство Центрального Комитета нашей партии помогло распутать этот узел. И что же показало расследование? Оно показало, что права была Николаенко, а не киевский горком партии". Постышева переводят в Куйбышев, где он разворачивает свирепейшие репрессии. Его самого расстреляют в 1938-м.

Николаенко пишет донос на Хрущева, направленного в Киев первым секретарем. Сталин наконец приходит к выводу, что Николаенко психически больна. До этого по ее доносам уничтожены 8000 человек.

Нормальные, порядочные и очень смелые люди сохраняются в самые страшные времена. В 1937-м Марк Романович Малявко на станции Кардымово под Смоленском встречает "детей врагов народа"

из города Сталино. Так назывался нынешний Донецк. Эти дети уже прошли через детприемник, где разлучали братьев и сестер, где их просто сортировали по возрастам, где они уже без слез кричали: "Отдайте сестренку! Верните братика!"

Голос Марка Романовича Малявко на станции Кардымово был первым человеческим голосом для них за долгое время. Он погрузил всех детей в машину, сел последним, всматривался в их лица, спрашивал, кто откуда и нет ли больных. В детском доме всех накормили хлебом с парным молоком и уложили спать в клубе на сене. Наутро повели в баню, одели в старенькое, но чистое и отглаженное. И сказали: завтра все пойдут учиться в школу. Вспоминает А. Семенова, ей вто время четырнадцать: "Вечером Марк Романович собрал старших ребят и сказал: "С этого дня вслух не говорите, откуда вы и кто ваши родители. Вы — сироты. И все. А слова эти — враги народа — выкиньте из головы!"

В этом спецдетдоме вскоре собрались дети четырнадцати национальностей: украинцы, белорусы, евреи, немцы, латыши, хакасы, удмурты, корейцы, китайцы...

55-летний директор спецдетдома Марк Малявко отчаянно храбрый человек. Он начал хлопотать о воссоединении братьев и сестер, раскиданных по стране в соответствии с ежовским указом. Вопреки всем жесточайшим правилам в детский дом к старшим братьям и сестрам прибывали малыши.

Марк Романович Малявко был беспартийным, но ходил к детям на пионерские и комсомольские собрания. На одном таком собрании он сказал: "Я не верю, чтобы у таких детей были плохие родители!"

Он умер в 1950 году. Сорок лет спустя его имя присвоили школе-интернату.

12 декабря 1937 года проходят первые выборы в Верховный Совет СССР. За месяц до выборов из школы домой приходит девочка-семиклассница. Она рассказывает: "Учителя говорят, что необходимо провести массовые аресты прямо сейчас. Мы должны очиститься накануне выборов от нежелательных элементов".

О выборах вспоминает Любовь Шапорина, жена композитора: "Я вошла в кабину, где мне предстояло прочитать бюллетень и выбрать кандидата. В конце концов, "выборы" означают, что у нас есть выбор.

Но в бюллетене значилось только одно имя, к тому же уже помеченное. Я невольно рассмеялась прямо там, в кабине, совсем как ребенок.

На улице мы встретили художника Петрова-Водкина. Мы заговорили на ту же тему, громко смеясь при этом. Позор тем, кто ставит людей в такое смешное и глупое положение. Почему они думают, что мы — дураки?"

1938 год

Трофим Лысенко и Николай Вавилов

12 января 1938 года в Москве в Большом Кремлевском дворце открывается 1-я сессия Верховного Совета СССР. Зал, в котором отныне проходят заседания, сооружен на месте разрушенных Александровского и Андреевского залов. Андреевский зал до революции был тронным.

В 1938-м на месте, где ранее располагался трон, стоит статуя Ленина. Ниже статуи в новом зале заседаний Верховного Совета сооружены трибуны на трех уровнях. Две нижние боковые трибуны предназначены для руководителей партии и правительства. Сталин также сидит на нижней трибуне. Выше располагается трибуна для выступающих. А еще выше, на самом верху, над залом и даже над Сталиным — трибуна для председателей палат советского парламента и их заместителей.

Вот на этой самой трибуне, практически на бывшем тронном месте, в январе 1938 года сидит Трофим Денисович Лысенко. Он академик Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина, ВАСХНИЛ. Он депутат Верховного Совета, он заместитель председателя верхней палаты парламента — Совета Союза. Он беспартийный, но это никого не смущает. Трофим Денисович Лысенко — живое олицетворение единства партии и народа.

Трофим Лысенко

Вместе с Лысенко среди депутатов Верховного Совета — маршал Блюхер. Они вместе проходят регистрацию. 12 января 1938-го. А 31 августа 1938-го Василий Блюхер будет снят с должности и затем арестован. Он погибнет в тюрьме 9 ноября после жесточайших пыток. Приговор ему вынесут четыре месяца спустя, приговор уже мертвому. Ему инкриминируют шпионаж в пользу Японии. Арест Блюхера следует за событиями на озере Хасан и у сопок Заозерная и Безымянная. Локальное военное столкновение с японцами в августе 1938-го заканчивается для СССР большими потерями. Соотношение в потерях с японцами 3 к 1. Хасанские события демонстрируют неготовность СССР к войне. По излюбленной сталинской схеме должен быть найден крайний. Блюхер — третий погибший маршал после расстрелянных Тухачевского и Егорова.

Маршал В. К. Блюхер

В прессе после Хасана общая интонация бравурная, шапкозакидательская.

На 1-й сессии Верховного Совета в 1938-м в числе гостей — самый известный советский журналист Михаил Кольцов. Его арестуют 13 декабря 1938-го. Накануне, 12 декабря, он выступает в клубе писателей с докладом о "Кратком курсе истории ВКП(б)". Он рассказывает, как страна будет переходить от социализма к коммунизму. После этого Кольцов устраивает дружеское застолье. Он весел. Все провожают его к машине. Ночью его арестуют. Расстреляют в 1940-м.

Учебник "Краткий курс истории ВКП(б)", о котором говорил Кольцов, разработан при личном участии Сталина. Из текста

Сталиным изъяты наиболее одиозные восхваления в его адрес, способные вызвать недоверие и усмешку, исключен параграф "Начало революционной деятельности Сталина". Им лично написан параграф второй для главы 4 "О диалектическом и историческом материализме".

Отныне это будет официальным изложением марксистской философии. За 15 лет "Краткий курс" издан тиражом в 42 миллиона экземпляров на 67 языках. Эта книга — советская партийная библия.

За день до открытия 1-й сессии Верховного Совета, 11 января 1938 года, газета "Социалистическое земледелие" публикует редакционную статью под заголовком "Оздоровить Академию сельскохозяйственных наук. Беспощадно выкорчевывать врагов и их охвостье из научных учреждений". К этому времени арестованы подряд два президента ВАСХНИЛ. Первый — Александр Муралов, в прошлом нарком земледелия РСФСР. Он расстрелян. Вслед за Мураловым арестовывают исполняющего обязанности президента ВАСХНИЛ Георгия Мейстера. На посту он пробыл два месяца.

Михаил Кольцов

Мейстер — выдающийся ученый-селекционер. Сорты яровой пшеницы, выведенные им, высевают на площади вдвое большей, чем посевная площадь пшеницы во Франции. Мейстер в прямом смысле кормилец страны. Арестован как враг народа. В тюрьме сойдет с ума и погибнет. Реальный повод для ареста Мейстера — его выступление с критикой научных подходов Лысенко.

Идет второй год Большого террора. Арестованы и расстреляны практически все высшие госчиновники, руководившие сельским хозяйством. До весны 1938 года ВАСХНИЛ руководит в должности

вице-президента академик Николай Иванович Вавилов. Таким образом, январская статья в газете "Социалистическое земледелие" с требованием выкорчевывать врагов в Сельскохозяйственной академии направлена непосредственно против академика Вавилова. В конце февраля 1938-го на должность президента ВАСХНИЛ назначается Лысенко.

В апреле, через месяц после назначения Лысенко, газета "Правда" пишет: "Последствия вредительства еще далеко не изжиты.

Вражеские корешки далеко не выкорчеваны в Академии". Вслед за этим Вавилова убирают с поста вице-президента. По сути, с этого момента они оба, Лысенко и Вавилов, будут ждать ареста. Академик Вавилов — своего. Академик Лысенко — ареста Вавилова.

Название Александровского зала, уничтоженного вместе с Андреевским в Большом Кремлевском дворце, связано с орденом Святого Александра Невского, одним из высших российских орденов, Зал был украшен шестью картинами из жизни князя Александра Невского, на плафоне инициалы ордена SA — Sanctus Alexander — Святой Александр. Ничего этого больше не существует в 1938-м. Но Сталин по-своему использует весь ореол князя, причисленного к лику святых, эксплуатирует его имя в соответствии с внешнеполитическими задачами 1938 года.

Весь 1938 год Сергей Эйзенштейн снимает фильм "Александр Невский". Знаменитая сцена Ледового побоища Александра Невского с псами-рыцарями снимается летом в Москве в 30-градусную жару. Возле "Мосфильма", на Потылихе, заасфальтировано поле, засыпано опилками, нафталином и солью, залито жидким мелом и стеклом. Так создается скованное льдом Чудское озеро. В первоначальной версии фильма Александр Невский погибал, отравленный людьми из ближайшего окружения. Сталин дает указание изменить финал.

Премьера фильма состоялась 23 ноября 1938 года в Большом театре. Выбор Большого театра для этой премьеры выглядит естественно. Музыка к фильму написана Сергеем Прокофьевым.

Через год, осенью 1939-го, после подписания пакта Молотова-Риббентропа, означавшего дружбу с гитлеровской Германией, фильм "Александр Невский" будет снят с проката.

Фильм вновь выйдет на экраны уже во время войны, осенью 1941-го. Осенью 1941 года в связи с эвакуацией из Бутырской тюрьмы в Москве в Саратовскую тюрьму № 1 этапом отправлен заключенный академик Вавилов. Он сидит уже больше года. Ему инкриминированы измена родине, шпионаж, контрреволюционная деятельность, а также вредительство в системе ВАСХНИЛ. В июне 1941-го Вавилов приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Он пишет прошение о помиловании. Нарком внутренних дел Лаврентий Берия обращается в Президиум Верховного Совета СССР с запросом о замене смертной казни длительным сроком заключения. Просьба Берии удовлетворена. Берия лично хорошо знаком с Вавиловым, Они не раз встречались в семейном кругу и в Грузии, и в Москве. Но это ровным счетом ничего не значит. Именно Берия еще в июле 1939-го запрашивал у пред-совнаркома Молотова санкцию на арест Вавилова. Берия мотивировал запрос следующим образом: "Вавилов и возглавляемая им буржуазная школа так называемых "формальных генетиков" организует систематическую кампанию, которая призвана дискредитировать академика Лысенко как ученого". В 1939-м санкцию на арест Берия не получил. Вавилова арестуют через год. Незадолго до ареста происходит встреча двух академиков, Вавилова и Лысенко, — на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке — ВСХВ, впоследствии переименованной Хрущевым в ВДНХ. Между Вавиловым и Лысенко завязывается яростный спор. В какой-то момент Вавилов хватает Лысенко за отвороты пиджака. "Не троньте меня! — кричит Лысенко. — Вы не имеете права. Я депутат Верховного Совета СССР. Это вам плохо кончится!"

Вскоре после этой сцены Вавилова командируют в Закарпатье. Только что Закарпатская Украина, как и прибалтийские государства, поглощены СССР по советско-германскому пакту Молотова-Риббентропа. Вавилова направляют на изучение новых советских земель.

Н. И. Вавилов

За два дня до отъезда Вавилов приходит в здание президиума ВАСХНИЛ к Лысенко. Лысенко — президент ВАСХНИЛ. Президиум ВАСХНИЛ — в том самом доме в Харитоньевском переулке, куда Пушкин привозит в "Онегине" свою Татьяну. После короткого разговора с Лысенко Вавилов, красный, выходит из кабинета со словами: "Из-за вашей деятельности нашу страну обогнали на Западе по многим вопросам".

Деятельность Лысенко в целом, а в особенности по разгрому советской генетики действительно носит вредительский характер.

Повод для разгрома целого направления в науке у Лысенко очень веский. Лысенко карьерист. В сталинские времена карьеризм означал склонность к выживанию и продвижению вверх ценой других человеческих жизней.

Главный соперник Лысенко — Вавилов. Об этом бесхитростно сказал выступая на одном из собраний, поклонник Лысенко аспирант Донской: "Лысенко прямо заявил: или я, или Вавилов, четко, определено и очень толково. Он говорит: пусть я ошибаюсь, но одного из нас не должно быть".

Т. Д. Лысенко

Именно из этого тезиса вытекает все уничтожение генетики и все лысенковское словоблудие. Отсюда: генетика — лженаука, генетика — служанка ведомства Геббельса, генетика — продажная девка империализма.

Сталину — нравится. Это способ давления на естественную науку. Гуманитарное-то направление давно под колпаком. Генетика теперь просто убита. Лысенко приговаривает: "Кое-кто из ученых поспешил высмеять нас. А ведь сейчас, пожалуй, тем, кто смеялся, уже не до смеха".

Расстреляны генетики Николай Тулайков, Георгий Карпеченко. Елена Эмме повесилась в камере. Григорий Левитский, Константин Фляксбергер и Леонид Говоров умерли в заключении.

Академика Николая Кольцова будут вызывать на допросы после ареста Вавилова. Он будет тверд, честен, будет пытаться облегчить судьбу Вавилова. Вскоре умрет от разрыва сердца. Его жена покончит с собой.

Взлет Лысенко был молниеносным. В 1925 году Трофим Лысенко уезжает с родной Украины в Азербайджан. Дело в том, что в Белой Церкви на Украине, где он работал на селекционной станции, он ухаживал за женщиной. Она была замужем. Муж вмешался. Вот тут Лысенко и уехал в Азербайджан, на центральную опытную станцию имени товарища Орджоникидзе. Лысенко начал сеять горох. Он успел посеять его только один раз, получил неплохой разовый результат — и тут приехал корреспондент газеты "Правда".

В "Правде" появляется статья, герой которой — крестьянский парень агроном Трофим Лысенко. Читаем: "Университетов не проходил, мохнатых ножек у мушек не изучал, а смотрел в корень". Далее следует чисто человеческая характеристика Лысенко: "Если судить о человеке по первому впечатлению, то от этого Лысенко остается ощущение зубной боли. Только и помнится угрюмый глаз его, ползающий по земле с таким видом, будто по крайней мере собрался он кого-нибудь уколошить". А финал статьи лучезарен и безоснователен: "У босоногого профессора теперь есть последователи, ученики, приезжают светила агрономии, признательно жмут ему руку". Больше Лысенко горох не сеял. Он отказался. Но его не выгнали с работы. Напротив, ему дали помощников. Лысенко начал изучать влияние температурного фактора на развитие растений. Наблюдал недолго. С осени по весну. Выпустил брошюрку.

Уже через год после этого Лысенко выступает в Ленинграде на огромном Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству. На этом съезде председательствует Вавилов. С большой речью на открытии выступает Киров. Лысенко в своем докладе в этой аудитории заявляет, что он пришел к революционной идее, которая произведет переворот во всем сельском хозяйстве. Суть в том, что, если подержать семена озимой пшеницы на холоде, их можно сеять весной как яровые. Лысенко утверждает: все доказано, можно переходить к практике. В "Ленинградской правде" в репортаже со съезда имя Лысенко не упоминается. Зато через три месяца центральная пресса пишет. "Колхозник артели "Большевицкий труд" на Полтавщине Денис Никанорович Лысенко (отец Трофима Лысенко) высеял весной два мешка озимой пшеницы, закопанной в снег на всю зиму, и будто бы собрал невиданный ранее урожай".

Поговаривали, что Денис Никанорович закапывал зерно не в целях эксперимента, а в надежде укрыть его во время раскулачивания. Но это вроде как уже не важно. Летом, 21 июля 1929 года, еще до сбора урожая, об успехах колхозника пишет "Правда". Потом статьи в газете "Экономическая жизнь". Через два месяца в "Правде" о том же — статья наркома земледелия Украины Шлихгера. Нарком пишет:

"Соседи, узнав, что старик Лысенко посеял в мае озимую пшеницу, решили, что он сошел с ума — "задурів старий". Но молва о

"чудесном посеве" росла по мере роста озимых". Кроме того, из текстов всех статей получалось, что, может быть, специальное зерно привез отцу его сын Трофим. Лысенко, по дороге на съезд генетиков в Ленинград. Или сын-ученый велел отцу морозить зерно. А кроме того, писали, что старик Лысенко со снопиком пшеницы, выращенной благодаря сыну, приезжал в Наркомат земледелия. Нарком земледелия прямо пишет: "Открытие агронома Лысенко превращает озимые культуры в яровые". Слово "открытие" в научном лексиконе предполагает длительное подтверждение в ходе эксперимента. Но поспешность наркома земледелия Украины в 1929 году можно понять. Украина после начала коллективизации напрочь лишена хлеба. Наркому хочется чуда. А тут старик Лысенко со своим сыном и фантастическими цифрами урожая. Ученые относятся к разговорам о лысенковском открытии уважительно, но осторожно. Мол, и раньше было известно о холодной обработке зерна, но внедрять это в широких масштабах преждевременно. Началась была дискуссия в "Сельскохозяйственной газете". Конец ей положила статья 19 ноября 1929 года под броским заголовком "Яровизация озимых — новое завоевание в борьбе за урожай. Опыты Лысенко вплотную подводят нас к решению зерновой проблемы". Очевидно, что такова официальная точка зрения.

То, что открытие Лысенко не приносит плодов, никого не смущает.

В конце 1929 года под Лысенко создают большую лабораторию в Одесском институте селекции и генетики. Именно здесь Лысенко заявляет: новому селу нужна новая наука, и он ее создаст. Это 1930 год. Самый разгар коллективизации. Полный слом всего, что было раньше в деревне, неразбериха. В этой неразберихе Лысенко призывает сеять озимую пшеницу весной. Он сочиняет нехитрую анкету, рассылает ее по колхозам, чтобы несчастные деревенские жители отслеживали собственную работу. Полным ходом идет раскулачивание, загон людей в колхозы, а тут эти анкеты. Их заполняют случайными цифрами. Цифры ничего не отражают. Партийные органы прессуют. В газетах появляются лозунги: "Дадим по рукам антияровизаторам. Враг у стен амбара". В каждой колхозной анкете цифры преувеличены "немножко". Общий обман гигантский.

На Лысенко обращает благосклонное внимание нарком земледелия СССР Яковлев.

В 1937 году в статье "Мой путь в науку" в газете "Правда" Лысенко честно напишет: "Имея способности и желание, в нашей стране легко стать ученым. Сама советская жизнь заставляет становиться а той или иной степени ученым. У нас очень трудно и даже невозможно провести резкую, непреходимую грань между учеными и неучеными".

Главный лысенковский принцип: выдвинуть фантастическую идею и, не дожидаясь ее реализации, вовремя вытеснить ее другой, еще более фантастической и потрясающей воображение. Скажем, можно увеличить урожайность всех без исключения сортов, если перемешать наследственные задатки растений. Это очень просто. Нужно только, чтобы все колхозники взяли в руки пинцеты, обрывали чешуйки на цветках, удаляли пыльники, то есть кастрировали растения и давали им оплодотворяться пылью, носящейся в воздухе. Колхозников начали учить. Они были не в курсе, портятся или обновляются семена от их действий. Но колхозникам записывают трудодни за работу, и они ползают на коленках по полям. Лысенко выпускает собственный журнал "Яровизация". Он публикует письма-отчеты колхозников. "Недавно прошли 4-дневные курсы по селекции. Приехав домой, я подготовила себе 5 женщин. Прокастрировали мы 3400 колосьев и каждый обозначали ленточкой и флажком с фамилией. Председатель колхоза привел фотографа, который сфотографировал нас за работой". Подпись: Анна Михайловна Ткач, зав. Хатой-лабораторией.

Председатель Криворожского горсовета Чебукин шлет телеграмму Лысенко: "Кастрировано 129 тысяч колосьев яровой". Лысенко рапортует в ЦК и Наркомзем, обещает громадную эффективность. Через год результатов нет. Лысенко пишет: "Узким местом стало наличие пинцетов. Спрос на пинцеты в СССР возрос в десятки раз. Промышленность должна удовлетворить спрос на пинцеты". Пока не хватает пинцетов, решили работать ножницами. На сессии ВАСХНИЛ в 1936 году Лысенко говорит: "Нам потребуется для этого дела 500 тысяч ножниц. И необходимо подготовить 500 тысяч колхозников". Но ножниц тоже нет. Возвращаются к пинцетам. В газетах печатаются советы колхозным кузнецам, как самим изготовлять пинцеты. Лысенко

уже заявляет. "Нам потребуется 800 тысяч пинцетов и 800 тысяч колхозников".

Кроме того, пшеницу легко можно превратить в овес, овес в овсюг, граб в лещину, сосну в ель, ель в сосну, а из яиц пеночки может вылупиться кукушка.

Авантюрный, не отработанный ни наукой, ни крестьянской практикой озеф пассивых (извините, посев озимых), так же как и посадка картошки в середине лета, внедряется повсеместно правительственными постановлениями. Перепорчены основные сорта зерновых культур, что на много лет вперед снижает их урожайность. И это при том, что после раскулачивания сортового зерна в стране и так почти нет. Эта вакханалия в деревне была бы невозможна, если бы не раскулачивание. Опытные, практичные, ответственные за свое хозяйство крестьяне остановили бы безумие. Теперь их нет. Они сосланы вместе с потомством, и землю некому защищать.

Был и второй фактор, который обеспечил востребованность Лысенко. Голод 1931–1933 годов, карточки 1934-го, новая волна голода в 1936-м делает лысенковские обещания хлеба и картошки психотерапией для населения. Власть в целях самозащиты раскручивает этого народного академика.

Трофим Лысенко на всю жизнь сохранит презрение к образованию, к книге. Он никогда не сдает никаких экзаменов, положенных для получения научной степени, принципиально не пишет ни кандидатской, ни докторской диссертаций.

В конце 50-х годов он будет хвалиться, что на него работает большой штат переводчиков, и при этом приговаривает: "Только на труда этих бусурман коситься нечего. Своим умом до всего надо доходить и пореже на авторитеты полагаться, в особенности на западные, а то не ровен час и не туда заведут". Но необразованность Лысенко никогда не мешает ему понимать, чувствовать логику советской системы.

Академик Лысенко

В 1935 году Лысенко выходит на трибуну в Кремле на встрече Сталина с ударниками сельского хозяйства. "Товарищи, — говорит Лысенко, — вредители-кулаки встречаются не только в вашей колхозной жизни. Не менее закляты они и для науки. Немало пришлось кровушки попортить во всяческих спорах с так называемыми "учеными".

И в ученом мире, и не в ученом, а классовый враг — всегда враг". Зал разражается аплодисментами, хотя Лысенко делает публичный донос на своих коллег. Лысенко продолжает: "Многие ученые говорили, что колхозники не могут заниматься генетикой, потому что для этого надо закончить институт. Но это не так. На основе единственно научной методологии, единственно научного руководства, которому нас ежедневно учит товарищ Сталин, это дело вытягивается колхозами". Лысенко заканчивает: "Я уверен, что плохо изложил вопросы по генетике. Я не оратор, я только яровизатор".

Сталин встал с места и крикнул: "Браво, товарищ Лысенко, браво!"

Трофим Лысенко — наследник Григория Распутина. По дикости, по безответственности, по размаху. Он так же, как Распутин, эксплуатирует свое простонародное происхождение. И так же производит гипнотическое действие на власть. Разница в одном: Распутина российское общество отторгло. Советское общество принимает Лысенко на ура. Лично Сталина Лысенко вряд ли мог обмануть. Сталинское театральное "браво" — это оценка Лысенко как артиста, народного артиста. Лысенко обещает чудеса. В стране

воинствующего атеизма люди в эти чудеса верят. Это хорошо. Ожидание чудес заменяет еду.

На той же встрече Сталина с колхозниками выступает Вавилов. Когда он поднимается на трибуну, Сталин выходит из зала. В отсутствие Сталина Вавилов говорит: "Я должен отметить блестящие работы, которые ведутся под руководством академика Лысенко". Весь взлет Лысенко идет на фоне поддержки со стороны Вавилова.

Вавилов не поддадал под воздействие лысенковской личности. Он запал на идею, которую Лысенко украл у биологов Гаснера и Зайцева и которую Лысенко безграмотно оттаптывал. Дело в том, что Вавилов в 110 экспедициях по всему миру собрал уникальную коллекцию растений и семян. На сегодня четверть растений из вавиловского собрания уже считаются вымершими. Современная западная оценка стоимости коллекции — 8 триллионов долларов.

Мечта Вавилова — на основе коллекции получить новые высококачественные сорта. Работа с этой коллекцией и ныне может обеспечить выживание всего человечества. В вульгарных попытках Лысенко беспорядочно морозить семена ученый Вавилов выхватывает рациональное зерно для своих будущих экспериментов. Кроме того, ему безумно хочется заняться экспериментом и оторваться от огромной административной работы.

В 1932-м Вавилов рекомендует Лысенко для поездки на Конгресс генетиков в США. Лысенко не едет, но Вавилов говорит о нем на конгрессе. В 1933-м Вавилов выдвигает Лысенко в кандидаты на премию имени Ленина. Он пишет: "Мы бы считали товарища Лысенко одним из первых кандидатов на получение премии". Премию не дали. В феврале 1934-го Вавилов рекомендует Лысенко в члены-корреспонденты АН СССР Не избрали. В 1938-м Лысенко выдвинут сразу в академики. Он будет избран действительным членом АН СССР в январе 1939-го вместе с прокурором СССР Вышинским.

Поддержка, которую Вавилов долго оказывал Лысенко, может иметь и дополнительное объяснение, совсем другого сорта. Лысенко — сталинская звезда. А социальный состав вавиловского института крайне сомнителен по тем временам. В группе старших специалистов — дворян четвертая часть. Среди младших сотрудников — около 15 процентов. Кроме того, сыновья промышленников и бывших крупных

землевладельцев. Еще в феврале 1930 года "Правда" выступила со статьей под зловещим заголовком "Институт благородных ботаников".

Вероятно, Вавилов полагает, что, поддерживая Лысенко, он с большим успехом может вызволять арестованных сотрудников института. Волна арестов накрывает институт еще в 1932-м. С 1932-го по 1937 год Вавилов обращается к наркому земледелия Яковлеву с просьбой об освобождении 44 ученых. Это — личное вавиловское бесстрашие. Яковлев, в отличие от других наркомов, часто идет навстречу просьбам Вавилова.

А может быть, достаточно долгое увлечение Вавилова Лысенко объясняется происхождением Вавилова.

У Николая Ивановича Вавилова с Трофимом Денисовичем Лысенко были разные стартовые позиции. Лысенко — выходец из крестьянской семьи. Вавилова от крестьянской среды и по отцовской, и по материнской линии отделяет целое поколение. Вот эта разница в одно крестьянское поколение в сочетании с совершенно разными политическими условиями, в которых два молодых человека входят в жизнь, определит судьбу каждого из них, их отношения между собой и с властью. У Лысенко его "крестьянство" будет главным козырем, у сына бывшего крепостного Вавилова все будет сложнее.

Нарком земледелия Я. А. Яковлев (слева)

Отец Николая Ивановича, Иван Ильич, после отмены крепостного права ушел в Москву, где попал на работу к владельцам Прохоровской мануфактуры, ныне "Трехгорка". У сына бывшего крепостного открылся талант коммерсанта и промышленника. Он стал содиректором Прохоровской мануфактурфы, открыл собственное дело.

У него торговый ряд в самом известном московском магазине — "Петровском пассаже". Он очень смел в бизнесе. Он становится миллионером. После 1917 года резко уезжает за границу. Семья остается в России.

Еще в революцию 1905 года 17-летний Николай Вавилов с младшим братом Сергеем участвуют в уличных событиях на Красной Пресне. Это можно было бы списать на юношеский, студенческий радикализм. Но последующая биография Николая Вавилова говорит о том, что дело было не в возрасте. Николаю Вавилову, вероятно, не удалось избежать своеобразного отечественного комплекса вины перед народом. Он был у него вдвойне силен: во-первых, как у русского интеллигента перед безграмотным народом, во-вторых, как у сына успешного бизнесмена — выходца из простых. Это настроение Вавилова проявится и в отношении к Лысенко. Вавилов видит всю недоученность Лысенко, но относит ее на счет исторических российских обстоятельств, а значит, обязан помогать и покровительствовать ему.

Сын миллионера Николай Вавилов в 1911 году получает диплом агронома. У него очевидные исследовательские интересы. Он активен, он ищет возможности научной работы. Он просит принять его практикантом к крупному российскому ботанику Регелю в петербургское Бюро по прикладной ботанике, которое ведет самостоятельную научную работу, руководит сетью опытных станций и консультирует Министерство земледелия России. Вавилова принимают в Бюро стажером.

За шесть дореволюционных лет Вавилов успеет пройти 14-месячную стажировку в Кембридже, поработает в Германии и во Франции, будет преподавать в Петербурге и в Саратове, съездит в экспедицию в Персию и получит приглашение занять пост заместителя начальника Отдела прикладной ботаники в Министерстве земледелия России.

В представлении на должность Вавилов получает исключительно высокую оценку: "В лице Вавилова мы привлекаем молодого ученого, которым еще будет гордиться русская наука". Его непосредственный начальник профессор Регель пишет Вавилову: "Сожалеею, что это радостное событие для нас нельзя подкрепить соответствующими пожеланиями проглатывая при этом подходящую жидкость за общим

столом или столиком". Невозможность посидеть за столом или столиком объясняется просто: письмо датировано 25 октября 1917 года, то есть днем Октябрьского переворота.

Профессор Р. Э. Регель

Вавилов вписывается в новую политическую ситуацию.

В 1921 году он уже возглавляет отдел в Народном комиссариате земледелия. С 1918-го по 1921 год Вавилов совершает поездку в США; будучи в Европе, встречается в Берлине с отцом. И, самое главное, в 1920 году на съезде селекционеров он делает доклад под названием "Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости". Реакция аудитории однозначна: "Вавилов — наш Менделеев". То есть если периодический закон Менделеева позволяет определить свойства еще не открытых элементов, закон Вавилова дает возможность предсказать существование тех растений, которые не известны, но будут обнаружены впоследствии.

В Наркомземе его назвали "гордостью советской науки" и назначили директором Государственного института опытной агрономии — главного в стране научного сельскохозяйственного учреждения. Вавилов, видимо в отца, оказывается отменным администратором.

В 1924 году специально под Вавилова создается новый институт. Сначала это Институт прикладной ботаники и новых культур. Потом — Всесоюзный институт растениеводства, попросту ВИР. Институт базируется в Ленинграде, но открывают его в Москве, в Кремле.

Задача института — повысить урожайность всех сельскохозяйственных угодий СССР. Институт имеет

представительство в Нью-Йорке. На место председателя научного совета института Вавилов предлагает Николая Горбунова. Он старый большевик, личный секретарь Ленина. В 1924 году это еще имеет значение. Но это не главное.

Николай Горбунов — управляющий делами Совнаркома СССР. Дружба Вавилова с Горбуновым решает многие организационные и финансовые вопросы. Ход Вавилова с Горбуновым означает, что Вавилов отлично ориентируется в советской системе хозяйствования и знает наиболее короткие и успешные пути в этой системе. Его институт напрямую подчиняется правительству. Дружба с Горбуновым, масса других связей на самом высоком уровне, быстрое развитие карьеры очень способного ученого Вавилова определяют его позитивное отношение к советской действительности. Он совершенно не оппозиционен. Вавилов постоянно ездит по всему миру и легко мог бы не вернуться. Он не оппозиционен настолько, что в 1927 году уговаривает отца вернуться и привозит его в СССР. Тот на родине через два месяца умирает.

Н. И. Вавилов. 20-е годы

Н. П. Горбунов, управляющий делами Совнаркома

В 1926-м Вавилов получает премию имени Ленина, он член ЦИК СССР. В 1929-м его избирают академиком. Причем его кандидатура входит в список, утвержденный Политбюро.

Этот список включал людей трех категорий. Под номером один шли члены ВКП(б). Под вторым номером — "кандидаты ближе к нам" — Под третьим — "кандидаты приемлемые". Вавилов был приемлемым, что очень неплохо в 1929 году для сына миллионера-эмигранта. В 1930-м он получает еще и Институт генетики в Москве. К 1930 году в ленинградском ВИРе работает более 1000 сотрудников, в 1935-м — 1700. В физтехе у Иоффе только сто. Сам Вавилов читает лекции, выступает с докладами, просматривает массу иностранной литературы. Кроме того, он посещает театральные премьеры, дружит с писателями и актерами, он нравится женщинам. Он спит четыре-пять часов в сутки.

Вместе с Вавиловым в академики в 1929 году избирался Бухарин. Он проходил по первой категории, как член ВКП(б). Он член партии с 1906 года.

Н. И. Бухарин

В 1938-м, в марте, суд над Николаем Бухариным, проходящим по делу о так называемом Антисоветском правотроцкистском блоке, завершает череду сталинских показательных антипартийных процессов. Бухарина, "любимца партии" по ленинскому выражению, Сталин оставил себе на десерт.

Бухарин расстрелян в ночь на 14 марта 1938-го. В мае 1938-го Николай Вавилов подписывает обращение к Сталину с одобрением репрессий и желанием "помочь очистить всю нашу страну от остатков троцкистской и прочей контрреволюционной мрази". До этого, в 1937-м, вместе с несколькими академиками Вавилов поставил подпись под телеграммой в газету с одобрением расстрела Тухачевского. В свое время Вавилов приветствовал коллективизацию.

На пленуме ВАСХНИЛ в мае 1930 года он говорил: "Товарищи! От десятков миллионов разрозненных индивидуальных хозяйств, построенных на эгоистических принципах, на тысячелетней рутине, мы переходим гигантскими шагами к укрупненному хозяйству, построенному на данных науки. Мы наблюдаем небывалый размах земледелия".

Н. И. Вавилов. 30-е годы

Несомненно, публичность Вавилова — а он публичный человек — работает на успех его институтов. Но он безусловный советский патриот, несмотря ни на что. В 1930 году во время поездки в Штаты он встречается с не вернувшимся в СССР ученым Добржанским. Разговор происходит в Национальном парке секвой. Их никто не слышит. Добржанский вспоминает: "Вавилов говорит, что нигде в мире работа ученого не ценится столь высоко, как в СССР. Только ради этого можно простить жесткость режима".

Летом того же 1930 года, когда происходит разговор в Национальном парке секвой, в СССР арестовывают выдающихся экономистов-аграрников Чаянова и Кондратьева, с которыми Вавилов хорошо лично знаком по Наркомзему.

Чаянов и Кондратьев проходят по делу о никогда не существовавшей трудовой крестьянской партии. Реакция Вавилова на их арест неизвестна. Чаянов, однокашник Вавилова, будет расстрелян в 1937-м, Кондратьев — в 1938-м.

Дало на самого Вавилова, основанное на ложных доносах, раскручивается с 1930 года. Сталин хода делу не дает долго, хотя поощряет публичную антивавиловскую активность Лысенко. 8 мая 1938-го Лысенко приглашают в Совнарком, то есть в правительство, на встречу с крайне узким кругом ученых. Руководство страны по мотивам встречи указывает: "В некоторых институтах находит пристанище лженаука". 17 мая 1938 года в Кремле на банкете с учеными и преподавателями высшей школы Сталин призывает к борьбе "со старыми авторитетами со жрецами науки, замкнувшимися в скорлупу". Вслед за этим президиум Академии наук заявляет: "В

некоторых институтах раболепие перед реакционными идеями западной науки далеко не изжито. Примером является Институт генетики".

Некоторое время после этого мощнейшего нажима опытный администратор Вавилов лавирует, публично признает ошибки, произносит: "Речь товарища Сталина должна стать исходным пунктом плодотворного подъема советской генетики".

И сразу вслед за этим Вавилов-ученый берет верх над Вавиловым-администратором с его многолетними советскими привычками и инстинктом самосохранения. Николай Вавилов пишет наркому земледелия: "Пользуясь своим положением, Лысенко начал расправу со своими идейными противниками. Его административное положение, малая культурность приводят к внедрению его весьма сомнительных идей".

А в марте 1939-го Николай Вавилов публично произносит: "Пойдем на костер, но от своих убеждений не откажемся".

В ноябре 1939-го Вавилова вызывают к Сталину. Два часа ожидания в приемной. К Сталину допущен в двенадцать ночи. Сталин на приветствие Вавилова не отвечает. Вавилов докладывает о работе института. Сталин прерывает его: "Ну что, гражданин Вавилов, так и будете заниматься цветочками, лепесточками и прочей ерундой? А кто будет заниматься урожайностью полей?" Вавилов пытается дать объяснения по существу. Сталин обрубает: "У вас все, гражданин Вавилов? Идемте. Вы свободны".

Вавилов свободен еще полгода.

В ноябре 1938-го с поста наркома внутренних дел снят Ежов. Еще в бытность главой НКВД Ежов заодно возглавлял Наркомат водного транспорта. После снятия с НКВД он остается на водном транспорте. И к тому же секретарем ЦК. 10 апреля 1939-го Ежова арестовывают за неудовлетворительную работу водного транспорта, а также за перегибы во время операции 1937–1938 годов, вошедшей в историю как Большой террор. Впоследствии обвинение включает в себя шпионаж в пользу Польши, Германии, Англии и Японии и заговор против партии и правительства. Расстрелян Ежов в 1940-м. На месте Ежова в НКВД появляется Лаврентий Берия.

17 ноября 1938 года выходит постановление Совнаркома и Политбюро "Об ограничении репрессий". Это документ о прекращении Большого террора, но не о прекращении террора вообще. Репрессивный аппарат нащупывает новые методы работы. Одним из них вскоре будет организация знаменитых "шарашек" — специальных зон для людей с выдающимися интеллектуальными способностями, где они будут эксплуатироваться в стратегических целях в лагерном режиме. В шарашке выжить легче. Позже работу таких шарашек подробно опишет А. И. Солженицын в своем романе "В круге первом". В шарашке будет работать авиаконструктор Сергей Королев. Он арестован 28 июня 1938 года. Николаю Вавилову в шарашку попасть не суждено.

Сокамерник Вавилова по фамилии Лобов напишет заявление в следственную часть: "Вавилов Н. И. проникнут особой враждебностью к руководителям и вождям партии и правительства, в первую очередь в отношении И. В. Сталина и В. М. Молотова. Он считает их "простыми смертными, как и все люди, а не теми богами, какими их сделали пресмыкающиеся". Политический режим в стране называет "узурпаторским".

В НКВД Вавилова пытали, доводили до состояния невменяемости. Вавилов соглашается с обвинением во вредительстве. Потом из него вытягивают показания на его коллег.

Из Саратовской тюрьмы во время войны Вавилов пишет Берии. Просится на фронт. Умрет в тюрьме в 1943 году от истощения, и его тело бросят в общую яму.

Трофим Лысенко доживет до 1976 года. Удача ему практически не изменяет. Даже при том, что его родной брат во время войны сотрудничал с немцами.

О себе Лысенко говорил: "В нашем Советском Союзе, товарищи, люди не рождаются, рождаются организмы, а люди у нас делаются. И вот один из таких сделанных людей — я. Я не родился человеком, а сделался. Это больше, чем быть счастливым".

1939 год

Николай Крючков

Летом 1939 года по всей стране крутят кинофильм "Трактористы". Визитная карточка фильма — музыка. Точнее, две песни и обалденная улыбка Крючкова. Братья Даниил и Дмитрий Покрасс пишут сразу два хита для одного фильма.

Старший брат Семен Покрасс в 1919 году написал по красноармейскому заказу знаменитую песню "Белая армия, черный барон", а в 1924 году уехал в Штаты. Он становится Сэмом Покрасс, успешным автором киномузыки в Голливуде. Он пишет для американского варианта "Трех мушкетеров". Этот фильм обожают Ворошилов и напевает мотивчик старшего американского Покрасса. Однажды Ворошилов позволяет себе шутку в адрес младших братьев Покрасс: "Лучше, ребята, если бы вы поехали в Америку, а вот Семен — остался".

Комитетом по делам кинематографии в 1939 году руководит Семен Дукельский. Он приходит на место расстрелянного Бориса Шумяцкого. Вспоминает кинорежиссер Михаил Ромм: "Ну, правда, когда Шумяцкого арестовали, было в Москве большое торжество. Очень его не любили. В "Метрополе" режиссер Борис Барнет пьяный напился. Все ходили веселые. Хуже, говорили, не может быть".

Братья Покрасс

Дукельский до назначения на место расстрелянного Шумяцкого возглавлял Воронежское управление НКВД. Он лично контролировал находившегося в воронежской ссылке поэта Мандельштама. Начинал Дукельский тапером в немом кино. В 1938-м Дукельский против того, чтобы в фильме "Трактористы" снималась Марина Ладынина. Режиссер Иван Пырьев уперся. Ладынина — его жена. Ладынина снимается.

Дукельского вскоре с кинематографии переведут на руководство Морским флотом СССР. Всю советскую культуру с июня 1939 года курирует бывший прокурор СССР, а ныне заместитель председателя Совнаркома Вышинский.

Семен Дукельский

Когда в конце 1939-го скончается артист Борис Щукин, именно Вышинский сообщит Сталину о скоростижной смерти исполнителя роли Ленина. Сталин отреагирует: "Хотел бы знать, кто лечил Щукина. Почему не сообщили нам о его болезни, о характере болезни. Предлагаю расследовать это дело без шума, поручив расследование лично Вышинскому и Берия". Бывший прокурор Вышинский будет плотно курировать культуру до того момента, когда перейдет к обязанностям замнаркома иностранных дел.

В 1939 году фильм "Трактористы" выходит на экраны страны без упоминания режиссера Пырьева в титрах. Пырьев потребовал убрать свою фамилию, после того как председатель комитета по кинематографии Дукельский вырезает 600 метров отснятого

материала. "Трактористы" выходят в свет в редакции цензора Дукельского.

Михаил Ромм вспоминает о стиле работы главы советской кинематографии. Дукельский вызвал Ромма к себе к двум часам. Ромм явился. Дукельский спрашивает:

— Вы кто?

Ромм отвечает:

— Я — Ромм, кинорежиссер, вы меня вызывали.

— Когда? — раздражается Дукельский.

— В два часа.

— А сейчас сколько?

— Два часа.

— Четырнадцать! Четырнадцать! — кричит Дукельский. — Два часа — это ночью бывает. Вы, творческие работники, к порядку не привыкли, а у меня будет порядок.

Вызов людей по ночам — это сталинская манера работы. Она перенимается начальниками всех уровней. Тиражирование личных сталинских привычек по всей бюрократической вертикали делает советскую систему монолитной. Внешние проявления в виде ночных совещаний отражают суть системы. Она построена на произволе. Она келейна. В 1939-м, после 1937-го и 1938-го, кадры этой системы в прямом смысле готовы на все. Хотя не все физически и психически способны вынести ночную жизнь по-сталински. Она прекратится только со смертью Сталина. День снова станет днем, а ночь просто ночью.

Звезда кинематографа, который принято называть сталинским, исполнитель главной роли в фильме "Трактористы" артист Николай Крючков до смерти Сталина не был членом партии. В партию он вступает в 1953 году. Исполнительница главной женской роли в "Трактористах" Марина Ладынина в партию не вступит никогда. Режиссер самых знаменитых фильмов 30-40-х годов Иван Пырьев получит партбилет в 1956-м, в год хрущевского, антисталинского XX съезда.

Сталину фильм "Трактористы" нравился. Конечно, это не "Чапаев", которого Сталин смотрел 17 раз. Тем не менее "Трактористов" Сталин хорошо запомнил. Осенью 1946-го в Кремле на встрече с ведущими кинорежиссерами Сталин идет вдоль рядов,

останавливается и рассматривает сидящих перед ним. Потом Сталин подходит к Молотову и спрашивает: "Который из них "Трактористы"?"

Николай Крючков в фильме "Трактористы"

Иван Пырьев вспоминает: "Он стал рассматривать меня как какую-нибудь картину. Мне стало жутковато. Я тоже смотрел на него. Он какой-то голубенький. Седенький, лицо в синих прожилках. Мундирчик из голубого генеральского сукна".

Сталинское воспоминание о "Трактористах" в послевоенном 1946-м не может быть случайным. Это кино напрочь сцеплено для него с предвоенным 1939 годом. Комедия из колхозной жизни — на самом деле исторический документ, говорящий как о внутренней, так и о внешней советской политике. 1939-й — год большой, мировой внешней политики.

Фильм "Трактористы" начали снимать осенью 1938-го. Крючков, то есть герой Крючкова, едет с Дальнего Востока, и, очевидно, подразумевается, что он — участник событий на озере Хасан. Локальное военное столкновение с японцами заканчивается для СССР большими потерями. СССР к военным действиям не готов. За четыре месяца до Хасана постановление Далькрайкома ВКП(б) от 27 апреля 1938 года фиксирует: "Материальные ресурсы — автомашины, трактора — не подготовлены. Конский состав содержится плохо. Ковка отсутствует, что приводит к порче копыт". Парторганизация транспортной роты 301-го полка 48-й стрелковой дивизии также обсуждает вопрос о состоянии конского состава. Выносят резолюцию: "У лошадей появляются заболевания и зачесы. Нет ли здесь у нас врагов народа со стороны командного состава?"

Отстраивание в течение всех 30-х годов мобилизационной, рассчитанной на войну экономики, нагнетание военной истерии и массовой подозрительности в 1938-м реальных результатов не дают. Япония, понесшая в конце концов в этом локальном конфликте поражение, понесла втрое меньшее, чем СССР.

Газеты единодушно оптимистичны и победоносны. Но ничто не может сравниться, не может убедить в нынешнем и будущем военном успехе так, как улыбка Крючкова. Этой улыбкой победителя открывается фильм "Трактористы", съемки которого начинаются сразу после Хасана.

У героя Крючкова — четыре треугольника в петлицах, он старшина. Возвращается после демобилизации. Таким образом, на службе в РККА персонаж Крючкова Клим Ярко находился в годы самых мощных репрессий в армии. Факт и масштаб репрессий подтверждает лично нарком обороны Ворошилов 29 ноября 1938 года на заседании Высшего Военного совета. Ворошилов говорит; "Мы вычистили больше четырех десятков тысяч человек".

Еще в январе 1938-го Сталин говорит: "В чем сила армии? Иные думают, что сила армии в хорошем оснащении техникой. Вторые думают, что вся сила армии в командном составе. Это также неправильно. Главная сила армии заключается в том, правильна или неправильна политика правительства в стране".

В соответствии с этим сталинским тезисом за 1937–1938 года расстреляны 3 маршала из 5,2 армейских комиссара первого ранга из 2,2 командарма 1 ранга из 4,12 командармов второго ранга из 12,2 флагмана флота 1 ранга из 2,15 армейских комиссаров второго ранга из 15,60 командиров корпусов из 67,25 корпусных комиссаров из 28,136 командиров дивизий из 199,221 командир бригады из 397,34 бригадных комиссара из 36. Выдающийся советский полководец Великой Отечественной войны маршал Василевский пишет: "Без 37 года, возможно, и не было бы вообще войны в 1941 году".

13 января 1939 года выходит совместный приказ НКВД и Наркомата обороны о согласовании действий при арестах военнослужащих.

В. Молотов, К. Ворошилов и И. Сталин

Приказ носит формальный характер, приоритет остается за НКВД. Интересен приказ другим. Он содержит прямое указание на то, что под аресты попадают не только командный состав, но и родовые, такие как персонаж Крючкова. Так что у него есть все основания для радости: он остался жив не только во время боевых действий, он не попал в мясорубку Большого террора, он цел и ни в коем случае не обсуждает со своими попутчиками то, что осталось у него за плечами.

Маршал Жуков вспоминает: "Никто никому не доверял, люди стали бояться друг друга, избегали каких-либо разговоров". Жуков продолжает: "Резко упала боевая и политическая подготовка командного состава, и, как следствие, ослабла дисциплина и вся служба личного состава".

Командиры растеряны. Моральное состояние армии после репрессий кошмарно. Растет число самоубийств и аварий. В "Дисциплинарный устав Красной Армии" внесены новые положения: "В случае неповиновения командир имеет право принять все меры принуждения. Ответственности за последствия командир не несет". Командиры постепенно приучаются бить подчиненных, рукоприкладство становится нормой.

В 1938-м, после демобилизации, герой Крючкова свободен. В отличие от колхозников, которые с 1933 года лишены этого права и привязаны к своему колхозу.

Приход героя-танкиста Крючкова в деревню — это глоток свободы, который кружит голову, это аромат большой советской жизни. Аромат в стиле милитари. Этот стиль держится далеко не первый сезон.

Братья Покрасс еще в 1937 году пишут песню "Если завтра война". Война завтра не пугает, завтрашняя война вносит оживление, веселит настолько, что предвкушение войны становится лейтмотивом фильма-комедии "Трактористы".

Противогаз — лицо этого времени. Противогаз в деревне — неожиданное приобщение к высокой моде. Противогаз доступнее, чем отрез крепдешина. Марина Ладынина в "Трактористах" постоянно ходит в мешковатом комбинезоне.

Крючков учил Ладынину ездить на мотоцикле. Ладынина вспоминает: "Крючков ездил на всем, такой был мужчина, а я боялась. Тогда он мне говорит: "Машка, не дрейфь, все будет в порядке". Колька меня научил: если я не могу остановиться, надо выключить мотор и упасть. И научил меня, как падать. Вот я так однажды и упала. Он подъехал, посмотрел на меня и говорит: "Ну что, Машка, лежишь?" — "Лежу, Колька". Вот и все".

Мотоцикл, на котором в "Трактористах" ездит Ладынина, в 1939 году может позволить себе только один колхозник из ста.

Ладынина и Крючков в "Трактористах" снимаются на тракторах "С-65". "С" означает "сталинец". Произведен на Челябинском тракторном заводе. Завод спроектирован американцем Альбертом Каном. Он один из крутейших промышленных архитекторов XX века. Специализируется на строительстве больших заводов, разработчик технологии, позволяющей проектировать огромное предприятие за несколько месяцев. И так же быстро строить. Сотрудничество Кана с советским правительством строго конфиденциально. Оно начинается в 1929-м, когда дипломатические отношения между СССР и США отсутствуют. С 1929-го по 1932 год Каном спроектированы тракторные заводы в Сталинграде, Харькове, Челябинске, Томске; самолетостроительные в Краматорске и Томске, автомобильные в Москве, Челябинске, Сталинграде, Нижнем Новгороде, Самаре; литейные в Днепропетровске, Челябинске, Харькове, Магнитогорске, Сормово, Сталинграде; прокатные станы в Кузнецке, Магнитогорске, Нижнем и Верхнем Тагиле, Сормово. Всего 521 объект. Американец Кан проектирует для СССР главные объекты первой сталинской пятилетки. Ему предложен пакет заказов стоимостью в 2 миллиарда долларов. По нынешнему курсу это 220 миллиардов долларов. Конструкции для сталинского тракторного завода изготавливаются в

США, затем перевозятся в СССР и монтируются за шесть месяцев. В Москве создается филиал фирмы Кана с русским названием "Госпроектстрой". Оплата заказов производится за счет экспорта хлеба. Сталин Молотову в августе 1930 года пишет: "Нужно бешено форсировать вывоз хлеба. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский и пр.) заводов". Экспорт хлеба в целях военизированной индустриализации идет в самый разгар смертельного голода. Миллионные человеческие жертвы — ради строительства тракторных заводов. На самом деле производство тракторов интересует власть исключительно постольку, поскольку оно легко перестраивается на выпуск танков.

Альберт Кан

Тракторный завод — это в чистом виде военный объект. За это Сталин и платил Кану. За чисто милитаристскую экономику власть платит голодом в стране, смертью детей. Потом власть отказывается от услуг Кана и размещает более дешевые заказы в Европе, в том числе в гитлеровской Германии. 9 апреля 1935 года между СССР и Германией подписано "Соглашение о дополнительных заказах СССР в Германии и финансировании этих заказов Германией". Под гарантию правительства Рейха в ряде германских фирм размещаются заказы советского правительства. Заказы включают оборудование для машиностроительных заводов, нефтяной и химической промышленности, транспортные средства, оборудование лабораторий. Сюда же входит техническая помощь. По этому кредиту СССР получил от Германии оборудования на 151,2 миллионов марок. В 1941

году наступал срок погашения кредита. В связи с начавшейся войной кредит советской стороной оплачен не был.

Гитлером снят запрет на экспорт вооружений в СССР. Предприятия Карла Цейсса поставляют дальномеры и перископы. Фирма "Карлсруэ Верне" продает патронные станки. В 1937-м начинается приемка немецкого оборудования для аэродромной службы ВВС Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Но эта информация носит секретный характер, кинематограф не в курсе. В 1939-м, накануне подписания Договора о ненападении с Германией, трактористы вовсю готовятся к войне с ней.

Для советского крестьянина, прикрепленного к своему колхозу, призыв в армию — зло единственная возможность выхода в большой мир. После службы в армии мужчины получают паспорта и в колхоз предпочитают не возвращаться. Колхозное руководство из Восточной Сибири направляет письмо с жалобой Сталину и Калинин. "Красноармейцы, отслужившие срок службы в РККА, очень редко прививаются к колхозу, а большинство разузнают, чем в колхозе пахнет, и сматываются на производство в город". Сам Николай Крючков не стал колхозником просто волей семейных обстоятельств. Крючков по рождению москвич. Его родители работали на Прозоровской мануфактуре, где содиректором был отец будущих академиков Николая и Сергея Вавиловых. После 1917 года фабрика называется "Трехгоркой". Николай Крючков в книге воспоминаний ничего не пишет о московской послереволюционной жизни. Крючков скупко говорит: "У отца с матерью была мечта: построить собственный дом в деревне. Теперь я понимаю, — пишет Крючков, — что для матери это была единственная реальная возможность продлить отцу жизнь. В деревне на свежем воздухе и здоровой пище". Крючков пишет свои воспоминания в год 25-летия со дня выхода фильма "Трактористы". Это 1964 год, и у Крюčkова страшный московский послереволюционный голод, естественно, за кадром. В кадре — он, его младший брат и отец просто уезжают в тульскую деревню строить собственный дом. Отец вскоре, в 1920 году, умрет. Мать заберет больных тифом детей обратно в Москву.

Если бы не смерть отца, семья с двумя сыновьями наверняка поднялась бы в деревне и дожила до раскулачивания и

коллективизации. Страна в этом случае едва ли увидела бы артиста Крючкова.

В детстве Крючкова долго звали Колька Кривой. Крючков пишет: "У меня голова после тифа была набок, к плечу клонилась. Потом занялся боксом, голову стал держать ровно, и кличка куда-то пропала".

Фабрика, бокс, потом театр, потом кино и слава. Из XXI века эта схема кажется абсолютно голливудской. Писатель Василий Аксенов пишет: "Если бы Крючков появился в Голливуде с его спиной и талантом, он и там бы стал мегазвездой".

Он собрал бы на своем счету десятки вестернов и любовных драм. Он был бы отчаянно смелым, белозубым и супернадежным настоящим мужиком, которому безоговорочно верят и женщины, и мужчины. Он сам бы пел, плясал, скакал, сам поднимал в воздух самолет. Все без дублера. Он делал бы в Голливуде ровно то же самое, что он делает в советском довоенном кинематографе. Крючков универсален и естественен как истинный профессионал. Голливуд не чужд, даже родственен сталинскому кино. Колхозные сюжеты не помеха. Это интуитивно уловил молодой Василий Сталин, который любил Крючкова-супергероя и, как наивный, но облеченный властью зритель ни за что не хотел, чтобы Крючков менял амплуа. А Крючков, как сильный актер, хотел творческого разнообразия. Крючков вспоминает: "Когда я начал сниматься в картине "Свинарка и пастух", ко мне заявился под градусом мой друг Василий Сталин и начал орать, чтобы я не смел играть эту роль, не позорил мои прежние образы. Грозился даже "сослать в Сибирь". А я ему в ответ пропел: "А я Сибири, Сибири не боюсь. Сибирь ведь тоже русская земля". Утром он звонил, извинялся".

Н. Крючков. Кадр из к/ф "У самого синего моря"

Отдельные сцены фильма "Свинарка и пастух" снимаются на ВСХВ — Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, впоследствии ВДНХ, ныне ВВЦ. ВСХВ открывается 1 августа 1939 года. Пырьевский фильм "Свинарка и пастух" собирались выдвигать на "Оскара", но не выдвинули. Вероятно, это к лучшему. Получение "Оскара" в сталинские времена легко могло обернуться жесточайшими репрессиями. "Свинарка и пастух" шел в Штатах с большим успехом под названием "Они повстречались в Москве".

Когда Крючков начнет стареть, он придет к тому, что называют габеновскими ролями. Жан Габен, классики Голливуда, Николай Крючков — искусство не замечает государственных границ, а Николай Крючков большой актер на все времена.

В сталинском кинематографе Крючков никогда не воплощает плакатный тип. Но он для миллионов людей остается в памяти как символ времени. И прошедшее время от этого кажется лучше, талантливее, светлее. Марина Алексеевна Ладынина, совсем не сентиментальная по характеру, про Крючкова говорит: "Человек-солнышко".

Еще до кино, в самом начале 30-х годов, Крючков приезжает на гастроли в Пермь. В это время замнаркома внутренних дел, но фактический глава НКВД Генрих Ягода лежит в кремлевской больнице с воспалением легких. Знакомые в Перми спрашивают Крючкова: "Как здоровье Ягоды? Какие новости?" "Плохие новости", — отвечает Крючков. — "Что, безнадежно? Умирает?" — "Нет, наоборот, он выздоравливает".

В 1939-м режиссер Иван Пырьев не желает снимать финальную сцену "Трактористов" с портретом Сталина. В оригинале она походила на тот вариант, который был сделан уже при Хрущеве после XX съезда. В 1939-м начальник Комитета по кинематографии Дукельский вынудил Пырьева переснять финал. Дукельский кричал: "Дайте больше Сталина. Больше Сталина!"

Тот же Василий Аксенов пишет: "Крючков — колоссальное открытие режиссера Барнета, сравнимое разве что с тем, что сделал два десятилетия спустя Элиа Казан, открывший Марлона Брандо".

Сам Крючков признается, что без Бориса Барнета он не стал бы тем, кем стал. Впоследствии они большие друзья, Барнет любит Крючкова за веселый, общительный нрав, простоту и душевность. Барнет старше Крючкова на девять лет. Он признанный метр, популярный режиссер к тому же отличный актер и спортсмен. "А какие трюки он мог делать — вспоминает Крючков. — На моих глазах во время съемок он прыгай из окна одного дома в окно дома напротив, прыгал без какой-либо страховки". Крючков пишет: "Полагаю, что все мои занятия боксом, борьбой, поднятием тяжестей, пулевой стрельбой были в известной степени "срежиссированы" Борисом Барнетом". Первый фильм Барнета с Крючковым — "Окраина". Премьера "Окраины" — в только что открывшемся кинотеатре "Ударник". Крючкова милиционеры на его же премьеру ни в какую не пускают. Он в немислимой одежде с заливчатским чубом. Он смущает приличную публику. Его провел Барнет. "По знакомству". Вспоминает Кирилл Столяров, сын известного актера Сергея Столярова, друга Крючкова: "Дядя Коля никогда не корчил из себя значительную фигуру. Он был искренним до конца. За это его и любили. Носил эту свою кепочку, которую называл "келарь". "Келарь у меня, старик. Кепарь!" Ни разу не надел шляпу".

Борис Барнет

На параде на Красной площади все задрали головы и смотрели на самолет, а он грыз яблоко и смотрел по сторонам.

Когда он выходил на сцену с гармошкой и пел "Три танкиста", все вскакивали и орали как безумные.

Барнет нашел Крючкова в московском ТРАМе — Театре рабочей молодежи, из которого вырос театр Ленинского комсомола. Крючков проучился в студии театра два года. Актерское мастерство преподают мхатовцы Николай Баталов, Алексей Грибов, Николай Хмелев, игравший булгаковского Алексея Турбина. Сам Булгаков заведует литературной частью. Булгаков оказывается на этой должности в ТРАМе после его знаменитого телефонного разговора со Сталиным весной 1930 года. Булгаков мечтал и просил Сталина о МХАТе, попал в ТРАМ. Крючков бывает на квартире у Булгакова. Музыкальная часть в ТРАМе — Исаак Дунаевский. Биомеханика — дочь Мейерхольда Ирина Хольд. В следующий раз Крючков увидит дочь уже уничтоженного Сталиным Мейерхольда на съемках фильма "Звезда" в 1948 году.

Крючков в "Звезде", так же как и в "Небесном тихоходе", снимается вместе с Василием Меркурьевым. Меркурьев подводит к нему Ирину Хольд и говорит: "Моя жена". У Меркурьева в это время все братья в лагерях. Трех детей брата Петра Меркурьев воспитывает в своей семье вместе со своими тремя детьми.

Фильм "Звезда" выйдет на экраны в 1953-м, после смерти Сталина. В финальной сцене Крючков выдергивает зубами чеку гранаты. Крючков вспоминает: "Сталину не понравилось, что мой герой сержант Мамочкин, перед тем как взорвать себя, говорит: "Вот так вот", а не "За Сталина". Картину запретили".

Танцы в ТРАМе преподавала известная балерина тех лет Наталья План. На танцах в ТРАМе помешательство. Про свой танец в "Трактористах" Крючков вспоминает: "Я ведь "выдал" в двадцати шести коленях. И ведь без дублера".

Наталья План — жена Бориса Барнета. Это она представит Барнету Крючкова. Она скажет: "Вот мой партнер по танцам". Барнет введет актера в кино.

Барнет привьет ему страсть к рыбалке. Крючков будет уходить на рыбалку при первой возможности. Даже во время съемок. Незадолго до смерти, когда не будет сил, он будет смотреть, как рыбу ловит его жена. Будет получать удовольствие даже от этого.

В то время как на экране герой Крючкова в "Трактористах" возвращается после событий на Хасане, в реальной жизни начинаются военные действия на Халхин-Голе. Река Халхин-Гол в 1939 году протекает в 100-километровой пограничной зоне между Монголией и государством Маньчжоу-Го, созданном Японией в Северо-Восточном Китае.

Между монгольскими и японскими пограничниками происходят стычки. На чьей территории происходят стычки, неизвестно, так как граница точно не установлена. Монголия находится под советским контролем и живет в состоянии полной изоляции. Япония предлагает Монголии начать переговоры о демаркации границы. Москва против переговоров и против дипломатических отношений Монголии с какими-либо странами. Советские войска введены в Монголию еще в 1937 году.

В 1939-м ни один из имеющихся военно-топографических документов — ни 1906 года, ни 1933-го, ни 1934-го — не свидетельствует о том, что спорная территория вдоль Халхин-Гола принадлежит подконтрольной СССР Монголии. Наконец найдена карта от 1887 года, которая устраивает советское руководство, и это означает начало военных действий.

В ходе первых боев в мае 1939-го комкор Георгий Жуков с трудом останавливает бегущих с поля боя. В Монголию перебрасывают дополнительные советские войска. 31 августа Жуков докладывает, что японские части разбиты. Сталин тем временем меняет все руководство Монголии, эти люди арестованы, привезены в Москву и посажены. Руководителей Монгольского государства будет судить Военная коллегия Верховного суда СССР. Их расстреляют под Москвой. В живых остается только маршал Чойбалсан.

11 мая 1939 года, в день начала событий на Халхин-Голе, под Рязанью во время испытаний самолета разбивается Герой Советского Союза летчик Анатолий Серов, муж актрисы Валентины Серовой. Ее сложная, долгая романтическая история с Константином Симоновым начнется в 1940-м. В 1939-м Симонов на Халхин-Голе, хотя оказывается там в конце событий. Симонов пишет: "Но я общался с людьми, бывшими там с САМОГО НАЧАЛА. И для меня не было секретом ни то, что наши броневики горели как свечи, ни то, что наши

быстроходные танки "БТ-5" и "БТ-7" неожиданно оказались очень уязвимыми для артиллерийского огня, ни то, что наши истребители отставали в скорости от японских. Поначалу японцы били в воздухе наших неопытных летчиков, и перелом создался, только когда на Халхин-Гол прилетели наши лучшие летчики, уже отличившиеся в Испании". Симонов откровенно признает, что ему до Халхин-Гола армия казалась несравненно более готовой к войне, чем это было на самом деле. "Я видел собственными глазами, — пишет Симонов, — что японская пехота дралась отчаянно, умирала, но не сдавалась. Враг был храбр, и я допускал, что этого можно ждать и от немцев".

Стихотворную строку "Да, враг был храбр, тем больше наша слава" Симонов с трудом отстоит. Но по радио он услышит ее совсем в другом виде: "Да, враг коварен был". Радио, главное тогда средство массовой информации, не терпит в эфире даже предположения, что враг может быть храбр. Население следует держать в заблуждении, что победы будут легкими. Этот обман — проявление недоверия власти Сталина к своему народу, — будет дорого стоить нашей стране. В 1941-м в бой пойдет жестоко обманутое властью поколение советских людей, искренне любящих свою Родину.

В фильме "Парень из нашего города" по пьесе Константина Симонова герой Николая Крючкова Сергей Луконин в августе 1939-го — на Халхин-Голе, как и сам Симонов. Именно в это время в Москве происходит подписание знаменитого советско-германского договора, известного как пакт Молотова-Риббентропа. Вячеслав Молотов — с мая 1939 года нарком иностранных дел вместо Максима Литвинова. Иохим фон Риббентроп — имперский министр иностранных дел. Идея договора принадлежит германской стороне, то есть Гитлеру. Хотя уже в начале 1939 года отмечаются импульсы к сближению и с той, и с другой стороны. В английской и французской прессе дискутируются возможные агрессивные действия Германии в отношении СССР. Сталин на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта иронизирует по этому поводу. Сталин говорит: "Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии". В Берлине отчет-шво расслышали слова Сталина. Риббентроп знакомит Гитлера с речью Сталина. Геринг обсуждает речь с Муссолини. Муссолини считает, что с Россией можно договориться легко.

В основе притяжения и все возрастающей взаимной лояльности СССР и Германии — острые экономические интересы. Германии, ввиду подготовки к большой войне, от СССР нужны нефть, зерно, железная руда, апатиты, цветные металлы. Есть такой список, составленный рукой Сталина. СССР от Германии требуются передовые технологии и высокопроизводительное оборудование. Самолеты. И разная другая, как пишет Сталин, мелочь.

Советская индустриализация не дала и не могла дать Сталину желаемых результатов. Советская предвоенная экономика не может без финансовой и технической подпитки извне.

Взаимное советско-германское удовлетворение станет реальностью после события, происшедшего в Мюнхене в сентябре 1938-го. 29 сентября подписано соглашение между Германией, Францией, Англией и Италией, Германия получает Судетскую область Чехословакии, населенную преимущественно немцами. Это большой успех Гитлера Мюнхенское соглашение остается позорной страницей в истории дипломатии европейских демократических стран.

Осенью 1938-го премьер-министр Великобритании Чемберлен вернется в Лондон со словами: "Я привез мир нашему времени". Потрясенный политикой попустительства агрессору, будущий английский премьер-министр Черчилль тогда скажет: "Мы пережили явное поражение. Нет никаких оснований надеяться, что этим все закончится. Это только первый глоток из горькой чаши, если не наступит нравственное выздоровление, если мы не очнемся и не сделаем ставку на свободу, как в былые времена".

Мюнхенское соглашение просуществует недолго. Через шесть месяцев Германия пренебрежет договоренностью со своими партнерами. Чехословакия будет вообще стерта с политической карты Европы. Это март 1939-го. СССР категорически осудил Мюнхенское соглашение. Назвал его "мюнхенским сговором". Немедленно после этого заявления СССР вступает в контакт с Германией и размещает собственные военные заказы на предприятиях оккупированной Чехословакии.

В мае 1939-го Германия вновь ищет контактов с Англией. Они нужны ей перед нападением на Польшу, которое уже не за горами. Но Мюнхен-2 не удастся. В Англии, помимо "мюнхенца" Чемберлена, есть трезвые люди, понимающие опасность сговора с Гитлером. Кроме

того, в Англии есть свободные журналисты. Они предают гласности закулисные переговоры с Германией. Газеты выходят с заголовками "Не допустить второго Мюнхена". Именно английская общественность не допускает повторения мюнхенского позора, А премьер Чемберлен скоро уйдет в отставку. На его место вступит Черчилль. Сталин по своему использует информацию о втором Мюнхене. Это отличная мотивировка и прикрытие для его собственной большой международной игры. Ее итог — документ, вошедший в историю как пакт Молотова-Риббентропа. В СССР общественность не в курсе отношений с Германией. Более того, предстоящее заключение пакта не обсуждается даже на Политбюро. Решения принимает один человек. Информацией владеют двое или трое.

Заключение пакта — это комбинация в несколько ходов.

19 августа 1939 года заключается экономическое, так называемое "кредитное" соглашение. То есть Германия предоставляет СССР кредит на 200 миллионов марок. Инициатива исходит от самой Германии.

Вслед за кредитным соглашением 23 августа 1939 года в Москве двумя министрами иностранных дел подписывается политический документ — собственно "пакт о ненападении" между Советским Союзом и Германией. Германский вариант договора содержал в преамбуле слова о дружеском характере советско-германских отношений. Сталин их вычеркнул. В августе он счел, что заверения в дружбе для советской и мировой общественности будут слишком неожиданными. Дружба отложена на месяц. Договор о ненападении между СССР и Германией имеет секретный протокол.

В соответствии с ним Германия и СССР делят между собой Польшу по линии рек Висла, Нарев и Сан, с севера на юг, фактически пополам. Кроме того, в сферу влияния СССР отдается Бессарабия, а также прибалтийские государства — Финляндия, Латвия, Эстония. Все, кроме Литвы.

Подписание пакта о ненападении между СССР и Германией

На банкете после подписания пакта Сталин предлагает тост за Гитлера: "Я знаю, как сильно германская нация любит своего вождя. И поэтому мне хочется выпить за его здоровье".

Первого сентября 1939 года Германия вторгается в Польшу. Это начало Второй мировой войны. Накануне, 31 августа, Риббентроп информирует Сталина о начинающемся вторжении в Польшу. Сообщение Сталину заканчивается словами: "Германская армия вступила в поход".

Советские войска немедленно, в соответствии с секретным протоколом пакта, вступают на территорию Восточной Польши. В советской печати это было названо "операцией по освобождению" Западной Белоруссии и Западной Украины. Годом раньше "освобождением" Гитлер назвал ввод германских войск в Судетскую область Чехословакии, населенную этническими немцами. Это было сделано в соответствии с Мюнхенским соглашением. Вскоре была захвачена вся Чехословакия. В 1939-м с карты Европы исчезает Польша. У Советского Союза и гитлеровской Германии появляется общая граница.

В последнюю неделю сентября 1939 года, то есть уже после начала войны, начинается новый раунд переговоров с Германией. Сталин решил произвести некоторый обмен поделенными территориями. Он больше не хочет кусок Польши до Вислы. Видимо, вспомнив об отпоре, который поляки дали Красной армии в 1920 году. В 1939-м Сталин отдает Гитлеру немного Польши, но взамен берет себе Литву.

28 сентября 1939 года, уже после совместного раздела Польши, СССР и Германия подписывают новый документ с новыми секретными протоколами. Теперь этот документ называется "Договор о дружбе и границе".

30 сентября все центральные газеты, включая "Пионерскую правду", публикуют карту бывшей Польши. Под картой подпись: "Граница обоюдных государственных интересов СССР и Германии на территории бывшего Польского государства". В польском городе Закопане НКВД и гестапо создают совместный центр для "борьбы против польской агитации". Хрущев, в то время первый секретарь ЦК компартии Украины, вспоминает: "Нарком внутренних дел Украины, комиссар госбезопасности 3-го ранга Иван Серов, установил тогда контакты с гестапо. НКВД передал гестапо большую группу коммунистов, которые думали, что найдут в Советском Союзе убежище от нацизма".

Самая кровопролитная в истории человечества Вторая мировая война начинается и почти два года, до июня 1941 года, идет под знаком официальной дружбы Гитлера и Сталина.

Перед подписанием Договора о дружбе Сталин сказал Риббентропу: "Если Германия вопреки ожиданиям попадет в тяжелое положение, советский народ придет на помощь Германии и не допустит, чтобы Германию повергли на землю".

В декабре 1939-го к 60-летию Сталина Гитлер пришлет ему поздравление. Отдельно поздравляет Сталина Риббентроп. Сталин отвечает: "Благодарю Вас, господин министр. Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной". Сталин имеет в виду польскую кровь.

Председатель исполкома Коминтерна Георгий Димитров в дневнике записывает, что в день своего шестидесятилетия Сталин говорит гостям: "В Союзе стало тесновато. Финляндия и Бессарабия нам не мешают".

Кино не поспевает за политикой. В фильме "Трактористы", триумфально идущем по экранам страны, в это время все еще поют: "Чужой земли мы не хотим ни пяди".

1940 год

Семен Тимошенко

7 мая в 1940 году приходилось на вторник. Как раз в тот вторник Сталин снял с поста наркома обороны Климента Ворошилова. Ворошилов возглавлял Наркомат обороны 15 лет, с осени 1925 года, после смерти Фрунзе.

В день отставки Ворошилова решением Политбюро создается комиссия по сдаче и приемке дел по Наркомату обороны. Комиссия устанавливает: Генштаб не имеет данных о прикрытии границ. Фактической численности Красной армии Наркомат не знает. Мобилизационного плана нет. Войска не обучаются в обстановке, приближенной к боевой. В войсках не хватает командиров, особенно младших. Военные училища эту нехватку не восполняют.

Это реальная ситуация после тех мощнейших репрессий, которым Сталин подверг армию. Армия дезорганизована, дисциплина сметена, выжившие из младшего офицерского состава без опыта пошли на повышение, необходимой работы с войсками на низовом уровне нет.

Ворошилов — активный проводник сталинских репрессий в армии. Он визирует расстрельные списки по своему наркомату. У него за душой нет ни одного спасенного человека. К 1940 году он крайний, оставшийся после Сталина, в деле истребления армии. По сталинской логике отставка Ворошилова должна иметь однозначные последствия вплоть до расстрела. Однако Сталин назначает Ворошилова руководить Комитетом обороны при Совнаркоме.

К. Ворошилов, С. Тимошенко и М. Калинин

Место Ворошилова во главе Наркомата обороны занимает Семен Тимошенко. В тот же день ему присвоено звание Маршала Советского Союза.

Тимошенко вскоре после назначения, в первых числах июля 1940 года, улетает к себе на родину, в Бессарабию. Территория Бессарабии присоединена к СССР в соответствии с секретным протоколом к пакту Молотова-Риббентропа, подписанным 23 августа 1939 года. Секретный протокол фиксирует раздел сфер влияния в Восточной Европе между СССР и Германией. В протоколе будущее Бессарабии сформулировано в пункте 3: "Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях".

До 1917 года Бессарабия входила в Российскую империю. С 1918 года — в составе Румынии.

26 июня 1940 года СССР выдвигает правительству Румынии ультиматум: до исхода 27 июня сдать Бессарабию. Советские войска стоят вдоль границы. Гитлер рекомендует румынскому королю не сопротивляться. Румыния сдается. Заодно СССР берет и Северную Буковину, что никаким секретным протоколом с Германией не оговаривалось.

Операции в Бессарабии и Северной Буковине проводит в 1940 году генерал армии Жуков. Он возглавляет специально для этого созданный Южный фронт.

Тимошенко лично в операции в Бессарабии не участвует. Он просто едет туда в деревню Фурманку, где родился. Из этой деревни его призвали в армию в 1915 году в разгар Первой мировой войны. На Западном фронте он получает три Георгиевских креста. Уходит к красным. Воюет против Деникина и Врангеля. Со Сталиным знаком со времен обороны Царицына. Сталин — председатель Реввоенсовета фронта. В присутствии Сталина Буденный рекомендует Тимошенко на должность командира кавалерийской дивизии в составе 1-й Конной. Там же тогда присутствуют Ворошилов и Егоров, бывший подполковник царской армии, в 1919 году командующий Южным антиденикинским фронтом, в 1935-м маршал СССР, в 1939-м

расстрелян. Тимошенко в 1919 году рассказывал Егорову, что он из крестьянской семьи и что он 17-й ребенок в этой семье.

К 1940 году Семен Тимошенко четверть века как не был в родной деревне. Гражданскую войну он заканчивал, участвуя в провальном походе на Польшу в 1920 году. В составе 1-й Конной дивизия Тимошенко почти дошла до Львова. Штурм города тогда не состоялся, Тимошенко был награжден почетным революционным оружием и вторым орденом Красного Знамени. Первый был в том же 1920-м с формулировкой "за преданность советской власти".

В 1939-м Тимошенко войдет во Львов.

Советское вторжение в Польшу в сентябре 1939 года — это реализация секретного протокола к пакту Молотова-Риббентропа. Германия в соответствии с ним сделала свой ход и вторглась на территорию Польши 1 сентября 1939-го. Германское нападение на Польшу — это начало Второй мировой войны. Советский Союз в свою очередь начинает военные действия в Восточной Польше 17 сентября.

Эта дата определяется следующим обстоятельством. В качестве политического прикрытия для вторжения советских войск в Польшу Сталин выбрал тезис об освобождении украинцев и белорусов, проживающих на польской территории. Чтобы вступить в Польшу, ему необходимо, чтобы немцы заняли Варшаву. Захват польской столицы и смещение польского правительства — это сигнал для СССР. После него начнутся военные действия. Нарком иностранных дел Молотов просит германского посла Шуленбурга уточнить сроки захвата Варшавы. Молотов просит передать имперскому министру Риббентропу, "что предлог в виде защиты белорусов и украинцев, конечно же, обиден для немцев, но он просит принять во внимание сложную для советского правительства ситуацию. Советское правительство должно так или иначе оправдать свое вмешательство в глазах заграницы, чтобы не выглядеть агрессором".

Спустя две недели после нацистского вторжения в Польшу Москва получает сообщение о падении Варшавы. На самом деле, несмотря на бомбежки и отсутствие воды, Варшава будет держаться еще десять дней. Для наведения своей авиации при бомбежке польских городов Германия пользуется услугами советской военной радиостанции в Минске. Ее спецпозывные для нацистских самолетов "Рихард Вильгельм один точка ноль". Штаб ВВС Германии через

посольство обратился к Молотову с просьбой об использовании советской радиостанции накануне нападения на Польшу. Молотов немедленно дал добро.

17 сентября ночью Сталин встречается в Кремле с германским послом Шуленбургом и военным атташе Кёстрингом. Сталин говорит, что в шесть утра Красная армия переедет польскую границу. Советские войска без объявления войны вторгаются в Польшу и ударяют в тыл сражающимся с немцами польским войскам. Для войны с Польшей образованы два фронта — Белорусский и Украинский. Белорусский возглавляет командарм 2-го ранга Михаил Ковалев. Украинским командует командарм 1-го ранга, будущий маршал и нарком Семен Тимошенко.

Львов советские и германские войска осаждают совместно с востока и с запада. Затем по договоренности с Москвой немцы отступают на рубеж западнее Львова. Они постоянно координируют действия с советскими войсками.

Командующий Украинским фронтом Тимошенко сообщает штабам подчиненных армейских группировок: "Главное командование германских войск приказало своим войскам в случае приближения советских самолетов выкладывать белые полотнища, по возможности в виде свастики. При встрече частей обеих сторон от каждого батальона германских войск выделяется один офицер и объявляет: "Германская армия приветствует армию Советского Союза"".

С. К. Тимошенко

Поляки сдают Львов войскам Украинского фронта Тимошенко сообщает Сталину о взятии Львова. В соответствии с условиями сдачи

города Тимошенко гарантирует польскому гарнизону возможность уйти в Румынию и Венгрию. Тимошенко не соблюдает данные гарантии. Выполняя полученную установку, он закрывает границу с Румынией и Венгрией. Более 2 тысяч офицеров отправлены в лагерь в Старобельске. Кроме того, лагеря для польских военнопленных создаются в Козельске и Осташкове. В конце 1939 года в лагерях работает следственная бригада НКВД. 5 марта 1940 года нарком внутренних дел Берия направляет Сталину письмо, предусматривающее расстрел 14 700 военнопленных, содержащихся в лагерях, и 11 000 заключенных в тюрьмах на территории Западной Белоруссии. Берия обобщает: "Все они являются заклятыми врагами Советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю".

В конце марта 1940-го поступает приказ о разгрузке лагерей. "Разгрузка" означает расстрел. Большая часть польских военнопленных вывезена и расстреляна в лесу в Катыни, под Смоленском. Стреляли в затылок с близкого расстояния. Руки связывали за спиной проволокой. Катынский лес — территория дома отдыха НКВД. До польских пленных здесь расстреливали советских граждан в 1918 году, в 1928, в 1933–1934, в 1937 и 1938-м.

Вместе с Тимошенко в военных действиях против Польши принимают участие будущие полководцы Великой Отечественной войны Ватутин и Чуйков. Василий Чуйков, будущий герой Сталинграда, в 1939-м с немецкими генералами принимает совместный парад в захваченном городе Гродно. Парад в честь советско-германского братства по оружию в Брест-Литовске принимают генерал Гудериан, который в 1941-м дойдет во главе танковой армии до Москвы, и комбриг Кривошеин, который получит Героя в 1945-м за взятие Берлина.

В течение 1940–1941 годов проходит несколько волн депортации польского населения из присоединенной к СССР Восточной Польши. Вывозят в Центральную Сибирь, в Казахстан, в Якутию. По официальным данным, которые приводит бывший прокурор СССР Вышинский, выселено 388 тысяч человек. Последняя волна депортации — 21 июня 1941 года. Эшелоны с теми, кого выселяет советская власть, уже бомбят немцы.

Семен Тимошенко, так же как и другие участники польской кампании, принадлежит к тем немногим, кто выжил после мощнейшей волны репрессий в армии. На самом деле фамилия Тимошенко фигурировала в расстрельном списке, который подавал Сталину Ежов. Тимошенко, так же как другим высокопоставленным военным, припоминались командировки за границу — он ездил в Италию, и это повод, чтобы инкриминировать ему шпионаж. Кроме того, в 1929 году служебную рекомендацию Тимошенко давал Тухачевский. Тухачевский расстрелян, данная им в свое время рекомендация — это очевидная черная отметина. Но Сталин лично сохраняет жизнь Тимошенко в 1937-м. В 1944 году одна из дочерей Тимошенко, Екатерина, выйдет замуж за сына Сталина Василия. 1-й секретарь ЦК компартии Украины, а также член Военного совета Украинского фронта под командованием Тимошенко Хрущев вспоминает: "Тимошенко был на виду, особенно после репрессирования командного состава Красной Армии. На фоне оставшихся командиров Тимошенко выглядел довольно заметно".

Двухнедельный поход на Польшу оставил ощущение легкой победы в большой войне. Против Польши, уже раздавленной фашистской Германией, СССР бросил 1,5 миллиона человек, 12 тысяч орудий, 3,5 тысячи танков, 4 тысячи самолетов. Советские силы по численности ничуть не уступают германской армии вторжения.

После Украинского фронта против Польши следующим для Семена Тимошенко будет Северо-Западный фронт против Финляндии.

Для Сталина Финляндия — часть сферы советских интересов в Прибалтике, которая очерчена в августовском секретном протоколе к пакту Молотова-Риббентропа. В октябре 1939-го в Литве, Латвии и Эстонии размещаются советские военные базы. В ноябре у Сталина руки доходят до Финляндии. Цель Сталина — войти в Финляндию. Для начала немного отодвинув границу от Ленинграда. На деле Сталин претендует на территорию, где располагается знаменитая оборонительная линия Маннергейма. Получив этот укрепленный район Финляндии, Сталин открывал себе дорогу на Хельсинки. Взамен Сталин даже предлагает часть Восточной Карелии вместе с населением. Финляндия от обмена отказывается.

Сталинский ответ однозначный — применить военную силу. Советские газеты после начала войны будут писать: "Мы не ведем

войны с Финляндией. Финского вопроса просто не существует".

Тимошенко, как член Главного Военного совета, полагает, что СССР недооценивает "маленькую Финляндию" и переоценивает собственные военные возможности. Тимошенко высказывает свои тактические сомнения разработчику плана военных действий в Финляндии, командующему войсками Ленинградского военного округа Мерецкову. Тимошенко сомневается как в возможности использования танков в лесах и болотах Финляндии, так и в сроках операции. Победу над Финляндией за 12–15 суток Тимошенко считает нереальной.

Через 45 минут после перехода границы советскими войсками начинается бомбежка столицы Финляндии Хельсинки. В разгар советской бомбардировки главнокомандующий финской армией выпускник петербургского Николаевского артиллерийского училища, кавалер всех русских орденов с мечами и бантами за участие в Первой мировой войне, фельдмаршал Густав Маннергейм отдает приказ № 1: "Доблестные финские солдаты! Мы воюем за свой дом, веру и отчизну. Эта война для нас освободительная". По сути, для Финляндии это была отечественная война.

Советская бомбардировка Хельсинки приводит к большим жертвам среди гражданского населения. Известие о них потрясает мир. На протесты международного сообщества Молотов отвечает, что советские самолеты сбрасывали мешки с хлебом для голодного населения Финляндии.

За первый день советские войска продвигаются всего на 4–5 километров. Только на следующий день захватывают горящий город Териоки. В Териоки из Москвы привозят руководителя финской компартии Отто Вилле Куусинена. За три дня до этого он был на приеме у Сталина. Куусинену было объявлено, что он будет главой нового просоветского правительства Финляндии. Молотов в Москве сообщает германскому послу Шуленбургу, что новое правительство Финляндии будет дружественно не только Советскому Союзу, но и Германии.

О. В. Куусинен

Куусинен в Териоках призывает финский народ встретить Красную армию как освободительницу. Москва заявляет, что признает исключительно новое правительство Куусинена, несмотря на то что в Финляндии функционирует законное правительство страны. Москва подписывает с Куусиненом договор о дружбе с секретным протоколом. Протокол оформляет желательный Москве обмен территориями и создание советской военной базы в Финляндии.

Сталин тогда сказал: "Надо будет потом финнов переселить. Переселить население Финляндии в соответствующие климатические условия, а сюда переселить другое население. В чем дело — население Финляндии меньше, чем население одного Ленинграда! Можно переселить".

Москва не сомневается в быстрой победе Красной армии. Такой же, как в Польше. Превосходство над финнами в живой силе и технике многократное. Однако легкой прогулки по финской территории не получается. Ожесточенное сопротивление финской армии. Плюс эффект линии Маннергейма — глубокой и долговременной системы оборонительных сооружений. Плюс партизанская война финского народа. Газета "Правда" пишет: "Белофинны практикуются воевать бандитскими способами. Они учатся стрелять с деревьев, рассыпаться небольшими группами, подкладывать мины. Славные красные воины обрабатывают финнов огнеметами, давят их танками". На глазах всего мира СССР не в состоянии одолеть маленькую Финляндию. Финляндия переживает мощнейший и эффективный патриотический подъем. Вплоть до всенародного ополчения. Огромный Советский Союз, который целое десятилетие затачивался исключительно на

войну, демонстрирует катастрофическую неготовность к реальным боевым действиям.

Фельдмаршал К. Г. Маннергейм. Вручение боевых наград солдатам и офицерам финской армии

27 апреля 1940 года в 11 крупнейших кинотеатрах Ленинграда и в ДК имени Газа состоится премьера документального фильма "Линия Маннергейма". Драматург Всеволод Вишневский после просмотра напишет в дневнике: "Вырезано все, что только можно: нет подлинных смертей, раненых, нет обмороженных, нет трагизма". Красная армия начинает зимнюю войну в летнем обмундировании, в ботинках. Даже не в сапогах. У многих ботинки рваные. Мороз сорокаградусный. Масса обмороженных. Интендантские службы не готовы. Солдаты получают замерзшие буханки и рубят их топором. Сухари начали готовить уже после начала войны. Сталин лично запрещает оснащение армии автоматами. Логика его запрета следующая: солдат в бою будет вести непрерывную стрельбу, что приведет к большому расходу патронов. Ворошилов поддерживает Сталина. Ворошилов говорит: "Где нам набрать столько пуль, если поставим в войска автоматы?"

Сталин вынужден разрешить автоматы уже в разгар финской войны. Фронт требует автоматического оружия. При этом треть солдат, брошенных в финскую войну, не обучены. В мирное время, во время обучения, им вообще не давали стрелять. Экономил боеприпасы.

Отступая, наши части бросают тяжелораненых. Убитых не хоронят. Генштаб не знает численности армии в течение всей войны.

Главное командование отдает приказ о переходе к обороне. Главный Военный совет обсуждает, кто будет командовать войсками на

Карельском перешейке. Вот тогда, 7 января 1940 года, и будет назначен Тимошенко. Вспоминает маршал Василевский: "Сталин спросил: "Так кто готов взять на себя командование?" Наступило молчание. Наконец поднялся Тимошенко: "Если будет наращена численность войск и действительно изменена вся система руководства ими, то я готов взять командование на себя и, надеюсь, не подведу вас". Так был назначен Тимошенко".

Тимошенко предпринимает попытку по улучшению обеспечения личного состава. Полушубки, лыжи, ушанки вместо буденновок можно считать его заслугой.

Тимошенко передает данные о количестве едоков, которые на 200 тысяч превышают цифры, которыми руководствуется Управление снабжения Красной армии. Но управление держится своих цифр. 29 января 1940 года Тимошенко получает шифрограмму из штаба 18-й стрелковой дивизии: "Окружены 16 суток, раненых 500 человек. Боеприпасов, продовольствия нет. Доедаем последнюю лошадь".

Цели этой неподготовленной войны солдатам непонятны. Официальная пропаганда постоянно смешивает задачи: "Отодвинуть границу от Ленинграда и освободить финских рабочих и крестьян от гнета капитализма". Сталин к февралю уже потерял интерес к созданному им правительству Куусинена. Оно бесполезно в Финляндии, ведущей освободительную войну. 11 февраля под командованием Тимошенко начинается прорыв оборонительных полос линии Маннергейма. Сталин требует от Тимошенко продолжения наступления. При этом Тимошенко располагает информацией о начале мирных переговоров. Наконец мирный договор с Финляндией подписан. Он вступает в силу в 12 часов 13 марта 1940 года. СССР удовлетворил свои территориальные претензии. Финляндия, единственная из прибалтийских стран, сохранила свою независимость. Сразу вслед за подписанием мирного договора Тимошенко получает приказ о штурме и бомбардировке города Выборга. Тимошенко в недоумении. Согласно мирному договору Выборг отходит к СССР. Тимошенко не понимает смысла лишних жертв с обеих сторон. Но приступает к выполнению приказа.

В июне 1940 года редактор газеты "Красная звезда" Болтин будет инструктировать советских писателей: "Надо воспитывать людей в понимании того, что Красная Армия есть инструмент войны, а не

инструмент мира. Будущая война с любым капиталистическим государством будет войной справедливой, независимо от того, кто эту войну начал".

Маршал С. К. Тимошенко

Тимошенко за финскую войну присвоено звание Героя Советского Союза.

Зимой 1940 года в Финляндию из Франции прибывает сын знаменитого русского премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина Аркадий Петрович Столыпин. Он ведет переговоры с Маннергеймом об облегчении судьбы советских военнопленных. Кроме того, Аркадий Столыпин принадлежит к числу тех, кто предлагает создать из числа военнопленных-добровольцев парашютно-десантные отряды для заброски их на территорию северных сталинских лагерей. Цель — антисталинское восстание.

Еще в начале советско-финской войны 1939 года Государственный совет Финляндии рассматривает возможность создания русского правительства в изгнании. В качестве лидеров этого правительства рассматриваются диаметрально противоположные фигуры — Александр Керенский и Лев Троцкий. Идея не реализуется.

В августе 1940 года соавтор Ленина по осуществлению Октябрьского переворота и создатель Красной армии Лев Троцкий убит в эмиграции в Мексике ударом ледоруба. Сталин руками испанского коммуниста и агента НКВД Рамона Меркадера наконец дотянулся до Троцкого. Убийство Троцкого в 1940 году — свидетельство сталинской неуверенности в прочности собственной

власти в случае начала войны. Что касается Керенского, то он Сталина не волнует.

По окончании военных действий Тимошенко пишет рапорт на имя наркома обороны. Тимошенко указывает потери советских войск: 50 тысяч убитых, 16 тысяч пропавших без вести, 11 тысяч обмороженных, более 170 тысяч раненых. Реальные потери в советско-финской войне 1939–1940 годов составляют: 126 875 убитыми и пропавшими без вести, 9614 обмороженных, 51 892 больных, 186 584 раненых.

Тимошенко прописывает причины потерь: недооценка противника, упрощенная оценка обстановки, просчеты в планировании, плохая подготовка войск, плохое материально-техническое обеспечение.

До начала Великой Отечественной войны — чуть больше года.

В конце апреля Тимошенко уезжает в Киев. Он командует Киевским особым военным округом. Он берет не использованный за прошедший год отпуск. После Польши и Финляндии и до назначения наркомом он отдыхает в кругу семьи и читает газеты.

В Прибалтике с октября 1939 года в соответствии с двусторонними соглашениями, подписанными после раздела Польши, размещены советские военные базы. К лету 1940 года на территории Латвии и Эстонии находится по 25 тысяч советских солдат, на территории Литвы 20 тысяч. Условия их размещения безобразны. Спят на полу, сырость, холод, вшивость. Солдаты в старых, грязных шинелях, небриты. Советские солдаты под глубоким впечатлением от уровня жизни прибалтийского населения. Он не то чтобы высок, а просто нормален. Сытость местных жителей резко контрастирует с тем, к чему пригляделись солдаты у себя на родине и что уже считали обычным и привычным.

Выход Красной армии в свободную Европу, которой пока является Прибалтика, в 1940 году имеет неожиданные последствия. Зафиксированы случаи дезертирства. Бойцы пытаются остаться на проживание в Прибалтике. Политработники стремятся свести общение солдат с местным населением к минимуму. В октябре 1939-го Сталин говорил о прибалтийских государствах секретарю Коминтерна

Георгию Димитрову: "Нам надо выдержать — строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизации. Придет время, тогда они сами это сделают!"

Это время приходит 14 июня 1940 года. Гитлер к этому времени уже оккупировал шесть европейских стран. Советский нарком иностранных дел Молотов по мере продвижения германской армии по Европе направляет в Берлин поздравительные телеграммы. В апреле 1940 года он поздравляет германского посла Шуленбурга по поводу оккупации армии и Норвегии. В мае — по случаю вторжения в Бельгию, Нидерланды и Люксембург. Когда фашистские войска вступают в Париж, советские дипломаты выходят на улицу и приветствуют их. Советские дипломаты в Париже тотчас вступают в контакт с германскими оккупационными войсками. Успех Гитлера в Западной Европе позволяет Сталину двинуться в прибалтийские государства. Германские войска вошли в Париж 14 июня 1940 года. В тот же день поздно вечером Молотов принимает литовского министра иностранных дел Юозаса Урбшиса. Молотов выдвигает ультиматум с требованием смены правительства в Литве и ввода нового большого контингента советских войск.

Урбшис говорит, что ввиду ответственности момента для его страны он просит дать Литве время на размышление. Молотов отвечает, что Литва не понимает серьезности положения. Литва понимает серьезность положения.

Урбшис спрашивает:

— Новый кабинет должен быть сформирован к утру завтрашнего дня?

— Не обязательно так торопиться, — отвечает Молотов. — Можно позднее, на другой день, например. Но при условии, что все наши требования будут выполнены в срок.

— Будут ли советские войска вмешиваться во внутренние дела Литвы? — задает вопрос Уршбис.

— Нет, — мгновенно отвечает Молотов. — Это прерогатива вашего правительства. Правительство Советского Союза — пролитовское. Мы хотим, чтобы литовское правительство стало просоветским.

— Нужно ли согласовывать состав нового кабинета с советским правительством?

— Согласовывать придется, — отвечает Молотов.

— Сколько предполагается ввести войск?

— От девяти до двенадцати дивизий.

— И в столицу, в Каунас тоже?

— Это дело военных, — говорит Молотов, — но ясно, что в Каунас несомненно.

Разговор Молотова с литовским министром продолжается 32 минуты. Будущее Латвии Молотов обсуждает 23 минуты. Разговор с эстонским посланником займет 11 минут.

Литовское правительство уходит в отставку утром 15 июня, на следующий день после разговора с Молотовым, в тот же день советские войска уже в столице, в Каунасе.

В Латвию Красная армия входит 17 июня. Тогда же в Ригу приезжает бывший прокурор СССР, а ныне замнаркома иностранных дел Вышинский. Он — особоуполномоченный советского правительства по Латвии. В занятую советскими войсками Эстонию направляется хозяин Ленинграда Жданов. В Литву едет замнаркома иностранных дел Деканозов. До этого Деканозов начальник 3-го отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР. В 1953 году Деканозов будет расстрелян вместе с Берией.

До отъезда в Литву в ночь с 15 на 16 июня Деканозов на Лубянке встречается с Вышинским. В числе прочих вопросов обсуждается план устранения партий, враждебных действиям СССР на территории прибалтийских государств. Дело в том, что присоединение этих государств в качестве республик к Советскому Союзу должно быть оформлено решением их законодательных органов. Для успеха голосования эти органы должны быть соответствующим образом переизбраны. Только полная ликвидация всех оппозиционно настроенных партий может обеспечить нужный исход голосования. Деканозов будет лично руководить этой акцией в Литве непосредственно из здания советского посольства в Каунасе. Все аресты будут проведены за одну ночь с 11 на 12 июля 1940 года.

14 июля на выборах в сейм Литвы 99,19 процента голосов избирателей по официальным подсчетам отданы за кандидатов единого списка партий трудового народа. В Латвии и Эстонии цифры также переваливают за 90 процентов. В июле 1940 года этому есть ряд объяснений. Опыт Польши, уничтоженной Гитлером и Сталиным,

заставляет задуматься об элементарном выживании и не идти на самоубийство. Армии прибалтийских государств, в отличие от финской, неспособны на реальное сопротивление. Коммунистические партии развивают крайнюю просоветскую активность. При этом Литва в качестве пряника получает Виленский край и свою старую столицу Вильнюс. И главное. В июле 1940-го еще не вводят повсеместно колхозы, не отбирают землю и скот. Население этих стран в 1940 году рассчитывает на защиту от нацизма в лице СССР и еще не знает и не может себе представить, что такое сталинские репрессии. Между тем инструкция НКВД о депортации, то есть выселении так называемых антисоветских элементов из прибалтийских государств, была разработана в октябре 1939 года, сразу после подписания с этими странами договоров о дружбе и взаимопомощи. Инструкция лежит без движения полтора года. В мае 1941-го глава НКВД Берия согласовывает со Сталиным проект постановления СНК и ЦК ВКП(б) "О мероприятиях по очистке Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента". Именно с такой формулировки в СССР начинался 1937 год. На стадии согласования документов к Литовской ССР добавлены Латвийская и Эстонская.

Подлежащие репрессиям арестовываются. Имущество конфисковывается. Лагерный срок от 5 до 8 лет с последующим поселением на 20 лет в отдаленных местностях СССР. С 1940-го по 1953 год из Литвы выслано 118 599 человек. Это 4 процента населения. Из Латвии выслано больше 2,5 процентов населения, из Эстонии — больше 3 процентов. Кроме всего прочего, репрессии — это самая опасная, самая недальновидная и бездарная политика из всех возможных на приграничных землях накануне войны.

21 июля 1940 года вновь избранные парламенты прибалтийских государств обращаются в Верховный Совет СССР с просьбами о принятии в состав Советского Союза. Просьбы о принятии в СССР удовлетворены. Население этих стран не знает, что еще месяц назад, 17 июня, нарком обороны Семен Тимошенко представил Сталину докладную записку с предложением: "На территории занятых республик образовать Прибалтийский военный округ". Тимошенко сформирует этот новый военный округ 11 июля. До всяческих выборов, до результатов голосования, до всех просьб о принятии в СССР. Тогда же в своей докладной записке за № 39 СС Тимошенко

требует ввода в каждую из занятых республик по одному полку войск НКВД. Для начала.

История с Прибалтикой, точнее с Литвой, будет иметь продолжение зимой 1941 года. В соответствии с секретным протоколом к советско-германскому Договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года Германия оставила за собой маленькую часть Литвы — так называемый Сувалкский выступ. 10 января 1941 года в старый секретный протокол вносятся изменения. Гитлер отказывается от своей части Литвы и продает ее Сталину. Сталин покупает эту территорию за сумму, как указано в новом секретном протоколе, в 7 миллионов 500 тысяч золотых долларов, равную 31 миллиону 500 тысячам германских марок.

Польская, финская, прибалтийская военные кампании до предела раскручивают в стране продовольственный кризис. Советские войны конца 30-х годов сами по себе не порождают голод. Они просто загоняют в штопор неэффективную военизированную экономику, которая и в мирное время не в состоянии была обеспечивать население, да и не ставила такой задачи. Начавшаяся Вторая мировая война, частичная мобилизация в СССР под польскую и финскую кампании вызвали бешеный покупательский ажиотаж. 17 сентября 1939 года Молотов по радио заявляет, что "страна обеспечена всем необходимым", а люди уже сметают в магазинах соль, спички, крупу. Под новый 1940 год в продаже уже нет хлеба и муки. На рынках взлетают цены. Молоко больше не покупают на литры, а меряют стаканами, муку — блюдечками, картошку продают поштучно. В сельской местности правительство вообще запрещает продажу хлеба. Крестьяне бегут с голоду в города.

Из писем граждан: "Я хочу рассказать о тяжелом положении, которое создалось за последние месяцы в Сталинграде. У нас теперь некогда спать. Люди в два часа ночи занимают очередь за хлебом. Матери с детьми на руках, старики — по 6–7 тысяч человек. Страшно видеть безумные, остервенелые лица, лезущие за чем-нибудь в магазине. На глазах у всех умер мальчик, съевший доставшуюся ему пачку чая. И везде говорят об одном: "Дожили, говорят, на 22-м году революции до хорошей жизни, радуйтесь теперь"" (Сталинград, зима 1940 года). "От многих матерей приходится слышать, что ребят хотят

губить. Говорят, затоплю печку, закрою трубу, пусть уснут и не встанут. Кормить совершенно нечем. Я тоже уже думаю об этом" (Нижний Тагил, февраль 1940 года).

В состоянии крупномасштабного продовольственного кризиса, стихийного повсеместного введения карточек и массового недовольства страна войдет в Великую Отечественную войну. Война съест это недовольство.

В сентябре 1940-го Тимошенко, уже четыре месяца находящийся в должности наркома обороны, пишет записку о подготовке второй войны против Финляндии. Соавтором выступает участник первой кампании, а ныне начальник Генштаба Мерецков. Записка имеет номер 103203/ов. "Ов" означает "особую важность". В качестве задачи нарком Тимошенко формулирует — разгром финских вооруженных сил, захват территории Финляндии и выход к норвежской границе. Все завершить за 45 дней.

План Тимошенко не осуществится. Второй финской войны не будет. В ноябре 1940 года Молотов будет с визитом в Германии. В переговорах с Гитлером Молотов уделяет исключительное внимание финскому вопросу. Финляндия — единственная территория, которая не отработана СССР в соответствии с секретным протоколом к пакту Молотова-Риббентропа.

Но на требование Молотова считать Финляндию сферой советских интересов Гитлер больше не обещает нейтралитета. У Гитлера в это время совсем иные планы. Уже через месяц после визита Молотова, 18 декабря 1940 года, Гитлер подпишет Директиву № 21 Верховному командованию вооруженными силами Германии. Это знаменитый план "Барбаросса". План нападения на СССР.

Начальник Генштаба генерал К. А. Мерецков

В тот же день, когда Тимошенко писал Сталину записку о второй финской войне, он представил Сталину еще один документ. В этом документе, написанном в одном экземпляре с грифом "Совершенно секретно. Только лично", Тимошенко пишет: "На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия. Главный удар будет на юге, на Киев. На западе удар будет на Каунас-Вильнюс и далее на Минск. Удар Брест-Минск". Он пишет Сталину правду, близкую к крамоле. Потому что Сталин безапелляционно убежден, что войны до 1942-го, а то и до 1943 года не будет.

Свою убежденность Сталин ставит выше реальности. О реальности говорит маршал Конев: "О том, что немцы готовятся к войне, знали многие, а ждали войны все". Тимошенко пишет Сталину: "Ни в коем случае не допустить вторжения немцев на нашу территорию".

Военная контрразведка ведет негласное наблюдение за Тимошенко, Контрразведка в этот момент формально выведена из НКВД и подчиняется наркому обороны, то есть Тимошенко, за которым осуществляет слежку и докладывает лично Сталину.

15 мая 1941 года в небе под Москвой появляется германский самолет "Юнкерс-52". Он пролетел огромное расстояние над территорией СССР и не был замечен силами противовоздушной обороны. Вспоминает сын драматурга Владимира Биля-Белоцерковского Вадим: "Находясь на стадионе "Динамо", я впервые в жизни увидел немецкий самолет. Он шел очень низко, пролетел прямо над стадионом. На фюзеляже и плоскостях жирно чернели кресты и свастика. Стадион притих. Все на трибунах оторвались от футбола и проводили самолет глазами". Юнкерс сел на Центральном московском аэродроме, на знаменитом Ходынском поле, в пяти минутах езды от Кремля. Сразу вслед за этим практически целиком расстреляно руководство советских ВВС. Но этот расстрел вовсе не сталинская реакция на эпизод с германским самолетом. Это репрессии, запланированные значительно раньше. Перед самой войной Сталин продолжает терроризировать армию. Арестован заместитель Тимошенко, бывший начальник Генштаба Мерецков. Арестован

многолетний нарком вооружений Ванников. Командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа генерал-полковник Лактионов арестован в ночь с 19 на 20 июня 1941 года. До войны остается два дня.

1941 год

Константин Симонов

Все утро 22 июня 1941 года Константин Симонов писал стихи. До двух часов дня он не знал, что началась война. Он не подходил к телефону и не включал радио. Он не слышал и не мог слышать выступление Молотова, которое передавали в 12 часов 15 минут.

В 5:30 утра 22 июня Молотов встречался с германским послом Шуленбургом. Шуленбург сообщил, что германское правительство поручило ему передать следующую ноту: "Ввиду нетерпимой угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массивной концентрации вооруженных сил Красной Армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры".

Молотов спрашивает, что означает эта нота. Шуленбург отвечает, что, по его мнению, это начало войны. Молотов говорит, что вблизи границы проходили обычные маневры. Если маневры были нежелательны, можно было бы обсудить этот вопрос. Шуленбург говорит, что он не может выразить свое подавленное настроение, вызванное неоправданным и неожиданным действием своего правительства.

До возвращения Молотова после встречи с Шуленбургом Сталин полагает, что германские действия — это провокация. Сталин говорит, что Гитлер наверняка не в курсе.

Агентурные сообщения о подготовке Германии к войне против СССР идут Сталину с сентября 1940 года. При этом советская разведка испытывает крайнее, иррациональное недоверие Москвы. Сталин не желает адекватно воспринимать информацию о приближающейся войне. Указываются направления основных будущих немецких ударов. Сообщается о формировании будущего административного управления оккупированной территории СССР. Появляется дата вероятного нападения. Заместитель Берии Меркулов докладывает Сталину информацию, полученную от агента берлинской резидентуры под именем "Старшина": "Все военные мероприятия Германии по

подготовке выступления против СССР полностью закончены. Удар можно ожидать в любое время".

Сталин оставляет резолюцию: "Тов. Меркулову. Можете послать ваш источник к е... матери. И. Сталин".

Когда Молотов 22 июня доложит о ноте, переданной германским послом Шуленбургом, Сталин спросит: "Что означает эта нота?" Молотов ответит: "Германское правительство объявило нам войну".

Молотов вспоминает: "В тот день в горячке разговора, телефонных звонков кто-то сказал, что надо бы выступить по радио, сказать народу о случившемся, призвать к отпору врагу". Сталин говорит, что ему самому выступить рано. Пусть выступит Молотов.

После радиообращения Молотова Сталин ему скажет: "Правильно, что выступал сегодня ты. Я звонил сейчас командующим фронтами, они даже не знают точной обстановки. Просто удивительно, что такие крупные военачальники — и вдруг растерялись. Они должны сами отражать врага, не дожидаясь наших распоряжений, на то они и армия".

Распоряжений 22 июня ждать было бесполезно. В момент нападения Германии рухнул план, который Сталин вынашивал, лелеял, ради которого он пожертвовал ни много ни мало — обороной государственных границ СССР. 22 июня рухнул сталинский план превентивного, предупреждающего удара по Германии, предполагавший исключительно наступательные действия на территории противника.

Выступление В. М. Молотова

К весне 1941 года пакт Молотова-Риббентропа о разделе Восточной Европы между СССР и Германией исчерпывает себя. Очевидным становится столкновение интересов СССР и Германии на Балканах, в Финляндии, на Ближнем Востоке, в вопросе о проливах из Черного моря в Средиземное. Перевес все больше на стороне Германии. Плюс ее успех в Европе в 1940 году. Германская агрессия в отношении СССР неизбежна. Сталинская цель в этих новых условиях — удержать и расширить территориальные приобретения, сделанные в Европе в 1939–1940 годах. Наступательные военные действия планируются в лучшем случае на 1942 год, в худшем — на 1943-й.

Для Сталина это продолжение имперской политики. При этом наступление на мир капитала вписывается в официальную коммунистическую идеологию. Кроме того, это наступление против агрессора, каковым является гитлеровская Германия. Это населению объяснить гораздо проще, чем необходимость договора о дружбе с Гитлером, в то время когда Гитлер уверенно оккупирует Европу.

Константин Симонов в комментариях к своим дневникам пишет:

"Чем дальше фашисты шагали по Европе, тем больше чувство душевной стесненности вызывали у меня наши лояльные отношения с этими завоевавшими Европу людьми.

Вдруг промелькнувшее в газете сообщение ТАСС о противовоздушной обороне Лондона, в котором прозвучала нота сочувствия к оборонявшим свою столицу англичанам, было воспринято с обостренной радостью. Я говорю не только о себе. Хорошо помню, что это было общее чувство".

Для Сталина эти чувства населения — залог поддержки его амбициозного похода на Запад.

5 мая 1941 года Сталин выступил перед выпускниками военных академий, партийной и военной элитой. На прошедшем затем банкете в ответ на тост одного из генералов "За мирную сталинскую внешнюю политику" Сталин подает реплику: "Мы обязаны от обороны перейти к военной политике наступательных действий. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная".

Вслед за этим сталинским выступлением появляется план Жукова-Тимошенко-Василевского. Маршал Жуков по этому поводу в 1965 году скажет: "Идея предупредить Гитлера появилась у нас с Тимошенко в связи с речью Сталина 5 мая 1941 года. Конкретная

задача была поставлена Василевскому. 15 мая он доложил проект директивы наркому Тимошенко и мне". Главный упреждающий удар должен быть нанесен на юго-западе. Германские войска отрезаются от Балкан, в первую очередь — от румынской нефти. Последующая задача — овладение территорией бывшей Польши и Восточной Пруссией. Наконец — взятие Берлина.

Первая реакция Сталина на план Василевского-Жукова активно отрицательная. Он боится спровоцировать Германию и потерять инициативу. Затем Сталин меняет свое мнение. Именно в соответствии с планом упреждающего удара идет вся перегруппировка советских войск в начале лета 1941 года. Вплотную к границе передвигаются склады с горючим, боеприпасами и вооружением. На границе развертываются аэродромы. 22 июня первый удар германских люфтваффе будет нанесен именно по этим аэродромам. Новенькие "МиГи" даже не успеют подняться в воздух. За первые восемь часов войны будут потеряны 1200 самолетов. 900 из них — прямо на земле. Свою войну Сталин планировал на 1942 год. В 1941-м Сталин не готов ни к наступлению, ни к обороне. В 1941-м Гитлер обходит Сталина на повороте.

С началом войны в первую очередь из строя выходит система связи. Ни одного подземного узла связи нет. Сталин и Жуков связываются с фронтами через центральный телеграф на улице Горького. Одна бомбежка могла лишить Сталина вообще всякой информации.

23 июня Симонов командирован в армейскую газету. Вечером того дня он в Наркомате обороны. Получил документы и обмундирование. В дневнике Симонов пишет: "Шинель была хорошо пригнана, ремни скрипели, и мне казалось, что вот таким я всегда и буду. Не знаю, как другие, а я в эти первые два дня настоящей войны был наивен как мальчишка".

Уже известному поэту, драматургу и журналисту Константину Симонову в 1941 году двадцать пять лет.

Симонов ведет дневник все годы войны. Это не частое явление. Дневники на фронте, особенно в первую половину войны, запрещены.

Константин Симонов, корреспондент фронтовой газеты

Симонов знает об этом, дневник хранит в сейфе у главного редактора газеты "Красная звезда", своего друга Давида Ортенберга.

В 1943 году секретарь Московского комитета партии Щербаков закажет Симонову сценарий фильма о Москве 1941 года. Симонов хотел, чтобы фильм ставил режиссер Пудовкин. Он дал Пудовкину почитать свой дневник 1941 года. Пудовкин сказал, что специальный сюжет не нужен, он будет делать фильм на основе симоновских дневников. Они вместе написали сценарий, назвали его "На старой смоленской дороге". Сценарий в высоких инстанциях зарубили.

В начале 60-х к дневниковым записям, составившим книгу "100 суток войны", Симонов напишет комментарии. В них будет дополнительная информация. Они отразят более поздние симоновские взгляды. Дневниковый текст Симонов оставит неизменным. Эмоциональным и кинематографичным. Из первых рук первые дни и месяцы большой войны.

24 июня Симонов уезжает из Москвы в Минск. В Москве вечером абсолютно темно. На вокзале где-то горят синие лампочки. Симонов пишет: "Первые признаки неразберихи и беспорядка. Черный вокзал, толпы людей, непонятно, когда, куда и какой идет поезд. Какие-то решетки, через которые не пускают. Вагоны в поезде на Минск неизвестно почему дачные".

Симонов продолжает: "В вагоне ехали главным образом командиры, возвращавшиеся из отпусков. Казалось, что половина Западного округа была в отпуску. Я не понимал, как это случилось. Впрочем, не понимаю этого и до сих пор". 26 июня Симонов сошел с поезда в городе Борисове. Дальше, к Минску, поезда уже не идут.

Симонов пишет:

"Три часа металась по городу в поисках какой-нибудь власти. После долгих поисков мы с артиллерийским капитаном поймали пятитонку и поехали по Минскому шоссе искать хоть какое-нибудь начальство.

Над городом крутились самолеты. Была отчаянная жара и пыль. Возле госпиталя я увидел первых мертвых. Они лежали на носилках и без носилок.

По дороге шли какие-то войска и машины. Одни в одну сторону, другие — в другую. Ничего нельзя было понять. Поехали обратно в город. Немецкие самолеты гонялись за машинами. Я плюхнулся в пыль, в придорожную канаву. В городе уже была паника. По городу шли и бежали неизвестно куда какие-то люди. За городом по пыльной дороге на восток шли машины. Двигались пешком люди. Теперь все направлялись только в одну сторону — на восток.

С запада на восток вдоль дороги шли женщины, дети, старики, девушки с маленькими узелками. А навстречу с востока на запад шли гражданские молодые мужчины. Они шли на свои призывные пункты, мобилизованные, не хотевшие, чтобы их сочли дезертирами, и в то же время ничего не знавшие, не понимавшие, куда они идут. Их вели вперед чувство долга и неверие в то, что немцы могут быть здесь, так близко.

Перед мостом стоял совершенно растрепанный человек с двумя наганами в руках. Он останавливал людей и машины и, грозя застрелить, кричал истерическим голосом, что он — политрук Петров — должен остановить здесь армию, и он остановит ее и будет убивать всех, кто попытается отступить. Люди равнодушно ехали и шли мимо него.

В соседнем лесу все кишело народом. Большею частью это были командиры и красноармейцы, ехавшие из отпусков обратно в части. Людей делили на роты и батальоны и отправляли занимать оборону вдоль берега реки Березина. Немцы с воздуха вскоре обнаружили это скопление людей и начали обстреливать лес из пулеметов. Мы ложились, прижимались головами к тощим деревьям. Нас было удобно расстреливать. Несколько человек рядом со мной были ранены — все в ноги. Как лежали в ряд — так и пересекла их пулеметная очередь.

Этот расстрел продолжался до поздней ночи. Было уже все равно. Оставалось только полное недоумение перед всем, что делается

кругом. И еще казалось, что все это случайность, просто какой-то прорыв, что впереди и сзади войска, которые придут и все поправят. Ночью опять был обстрел с воздуха. А с земли все, кто из чего, стреляли в небо, "в Божий свет как в копеечку".

Потом, когда выбрались на дорогу, наткнулись на группу из четырех человек, которые требовали документы у человека в штатском. Он отвечал, что документов у него нет. Они опять требовали, тогда он крикнул: "Документы вам? Гитлера ловите! Все равно вам его не поймать!" Военный молча вынул наган и выстрелил. Штатский согнулся и упал. Не знаю, может быть, это и был агент, диверсант, но, скорее всего — просто какой-нибудь мобилизованный, доведенный до отчаяния трехдневными мытарствами в поисках своего призывного пункта. Тысячи людей из остановленных и разбомбленных поездов продирались в эти дни к призывным пунктам".

Едва застреленный упал, рядом разорвалась бомба. Через мгновение Симонов увидел: рядом с ним лежал застреленный и почти на нем убитый осколком военный. Больше никого не было, все разбежались.

Утром неподалеку рыли окопы и щели. Симонову как на старшего, указали на корпусного комиссара Сусайкова. Это был молодой небритый человек в надвинутой на глаза пилотке, в красноармейской шинели и с лопатой в руках. Симонов спросил, где редакция газеты, потому что он писатель и направлен в армейскую газету.

Сусайков посмотрел на Симонова отсутствующим взглядом и сказал равнодушно: "Разве вы не видите, что делается? Какая газета?" Симонов сказал, что ему надо явиться в штаб фронта. Сусайков не знал, где штаб фронта. И вообще он ровно ничего не знал, так же как и все находившиеся с ним в этом лесу.

Это 28 июня. Минск оставлен войсками Западного фронта. Симонов, корреспондент "Известий", командирован в армейскую газету 3-й армии Западного фронта. Но эта 3-я, так же как и 4-я, и 10-я армии уже окружены юго-западнее Минска.

Вспоминает командир партизанского отряда, белорусский писатель Алексей Карпюк, живший в июне 1941-го в деревне у шоссе Белосток-Волковыск-Слоним: "На шоссе оставались советские танки — целенькие, покрашенные свежей краской, с исправными моторами,

пулеметами и пушками. Немцы на их бортах аккуратно вывели номера. У границы стоял танк под номером 1, на расстоянии девяноста километров от него — танк с номером 500". Танкисты без танков отступают вместе с пехотой. Связи в войсках нет. Управление потеряно. На дорогах толпы людей. Это первый большой котел. 330 тысяч пленных советских солдат и офицеров. Из дневника командующего группой армий "Центр" генерала фон Бока: "23.06.41. Сообщают о многочисленных случаях самоубийства русских офицеров, пытавшихся таким образом избежать плена".

В это время в Москве на Белорусском вокзале, откуда уходят на фронт эшелоны, уже звучит "Священная война". Сообщения о боевых действиях — в газетных сводках Совинформбюро, которое создано 24 июня.

Симонов в комментариях к дневнику пишет: "Сводки Информбюро в тот период значительно отставали от молниеносно разворачивающихся событий". Наиболее характерная формулировка: "Бои идут на таком-то направлении". Скажем, на Минском или Бобруйском направлении. Термин "направление" расплывчат. Он дает только общее географическое представление о глубине нанесенного нам удара. Тогда, в конце июня 1941-го, словечко "направление" на фронте произносили с едкой иронией, маскирующей отчаяние.

После войны Симонов напишет: "Если бы избрать тогда иную терминологию, то все наши сводки в любой из дней состояли бы из доводящего до отчаяния списка десятков потерянных городов и тысяч населенных пунктов".

3 июня в сводке Совинформбюро проскакивает ремарка: "Враг не выносит штыковых ударов наших войск". На самом деле вот это и есть информация. В нескольких словах истинная картина отчаянных боев, когда, кроме как идти в штыковую, ничего не остается.

Симонов уже неделю в поисках штаба Западного фронта. Перемещается на попутных машинах.

Воронки от бомб — в стороне от дороги, за телеграфными столбами. Беженцы пробирались там, стороной, и немцы, приспособившись к этому, бомбили как раз по сторонам дороги. Вот вдоль дороги и лежали трупы. Саму дорогу немцы не портили: они собирались идти быстро и беспрепятственно.

Повсюду еврейские беженцы из-под Белостока, из-под Лиды, из сотен еврейских местечек. Симонов пишет: "Шли старики, которых я никогда не видел, с пейсами и бородами, в картузах прошлого века. Шли усталые, рано постаревшие еврейские женщины. И дети, дети, дети. Детишки без конца".

Штаб Западного фронта в тот момент под Могилевом, в лесу, в палатках. Некоторые отделы штаба размещались прямо на грузовиках. Здесь Симонов видел маршалов Ворошилова и Шапошникова. Они приехали в лес на длинном черном "паккарде". Ворошилов лично допрашивал сбитого немецкого летчика.

Симонов пишет: "Это был первый немец, которого я видел на войне. Этот первый немец был событие. Все толпились вокруг него". Он был сбит у Могилева. У него был компас. И он пошел на восток. Из его объяснений стало ясно, что на шестой день войны немцы должны были взять Смоленск. И этот фельдфебель, твердо веруя в этот план, шел к Смоленску.

Симонов пишет: "Настроение было отчаянное. По-прежнему все было непонятно. Радио сообщало о сдаче небольших городков на границе — о Минске не упоминалось. Говорили о взятии Ковно и Белостока. Между тем в Могилеве говорили, что бои уже идут под Бобруйском. Было такое ощущение, что впереди, на западе, дерутся наши армии, а между ними и остальными нашими войсками находятся немцы".

Так и было на самом деле. Только с той разницей, что наши армии на западе были окружены и выходили частями. После страшных поражений на границах в первые два дня войны было решено не поддерживать всех, кто остался, не помогать окруженным частям, не бросать на съедение новые дивизии. Симонов пишет: "Решили оставить всех там, впереди, на произвол судьбы, драться и умирать, а из всего, что было в тылу, по Днепру и Березине организовать новую линию обороны. Если бы не это, немцы действительно за 6 недель дошли бы до Москвы".

К. Симонов (справа). Допрос немецкого военнопленного

Вокруг Могилева повсюду роют. Вся Могилевщина и вся Смоленщина изрыты окопами и рвами. Немцы их потом спокойно пройдут.

Симонов работает в газете в Могилеве. Он часто сам развозит газеты в те части, которые может найти. По дороге по одному-по два попадаются грязные, оборванные люди, совершенно потерявшие военный вид. Это окруженцы. На проселочной дороге Симонова останавливает невесть откуда взявшийся милиционер. Он спрашивает, что ему делать с этими бредущими одиночками: "Отправлять их куда-нибудь или собирать вокруг себя?" Симонов говорит, чтобы он собирал их до тех пор, пока не появится какой-нибудь командир. Милиционер остается на дороге. Рядом на обочине сидят двое, вырвавшиеся из окружения.

В тот же вечер в политотделе штаба фронта Симонов прочел речь Сталина, записанную на слух радистами. Это было сталинское обращение к народу 3 июля, начинавшееся знаменитыми словами: "Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои".

В дневнике Симонов комментирует выступление Сталина. Первое — эта речь давала понять, что немцами захвачена огромная территория и что опасность крайняя. В сводках Совинформбюро об этом не говорилось. "Теперь — пишет Симонов, — стало легче оттого, что это было сказано вслух. Второе — мы поняли, что наши надежды, что где-то готовится могучий удар, что немцев погонят не сегодня, так завтра — мы поняли, что это не более чем плоды фантазии. И надо

забыть, что мы слишком долго готовились совсем к другому, к победоносному началу войны".

Симонов пишет в дневнике 1941 года: "Слова "друзья мои" в сталинской речи, помню, тогда тронули до слез". Сталин в том июльском обращении произносит: "Враг ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма". Сталин все еще живет в эпохе 20-30-х, где успешно работали штампы классовой борьбы. А люди уже живут в эпоху Отечественной войны. И вся предыдущая жизнь отныне и навсегда для них будет называться просто и емко — "до войны". Сталин этого еще не чувствует, он не поспекает за народом, от которого впервые зависит его личная судьба и к которому именно поэтому он впервые обращается "друзья мои".

И когда он в обращении говорит, что советский народ теперь должен отказаться от беспечности и благодушия, это излишне. Война и без Сталина всю учит советских людей, а вернее тех из них, кто не погиб тогда, в первые ее дни и недели.

Через 20 лет в комментариях к дневнику 1941 года Симонов продолжает тему "Сталин и начало войны". Все прошедшие годы ему не дает покоя вопрос — почему Сталин не желал верить, что война начнется летом 1941 года? "Я допускаю, — пишет Симонов, — что Сталин считал, что с ним, с исторической фигурой такого масштаба, Гитлер не посмеет решиться на то, на что он решился раньше с другими".

В случае со Сталиным сказалось разлагающее личное влияние неограниченной власти. Он мнил себя способным планировать историю.

"Другой вопрос, — говорит Симонов, — что даже в самых сложных условиях существует еще и ответственность общества, когда оно вручает власть в руки одного человека. Нельзя забывать о нашей ответственности за то положение, которое занял этот человек".

Именно этот симоновский комментарий — главная причина запрета на публикацию его дневников 1941 года под названием "100 суток войны". Они должны были увидеть свет в журнале "Новый мир" в 1966 году. "100 суток войны" напечатаны не будут.

Из секретной докладной записки начальника Главлита Охотникова в ЦК КПСС: "При контроле сентябрьского и октябрьского номеров журнала "Новый мир" было обращено внимание на содержание

записок К. Симонова и комментарии автора к ним". Далее в форме доноса четко излагается суть симоновских антисталинских комментариев. Докладная заканчивается словами "произведение снято из номера". И это несмотря на то что Симонов в то время обладатель одного из самых громких имен в советской литературе. Его стихи знают не только по книгам. Всю войну они публикуются в газетах. Это невероятная известность. В 1966-м по поводу своей книги "100 суток войны", которую считал лучшей, Симонов рискнул обратиться в высочайшую партийную инстанцию. Он не получил не только поддержки, но и вообще какого-либо ответа.

К. М. Симонов

Годом раньше, в 1965-м, к 20-летию Победы, Симонов делал доклад на пленуме Правления московской писательской организации. 1965 год, первый год после Хрущева, — это начало ресталинизации, тихое возвращение Сталина на позиции, отнятые было у него XX съездом партии. Симонов в этом году с трибуны говорит о сталинских репрессиях в армии с точки зрения их прямого влияния на неготовность страны к войне.

Симонов говорит: "Нет, нельзя все сводить к именам нескольких расстрелянных военачальников. Вслед за ними погибли тысячи и тысячи, составлявшие цвет армии. И не просто погибли, а в сознании большинства ушли с клеймом изменников родины. Но речь идет не только о тех, кто ушел. Надо помнить, что творилось в душах людей, оставшихся служить в армии".

Система подозрений, обвинений, арестов и расстрелов живет вплоть до самой войны. Такова атмосфера накануне войны с

фашистской Германией.

Симонов говорит: "Сталин оставался верным той маниакальной подозрительности по отношению к своим, которая в итоге обернулась потерей бдительности по отношению к врагу. Главная вина его перед страной в том, что он создал гибельную атмосферу, когда десятки компетентных людей не имеют возможности доказать главе государства масштаб опасности. Только обстановкой чудовищного террора и его многолетней отрыжкой можно объяснить нелепые предвоенные распоряжения".

Еще до этого доклада в феврале 1965-го в подмосковной Барвихе Симонов разговаривает на ту же тему с одним из главных героев войны маршалом Коневым. После этого разговора Симонов напишет. "Не подлежит сомнению, что если бы 1937–1938 годов не было, и не только в армии, но и в стране, то мы в 1941 году были бы несравненно сильнее, чем мы были. Воевали бы все они, те, которые выбыли. И тогда из всех нас война выбирала бы и выдвигала лучших".

В июне, в июле 1941-го Симонов на фронте встречает людей, вернувшихся в армию из лагерей накануне войны. Из их числа комкор Петровский, чей корпус стоит в эти дни на берегу Днепра. После войны Симонов прочитает июльские приказы Петровского. Они свидетельствуют о трезвости в оценках обстановки, спокойствии и самостоятельности в эти тяжелейшие дни. В 1941-м комкор Петровский соответствует служебной характеристике, полученной еще в 1925-м: "Обладает сильной волей, решительностью. Военное дело знает и любит его".

В том же самом месте, где Симонов встретил комкора Петровского, потом в симоновском романе "Живые и мертвые" будет ждать боя Федор Федорович Серпилин, арестованный в 1937-м, получивший 10 лет лагерей, а потом неожиданно отпущенный. Перед рассветом, лежа на охапке сена, Серпилин будет думать: "Спрашивается, кому же перед войной понадобилось лишать армию таких людей, как он, Серпилин? Какой в этом смысл?" Время заключения в сознании Серпилина было прежде всего бездарно потерянным временем. "Вспоминая теперь, на войне, эти пропащие четыре года, он скрипел от досады зубами".

Серпилин — самый яркий герой главного симоновского романа. Но Симонов встречал и других людей, попавших на фронт после

лагеря. И о них тоже писал. Эти, другие, лично бесстрашны перед врагом. Но после ареста и заключения беспомощны и безответны перед вышестоящим начальством.

На командирских должностях они неспособны на решения, чем губят и губят солдатские жизни. Их было много таких, изуродованных лагерем. В повести "Пантелеев" Симонов даст такому человеку пустить себе пулю в лоб. В реальной жизни 1941 года его прототип пошел под трибунал. Симонов за повесть с таким действующим лицом подвергся критике с явными намеками на авторскую неблагонадежность.

К Симонову в Могилев приезжает бригада из "Известий". В ее составе поэт Сурков и фотокорреспондент Трошкин. Они на новенького на фронте. Симонов в это время уже отчетливо формулирует свои впечатления первых двух недель войны: "У меня было такое чувство, что уже ничего тяжелее в жизни я не увижу. Мне и сегодня кажется, что так оно и есть".

К. Симонов на передовой

Он написал об этих двух неделях письмо домой. Когда уже сложил письмо вместе с журналистскими материалами, чтобы отправить в Москву, вдруг передумал. Не отправил письмо, порвал.

Одна из поездок известинской бригады — в Смоленск.

"По дороге усталые и пыльные, — пишет Симонов, — заехали в какую-то деревушку, зашли в избу. Изба оклеена старыми газетами. В рамочках фотографии из журналов. В углу — божница. На широкой

лавке сидит старик, одетый во все белое — в белую рубаху и белые порты, — с седою бородой.

Старуха усадила нас на лавку рядом со стариком и стала поить молоком. Зашла соседка. Старуха у нее спросила:

— А Дунька все голосит?

— Голосит. — сказала соседка.

— У нее парня убили, — объяснила старуха.

Вдруг открылась дверь, и мы услышали, как в соседнем дворе пронзительно кричит женщина. Старуха сказала:

— Все у нас на войне. Все сыны на войне и внуки на войне. А сюда скоро немец придет, а?

— Не знаем, — сказали мы, хотя чувствовали, что скоро.

А старик все сидел и молчал. И мне казалось, что если бы он мог, то он умер бы, вот сейчас, глядя на нас, людей, одетых в красноармейскую форму, и не дожидаясь, пока в его избу придут немцы. А что они придут сюда — мне по его лицу казалось, что он уверен. Он качал своей столетней головой, как-будто твердил: „Да, да, придут, придут“.

Симонов в дневнике пишет:

"Я потом написал об этом стихотворение и посвятил его Алеше Суркову. "Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,/ По мертвому плачущий девичий крик,/ Седая старуха в салопчике плисовом,/ Весь в белом, как на смерть одетый, старик".

На дорогах женщины поили нас молоком, крестили и, как-то сразу перестав стесняться, что мы военные и партийные, говорили нам: "Спаси вас, Господи", "Пусть вам Бог поможет" — и долго смотрели нам вслед".

Это — дневник, а это — стихи: "Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,/ Как шли бесконечные злые дожди,/ Как крынки несли нам усталые женщины,/ Прижав, как детей, от дождя их к груди".

172-я дивизия, которая обороняла Могилев, стояла на западном берегу Днепра. Дивизионный комиссар сказал Симонову, что лучше всего у него в дивизии дерется полк Кутепова. Разговор об этом шел ночью. Ночью же Симонов с фотокором Трошкиным и выехали к Кутепову. Это была ночь 14 июля.

Два дня до этого — 12 и 13 июля — у Кутепова шел бой. 12-го на кутеповский полк шли танки генерала Моделя. Танки с открытыми люками, из которых по пояс торчали немецкие офицеры. За танками — пехота с засученными рукавами. Танки шли по ржаному полю.

Кутеповцы уничтожат 39 танков. Это самый ожесточенный и самый результативный бой в ходе обороны Могилева. На следующий день, 13-го, немцы предпримут психическую атаку. Их пехота пойдет стройными колоннами с развернутыми знаменами. Из этих колонн уцелеют немногие.

Ночью, после отражения психической атаки, 45-летний Кутепов рассказывает Симонову о происшедшем с мальчишеским задором. "Вот, говорят: танки, танки. А мы их бьем. Если пехота решила не уходить, то никакие танки с ней ничего не смогут сделать, можете мне поверить. Вон там их танк стоит. Вот куда дошел, а все-таки ничего у них не вышло".

14 июля фотокорреспондент "Известий" Трошкин снимает подбитые немецкие танки на глазах у немцев. Он вытаскивает из танка немецкий флаг, заставляет красноармейцев залезть на танк, снимает их на танке, рядом с танком, с флагом и без флага. Симонов пишет. "Он вообще окончательно обнаглел". Потом Трошкин фотографирует командира батальона капитана Гаврюшина, лет тридцати, три дня не бритого, со свалывшимися под фуражкой волосами. На лице у Гаврюшина странное выражение готовности еще сутки вести бой и в то же время — готовность уснуть в любую секунду. Война — это очень тяжелая работа. 12 июля бой шел 14 часов подряд, 13 июля — 10 часов. Но ожидание боя тяжелее самого боя, многие не выдерживают. Бегут. Их ловят. Трибунал. Расстрел.

Фотокорреспондент "Известий" Павел Трошкин

Трошкин, перед тем как сфотографировать Гаврюшина, заставляет его надеть через плечо автомат, вместо фуражки — каску. "Эта амуниция на редкость не идет капитану, как она обычно не идет людям, сидящим на передовой", — пишет Симонов. Фотокорреспондент "Известий" Трошкин погибнет в 1944-м.

В 1941-м снимал Трошкин и командира роты Хоршева, такого молодого, что было странно, что вчера он дрался до последнего патрона и потерял половину роты.

14 июля здесь, на Буйничском поле, тишина. Работает немецкая похоронная команда. Кутеповцы не мешают. Большой участок в несколько гектаров на нейтральной полосе покрывается березовыми крестами над немецкими могилами. В ночь с 12-го на 13-е, во время передышки между боями, наши и немецкие похоронные бригады работали вместе.

Командир роты М. Хоршев и комбат Дм. Гаврюшин

14 июля полковник Кутепов говорит Симонову: "Мы так уж решили тут между собой: чтобы там кругом ни было, кто бы там ни отступал, а мы стоим вот тут, у Могилева, и будем стоять, пока живы".

После войны в комментариях к дневникам 1941 года Симонов будет много раздумывать о том, что было целесообразнее — стоять насмерть или отступать, отводить войска, избегая окружений. Но мы были катастрофически не готовы и к спланированному, организованному отступлению. Симонов пишет: "Мера нашей неподготовленности к войне была так велика, что мы не можем при

воспоминаниях о тех днях освободить свой лексикон от такого тяжелого слова, как "бегство", или, употребляя солдатское выражение того времени, — "драп".

Полковник С. Ф. Кутепов

И сейчас, при самой трезвой оценке всего, что происходило, мы должны снять шапки перед памятью тех, кто до конца стоял в жестких оборонах и насмерть дрался в окружениях, обеспечивая возможность отрыва от немцев, выхода из мешков и котлов другим частям, соединениям и огромной массе людей, группами и в одиночку прорывавшихся через немцев к своим".

Отступление. Июль 1941 года

Героизм тех, кто стоял насмерть, вне сомнений. Если бы страну честно и грамотно готовили к реальной войне, этот героизм принес бы несравнимо большие результаты.

У ополченцев под Могилевом — одна винтовка на троих. Топор, вилы, лопата также считаются оружием.

Начальник Главного политического управления Советской армии Епишев 19 ноября 1966 года напишет по поводу книги Симонова "100 суток войны":

"Новая книга К. Симонова является глубоко ошибочной, недостойной советского писателя, она может нанести серьезный вред патриотическому воспитанию нашей молодежи, искаженно показывая подвиг нашего народа во имя защиты завоеваний Октября". Симонов перед смертью завещает развеять свой прах на том поле, где в июле 1941-го насмерть стоял полковник Кутепов.

И Кутепов, и Гаврюшин, и Хоршев погибли в окружении. Немцы пойдут на Смоленск и возьмут его в самом конце июля. Симонов в это время будет несколько дней в Москве. Он переходит из "Известий" в "Красную звезду". В эту короткую паузу ему предложено написать несколько стихотворений для газеты. Симонов пишет "Жди меня". В дневнике Симонов фиксирует: "Первым читателем "Жди меня" был писатель Лева Кассиль. Он сказал мне, что стихотворение, в общем, хорошее, хотя немного похоже на заклинание".

Но такое заклинание совершенно оправдано для воюющего мужчины в страшном 1941-м году.

В Смоленске в одиноком неразбомбленном доме работал телефон. Константин Симонов попросил дать Москву. Телефонистка ответила: "Сейчас". Он ждал минут пятнадцать. Наконец услышал: "Москва. Москва! Говорит Смоленск. Дайте 3-6-0-8-4". Потом длинный звонок — и знакомый голос произносит: "Алло", потом грохот и голос телефонистки: "Я вас разъединила. В Смоленске воздушная тревога". Симонов звонил в Москву Валентине Серовой. Лучшие симоновские военные стихи войдут в цикл "С тобой и без тебя" с посвящением ей. Там будет и стихотворение, где первой строчкой — "Твой голос поймал я в Смоленске,/ Но мне, как всегда, не везло./ Из тысячи слов твоих женских/ Услышал я только: алло!"

Валентина Серова

Симонов в Смоленске в первых числах июля. Город уже бомбят. 15 июля — массовый исход жителей из города. Вспоминает Леонид Андреев, в будущем профессор, декан филфака МГУ:

"Улицы были заполнены беженцами и войсками. У разбитого дома торговали мороженым. В ярком небе висели немецкие самолеты. В магазине без окон и дверей стояла очередь за сметаной. На берегу лежали восемь трупов расстрелянных немецких парашютистов. Под мостом закладывали пашки со взрывчаткой. На мосту тягач проехал по голове убитого подростка. Паника гнала людей на вокзал, лишала рассудка. Подошел состав с открытыми грузовыми платформами. Тысячи людей бросились к ним, опрокидывая друг друга, роняя узлы и чемоданы, крича, плача и ругаясь.

Рядом с составом вдруг застучал крупнокалиберный зенитный пулемет. Люди метнулись к стенам вокзала, под платформы. Неудержимо плакала потерявшаяся девочка лет четырех. Пулеметная очередь осыпала ее брызгами разбитой штукатурки".

К 20 июля в районе Смоленска в окружении оказываются три наши армии — 16-я, 19-я и 20-я. Немцы уже заняли Ельню, создав плацдарм, выдвинутый на восток.

Советское военное руководство полагает, что это вовсе не немецкий прорыв, а просто крупный десант. "Десант, десант, десант. В эти дни это слово буквально сидело в ушах", — пишет Симонов.

Симонов после короткого пребывания в Москве, где пишет свое знаменитое стихотворение "Жди меня", выезжает под Ельню.

В дневнике он пишет: "Никто, начиная от командующего 24-й армией Ракутина и кончая командирами батальонов, не знал истинного

положения под Ельней. Генерал Ракутин считает, что немцев из Ельни удастся выгнать через день-два, максимум через три".

На самом деле Ельня будет взята войсками 24-й армии только через полтора месяца, 7 сентября. 24-я армия входит в состав Резервного фронта под командованием Жукова. Ельня — наше первое большое успешное наступление. Но ельнинский выступ для немцев — второстепенное направление. В это время основные немецкие удары следуют на Центральном и Юго-Западном фронтах. Когда Вермахт начнет генеральное наступление на Москву, он обойдется без ельнинского выступления.

Когда Жуков наступает на Ельню, немцы наступают на Киев.

Под Киевом в окружении, в котле, — пять армий Юго-Западного фронта. Командующий фронтом генерал Кирпонос погибает в бою. По немецким данным, в плену под Киевом оказывается 665 тысяч человек. По данным историка генерала Д. Волкогонова — 453 тысячи человек, включая 60 тысяч командного состава. В районе Мозырь-Гомель в плен попадает 78 тысяч, в Уманском котле — в окружении две армии, 103 тысячи пленных, включая обоих командармов — командующего 6-й армией генерал-лейтенанта Музыченко и командующего 12-й армией генерал-лейтенанта Понеделина.

Через несколько дней фамилия генерала Понеделина будет фигурировать в приказе Ставки за № 270 от 16 августа 1941 года. Приказ № 270 имеет отчетливую личную сталинскую интонацию. Видишь, как Сталин ходит взад-вперед и диктует:

"Не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой прямо героически. Даже те части, которые случайно попали в окружение, сохраняют стойкость и выходят из окружения".

Далее следует бесспорное перечисление фактов успешного выхода из окружения.

Сталин продолжает: "Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам". И Сталин называет три имени: первое — генерал-лейтенант Понеделин. Правда, на самом деле он генерал-майор. Сталин диктует: "Он имел

полную возможность пробиться к своим, но он струсил и дезертировал к врагу". Вторым Сталин называет генерал-лейтенанта Качалова. "Он предпочел сдаться в плен", — говорит Сталин.

Третий генерал-майор Кириллов. "Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, сдающихся в плен? Нет, нельзя. Если дать волю этим трусам и дезертирам, они загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожить".

Симонов в комментариях к дневнику 1941 года пишет: "Я должен сделать горькое признание: я был человеком своего времени и тогда, летом 1941 года, читая этот приказ Ставки, под которым стояла подпись Сталина, не меньше других верил, что люди, упомянутые в нем, действительно виноваты во всем, что им приписывают".

После войны Симонов подробно изучит обстоятельства, при которых указанные в приказе люди попали в плен. Точнее, двое из них. Генерал-лейтенант Качалов вообще в плену не был. Он погиб в бою 4 августа и на момент выхода приказа № 270 был мертв. Ситуацию с По-неделиным Симонов отслеживает по журналу боевых действий Южного фронта. 4 августа записано: "Группа Понеделина продолжает вести бои в замкнутом кольце без снарядов и артиллерии". Генерал Кириллов со своим корпусом, судя по документам, все время прикрывает отход других частей.

Симонов пишет: "Не было никаких оснований объявлять их трусами, не пожелавшими прорваться к своим. На совести этих двух людей в тот момент было только одно — они физически не смогли, не успели или не решились застрелиться. Но это не повод считать их предателями, как это было сказано в приказе Ставки".

Генералы Понеделин и Кириллов, оболганные в приказе № 270, до конца войны будут в плену. Потом полгода на территории, занятой союзниками. Вернутся на родину. 30 декабря 1945-го арестованы. Следствие будут вести пять лет. В 1950-м они расстреляны. В 1956-м признаны необоснованно осужденными.

В соответствии с приказом № 270 в 1941 году все попавшие в плен причисляются к изменникам родины. По приказу № 270 в 1945 году из немецких лагерей они попадут в советские. В этих лагерях окажутся и немногие уцелевшие защитники Брестской крепости. Репрессиям подлежат семьи попавших в плен. Они арестовываются и ссылаются в отдаленные местности СССР. В июле 1942 года

Государственный Комитет обороны в своем постановлении уточнит, что "членами семьи считаются отец, мать, жена, муж, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с изменником родины на момент начала войны".

Генерал-майор П. Г. Понеделин

С июня по декабрь 1941 года в немецком плену окажутся до 3 миллионов 335 тысяч советских военнослужащих. К концу января 1942 года в результате расстрелов, эпидемий и голода погибнет 2 миллиона пленных. Сталин, выступая на станции метро "Маяковская" 6 ноября 1941 года, говорит: "За четыре месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек, а раненых имеем 1 миллион 20 тысяч человек". Советских солдат, попавших в плен, Сталин вообще не упоминает.

Генерал-майор Н. К. Кириллов

На Западном фронте только в ходе Смоленского сражения в плен попадает до 300 тысяч человек. Почти 300 тысяч раненых, более 200 тысяч погибших. Окруженные под Смоленском войска и гражданское население имеют единственную возможность выхода — это узкая переправа через Днепр возле деревни Соловьева. Симонов был на Соловьевской переправе. Кроме того, в комментариях к дневнику он приводит фрагмент письма, полученного им от Василия Палаженко, который начинал войну именно под Ельней. Он пишет: "С запада на восток стекались с широкого фронта к Соловьевской переправе. Переправа никакого прикрытия с воздуха не имела. Фашистские летчики с бреющего полета расстреливали людские потоки. На переправе из человеческих тел, повозок и мертвых лошадей образовалась плотина. Мне и сейчас еще видятся: окровавленная умирающая женщина, чуть вылезшая из воды на берег, а по ней ползет грудной ребенок, тоже окровавленный".

Симонов Серовой с фронта: "Ни укорить и ни обидеть/ А ржавый стебель теребя,/ Я просто видеть, видеть, видеть/ Хотел тебя, тебя, тебя./ Без ссор, без глупой канители,/ Что вспомнить стыдно и смешно,/ А бомбы не спеша летели,/ Как на замедленном кино".

До Москвы немцам остается 300 километров. Немецкая наступательная операция на столицу получает название "Тайфун". Ее планирование завершено к 19 сентября. Командование Западного фронта только 26 сентября докладывает в Ставку, что, по данным разведки, возможно немецкое наступление на Москву. На следующий день издается директива о необходимости перехода к "жесткой и упорной обороне", о создании фронтовых резервов и совершенствовании оборонительных сооружений. Но эти документы не успевают дойти до передовых частей.

Командный пункт Западного фронта в это время размещен рядом со станцией Касня, на господствующей высоте, в ярко-белом с колоннами старинном особняке князей Волконских. Все подъезды к дому посыпаны желтым песком. Узел связи — под легкими козырьками рядом с усадьбой. Наблюдается оживленное движение машин и военнослужащих.

В первый день операции "Тайфун", 2 октября, 27 бомбардировщиков наносят удар по командному пункту Западного

фронта. Здание разрушено, 73 убитых.

Первоочередная задача немецкого командования — окружение и уничтожение советских войск в районах Брянска и Вязьмы. Решение этой задачи открывает путь на Москву.

Орел взят 3 сентября абсолютно неожиданно для командования Брянского фронта. Когда немецкие танки врываются в Орел, в городе спокойно ходят трамваи, полные людей.

Командующий Орловским военным округом генерал-лейтенант Тюрин, отвечающий за оборону города, узнает о взятии города от рассыльного, который вбегает в штаб с криком, что немецкие танки на улицах города. Через три дня, 6 октября, окружен и взят Брянск. В котле оказываются три армии. Из окружения выйдет менее 20 процентов личного состава.

Симонов — Серовой: "Когда он с жизнью расставался/ Кругом него был воздух пуст/ И образ нежный не касался/ Губами холодевших уст./ Я навсегда возьму с собою/ Звук слов твоих, вкус губ твоих/ Пускай не лгут. На поле боя/ Ничто мне не напомнит их".

Симонов пишет: "В деревне мы встретили части одной из московских ополченческих дивизий. Это были по большей части немолодые люди — по сорок, по пятьдесят лет. Обмундирование — гимнастерки третьего срока, причем часть этих гимнастерок была какая-то синяя, крашеная. Командиры их были тоже немолодые люди, запасники".

Бойцы дивизии народного ополчения

Формирование дивизий народного ополчения началось 4 июля 1941 года. Впервые слова о формировании ополчения прозвучали накануне, 3 июля, в обращении Сталина. Кроме людей старших возрастов, в ополчение идет молодежь, часто негодная к строевой службе. Оружие у них времен Первой мировой войны. Уровень боевой подготовки крайне низкий. Но они добровольцы и проявляют невероятную стойкость.

Симонов пишет: "Помню, что они произвели на меня тяжелое впечатление. Думал: неужели у нас нет никаких других резервов, кроме вот этих ополченцев, кое-как одетых и почти не вооруженных? Одна винтовка на двоих и на всех один пулемет". Когда будет принято решение отвести войска на рубеж Ржев-Вязьма, эти люди будут прикрывать отход. И это они встанут под удар немецких армий группы "Центр". И попадут в страшнейшее окружение под Вязьмой.

Вспоминает ополченец Борис Фридман: "1 октября 1941 года мы сидим с однополчанином, беседуем о том о сем, и он, регулярно бывавший в штабе полка, говорит мне: "Идут разговоры, что мы уже окружены Я ему в ответ: „Да что вы, Александр Николаевич, этого не может быть, была бы слышна стрельба, а кругом так тихо, так спокойно"". "

Бомбардировка пойдет на следующий день, 2 октября. Операция "Тайфун" начинается с тотальной бомбардировки. Она полностью нарушает связь между советскими войсками. Немецкие танковые клинья по гигантским дугам двигаются в обход основных сил наших армий и уже 7 октября завершают полное окружение наших частей. Затем по магистрали Москва-Минск они рассекают окруженную группировку надвое и приступают к ее уничтожению.

Предвидя катастрофу окружения, командующий Западным фронтом Конев еще 4 октября докладывает Сталину о ситуации. Все решают часы и даже минуты, но 4-го Сталин разрешения на организованное отступление не дает. Только 5 октября Ставка утвердит приказ об отступлении. Реально оно начнется только 6-го. Будет уже поздно.

Вспоминает окруженец, военврач Иван Акопов: "На глазах разваливалась вся организация отступления. Все части перемешались, никто не управлял движением. Карт у нас не было, не было их и у

командиров других частей. Некоторые части стали сворачивать с главной дороги на прилегающие, чтобы ускорить продвижение. Попадались брошенные грузовики, видели отдыхающих, в одиночку и группами. На наш вопрос — куда они идут? — отвечали, что идут куда глаза глядят, надеясь выйти к своим".

Из воспоминаний ополченца Александра Леяичева: "Раненых взять нельзя, мертвых захоронить тоже. Отходим. В последний момент два майора поссорились. Спор был: кто должен командовать полком. Один другого застрелил, и оставшийся майор принял командование по выходу из окружения". Те, кто выйдет из окружения, окажутся в фильтрационном пункте Западного фронта на Стромынке, в здании общежития университета. Счастливицы попадут снова на фронт, остальные — в лагеря.

Из воспоминаний окруженца: "Когда я очнулся после бомбежки, вокруг было безлюдно. Только убитые. Я пошел по лесной дороге, меня нагнал военный грузовик. Мне помогли залезть. Проехали одну деревню. На улице ни души. Проехали еще две деревни — всюду тихо. И это стало успокаивать. И вот на полном ходу мы въезжаем в следующую деревню и попадаем в кольцо немецких танков. Нас останавливают. Возникают немецкие автоматчики. Я — в плену. Новые группы пленных прибывали весь следующий день. Потом нас всех привели в транзитный лагерь для военнопленных в маленьком городке. Потом колонна военнопленных двинулась в долгий путь. Ни конца, ни начала ее видно не было".

Колонна пленных под Вязьмой

Из воспоминаний бывшего пленного: "В больших селах колонна ненадолго останавливалась. Деревенские старики сумрачно глядели на нас. И я не видел сочувствия в их глазах. Крестьянка держит в руках полбуханки хлеба и предлагает обменять ее на пару белья, которое пленный должен снять с себя". Из воспоминаний другого бывшего пленного: " Женщины бросали в наши ряды хлеб, картошку. Немцы не знали, что делать с таким количеством пленных". Был тогда такой номер. Женщины, рискуя быть расстрелянными, кидались с плачем к конвоирам и кричали, что среди пленных их мужья. Никакие это были не мужья, но они кричали: "Ваня, Петя, милый, наконец мы встретились". Женщины выручали пленных как могли. Немцы смеялись и отпускали кого-то из пленных. Потом колонна шла дальше. Отстающих расстреливали.

Вязьма в двухстах километрах от Москвы, — это адский котел, в котором перемешалось все: окружение, плен и невероятной жесточенности, поистине героические бои окруженцев, на две недели сковавшие немецкое продвижение на Москву.

Вспоминает военврач Иван Акопов: "Погиб весь оружейный расчет действующей пушки. Вокруг орудия в разных позах лежало несколько трупов. Один возле самого колеса пушки с раскинутыми руками и широко открытыми глазами, как будто смотрел в небо. Взгляд последнего живого артиллериста был полон ненависти и, я бы сказал, азарта. Он не чувствовал, что все его лицо забрызгано кровью его погибших товарищей и ничего не ощущал вокруг, кроме врага".

Еще в первый день войны премьер-министр Великобритании Черчилль в своем радиообращении сказал: "За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о коммунизме, но все это меркнет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Я вижу русских солдат, защищающих свои дома, где их матери и жены молятся — да, ибо бывают времена, когда молятся все, — о возвращении своего кормильца, своего защитника и опоры".

Военврач Акопов вспоминает: "Я заметил еще одного раненого, который лежал на спине и что-то громко говорил. Я подбежал к нему и ужаснулся: он был ранен в живот, вышел значительный отрезок кишечной петли, он вряд ли мог остаться в живых, я перевязывал его,

а он смотрел на летящие над нами самолеты и с ненавистью твердил: "Стреляй, строчи, фашистская сволочь! Мы еще повоюем с тобой!"

Сталин, не давший своевременный приказ об отступлении, 8 октября шлет паническую радиogramму в штаб окруженной 19-й армии: "Из-за неприхода окруженных войск к Москве Москву защищать некем и нечем. Повторяю: некем и нечем". В кольце окружения под Вязьмой 37 дивизий Западного и Резервного фронтов, 9 танковых бригад, почти вся артиллерия.

11 октября предпринимается попытка прорыва.

К этому дню ценой огромной крови пробит и с трудом удерживается ополченцами двухкилометровый коридор в кольце немецкого окружения. Руководит прорывом командующий 19-й армией генерал-лейтенант Лукин. Лукин просит об авиационной поддержке в полосе главного удара. Этой поддержки не будет.

По Богородицкому полю 11 октября 1941 года по осенней грязи идут конные обозы и бесконечные пехотные колонны. Никто не разговаривает, слышится лишь монотонный шум двигающейся людской массы, редкие ругательства полусшепотом и звяканье оружия.

Генерал-лейтенант М. Ф. Лукин

Впереди слышна артиллерийская канонада и эхом звучит многоголосое "а-а-а". Это отзвук от отчаянного "Ура!" отчаянно идущей на прорыв пехоты. 11 октября прорыв захлебывается, кольцо окружения вновь смыкается. Вторая попытка прорыва — 13-го. Она также безуспешна.

Генерал Лукин трижды ранен и попадает в плен.

Окружение под Вязьмой — это до 600 тысяч пленных и около 400 тысяч убитых.

После войны Богородицкое поле пахать было нельзя. Человеческие кости лежали на глубине штыковой лопаты.

В 60-е годы Симонов предложит собрать и опубликовать воспоминания москвичей, которые были свидетелями событий в Москве и вокруг Москвы жесточайшей осенью 1941 года. На самом высоком уровне Симонову это делать запретят.

16 октября 1941 года по радио в утренней сводке Совинформбюро сообщается: "За истекшие сутки положение на Западном фронте ухудшилось". После этого радио замолкает. Из воспоминаний историка Георгия Мирского: "Только выйдя на улицу Горького, я стал догадываться, что же на самом деле произошло на фронте. По улице мчались одна за другой черные "эмки". В них сидели офицеры со своими семьями. На крышах машин были привязаны чемоданы, узлы и какие-то коробки. Это ехали офицеры штаба Московского военного округа. Рано утром штаб округа получил секретную военную сводку, из которой следовало, что немцы прорвали фронт и уже достигли Можайска в 100 километрах от столицы. В штабе, видимо, решили, что немцев можно ожидать в Москве с часу на час. И штабисты драпанули".

Под Можайском действительно идут ожесточеннейшие бои. Они идут и прямо на Бородинском поле. Эти бои на неделю сдерживают немецкое наступление. А счет в это время идет на дни. Рукопашная схватка в расположении командного пункта 5-й армии, в которой ранен командарм генерал Лелюшенко. Лелюшенко вспоминает: "Это происходило на том самом месте, где в 1812 году стояла батарея Раевского". Это было как раз 16 октября.

Из воспоминаний Георгия Мирского:

"16 октября наибольшее впечатление производили мусорные ящики в московских дворах. Они были доверху набиты книгами в красном переплете. Это были сочинения Ленина. Они не помещались в контейнерах, их сваливали прямо на улицах и жгли. Весь центр Москвы был в этом дыму. На Кузнецком мосту, на Лубянке, на Мясницкой шел черный снег — пепел сожженных документов. По улицам летали бумаги с грифом "Секретно".

В городе не ходят трамваи, не работает метро, закрыты булочные.

Даниил Гранин пишет о том, что рассказывал ему о 16 октября Алексей Косыгин, в то время зампред Совнаркома:

"Правительство эвакуировалось в Куйбышев. Совнаркомовские кабинеты опустели. Двери открыты настежь. Повсюду звонили телефоны. Косыгин переходил из кабинета в кабинет, брал трубку, отвечал, чтобы показать, что власть работает".

Вспоминает врач "скорой помощи" Дрейзер: "По Садовой угоняют куда-то несметное количество свиней и коров. Темные личности тянут в подворотни свиней чуть ли не на глазах у пастухов".

На предприятиях идут массовые увольнения. 16 октября срочно раздают зарплату, но не всем и не везде. Люди, ожидающие денег, видят, как бежит начальство.

Замдиректора завода "Точизмеритель" имени Молотова Рыгин, нагрузив машину большим количеством продуктов питания, пытался уехать с заводской территории. Был задержан и избит рабочим.

Из воспоминаний писателя Аркадия Первенцева: "16 октября брошенный город грабился. Я видел, как грабили фабрику "Большевик" и дорога была усеяна печеньем. Грабили мясокомбинат имени Микояна. Сотни тысяч распущенных рабочих, сотни тысяч жен рабочих и их детей, оборванных и нищих, были брошены на произвол судьбы. Они вдруг поняли, что никому не нужны. Стихийное негодование нарастало с каждым часом. Москва находилась на пути восстания".

Вспоминает главный инженер ГПЗ № 1 Сурнакин: "Народ неожиданно остался ни при чем. Многие говорили: "Дали б нам оружие, мы б пошли воевать. А то получили расчет и уходи"".

Площадь трех вокзалов забита людьми и вещами. С Ленинградского ехать некуда. Все уезжают с Ярославского или Казанского.

Вспоминает Мария Белкина: "Уезжали актеры, писатели, киношники: Эйзенштейн, Пудовкин, Любовь Орлова. Какой-то актер волок огромный сундук и вдруг, взглянув на часы, бросил его и побежал на перрон с одним портфелем. Парни-призывники, обритые наголо, с тощими котомками, смеялись над ним".

Интеллигенцию из Москвы эвакуируют крайне организованно. На первый взгляд в этом можно усмотреть желание власти спасти

интеллектуальную элиту от уничтожения. На самом деле власть воспринимает ее как неблагонадежную "пятую колонну". Сын Бориса Горнунга, филолога и поэта, писал: "У отца в Институте мировой литературы раздавались телефонные звонки, суровые голоса зачитывали фамилии сотрудников и объявляли от имени органов, что если эти лица не покинут Москву, то будет считаться, что они ждут немцев".

Вспоминает Аркадий Первенцев: "Мы выезжали из Москвы по шоссе Энгузиастов. Оно было запружено толпой. Несколько человек бросились на подножки, на крышу машины. Застучали кулаками по стеклам. Лобовое стекло треснуло и рассыпалось. Десятки рук схватили машину и сволокли на обочину. Какой-то человек поднял капот и начал рвать электропроводку. Десятки рук потянулись в машину и вытащили мою жену. "Что вам нужно?" — закричал я. В ответ заорала сотня голосов: "Небось деньги везешь? А нас бросили голодными. Небось парторг или директор, сволочь?"

Я понял их. Я посмотрел на их провалившиеся щеки, на черные засаленные пальто и рваные башмаки и вдруг увидел страшную пропасть, разъединявшую нас, сегодняшних бар, и этих людей. Я крикнул, что я советский писатель, что я снят с военного учета по болезни, что машина моя собственная. Я пишу книги и купил себе автомобиль. Нас решили отпустить. Перед этим они еще побили нашу машину. Вырвали из рук у жены пиджак, забрали мои волчьи унты. И все. Мы поехали. Я видел, как грабили очередной "ЗИС". Из него летели десятки пачек папирос, десятки пар носков и чулок. Это была машина кого-то из государственных деятелей. Он вывозил целый магазин. Из машины вылетел хлеб и упал на дорогу. Какой-то человек прыгнул к этому хлебу, схватил его и начал быстро есть".

На пике немецкого наступления на Москву в городе с неожиданной силой разгораются антисемитские настроения. Из сводок НКВД: "Слесарь Тюрькин с завода КЭС в Киевском районе Москвы заявил: "Скоро будем всех евреев "вот так"", — и провел рукой по горлу". Такого содержания сводок очень много.

Аркадий Первенцев вспоминает: "Мимо меня прошел мрачный гражданин в кепке и сказал: "Товарищ Первенцев, мы ищем и бьем жидов"". "

В руках правительства было радио, но оно молчало почти целый день 16 октября. Не было ни одного спокойного голоса, который сказал бы населению: "надо защищать город". Лишь к вечеру в уличных громкоговорителях раздался какой-то шорох и затем выступил председатель Моссовета Пронин. Он призвал население к спокойствию и пообещал навести порядок. Паника в городе продолжалась еще три дня. В один из этих дней Сталин позвонил на Западный фронт. После войны Симонов беседовал с командующим Западным фронтом Коневым. Конев вспоминал: "Сталин позвонил с почти истерическими словами. Сталин говорил о себе в третьем лице: "Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин — честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам, товарищ Сталин сделает все, что в его силах, чтобы исправить сложившееся положение"".

Вот тогда Конев почувствовал крайнюю растерянность Сталина, отсутствие волевого начала. Тогда у Конева возникло ощущение, что Сталин не соответствует тому представлению о нем, которое было у него, Конева. Это был человек растерявшийся и во многом виновный.

Симонов пишет:

"Я много думал, в чем секрет того драматического звонка Сталина Коневу. И вдруг я вспомнил, как в июле 1941 года были расстреляны командующий Западным фронтом Павлов, начальник штаба Западного фронта и еще несколько генералов. Все они были объявлены изменниками Родины и расстреляны как предатели. Они ни в коем случае в действительности не были предателями, но Сталин все происшедшее в начале войны мог объяснить только предательством".

К. М. Симонов. 60-е годы

Это был его излюбленный простейший выход из положения. Так он переводил удар на других. Потому что он, Сталин, в эти первые недели войны не просто растерялся, струсил, — он почувствовал ответственность. За ложную оценку политического положения, за свою глухоту к сигналам и предупреждениям.

Второй приступ сталинской паники наступил в страшные дни октября. Вот тогда Сталин почувствовал, что теперь его могут счесть предателем, после всех провалов, окружений и жертв его могут объявить изменником родины и на него, Сталина, могут поднять руку.

Сознание, что то обвинение, которое он привычно, многолетне обращал против других, может быть наконец повернуто против него, — вот это и вызвало тот крик, который услышал в телефонной трубке командующий Западным фронтом Конев.

Симонов в своей работе "Сталин и война" приводит слова Конева: "В обстановке этого вакуума, растерянности надо было возмещать своими волями отсутствие воли сверху и делать все возможное для спасения положения". 16 октября Сталин из Москвы не уехал. Факт пребывания Сталина в Москве — единственный случай, когда "культ личности" играет позитивную роль. Потому что информация о том, что Сталин не покинул столицу, обнадеживала. В том смысле, что люди, гибнущие за Москву, не чувствовали себя окончательно брошенными властью. Эффект Сталина — это лишь капля в море стойкости, воли и жертвенности, проявленных рядовыми людьми при защите Москвы.

Новый этап немецкого наступления на Москву начинается 15 ноября, к 1 декабря до Москвы остается не более 30 километров. 2 декабря редакциям берлинских газет приказано оставить в верстающихся номерах пустые места, чтобы напечатать сообщение о взятии советской столицы.

В Москве в это время идет подготовка к боевым действиям в черте города. Дивизии имени Дзержинского отдан приказ № 9 об организации линии обороны по Садовому кольцу. Упомянуты площади Маяковского, Восстания, Смоленская, Октябрьская и Добрынинская. Площади во всю ширину перегорожены надолбами и мешками с песком, Налеты авиации так часты, что воздушную тревогу не успевают объявлять. Бомбы падают на Садовом кольце на дом Шаляпина, на Патриарших прудах, на Арбате. По Садовому кольцу

выстроены зенитные орудия. Формирование колонн, отправляющихся на фронт, проходит прямо на Садовом кольце.

Москва. Формирование дивизий народного ополчения

На оборону Москвы прибывают части с Дальнего Востока, из Средней Азии и Сибири. Это стало возможным после того, как Япония отказалась от идеи вступления в войну против СССР. Именно сибирские и дальневосточные части проходят на параде 7 ноября. Здоровенные ребята, кадровые войска. Наша кадровая армия, встретившая наступление немцев, к этому времени вся перебита. И вот теперь эти войска с Дальнего Востока. Сытые, обученные.

К концу ноября минируются и готовятся к подрыву 12 московских мостов, городские электростанции, вокзалы, здания Центрального телеграфа, ТАСС, Большой театр, Дом Союзов.

2 декабря немцы подтягивают орудия для обстрела города в район Крюково. Это всего в 11 километрах от нынешней кольцевой дороги.

Писатель Аркадий Первенцев в это время пишет: "Настало время, когда единственным спасителем мог бы явиться Бог, но мы атеисты. Вся надежда на Сталина". Аркадий Первенцев ошибался.

5 декабря 1941 года от последнего рубежа перед Москвой начинается контрнаступление наших войск. Единственный стратегический резерв этого контрнаступления — кровь и жизнь советских солдат.

Из письма немецкого солдата к родным: "Русские при наступлении используют огромное количество живой силы, которую командование упрямо вводит в бой и этим добивается успеха. Русские всегда славились своим презрением к смерти. Коммунистический

режим еще более развил это качество. Дважды предпринятая атака будет повторена в третий и четвертый раз, невзирая на потери. Причем третья и четвертая будут проведены с прежним упрямством и хладнокровием. Пехота идет в атаку в сомкнутом строю. Она появляется словно из-под земли и идет как лавина. Огромные бреши от нашего огня немедленно заполняются. Волны пехоты катятся одна за другой по ковру трупов. Отражение такой атаки зависит не столько от наличия техники, сколько от того, выдержат ли нервы".

Битва под Москвой — наша первая победа. В сводках впервые появляются имена генералов, командующих победоносными армиями под Москвой. Вместо слов "войска командира Р." теперь произносится "войска под командованием Рокоссовского". Повсеместно звучат имена Конева, Говорова, Кузнецова, Лелюшенко. Громче всех звучит — Жуков. Победа будет стоить нам 926 244 человека безвозвратных потерь. Почти миллион. Сухой термин "безвозвратные потери" означает убитые и пропавшие без вести. Соотношение наших и немецких потерь — три к одному. Раненые в этой грандиозной битве идут отдельной строкой. Их 879 679 человек.

"В нас есть суровая свобода,/ На слезы обрекая мать,/ Бессмертье своего народа/ Своею смертью покупать" (Константин Симонов). Победа под Москвой — это первый шаг народа к бессмертию, к победе в страшнейшей войне. Победа под Москвой — это срыв блицкрига, крах идеи молниеносного разгрома России. Германия вынуждена перейти к затяжной войне. Но это означает, что война только начинается.

Симонов возвращается в Москву с Северного фронта в день начала контрнаступления, 5 декабря. Он пишет: "Пробыв в Москве всего час, я уже почувствовал, что ее действительно никогда не отдадут". 9 декабря Симонов должен был прочитать по радио несколько военных стихотворений. В их числе еще не напечатанное "Жди меня". Он безбожно опаздывал на радио.

К. Симонов. Зима 1941/42 года

Когда прибежал, диктор читал уже третье из четырех отобранных для передачи стихотворений. Оставалось только "Жди меня". Симонов пишет: "Я показал диктору жестами, что буду читать сам, потянул у него из рук лист со стихотворением, и ему осталось только объявить, что "Жди меня" будет читать автор. Сам не помню, как я тогда прочел его".

Зимой 1941-го он хотел, чтобы Валентина Серова слышала, что он жив. Чтобы слышала его живой голос.

Симонов — Серовой: "Я здесь с тоской делиться не хочу/ Свое ты редко здесь услышишь имя,/ Но если я молчу — я о тебе молчу/ И воздух населен весь лицами твоими".

Симонов — Серовой: "Кем стала ты? Моей или чужой?/ Отсюда сердцем мне не дотянуться/ Прости, что я зову тебя женой/ По праву тех, кто может не вернуться".

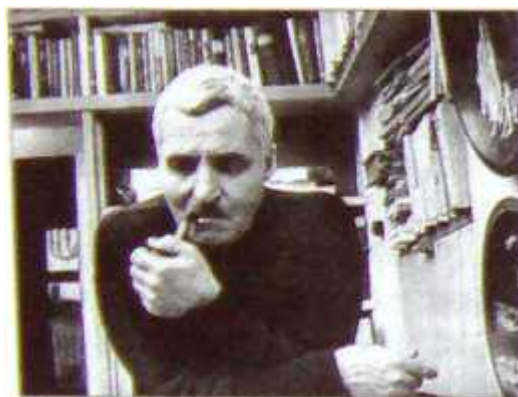
За годы войны Симонов был в командировках и на Северном фронте, и на Южном. Он был в Сталинграде. Он видел встречу с союзниками на Эльбе. И штурм Берлина. Он присутствовал в Карлсхорсте при подписании капитуляции.

У него не было поводов испытывать стыд за себя на войне. Война была коротким временем совпадения его личной веры с общей верой и с государственной идеологией. После войны было 34 года совсем другой жизни. В день своего 50-летия Симонов скажет: "Не все в моей жизни я делал хорошо. Я это понимаю. Не всегда был на высоте, на высоте гражданственности, на высоте человеческой. Бывали в жизни

вещи, о которых я вспоминаю с неудовольствием, когда я не проявлял ни достаточной воли, ни достаточного мужества. И я это помню".

В своей последней работе, которая написана за полгода до смерти и которая называется "Глазами человека моего поколения", Симонов скажет о времени довоенных и послевоенных репрессий: "Это время, которое, если быть честным, нельзя простить не только Сталину, но и никому, в том числе и самому себе".

Сын Константина Симонова, Алексей Симонов, в предисловии к последней работе отца напишет о послевоенном сталинском времени и об отце в этом времени: "Ему грозило полное смещение внутренних нравственных ориентиров, которые отличают талант от посредственности".

К. М. Симонов. Начало 70-х годов

После войны в стране, победившей фашизм, Сталин седлает абсолютно фашистскую тему — антисемитизм. В СССР это называется борьбой с космополитизмом. Симонов, выходец из старой русской дворянской семьи, никогда антисемитом не был. И в своих товарищах Симонов ценил неприятие антисемитизма. Отмечал это отдельно. Симонов пишет: "Сурков органически презирал и ненавидел антисемитизм как явление и антисемитов как его персональных носителей, не скрывал этого и был последовательнее и смелее меня и Фадеева". В 1949 году Симонов делает доклад о писателях-космополитах. То есть доклад против писателей-евреев по национальности.

Алексей Симонов пишет:

"Доклад должен был делать секретарь Союза писателей Фадеев, который ушел от ответственности привычным способом: он впал в запой. У Фадеева в Союзе писателей было два зама — Симонов и Софронов. Софронов готов был сделать этот доклад. Но было известно, что Софронов к спущенному сверху списку космополитов с удовольствием добавит еще десяток-другой фамилий им самим ненавидимых литераторов. И доклад взялся делать Симонов. И сделал. А потом тайком подкармливал некоторых фигурантов своего доклада. Так как к литературной работе их после этого доклада уже не подпускали".

А. А. Сурков и К. М. Симонов

В 1960 году в глухой узбекской провинции в Ангрене, в каком-то клубе у Симонова будет творческий вечер. В зале соберется много народу. Он будет своим обычным тихим голосом читать военные стихи. "Ты помнишь, Алеша", "Жди меня", "Если дорог тебе твой дом". Потом вопросы из зала. Первый вопрос: вы еврей?

В 1966-м Симонов пишет индивидуальное письмо против реабилитации Сталина. А в 1973-м подписывает коллективное письмо против Солженицына. Но в 1974-м, когда летит из Испании, в руках у своей переводчицы увидит "Архипелаг ГУЛАГ". Скажет: "Вам не дадут провезти. Давайте мне". Провез. В Москве вернул. Симонов был против издания "Доктора Живаго" Пастернака. Но пробивает публикацию булгаковского "Мастера и Маргариты". Помогает пробивать спектакли в "Современнике" и Театре на Таганке, содействует кинематографической судьбе Алексея Германа. И все годы думает и пишет о Сталине и его времени. Это огромный симоновский

труд по преодолению собственных заблуждений. И главное, Симонов помогает решать житейские проблемы бывшим фронтовикам: больницы, квартиры, протезы, очки, неполученные награды.

К счастью, его никогда не называли "крупным советским поэтом". Он был просто Симонов. И это большая литературная удача. Свой лучший цикл военной лирики "С тобой и без тебя", посвященный Серовой и начатый в 1941-м, Симонов заканчивает в 1954 году: "Упреки поздно на ветер бросать./ Не бойся разговоров до рассвета./ Я просто разлюбил тебя. И это/ Мне не дает стихов тебе писать".

1942 год

Клавдия Шульженко

1942-й — самый отчаянный год войны. Захлебнувшееся наступление под Москвой, сдача Крыма, кровавый котел под Харьковом, отступление до Кавказа и Волги. 1942-й — год самых страшных человеческих потерь.

В Москве 1942 год начинается с оптимистической ноты. В результате контрнаступления в декабре 1941 года немцы отброшены от столицы. К началу 1942-го Сталин уже пережил два собственных кризиса — один в момент начала войны, второй — когда немцы подошли вплотную к Москве. Кризисы в прошлом. Сталин поглощен аналогией с 1812 годом: враг разбит, теперь его надо преследовать и окончательно разгромить. После победы под Москвой Сталин теряет всякий интерес к вопросу об открытии Великобританией и США второго фронта. С 16 по 20 декабря 1941 года в Москве с визитом находится министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден. Всего через десять дней после начала советского наступления под Москвой Сталин на переговорах с Иденом начинает разговор о послевоенном мироустройстве. Сталин требует от Англии признания довоенных западных границ СССР, то есть подтверждения территориальных приобретений, полученных СССР в соответствии с секретными протоколами к договору между СССР и гитлеровской Германией. Если Англия согласится подтвердить советские завоевания в Восточной Европе, то Сталин готов снять требование об открытии второго фронта. Сталин говорит: "Наши войска могут в близком будущем вновь занять Балтийские государства". Через две недели, 5 января 1942 года, в Ставке обсуждается план общего наступления Красной армии. Суть плана излагается 10 января 1942 года в сталинском директивном письме: "Обеспечить полный разгром гитлеровских войск в 1942 году". Сталин действительно планирует закончить войну в 1942-м. Вспоминает генерал-полковник Белов: "В Ставке ослабло критическое отношение к обстановке, многое представлялось в слишком розовом цвете. Разрабатывая гигантские планы, Ставка не учитывала реальную действительность".

К середине января Красная армия переходит в наступление на тысячекилометровом пространстве от Балтийского моря до Черного. 23 февраля 1942 года Сталин в праздничном приказе пишет: "Инициатива теперь в наших руках. Потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержать напор Красной Армии".

Главная советская операция — стратегическое наступление с целью полного разгрома немецкой группы армий "Центр" на Ржевско-Вяземском плацдарме. Участвуют войска Западного фронта, командующий Жуков, и Калининского фронта, командующий Конев. Это продолжение контрнаступления, начатого под Москвой 5 декабря 1941-го. Продолжение без паузы. Войска без отдыха.

Гитлер потрясен событиями под Москвой, он отстраняет фельдмаршала Браухича и берет на себя непосредственное руководство сухопутными силами. И его не отпускают мысли о судьбе наполеоновской армии.

Зима, отсутствие быстрой победы, моральный слом. У Гитлера ощущение, что его войска на грани "наполеоновской катастрофы". Его первый приказ — о запрещении самовольного отхода. Стоп-приказ. Для Гитлера 1942 год — последний шанс овладения Россией. Соединенные Штаты уже вступили в войну. Пока они поглощены собственными проблемами с Японией и, хотя оказывают СССР существенную материальную помощь, еще не открыли второй фронт. Но вскоре против Гитлера заработают две трети мировой промышленности и сырьевых ресурсов. И эта простая арифметика будет означать неминуемое поражение Германии. 1942 год — последний шанс на выигрыш.

В январе 1942 года температура минус 35–40. Снегопады. Снег до метра глубиной. Такой зимы в России не было 140 лет.

Советское контрнаступление идет без пауз весь декабрь. Освобождены: 7 декабря — Яхрома, 8 декабря — Красная Поляна, 11 — Истра, 14 — Ясная Поляна, 15 — Клин, 16 декабря — Калинин, 19 — Таруса, 20 декабря — Волоколамск, 26 — Нарофоминск, 30 декабря — Калуга, 17 января — Руза. 20 января после трехдневного штурма взят Можайск. 22-го отбита Уваровка — последний опорный пункт немцев на территории Московской области.

Ржев в 200 километрах от Москвы возьмут только в марте 1943-го. В битве за Ржев погибнет почти полмиллиона.

В январе 1942-го наши войска, наступающие от Москвы, измотаны. Запасы продовольствия ограничены. Наступление выдыхается. Однако 29 января командование Западного фронта ставит задачу — "наступательными действиями продолжать изматывать противникам.

В мемуарах маршала Рокоссовского, издания 1990 года, будет комментарий к той поставленной задаче. В предыдущих изданиях этот комментарий был изъят. Рокоссовский пишет: "Наступательными действиями мы изматывали свои войска во много раз больше, чем вражеские. Это изматывание было выгодно противнику, а не нам". Маршал артиллерии Воронов невесело пошутил: "Наше счастье, что силы советского тыла неисчислимы".

16 февраля Ставка требует завершения разгрома группы армии "Центр". Задача эта решена не будет. В учебниках по военному искусству Ржевско-Вяземская операция называется "незавершенной". Маршал Рокоссовский назвал ее "наступательной затеей". "Наступательные бои, — вспоминал он, — пожирали людей, как пламя сухую траву". Жуков в 1966 году на встрече в редакции "Военно-исторического журнала" скажет: "Ну, шапка была набекрень у всех тогда — и я недооценил состояние Вяземской группировки противника". Общие потери Калининского и Западного фронтов с 8 января по 20 апреля 1942 года составили 776 тысяч 889 человек. Калининский фронт Конева положен практически целиком. 341 тысяча 227 погибших. Остальные 435 тысяч 662 человека погибли на Западном, жуковском фронте.

20 апреля Ставка приняла решение о переходе Западного и Калининского фронтов к обороне.

Немецкий генерал Гальдер 20 апреля записал в дневнике: "Обстановка: поразительно спокойно".

Неделей раньше, 12 апреля 1942 года, Клавдия Шульженко впервые исполнила песню "Синий платочек" с новыми словами. Песня эта довоенная, автор музыки Ежи Петербургский — поляк, оказавшийся в СССР после раздела Польши по пакту Молотова-Риббентропа. Ему же принадлежит и знаменитый романс "Утомленное солнце нежно с морем прощалось". До войны "Синий платочек" исполняли Лидия Русланова и Изабелла Юрьева. Шульженко этот

предвоенный хит из чужого репертуара исполнять категорически отказывалась.

В 1942-м на Волховском фронте к Шульженко подходит 22-летний лейтенант Михаил Максимов и, краснея, говорит, что написал новые слова для "Синего платочка". Она обещает почитать. Шульженко обладала поразительным чутьем, ощущением того, что необходимо ее слушателю. Она исполнила песню в тот же день, как прочитала стихи. Через месяц вся передовая и весь тыл знает эту новую песню. Командиры рот, совсем мальчишки, уже поднимают на штыках куски синего полотна и с криком "За синий платочек!" идут в атаку.

Клавдия Шульженко

Что касается крика "За Родину! За Сталина!", то солдаты так никогда не кричали. Солдаты, поднимаясь в атаку, кроме матерных слов, ничего не кричали. А вот командирам и политработникам, поднимавшим их в атаку, было приказано выкрикивать официально утвержденный лозунг — и никаких вариаций, никакой отсебятины, только "За Родину! За Сталина!". Так что подниматься в атаку "За синий платочек" — это политическое преступление.

В блокадном Ленинграде Клавдия Шульженко с мужем, известным эстрадным артистом Владимиром Коралли, с отцом и сыном живут в подвале Дома офицеров. Здесь проживут до середины 1943 года, отсюда ездят на концерты. До войны Шульженко с мужем возглавляли джаз-оркестр. С началом войны коллектив становится Ленинградским фронтовым джаз-ансамблем. Все артисты аттестованы как добровольцы. Всем выдана военная форма. На одном из первых же

фронтowych концертов у летчиков Шульженко попросили, чтобы она выступала в своих концертных платьях, как до войны.

С первых же концертов на передовой выяснилось, что слушатели, которым через несколько часов предстоит идти на смерть, больше всего хотят слушать лирику. Лирика была коньком Шульженко, за это ее любила публика и за это же к ней была недоброжелательна критика. И до войны, и долго после войны. Классиком эстрады Шульженко сделают поздно, в конце 60-х.

Шульженко говорила: "Не могу я петь "Широка страна моя родная"".

Поэт Павел Леонидов, автор многих песен Шульженко, пишет: "Она героическая актриса, раз ей удалось все пятьдесят лет петь только про любовь".

В Ленинграде Шульженко дебютировала не где-нибудь, а в Мариинке. Это был сборный концерт 5 мая 1928 года. Цвет ленинградской культуры. После танца уже знаменитого Вахтанга Чабукиани конференсье объявил: "Товарищи! У меня для вас сюрприз. В Харькове я отыскал совершенно необыкновенную девушку. Впервые и единственный раз, проездом — Клавдия Шульженко!" Она спела шесть песен. Зал словно взбесился. Она смущенно выходила на поклон. Тогда еще не родился ее знаменитый, глубокий, фирменный в пояс поклон. Высокий молодой человек за кулисами сказал ей с улыбкой: "Уж и не знаю, как после вас выступать. Предупреждать надо". Это был Николай Черкасов.

Потом она пела в кинотеатре "Титан". На Невском, Тогда это была серьезная работа. Выступали артисты с именами. Публика часто шла больше на концерт, чем на фильм. Шульженко тогда не любила кино. Обожала только Чаплина. У Шульженко появилась своя публика. На афишах ее имя печаталось крупными буквами. Сложились дружеские отношения с Утесовым. Иногда по вечерам играли в преферанс с Утесовым и 24-летним Дмитрием Шостаковичем. Шостакович был самым азартным в этой компании. Он пишет для нее две песни: "Ах, как приятно вечером" и "Милый, видишь там и тут". А потом Утесов решил, что Шульженко должна сняться в главной роли в фильме "Веселые ребята". Но, как известно, звездой этого фильма и советского кинематографа стала совсем другая женщина.

За год до войны преддипломную практику в Ленинграде проходит студент операторского факультета Государственного института кинематографии 22-летний Жора Епифанов. Купив лишнего билетик, он попадет на спектакль "Скорая помощь" в сопровождении джаз-ансамбля Шульженко и Коралли. Сюжет спектакля показался молодому оператору глупым. Он собрался уходить. Но тут на сцене появился огромного размера патефон, крышка открылась. На медленно вращающемся диске — стройная молодая женщина в темном платье, обтягивающем ее отличную фигуру, со светлыми короткими волосами. Она улыбалась зрителям, а потом запела. Она делала неожиданные паузы, иногда почти шептала. Зал слушал, замерев. Епифанов поинтересовался, кто такая Шульженко. Его не поняли. Она уже была гордостью Ленинграда.

Епифанов стал скупать ее пластинки. А потом рискнул отправить ей открытку и поздравить с Днем Военно-Морского флота. Открытки со своими инициалами "Е. Г." он будет посылать ей 17 лет. И во время войны, когда будет фронтовым кинооператором. Они встретятся в 1957 году. И у них будет семь лет очень яркой, поздней любви. Через двенадцать лет после их разрыва 10 апреля 1976 года состоится последний концерт Шульженко — в Москве, в Колонном зале. Она выйдет с платком синего цвета, зал встанет и семь минут будет аплодировать. Знатоки говорят, этот концерт был лучшим за 50 лет ее жизни на эстраде. Без всяких скидок на возраст. В ложе сидел Утесов. Епифанов сидел в ложе для телевизионщиков. Она пела песню на стихи Евтушенко "А снег повалится". Мужчины в зале плакали, опустив седые головы, женщины с восторгом смотрели на нее в ее голубом платье. Епифанов едва не потерял сознание. Она сделала свой невероятно пластичный поклон. Епифанов выскочил из зала. Она запела свою знаменитую песню "Три вальса".

"Помню первый студенческий бал", — произнесла она, взглянула туда, где сидел Епифанов, не увидела его и забыла текст. И забормотала что-то. Она забыла текст песни, которую пела двадцать с лишним лет, потому что вдруг не увидела его в зале. Кто-то мог подумать, что это было первое проявление старости. Но это не было никакой старостью. Она уже пела дальше. Епифанов вернулся в зал, сидел и думал, что в 70 лет так петь невозможно.

Впервые Клавдия Шульженко поет "Синий платочек" для тех, кто работает на дороге, идущей по Ладожскому озеру из блокадного Ленинграда на большую землю. Спустя годы академик Дмитрий Лихачев напишет, что "эту ледовую дорогу называли "дорогой смерти", а вовсе не "дорогой жизни", как сусально называли ее наши писатели впоследствии". Немцы ее держали под обстрелом, дорогу заносило снегом, машины проваливались в полыньи. В одних машинах — женщины, в других — дети. Бывало, машина с детьми проваливается под лед. Дети тонут. Машина с женщинами объезжает полынью и мчится дальше, не останавливаясь. Несчитано людей здесь погибло, несчитано сошло с ума.

Блокада началась 8 сентября. В тот вечер над городом поднялось замечательной красоты облако. Оно росло и розовело в лучах заката. Это было облако муки. Потом его заволокло дымом горящего масла. Это немцы разбомбили Бадаевские продовольственные склады. После пожара было объявлено, что погибла основная часть продовольственных запасов города. Резко вводятся ограничения на распределение продуктов. Хотя Бадаевские склады не единственные в городе.

В первые месяцы войны была реальная возможность пополнить продовольственные запасы города. Микоян, отвечавший за снабжение армии продовольствием, пишет: "Многие эшелоны, шедшие на запад, не могли прибыть к месту назначения, поскольку их адресаты оказались на захваченных врагом территориях. Я дал указание переправлять эти составы в Ленинград".

В это время Сталину позвонил секретарь Ленинградского обкома Жданов. Жданов сказал, что все ленинградские склады забиты, и просил не направлять к ним продовольствие сверх плана. Микоян пишет: "Сталин дал мне указание не засылать ленинградцам продовольствие сверх положенного без их согласия". Их — то есть Жданова.

2 сентября рабочая норма хлеба — 600 граммов, детская — 300. 11 сентября рабочая норма 500 граммов хлеба, дети — 300. 1 октября рабочие получают 400 граммов, все остальные — 200. 20 ноября рабочая норма хлеба — 250 граммов, для остальных — 125. Из документов одного из ленинградских заводов: "Прошу пропустить за

ворота товарища Ганова с дополнительным питанием — пол-литра олифы и 1 килограмм клея". Клей, олифа, жмых, опилки, кожа от обуви, мыло, свечные огарки — блокадные продукты питания.

Осенью 1941-го город наполняется новыми людьми: в него бегут из пригородов. Крестьян в город не пускают. Крестьяне стоят кольцом вокруг города вместе со скотом и плачущими детьми. Ленинградцы сначала ездили к ним за молоком и мясом. К зиме 1942 года все эти люди вымерзли. Потом вымерзли те беженцы, которые пришли без вещей и которых пустили в школы и общественные здания.

Потом умирают те, кто переместился из южных районов города. Была в Ленинграде такая "внутренняя эвакуация". Немцы внезапно подошли к Путиловскому заводу. Семьи рабочих рано начали голодать. У них не было ничего, на что можно было бы выменять дополнительную еду. И они быстро умерли.

Хорошо живут дворники. Они забирают карточки у умирающих, получают их на эвакуированных, собирают вещи в опустевших квартирах, меняют их на еду.

Когда немцы подходят вплотную к Ленинграду, начинается смертельная паника среди еврейского населения. Предшествующая эпоха доносов дает о себе знать. Проявляется страх перед соседями, перед коллегами по работе. В буфете Пушкинского Дома, где общаются и пьют кипяток, известный специалист по русской литературе XVIII–XIX веков Григорий Гуковский неожиданно громко начинает рассказывать, что по матери он русский, что он православный. Страх становится болезненным. Филолог Александр Израилевич Грушкин появляется в буфете в фуражке набекрень, в рубахе, подпоясанной кавказским ремешком, отдает всем честь. Говорит, что может выдать себя за армянина.

Немецкая разведка вплоть до зимы 1941 года сообщает о росте антисемитизма в Ленинграде, о случаях нападения на женщин-евреек в очередях за хлебом и о пассивности милиции, которая предпочитает не вмешиваться. Антисемитизм — крайнее, животное проявление общего озлобления в городе первой блокадной осенью 1941-го. Общее озлобление настолько сильно, что власть опасается массовых выступлений рабочих. Когда начнется блокадная зима, люди останутся наедине с собой, и жизнь и смерть утратят национальную окраску.

Когда ленинградцы получали хлеб, всегда просили "довесочки". Эти довесочки тут же съедали. Развилось особое блокадное воровство. Особенно страдали от голода дети. Мальчишки выхватывали у людей полученный хлеб и даже не пытались бежать. Они падали на хлеб и ели, ели, ели. Настоящие воры поджидали в подъездах. Они отнимали продукты, карточки, паспорта. Кроме того, появились банды организованных спекулянтов. В основном из служащих торгово-снабженческих организаций. Управление НКВД по городу Ленинграду фиксирует содержание писем ленинградцев.

Фрагмент письма: "Есть люди, которые голода не ощущали и сейчас с жиру бесятся. Каждая кухарка, работающая в столовой, имеет теперь золото. Или взять военных, которые работают в городе при штабах. Приезжают на машинах домой, привозят продукты и пьянствуют".

В сводке НКВД указывается: "За последние десять дней подобных писем зафиксировано 10 820, что составляет одно сообщение на 70 жителей Ленинграда".

Машины, которые идут в город по льду Ладожского озера, везут хлеб, сало, мясо, крупу, сахар. Кто-то эти тысячи тонн продуктов распределяет. Писатель Юз Алешковский: "В те времена за кружок краковской колбасы получали Левитана, Сомова, Кандинского. За килограмм шпика — Рублевскую икону получить было можно". В блокаду на распределении продуктов составлялись отменные коллекции.

Наконец, Смольный.

Из воспоминаний Геннадия Петрова. Он в войну служил в кухонной команде Смольного. В 1943-м уйдет на фронт. Его мать, Дарья Петровна, работала в правительственной столовой. В южном крыле Смольного находилась столовая для аппарата горкома, горисполкома и завотделами. Была еще так называемая делегатская столовая для рядовых работников. Каждую столовую обслуживали свои люди, имевшие определенный допуск.

В столовой для аппарата хлеб лежал ненормированно. В середине ноября его начали растаскивать. Были карточки на завтрак, обед и ужин. Это карточки дополнительно к тем, что были у рядовых ленинградцев. Обед всегда из трех блюд. Сахар, булочки, пирожки.

А в правительственной столовой в северном крыле было абсолютно все. Фрукты, овощи, икра, пирожные. Пекарня выпекала торты. У Жданова и председателя Ленгорисполкома Погосова был свой повар.

Обслуживающий персонал приносил домой из столовой мясо, рыбу, масло, картошку. Военные, охранявшие Смольный, были голодные. Те, кто работал на кухне, отскребали корку с котлов и отдавали военным эти поскребыши или остатки супа. Геннадий Петров вспоминает: "Мы устроили нашу соседку Олю в Смольный маникюршей. Жданов делал маникюр. В Смольном было все — и электричество, и вода, и отопление, и канализация". В городе ничего этого не было.

Из воспоминаний дочери блокадницы: "В детстве мама рассказывала мне, что во время блокады у Смольного всегда можно было выменять у "партийцев", как она говорила, на колечко или сережки луковичку или банку тушенки".

Из воспоминаний: "После войны я спросил у своего приятеля, проведшего детство в блокаде, про голод. "Голод? — удивился он. — Мы питались нормально. Никто от голода не умирал"".

Мать этого человека работала в Смольном. Он жил в охраняемом доме и всю блокаду гулял только во дворе дома. В город его не выпускали. Он ничего не видел и не знал.

Еще ранней осенью по квартирам ходили люди и спрашивали: "Не хотите продать собачку в надежные руки?" Осенью уже солили впрок собачье мясо. Было ясно, что будет голод. Но истинных масштабов его никто представить себе не мог. Зимой одна кошка будет стоить от 100 до 250 рублей. Собака среднего размера — 300 рублей. Но в ноябре ни кошек, ни собак, ни птиц на улицах города уже нет. Из письма: "Мы с папой съели двух кошек, их так трудно найти и поймать. Все смотрим собачку, но их совсем не видно".

Из воспоминаний: "Мне удалось добыть карточки в диетстоловую на Павловской улице. Некоторые голодающие приползали к столовой. Других втаскивали на второй этаж. Третьи не могли закрыть рот, и из открытого рта сбегала слюна на одежду. Женщины в столовой не ели. Они несли еду детям или тем, кто уже не мог ходить. В один бидон брали все: две ложки каши и суп. Суп — одна вода". Матери умирали раньше детей. Они отдавали детям свои куски и умирали.

Из блокадного дневника учителя географии Винокурова, март 1942-го: "Один человек простоял в очереди в столовой около двух часов, получил по карточке суп и кашу. Суп ему удалось съесть, а каша осталась. Официантка обнаружила, что он умер. Люди, собравшиеся вокруг, не расходились. Всех интересовало, кому достанется каша". Автор этой записи, учитель Винокуров, расстрелян. Его дневник фигурировал в качестве обвинительного документа.

В научных учреждениях города идет массовое "сокращение штатов". Увольнение равносильно смертному приговору. Уволенный лишается карточек. Но и многие сотрудники карточек не получали. Около Музея антропологии и этнографии — академическая столовая. Те сотрудники, у которых нет карточек, приходили туда лизать тарелки. Уходя из столовой, многие не могли застегнуть пуговицы у пальто.

Первыми отмирают те мышцы, которые меньше работают. Поэтому ноги служили до последнего.

Но самым последним умирал мозг. Когда переставали действовать руки и ноги, не было сил закрыть рот, когда темнела кожа и обнажались будто смеющиеся зубы, мозг продолжал работать. Люди, едва держа карандаш, писали философские сочинения, свободно мыслили, рисовали, заканчивали докторские диссертации. Они проявляли необыкновенную внутреннюю твердость, умирали тихо, но не сдавшись. Это то, что называют мученичеством.

По улицам города лежали трупы. У трупов, лежащих на улицах, отрезали мягкие части. Тот, кто обрезал труп, редко ел это сам. Он либо продавал это мясо, либо кормил им своих близких, чтобы сохранить им жизнь. Академик Лихачев пишет: "Когда умирает ребенок и знаешь, что его может спасти только мясо, отрежешь у трупа".

Были подонки, которые убивали людей на продажу. Детей в Ленинграде боялись отпускать на улицу даже днем.

В феврале 1942-го больше умирали мужчины. Женщины начали умирать в марте.

Отец Клавдии Ивановны Шульженко умер от голода в подвале Дома офицеров как раз в феврале 1942-го. Клавдия Ивановна отказывалась везти отца на санках и хоронить без гроба. Похоронная команда выставила условие: полкило сала и бутылка спирта.

Начальник ленинградского Дома офицеров на четвертый день нашел то, что требовали могильщики.

Трупы умерших от истощения были такие сухие, что могли лежать долго. Семьи умерших часто не хоронили своих: они получали на них карточки. Страх перед трупами не было, слез тоже не было. Отец Клавдии Ивановны Шульженко был похоронен на Серафимовском кладбище в гробу, что было почти чудом для ленинградской зимы 1942-го. Серафимовское кладбище, как и Пискаревское, все сплошь было в братских могилах. С июля 1941-го по июль 1942-го на кладбищах города вырыты братские могилы общей длиной 20 километров.

В поликлиниках, где выдавали свидетельства о смерти, диагноз "от голода" не записывали, придумывали разные болезни. Таков был приказ.

Начальник государственной санитарной инспекции Ленинграда Никитин предлагал производить массовое сжигание трупов в кострах. До костров дело не дошло. С февраля 1942 года трупы стали сжигать в печах Ижорского и 1-го кирпичного заводов.

Маршал Жуков в первом издании своих воспоминаний указывал около одного миллиона умерших от голода. В последующих изданиях эту цифру исключили под напором бешеных требований бывшего начальника снабжения Ленинграда Павлова, пошедшего потом вверх по карьерной лестнице. Сейчас цифра умерших колеблется от 1 миллиона 100 тысяч до 1 миллиона 800 тысяч.

Из блокадного дневника Николая Горшкова: "В связи с наступлением сильных холодов и целого ряда недостатков в бытовых условиях жизни наблюдается в последнее время большая смертность среди гражданского населения". Автор этой уникальной по сухости и сдержанности формулировки арестован в 1945 году за враждебное отношение к советской власти. Блокадный дневник приобщен к делу.

Клавдия Ивановна Шульженко вспоминает: "В течение двух дней мы дали несколько концертов на оборонном заводе и на фронте, до которого было не дальше, чем до завода. Поздно вечером вернулись в Дом офицеров, где нам приготовили ужин — тонкие ломтики хлеба и бледный напиток, гордо именуемый "суфле". Наш администратор объявил:

К. Шульженко на фронте

"Я раздобыл чудесный музыкальный фильм. Есть предложение: сначала фильм, потом ужин". На экране замелькали кадры. Герои фильма постоянно встречались то в кафе, то в ресторане, то на званых обедах. Мы не следили за сюжетом. Для нас главным было то, что появлялось на столе. "Боже, какие пирожные", — шептала моя соседка. "А это что, смотрите! — закричал наш администратор. — Яблоки, настоящие яблоки!"

Но убил всех финал фильма: огромный свадебный стол с тысячью закусок. Мы не могли оторвать глаз от экрана. Со всех сторон слышалось: "Механик, нельзя ли помедленней!"

В оркестре Шульженко от голода умерли трое артистов.

Из воспоминаний блокадника: "Весна 1942-го. Я был у Жданова по делам водоснабжения. Еле пришел, шатался от голода. Если бы я увидел там много хлеба или даже колбасу, я бы не удивился. Но там, в кабинете, на столе лежали в вазе пирожные буше". Буше — пирожное, знаменитое еще со старых петербургских времен, изысканное и сложное в изготовлении.

12 июля 1942 года Клавдия Ивановна Шульженко дает пятисотый концерт за время блокады. На сцене Дома офицеров. Ей дарят васильки. До этого концерты везде: во флотских экипажах, в блиндажах, в землянках, на заводах. На заводах люди после концерта не аплодируют. От голода нет сил на аплодисменты.

В 1942-м Клавдия Шульженко вывезена самолетом в Москву для съемок фильма "Концерт — фронту". Сценарий фильма написан

Алексеем Каплером. В 1943-м Каплера арестуют за роман с дочерью Сталина Светланой.

Сына Шульженко не отпускает от себя. Опыт первой эвакуации детей из Ленинграда — трагический. Отправка детей без родителей совершалась в полнейшем беспорядке. Множество детей было отправлено под Псков — по сути, навстречу немцам. Эшелоны с детьми бомбили.

В самом начале войны Шульженко чудом не потеряла сына. Сын Гоша был в Харькове. Клавдия Ивановна Шульженко родом из Харькова. Здесь она окончила гимназию. Здесь начинала артистическую карьеру в драматическом театре. В 1941-м Клавдия Ивановна отправила сына на лето в Харьков к родным. Сама она на гастролях в Ереване. В первый день войны она в телеграмме просит, чтобы сына в определенное время привели на вокзал. Когда ереванский поезд приходит в Харьков, город бомбят. Из поезда никого не выпускают. У Шульженко истерика. Она ничего не знает о судьбе сына. На шестые сутки поезд оказывается на маленькой станции. Рядом стоит другой поезд. Шульженко машинально читает табличку "Харьков-Ленинград". Поезд трогается, мимо плывут окна. Вдруг в одном из них — лицо Аркадия Райкина. Он был в Харькове на гастролях. Райкин видит Шульженко и кричит: "Клава! Клава! Гоша со мной!"

К. И. Шульженко с сыном Игорем

Когда Харьков уже всюду бомбили, родные Шульженко разыскали Райкина, и он повез ребенка из Харькова в Ленинград. И, скорее всего,

спас ему жизнь. Харьков — одно из страшнейших звеньев в цепи наших поражений 1942 года.

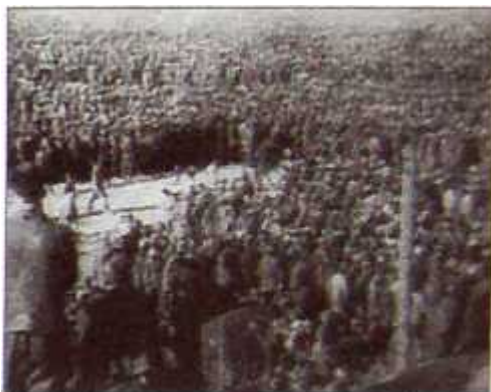
В 1942-м Гитлер отказывается от идеи захвата Москвы. Основная цель — Донбасс, южная нефть, Кавказ. Советская разведка дает на этот счет абсолютно точную информацию. Более того, союзники в курсе немецких планов. Черчилль передает эту информацию Сталину. Вопреки всей этой информации Сталин убежден, что основные события 1942-го, как и в 1941-м, развернутся вокруг Москвы. Во-первых, потому, что немцы держат на центральном участке фронта до 70 дивизий. А во-вторых, потому что немцам удалось успешно провести кампанию по дезинформации советского руководства. Им удалось ввести Сталина в заблуждение, убедить Сталина, что бросок на юг — это всего лишь второстепенная операция. Тем более что Сталин хотел в это верить.

12 мая на фоне полной немецкой готовности к большому наступлению в направлении советского угля и нефти советские войска Южного и Юго-Западного фронтов под руководством Малиновского и Тимошенко начали наступление по освобождению Харькова. Первые три дня наступления успешны. Советские танки в 20 километрах от Харькова. 17 мая танки генерала Клейста проходят в тыл нашим наступающим войскам. Разведка еще до наступления сообщала о такой угрозе. 17 мая начальник штаба фронта Баграмян просит Москву остановить наступление на Харьков.

17 мая начальник Генштаба Василевский дважды докладывает Сталину о необходимости прекратить наступление.

Москва предлагает держаться мужественно. 18 мая Сталин вновь требует продолжать наступление. 19 мая обстановка становится катастрофической. 19 числа Сталин соглашается остановить наступление и повернуть войска против Клейста. Но уже поздно. Поздно. К 28 мая немцы окружают три наших армии. Окружение завершается совместным авиационным и артиллерийским ударом. Вспоминает фронтовой разведчик Борис Витман: "В огненном смерче даже мертвые не обретали покой. Вместе с живыми их швыряло взрывной волной, кромсало уже искореженные тела. Потом шли танки, за ними автоматчики. Рядом со мной поднялся незнакомый капитан с окровавленной повязкой на голове. В руке граната. "За мной!" —

крикнул капитан. Те, кто мог подняться, устремились вперед. Мы шли во весь рост, собрав последние силы и волю, навстречу танкам и автоматчикам. Капитан упал, так и не успев метнуть свою гранату. К исходу 29 мая длина колонн пленных достигала нескольких километров. "Сколько же вас, родимых, — услышал я женский голос, — уже второй день мимо нас идете, а конца не видать"".

В окружении под Харьковом. Май 1942 года

Пленных под Харьковом 240 тысяч.

Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков по должности превратила Сталина в Верховного Главнокомандующего, но не могла превратить его в профессионального военачальника. Между тем привычка к неограниченной власти сделала неизбежным его вмешательство именно в профессиональные вопросы войны, вовлекшей в свою орбиту огромное число человеческих жизней. Сталин несет личную ответственность за котел под Харьковом, за окружение под Вязьмой, под Смоленском, под Киевом. Миллионы пленных и погибших в окружении советских солдат и командиров — это кровавый сталинский опыт руководства войной в 1941 и 1942 годах. В 1942-м, начиная со Сталинграда, война переходит в руки профессионалов.

После Харькова немцы ощущают полную свободу действий на юге СССР.

28 июля 1942 года появляется сталинский приказ № 227, известный как "Ни шагу назад". Сталин говорит: "После своего зимнего отступления, когда в немецких войсках расшаталась

дисциплина, немцы приняли суровые меры, приведшие к неплохим результатам". То есть Сталин вспоминает гитлеровский "стоп-приказ" от декабря 1941 года. Сталин продолжает: "Немцы сформировали 100 штрафных рот из провинившихся бойцов и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали штрафные батальоны из провинившихся командиров и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров. Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов? Я думаю, что следует". Приказом № 227 по аналогии с гитлеровским "стоп-приказом" вводятся штрафные роты для рядовых, штрафные батальоны для командиров и заградотряды в спину всем.

Родной город Клавдии Ивановны Шульженко Харьков оккупирован с октября 1941 года. Перед сдачей Харькова вывезено все оборудование заводов, все запасы хлеба, опустошены все производственные склады, взорваны электростанция и водоканал. В пустом городе осталось 700 тысяч населения. В начале декабря 1941 года на улицах вывешено объявление Харьковской городской управы на трех языках. Все население должно зарегистрироваться к 8 декабря. Пункт 8 гласит. "Еврейское население проходит регистрацию по особым спискам. Запись евреев ведется на специальных желтых листах". Город погружается в трясину доносов. "Всем художественным заведениям города Харькова. Предлагаю вторично провести тщательную проверку личного состава сотрудников и учащихся вашего заведения с целью выявления жидовских элементов или родственно связанных с жидами. Подпись: руководитель подотдела искусств профессор Костенко".

Не покладая рук работают управдомы. Даже директор детского дома. В детском доме № 3 по Губернаторской улице директор Митрофанов подал желтый лист на трех девочек двух и трех лет. Городское гетто располагается в 10-м районе возле тракторного и станкостроительного заводов. В начале января 1942 года все население гетто расстреляно в Дробицком Яре.

На Чернышевской был парк автодушегубок. В гостинице "Харьков" — пыточные. В Харькове 100 тысяч убитых и казненных разных национальностей, 100 тысяч умерших от голода, 120 тысяч

вывезено в Германию. 52 гражданина Харькова за спасение евреев во время оккупации впоследствии удостоены звания "Праведник народов мира".

Вспоминает актриса Людмила Гурченко: "Главным местом всех событий в городе был наш Благовещенский базар. Здесь немцы устраивали показательные казни. Жителей города гнали на базар. Образовывался плотный круг. Впереди обязательно ставили детей, чтоб смотрели. Из машин выводили в нижнем белье мужчин с дощечками на груди. "Поджигатель", "Партизан". И вешали. Первый раз я не знала, что такое казнь через повешение. Я смотрела. Мне стало плохо. На следующий раз я уже все знала. Я уткнулась в мамин живот, но вдруг почувствовала, как что-то острое впивается мне в подбородок. Резким движением мое лицо было развернуто к виселице. Эю орудовал немецкий офицер. Мне было тогда шесть лет, но я все помню".

Научная библиотека обслуживает читателей-офицеров. В Историческом музее немцы требуют в трехдневный срок открыть "Готский зал" для показа арийского влияния на Харьковщину. В июне 1942-го аншлаг в Оперном театре: прямо с "Лебединого озера" немцы уходят в наступление на Сталинград.

1943 год

Александр Василевский

16 февраля 1943 года опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Маршал Советского Союза Василевскому Александру Михайловичу. Для Василевского этот указ крайне неожиданный. Всего лишь месяцем ранее он получил звание генерала армии. Производство Василевского в маршалы происходит через 13 дней после ликвидации под Сталинградом группировки Паулюса и завершения Сталинградской битвы. Жуков стал маршалом на месяц раньше Василевского.

После войны, после смерти Сталина, уже при Хрущеве, вечером в машине едут два маршала — Жуков и Василевский. Жуков — министр обороны СССР. Василевский — его первый заместитель. Жуков говорит Василевскому: "Как, Саша, не думаешь ли ты, что тебе нужно заняться историей войны?" Василевский понял вопрос. "Что, Георгий, как это понять? Понять так, что надо уходить в отставку? Пора уходить?" Жуков ответил: "Да. Было обсуждение этого вопроса, и Хрущев настаивает на твоём уходе в отставку".

Василевский подает в отставку. Ему сохраняют все — полный оклад, адъютанта, машину. Вскоре у него случается первый инсульт. Когда он поправится, Жуков уже будет снят с должности министра. Василевский вернется из отставки на службу в группу инспекторов Министерства обороны, так называемую "райскую группу". В прошлом у Василевского после войны должность министра обороны. Во время войны, с 1942 года, он — глава Генерального штаба. Василевский в своих воспоминаниях пишет: "Сталин неоднократно обращался ко мне от имени Ставки Верховного Главнокомандующего с предложениями принять на себя обязанности начальника Генерального штаба. Я всякий раз при подобных разговорах просил этого не делать. Несмотря на все мои настойчивые и убедительные просьбы, 26 июня 1942 года приказом Ставки я был утвержден в должности начальника Генерального штаба".

Через месяц, 23 июля 1942 года, Василевский прибывает на Сталинградский фронт.

В тот день, 23 июля, оборону на правом берегу Дона держит командир 33-й гвардейской дивизии полковник Утвенко.

Из рассказа полковника Утвенко, записанного Константином Симоновым вскоре после боев:

"Нас бы немцы быстро съели, если бы мы не зарылись в чистом поле в землю выше головы. Все меньше боеприпасов и продовольствия. Раненых ночами на верблюдах отправляли в тыл. Немцы тоже несли большие потери. Мы контратаковали. Убитые немцы оставались в глубине нашей обороны. Нечем было дышать, смрад. Бьемся в окружении. Потом приказ прорываться на восток. Мы прорвались, потеряв около трехсот человек. А немцы ночью прошли еще восточнее и опять закрыли кольцо. Секли нас из автоматов. Несколько командиров застрелилось. Убито до тысячи человек. Я стрелял из последней пушки. Немцы подскочили к орудию. Я прыгнул с обрыва в болото. Потом нашел еще четверых. Потом собралось нас двадцать. За воду ходили драться. Бросали гранаты, чтобы котелок воды отбить у немца, а жрать было нечего. Потом нас собралось сто двадцать человек с оружием. Переплыли Дон. Утонуло восемь человек. Адъютант у меня был фельдшер-акушер. Но он больше немцев убил, чем наших вылечил. Он Дон переплыл без штанов, но с автоматом. После переправы нас собралось человек шестьсот. Потом мы дрались под Сталинградом. От дивизии осталось 160 человек. Я сам себя не знал до боев, каков я".

Вот так, с такими боями отходили к Сталинграду. И встали там. Сталинград — предел отступления.

Василевский в воспоминаниях пишет: "Значительная часть жителей отказывалась от эвакуации". Трудно сказать, знал ли Василевский, как ситуация выглядела на самом деле.

20 июля ночью Сталин проводит беседу с секретарем Сталинградского обкома Чуяновым. Сталин требует: раз — обеспечить высокие темпы работы промышленности города, два — запретить эвакуацию гражданского населения из зоны предстоящих боев. Сталинская директива от 20 июля опережает его же знаменитый приказ № 227 от 28 июля, известный как "Ни шагу назад". Апробация

этого приказа проходит на гражданском населении Сталинграда — на стариках, женщинах и детях. Они не имеют права покидать город его, Сталина, имени.

Весной 1942-го в Сталинград были вывезены дети Ленинграда, пережившие первую блокадную зиму. Теперь в Сталинграде они делят участь всех остальных, запертых сталинским приказом. В Сталинграде не будет даже блокадных хлебных норм. Люди брошены на произвол судьбы. В городе 500 тысяч собственного населения, не считая беженцев с Украины, эвакуированных из центральных районов и раненых во множестве госпиталей. Немцами будет занят весь город за исключением Кировского района и частично Краснооктябрьского района. Из докладной записки Управления НКВД Сталинградской области после освобождения города: "Без Кировского района учтено гражданского населения 7655 человек". Из более, чем 500 тысяч. Столько осталось в городе женщин и детей после того, как Сталин лично запретил эвакуацию.

Эвакуация гражданского населения из Сталинграда. Июль 1942 года

23 августа начинается самая сильная бомбежка Сталинграда. Василевский в этот день в Сталинграде. Это не город, а гигантский пылающий костер. Воздушную тревогу уже не объявляют. Бомбежка с интервалом в три минуты. Дома рушатся и хоронят тех, кто прячется в подвалах. В подвалах домов стоит сплошной детский крик. Подвалы уже не защищают, и люди выбираютя наверх, в ад.

Бывшая жительница Сталинграда Ольга Козырева вспоминает: "Толпы женщин с детьми бежали к Волге, сбивая с ног и затаптывая

друг друга, теряя детей. Кругом попадались одинокие детки, многие из них были ранены".

Особенно жестоко немцы бомбят набережную и переправы, куда свозят раненых. Весь берег объят огнем. Переправа продолжается под бомбежкой. Баркасы с людьми гибнут на середине Волги. Во время бомбардировки 23 августа погибнет 42 тысячи человек. 23 августа немцы выходят к Волге.

В разгар страшной немецкой бомбардировки в ночь на 24 августа Василевский получает директиву из Ставки: "Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Деритесь с противником не только днем, но и ночью. Пользуйтесь дымами в изобилии, чтобы запугать врага". Директива свидетельствует: Сталин не имеет представления о том, что творится в Сталинграде. В это время полыхают уже и город, и Волга.

Немецкий штурм города начинается 13 сентября. И это начало беспримерной по упорству борьбы за город, которая будет продолжаться до 2 февраля 1943 года. Внутри города оборону держат 62-я армия генерала Чуйкова и 64-я армия генерала Шумилова. Чуйков назначен командующим армией накануне немецкого наступления, 12 сентября. Генерал Василий Чуйков — главная фигура в Сталинграде, противостоящая генералу Фридриху Паулюсу. Чуйков — человек, оказавшийся в нужное время в нужном месте, если так вообще можно сказать об уличной войне в разрушенном городе. Чуйков — жесткий, решительный, независимый и лично бесстрашный командир. Он — командир в гуще сражения. Выпавшее ему сражение идет за каждый дом, за заводской цех, за железнодорожную насыпь, за стену, наконец, просто за кучу развалин. Это постоянный ближний бой. Немцы уже на Мамаевом кургане, уже захватили тракторный завод. В ночь на 18 октября командный пункт Чуйкова в который раз перебазируется. Теперь он — под открытым небом прямо на берегу Волги.

Командующий 62-й армией генерал В. И. Чуйков

Остатки 62-й армии удерживают узкую прибрежную полосу на западном берегу Волги. Но это означает, что они, несмотря на бомбежку, могут получать с другого берега подкрепление, боеприпасы, продовольствие, а значит, создавать угрозу контратак. Дивизии, переправлявшиеся на помощь Чуйкову, ложатся практически целиком. Это дивизии под командованием Родимцева, Людникова, Батюка, Жолудева, Сологуба. Но, зацепившись за берег Волги, Чуйков выигрывает битву за город. Немцы завязли в городе. Немецкое командование отдает приказ о переходе к обороне.

Василевский в воспоминаниях едва упоминает Чуйкова. Этому есть объяснение. Чуйков обороняет Сталинград. Мысли же Василевского — и стратега, и позже мемуариста — заняты другим. 12 сентября, то есть накануне того дня, когда начинается немецкий штурм Сталинграда, Василевский и Жуков выходят к Сталину с предложением о контрнаступлении. Василевский пишет: "Такое решение было принято в середине сентября после обмена мнениями между Сталиным, Жуковым и мною. Сталин ввел режим строжайшей секретности на всю подготовку операции". Подготовка с постоянными выездами Василевского и Жукова в район Сталинграда идет до начала ноября. Василевский пишет: "На меня Ставка возложила координирование всех трех фронтов Сталинградского направления при проведении контрнаступления".

Начальник Генштаба генерал А. М. Василевский

Связка Василевский-Жуков сложилась неформально и быстро. Это блестящая связка, ставшая, по сути, руководящим центром во вторую половину войны. Жуков, не терпящий преград в реализации замыслов и приказаний, и дотошный, предусмотрительный Василевский. Василевский корректен с подчиненными. Он нехарактерный или старомодный военный. С виноватыми он говорит в следующих формулировках: "Надеюсь, мои замечания не останутся без последствий. Извольте впредь быть аккуратнее". В 1942-м — начале 1943-го Василевский имел звание на одну ступень ниже Жукова. Василевский — генерал-полковник, Жуков — генерал армии. Когда Жуков в январе 1943-го получает маршала, а Василевский — генерала армии, ситуация усугубляется давлением со стороны Жукова усиливается. Вот тут Сталин и дает Василевскому маршала фактически без паузы после присвоения предыдущего звания. Тандем Василевский-Жуков — невероятная удача для Сталина. Он жизненно необходим Сталину. И он, раздавая звезды на погоны, лелеет и бережет его.

Василевскому в воспоминаниях трудно со Сталиным. Василевский был близок к Сталину во время войны, он представитель Ставки, он начальник Генштаба, он со Сталиным в постоянном контакте. За время войны он встречается с ним более 200 раз. Жуков — 126.

Но Василевский — генштабист, он ценит факты, и его профессиональная трезвость перевешивает его пиетет к Сталину.

Василевский впервые встретился со Сталиным во время финской войны. Тогдашний начальник Генштаба Шапошников был вызван для обсуждения плана войны. Василевский по должности явился вместе с ним.

Маршал А. М. Василевский во время поездки по линии фронта

Василевский рассказывал об этом во время бесед с Константином Симоновым: "Шапошников назвал все силы и средства, которые необходимы для войны с Финляндией. Сталин поднял его на смех. Сказал что-то вроде того, что, дескать, вы, чтобы управиться с этой самой... Финляндией, требуете таких огромных сил. Нет в них никакой необходимости". Потом Сталин принял решение: "Генеральному штабу Финляндией не заниматься, заниматься другими делами".

То есть он отключил Генеральный штаб. Более того, он сказал Шапошникову, что ему надо отдохнуть, дал ему дачу в Сочи и отправил на отдых. Сотрудники Генштаба тоже были разогнаны кто куда, в разные инспекционные поездки.

"Что произошло дальше — известно, — говорит Василевский. — Финская война была для нас большим срамом". Он оценивает ее без политики, а просто как военный.

Василевский продолжает: "В начале Отечественной войны Генеральный штаб был растащен. Все, кто составлял головку Генштаба, были отправлены на разные фронты, что не способствовало нормальной работе. Сталин в начале войны разогнал Генеральный штаб. А если хотите знать, несмотря на все наши настояния до войны, нам не было разрешено даже организовать подземный командный

пункт. Только в первый день войны во дворе 1-го Дома Наркомата обороны начали ковырять землю, рыть убежище. Смешно сказать, оперативный отдел Генштаба работал до августа в вещевом складе. И только в августе было оборудовано помещение на станции метро "Кировская" и в здании рядом, где потом, в войну, размещался Генштаб. Вот как обстояло дело в действительности".

Василевский вспоминает май 1942-го, трагическую попытку освободить Харьков. Генштаб считал операцию неподготовленной, рискованной и предложил от нее воздержаться. Сталин не прислушался. Сталин дал добро на Харьковскую операцию, но не дал необходимых дополнительных сил, велел справляться наличными силами, а Генштабу приказал не вмешиваться. Наступление захлебнулось через пять дней. В критической ситуации Василевский дважды за один день 17 мая докладывает Сталину о необходимости прекратить наступление. Василевский сразу же оценил всю меру возникшей опасности для наших войск. Но Сталин говорит: будем продолжать наступление. И на следующий день, 18 мая, он требует наступления, делая неизбежным окружение наших войск. Немцы оправдывают худший прогноз Василевского. 19 мая катастрофическое по масштабам окружение наших войск становится фактом. В тот же день приказ о прекращении наступления на свой страх и риск отдает командующий Юго-Западным фронтом Тимошенко. Сталин утвердит это решение на фоне свершившегося окружения.

Василевский говорит: "В результате провала под Харьковом и обстановка, и соотношение сил на юге изменились в пользу противника. Это обеспечило ему прорыв к Сталинграду и на Кавказ".

Позиция Василевского в ситуации с Харьковом" затем Сталинград, Курск и последующие операции создают ему репутацию человека расчетливого и даже осторожного. На это Василевский в воспоминаниях отвечает: "Что касается моей расчетливости и осторожности, то, по моему мнению, в них нет ничего плохого. У военачальника такая работа, что он несет ответственность за жизнь тысяч и десятков тысяч воинов и его долг — каждое свое решение взвешивать. Расчетливость и осторожность являются не отрицательными, а положительными качествами командира".

Сталинградская операция не только впервые за всю войну тщательно продумана, но и осуществлена уверенно и грамотно. Контрнаступление начинается после отступления длиною в год. Страх неудачи крайне силен и в войсках, и в руководстве войсками. За два дня до операции срывается командир 4-го механизированного корпуса, то есть главного ударного соединения, Вольский. Он пишет Сталину, что наступление обречено на провал, что от операции следует отказаться. За день до наступления Сталин по поводу письма Вольского вызывает в Москву Василевского. Василевский заявляет, что не видит никаких оснований для отмены операции. Сталин связывается по телефону с Вольским. Вольский дает слово выполнить поставленную задачу.

Перед наступлением письмо матери пишет военнослужащий Коваленко: "Я жив. А через секунду, может быть, убьют. Потому что здесь жизнь секундная. Хотя вы и пишете "не думать о смерти", но я не думаю, чтобы остался жив. Потому что очень сильные бои. Много народу перебито. Трупы лежат на земле. Немцы и наши лежат, бедняки, гниют. Хотя бы похоронили, а то валяются как снопы. Танки ездят по людям как по дровам".

18 ноября Василевский возвращается под Сталинград.

19 ноября в 7:30 утра начинается наше контрнаступление под Сталинградом.

23 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов встречаются в районе города Калач и завершают окружение 6-й армии Паулюса.

Попытку прорвать советское кольцо снаружи предпринимает мощное соединение под руководством Манштейна. Угроза серьезная. Резервов нет.

Василевский пытается связаться со Сталиным. Не удается. Василевский, не дожидаясь связи, самостоятельно предлагает командующему 2-й гвардейской армией Малиновскому выступить против Манштейна. Малиновский приступает к решению задачи. Войска приходят в движение. Наконец Василевский связывается со Сталиным. Обращается с просьбой по поводу 2-й гвардейской армии, которая уже приведена в движение. Жуков категорически против. У него свои планы на 2-ю гвардейскую. Сталин соглашается с Жуковым. И резко отказывает Василевскому. Говорит, что вопрос будет

рассмотрен Государственным Комитетом обороны. Василевский ждет ответа двое суток. Отрицательный ответ будет означать трибунал. В воспоминаниях Василевский сухо пишет: "С большим волнением ожидал я решения Ставки". Только 14 декабря в 22:30 он получает "добро" от Сталина. Манштейн остановлен под Новый, 1943-й год.

До Рождества 1942-го в окруженной 6-й армии Паулюса дневной рацион хлеба на одного человека составлял 100 граммов. После Рождества — 50. Кроме того, суп с костями лошадей, выкопанных из земли. Мороз 30–35 градусов. Немецкие солдаты спускаются в подвалы руин. Здесь в холодных и темных помещениях находятся вместе больные, сошедшие с ума, умирающие или уже мертвые. Из письма: "Скоро мы передохнем все". В немецких информационных сводках о Сталинграде не говорится ни слова.

Советские ультиматумы о сдаче следуют 8,17 и 25 января 1943 года. Паулюс запрашивает Берлин. Гитлер отвечает: "Капитуляция неприемлема". 30 января Паулюс произведен в фельдмаршалы. 31 числа наши части окружают здание универмага, где размещается штаб 6-й армии. Фельдмаршал Паулюс сдается 22-летнему старшему лейтенанту-танкисту Федору Ильченко. Ильченко вспоминает: "На кровати сидел очень пожилой, небритый мужик в свитере непонятного цвета. Мундир висел на стуле. Рядом стоял классный аккордеон. Паулюс поднялся с кровати и выдавил через силу: "Это конец!" "Значит, конец", — сказал я. И фельдмаршал кивнул мне, старлею, головой".

Потом едут в Бекетовку, где Паулюса встречает командующий 64-й армией Шумилов. Вокруг фоторепортеры. Перед ними исключительный по ассортименту буфет. Паулюс требует, чтобы были накормлены его люди. Ему обещают. Все идут к столу. Генерал Шумилов поднимает стакан: "Ваше здоровье". Формально командование 6-й армии не объявило о капитуляции. В 1943 году Паулюс отказался подписать приказ, предписывающий его солдатам сложить оружие, мотивируя это тем, что он находится в положении военнопленного.

В середине 70-х Василевский читает повесть, в которой фигурирует Паулюс. Отзыв Василевского на повесть: "Откровенно скажу, главное, что Паулюс изображен не каким-то недоумком, а

грамотным военачальником. В окружении он энергично действует, душой болеет за подчиненных. Ведь как у нас показывают вражескую сторону? Гитлер — бесноватый ефрейтор, Манштейн — дуб из дубов. Тогда с кем мы так тяжело воевали?"

Генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс

Паулюса в 1943-м привозят в Красногорский оперативный пересыльный лагерь НКВД № 27. В июле 1943-го здесь создан Национальный комитет "Свободная Германия". Затем антифашистская организация "Союз немецких офицеров", в основном из числа сталинградских пленных. Паулюс называет это государственной изменой. Подписывает протест. Паулюса переводят из одного генеральского лагеря в другой. В 1944-м он ставит свою подпись под обращением к немецким солдатам и к немецкому народу: "Считаю своим долгом заявить, что Германия должна устранить Адольфа Гитлера и установить новое государственное руководство". Он выступает по радио, подписывает листовки. В Германии арестован его сын. Его жена, отказавшаяся отречься от мужа, дочь, невестка и внук отправлены в концлагерь Дахау. Их освободят в апреле 1945 года. Паулюса после войны возят лечиться в Крым. В 1946-м Василевский встретится с ним на спецобъекте в Томилино. Будут вспоминать Сталинград. Потом фельдмаршал обратится к Василевскому с просьбой о возвращении в Германию. Василевский передаст просьбу Паулюса Сталину. Сталин скажет: "Рано". И добавит: "Вы, Василевский, не политик".

Василевский никогда и не стремился в политику. Он закончил Костромскую духовную семинарию. Мечтал года три поработать

учителем в сельской школе, а потом, скопив денег, пойти учиться на агронома либо в Московский межевой институт. После начала Первой мировой войны планы резко меняются. Василевский пишет: "После объявления войны меня обуревали патриотические чувства. Лозунги о защите отечества захватили меня". В феврале 1915 года он оказывается в Москве, в Алексеевском военном училище. Из училища выходит прапорщиком. В феврале 1917-го — штабс-капитан. В декабре 1917-го демобилизован. До апреля 1919 года он не участвует в Гражданской войне. Работает учителем в Тульской губернии. А вот в апреле 1919-го призывается в Красную армию. С этого начинается его карьера. В 1927 году Василевский — командир полка в Твери. Оттуда — в Генштаб. В партию Василевский вступает в 1938 году. В разгар Большого террора.

В своих воспоминаниях под названием "Дело всей жизни" Василевский пишет о советских военачальниках Уборевиче, Егорове, Якире, Тухачевском. Дает им характеристики, наиболее лестную — Уборевичу. Но ни слова не говорит о том, что они расстреляны. Василевский в воспоминаниях вообще не говорит о репрессиях в армии. Другим, гораздо более откровенным он был в разговорах с Константином Симоновым в 1967 году. "Что сказать о последствиях для армии 37-го — 38-го годов? Без 37-го года, возможно, и не было бы вообще войны в 1941 году. В том, что Гитлер решился начать войну в 1941 году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел. Да что говорить, когда в 39-м был ряд дивизий, которыми командовали капитаны, потому что все, кто был выше, были поголовно арестованы. В 1941 году Сталин хорошо знал, что армия не готова к войне, и всеми правдами и неправдами стремился оттянуть войну".

В этом разговоре с Симоновым Александр Михайлович Василевский дважды откровенен. Во-первых, он говорит о том, что репрессии в нашей армии и кошмарное начало войны связаны напрямую. Во-вторых, четкий генштабист Василевский обнаруживает некое иррациональное отношение к Сталину. Репрессии как безымянный рок, Сталин будто ни при чем: репрессии — отдельно, Сталин — отдельно.

Зимой 1940 года Василевский был приглашен на обед к Сталину в Кремль. Один из тостов Сталин поднимает за здоровье Василевского. Василевский в это время всего лишь заместитель начальника

Оперативного управления Генштаба. Потом Сталин прилюдно говорит: "Скажите, пожалуйста, почему вы, да и ваши братья, совершенно не помогаете материально отцу?"

Отец Василевского — священник. Василевский в воспоминаниях пишет: "Я ответил, что с 1926 года порвал всякую связь с родителями. Во всех анкетах указывается, что я связи с родителями не имею. Иначе я не состоял бы в рядах нашей партии и едва ли служил бы в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии и тем более в системе Генерального Штаба. И когда я получил от отца письмо, я немедленно доложил об этом секретарю парторганизации, и он потребовал от меня, чтобы я и впредь не поддерживал отношений с родителями. Сталин в присутствии членов Политбюро, сидевших на обеде, сказал, чтобы я немедленно установил с родителями связь и оказывал бы им систематическую материальную помощь. Я чувствовал, что ко мне Сталин относился с каким-то внутренним уважением. Может, это было связано с моим духовным сословием. Ведь Сталин тоже окончил духовную семинарию".

Сталин прав: Василевский не политик. И это не последняя причина, по которой Сталин ценил Василевского.

В 1943 году 15 февраля наши войска освобождают Харьков. Ровно через месяц после шести суток тяжелейших боев немцы под руководством все того же Манштейна второй раз берут Харьков. В городе говорят: "Пришли вторые немцы". Это части СС. Вешают прямо на балконах. Лютуют полицаи. Расстреливают прямо на улицах. В людных местах, на Благовещенском базаре — облавы. Людей берут в кольцо, кольцо сжимается. Потом немцы разрывают кольцо с одной стороны и пускают овчарок. Они гонят обезумевших людей в нужном направлении. К черным машинам-душегубкам. Машины набивают людьми, закрывают и пускают внутрь выхлопные газы. Пока машина едет до окраины города, люди в ней задыхаются.

Харьков вторично освободят 23 августа 1943 года. Освобождение Харькова — это финал знаменитой Курской битвы. Разработчики Курской операции — Василевский и Жуков.

Гитлер 15 апреля 1943 года о грядущем наступлении под Курском: "Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира".

Мы ждем начала немецкого наступления. В соответствии с данными разведки еще в мае Генштаб дважды предупреждает фронты Курского направления о возможности немецкого наступления в ближайшие дни. Немцы наступления не начинают. Генштаб называет новую дату — 26 мая. На немецкой стороне движения нет. Военный совет Воронежского фронта просит Сталина разрешить нанести противнику упреждающий удар. Василевский пишет: "Сталин очень серьезно заинтересовался этим предложением, и нам — Жукову и мне — стоило некоторых усилий, чтобы убедить его не делать этого". Немцы не начинают наступление до середины июня. "Но нам от всех видов разведки точно уже было известно, что фашисты изготовились к наступлению", — вспоминает Василевский. Нетерпение начинает проявлять командующий Воронежским фронтом Ватутин. Он пытается убедить Василевского: "Александр Михайлович, проспим мы, упустим момент. Давайте начнем первыми".

Ватутин звонит Сталину, предлагает наступать первыми. Сталин говорит Василевскому, что предложение Ватутина заслуживает серьезнейшего внимания. Василевский говорит Сталину, что для нас было бы гораздо выгоднее, чтобы враг первым начал наступление. 2 июля Василевский получает информацию о неизбежности немецкого наступления до 6 июля. Он сообщает об этом Сталину, просит разрешения предупредить фронты, он зачитывает Сталину подготовленный проект директивы для фронтов. Сталин утверждает текст директивы.

4 июля в плен захвачен немец 168-й пехотной дивизии. Он сообщает, что войскам розданы на руки сухой паек и порции водки и что наступление начнется 5-го. 5 июля немецкое наступление начинается. Оно идет меньше недели и заканчивается провалом. Провал — это поражение в танковом сражении под Прохоровкой. Василевский в воспоминаниях сухо напишет: "Мне довелось быть свидетелем этого титанического поединка двух стальных армий". Плюс приведет текст письменного донесения Сталину о ходе танкового сражения. Этот документ заканчивается словами: "Донесение задержал в связи с поздним прибытием с фронта. 2 часа 47 минут. 14.07.43. Из 5-й гвардейской танковой армии".

Потом будет первый салют за Орел и за Белгород. И московским детям, сохранившим ужас перед бомбежкой, дома будут объяснять, что

это просто салют, а они еще долго не будут в это верить.

В декабре в Харькове, освобожденном в результате Курской операции, начнется судебный процесс над тремя эсэсовцами и одним русским, занимавшимися умерщвлением людей при помощи специально оборудованной машины. Казалось бы, те, кого судят, — всего лишь мелкие чины в огромной системе уничтожения. Главный обвиняемый — некий капитан Вильгельм Лангхельд, остальные в еще меньших чинах. Русский — не начальник полиции, а шофер душегубки. Но это первый процесс за войну. Те, кого судят, стараются добросовестно отвечать на вопросы. Но никак не могут вспомнить, сколько убито по их приказу. 200 человек, 300 или несколько тысяч. Русский обвиняемый испытывает уважение к газовой технике, говорит: "Я считал, что эта казнь гуманная". Они рассказывают, что они расстреливали 450 душевнобольных и оттуда, из толпы расстреливаемых, раздался крик: "Сумасшедшие, что вы делаете!" Константин Симонов, бывший на процессе, пишет: "Они спокойно говорят про себя: "я убил", "я застрелил", "я затолкнул их и запер", "я нажал на педаль газа". И в этом "я", "я", "я", повторявшемся день за днем в зале суда, было что-то неправдоподобное даже после того, что я видел на войне".

Всех четверых приговорили к публичному повешению. Симонов пошел на площадь. Он пишет: "Немцы до последней секунды силились держать себя в руках. Шофер душегубки Буланов падал на землю, вывалившись из рук державших его людей, и был повешен как бесформенный мешок с дерьмом. Толпа на площади, пока шла казнь, сосредоточенно молчала. Я ни тогда, ни потом не раскаивался, что пришел туда, на площадь. Говорю только о себе, потому что такие вещи каждый решает сам для себя".

1 декабря 1943 года Сталин прилетает в Баку из Тегерана со встречи с Черчиллем и Рузвельтом. В Баку он пересаживается в поезд. Поезд, идущий в Москву, остановится на станции Сталинград. Сталин совершит поездку по городу, точнее, по тому, что осталось от города. В декабре 1943-го Сталинград для Сталина — это не город, разрушенный до основания. Сталинград — это поворот, крутой поворот, после которого стал возможен тот разговор, который состоялся у него, Сталина, с Рузвельтом и Черчиллем в Тегеране.

Конечно, прежде всего с Рузвельтом. Им обоим импонирует система послевоенного регулирования международных отношений, в которой США и СССР отводится главная роль. Черчилль не слишком верит в сотрудничество с СССР после войны. Когда обсуждалась перспектива открытия второго фронта, Черчилль выступил за высадку союзных войск на Балканах.

Черчилль рассчитывал преградить путь советским войскам в Юго-Восточную Европу и таким образом предотвратить разрастание советского влияния. Но Рузвельт и Сталин настаивают на том, что второй фронт должен быть открыт на севере Франции. То есть союзные войска пойдут не наперерез, а навстречу советской армии.

И эта договоренность в Тегеране достигнута: второй фронт будет открыт на севере Франции в мае 1944-го. Поддержка Сталина Рузвельтом объяснима. Сталин обещает Рузвельту после капитуляции Германии вступить в войну против Японии. Хотя это будет нарушением пакта о нейтралитете с Японией, который СССР подписал в апреле 1941-го и который спас СССР от нападения на Дальнем Востоке. Блестящую операцию против миллионной японской Квантунской армии в 1945-м спланирует и осуществит Василевский.

Встреча в Тегеране. И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль

Сталин уже завершает поездку по Сталинграду. Вокруг — куски стен, пустые коробки домов, кучи щебня, в которых копошатся одинокие черные фигурки людей. Итак, в Тегеране достигнуто соглашение по Польше. Восточная граница Польши останется там, где она проведена по договоренности с Гитлером в 1939-м. А западная польская граница отодвигается до Одера, теперь уже по согласованию

с Англией и США. СССР в 1943-м уже разорвал отношения с польским правительством в эмиграции и создает на территории СССР "Союз польских патриотов", формирует польскую дивизию. Это начало пути к установлению в Польше нового просоветского строя. Договоренность в Тегеране с союзниками об увеличении польских земель на Западе означает расширение территории будущего влияния СССР в Европе.

О разделе Германии пока не договорились. Сталин садится в поезд на сталинградском вокзале и едет в Москву. В Сталинграде он был в простой шинели и фуражке без знаков отличия. В Тегеране — в горчичного цвета военной форме, которая блистала благодаря только что введенным в Красной армии погонам.

Погоны, от которых Красная армия отказалась после революции, введены вновь в январе 1943-го. 17 января 1943 года газета "Известия" публикует приказ народного комиссара обороны И. В. Сталина № 25 "О введении новых знаков различий и изменениях в форме одежды Красной Армии". Почти вся вторая полоса газеты — это фотографии новых шинелей, кителей, мундиров и фуражек. Василевский пишет: "Когда принималось решение о введении погон, Сталин попросил начальника тыла генерала Хрулева показать погоны старой русской армии. Разглядывая их, Сталин обратился ко мне: "Товарищ Василевский, покажите, какие погоны вы носили в старое время"".

Погоны, царские мундиры реабилитированы в 1943-м. Правда, в форму со стоячим воротником впервые с послереволюционных времен были одеты солдаты, выстроенные перед прилетевшим в Москву Черчиллем еще в августе 1942-го. Но до Сталинградской битвы это носило разовый характер. В 1943-м извлеченные на свет погоны и мундиры для Сталина — это атрибуты возрождающейся империи, его империи. И не единственные атрибуты. Василевский пишет: "Должен, к слову, заметить, что и ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Нахимова учреждены также по предложению Сталина. В его кабинете в годы войны висели портреты Суворова и Кутузова". В 1943-м Сталин отказывается от старого гимна — "Интернационала". "Интернационал" создавался в 1888 году как международный революционный гимн пролетариата. Впоследствии стал гимном СССР. Летом 1943-го Сталин заказывает новый национальный гимн. Текст редактирует лично.

Тогда же в 1943-м Сталин совершает разворот в отношении Православной церкви.

Вечером 4 сентября Сталин обменивается мнениями с Берией и Маленковым по вопросу, следует ли ему принимать митрополитов Сергия, Алексея и Николая. Все сходятся на том, что следует. Звонят патриаршему местоблюстителю митрополиту Сергию. После 25 лет большевистского террора в отношении церкви митрополиты впервые приезжают в Кремль, где их принимает Сталин в присутствии Молотова. Сталин благодарит церковь за патриотическую работу в годы войны.

Маршал А. М. Василевский

Сталин интересуется, какие основные проблемы стоят перед церковью. Митрополит Сергий отвечает: "Главная проблема — выборы патриарха, но в условиях войны собрать Поместный собор трудно, понадобится время".

Сталин спрашивает: "А нельзя ли проявить большевистские темпы?" И отдает распоряжение о привлечении авиации для транспортировки участников Поместного собора.

Митрополит Алексей поднимает вопрос об освобождении некоторых архиереев, находящихся в лагерях и тюрьмах.

Сталин говорит: "Представьте список, рассмотрим". Когда список рассмотрят, выяснится, что в живых осталось только двое.

Сталин говорит, что церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства. Потом обращается к митрополитам: "Вот мне доложили, что вы очень плохо живете: квартирka тесная, покупаете продукты на рынке, нет у вас никакого транспорта. Правительство хотело бы знать, какие у вас нужды".

Сталин продолжает: "Правительство вам предоставит завтра же трехэтажный особняк в Чистом переулке, который ранее занимал немецкий посол Шуленбург". Через несколько минут митрополитам принесли план особняка с садом и подворными постройками.

Сталин добавляет: "На рынке покупать вам неудобно и дорого. Поэтому государство обеспечит вас продуктами по государственным ценам. И еще. Мы предоставим вам две-три легковые автомашины с горючим". Сталин провожает митрополитов до дверей.

Затем дает указание о создании Совета по делам Русской православной церкви. Его возглавит начальник 4-го отдела III Управления НКВД Георгий Карпов, который ранее организовывал слежку за церковными иерархами. Сталин говорит Карпову: "Своей деятельностью больше подчеркивайте самостоятельность церкви". Потом Сталин обращается в Молотову: "Надо сообщить населению о встрече с митрополитами".

Поместный собор, несмотря на указание Сталина о большевистских темпах, собрать не удалось. 8 сентября открыли Архиерейский собор. Если переводить на партийный язык, Архиерейский собор по сравнению с Поместным это как пленум ЦК в сравнении со съездом. Патриархом избран митрополит Сергей. Патриарх Сергей, а после его смерти патриарх Алексей называли Сталина "богоданным вождем".

Еще до встречи с церковными иерархами Сталин принимает решение о роспуске Коминтерна — международной коммунистической организации, созданной для пропаганды и экспорта мировой революции. Сталину больше неинтересна мировая революция. Он начинает строить большевистскую империю с сильным великодержавным акцентом и соответствующей внешней политикой. Война, в которой уже очевиден поворот к победе, — отличное для этого время. Сталин чувствует его безошибочно.

После войны, когда Василевский станет министром обороны, у него будут очень сложные отношения со Сталиным. Старший сын Василевского, Юрий, вспоминает: "Отец позвал меня и сказал: "Если со мной что-то случится, ты будешь за старшего. Не подведи"". Ситуация усугубляется тем, что сын Василевского женится на дочери Жукова Эре. Сталин после войны крайне противится дружеским

отношениям между главными полководцами прошедшей войны. Семейные связи вообще негласно запрещены.

Младший сын маршала стал архитектором.

Маршал Василевский иногда, представляясь, говорил: "Я — отец известного архитектора Василевского".

1944 год

Константин Рокоссовский

11 июля 1944 года в Москву на станцию "Москва-товарная" Западной железной дороги прибывает 11 эшелонов. В них десятки тысяч немецких пленнх. В Москве их размещают на территории Московского ипподрома.

17 июля в 11 утра 57 600 военнопленных, в числе которых более тысячи офицеров и 18 генералов, трогаются в путь. Их ведут по Ленинградскому проспекту и улице Горького. На площади Маяковского шествие раздваивается, направо и налево по Садовым. Пять часов пленные немцы идут по московским улицам. Москвичам о предстоящем шествии сообщили лишь 17-го утром, по радио и в "Правде". Но на улицах было много народу. И все сохраняли спокойствие, молчание, почти тишину, было слышно только шарканье ста с лишним тысяч ног. Владимир Высоцкий, которому в это время шесть лет, высовывается в форточку из квартиры в доме на Каретном и кричит: "Гитлер капут!"

Шествие немецких военнопленных по Москве в документах НКВД проходит под названием "Большой вальс".

Шедшие по Москве немцы взяты в плен только что войсками 1-го, 2-го, 3-го Белорусских фронтов. Их плен — результат идущей полным ходом операции по освобождению Белоруссии. 1-й Белорусский фронт возглавляет маршал Константин Рокоссовский.

Белорусская операция, или операция "Багратион", начинается 24 мая 1944 года. Окончательный план наступления отработывается в Ставке 22 и даже 23 мая.

Действия левого крыла фронта Ставкой одобрены. На правом крыле Рокоссовский предлагает нанести два удара. Причем оба удара должны быть главными. Это идет вразрез с установившимися взглядами, согласно которым при наступлении наносится один главный удар, для чего и сосредотачиваются основные силы. Предложение Рокоссовского о двух ударах встречает резкую критику. Верховный Главнокомандующий и заместитель Верховного Главнокомандующего Жуков категорически против. Рокоссовскому

дважды предлагают выйти в соседнюю комнату и продумать предложение Ставки. Каждый раз Рокоссовский возвращается и вновь отстаивает свое решение. Сталин утверждает его план наступления. Так вспоминает этот эпизод Рокоссовский фрагмент из воспоминаний Жукова:

"Существующая в некоторых военных кругах версия о "двух главных ударах" на белорусском направлении силами 1-го Белорусского фронта, на которых якобы настаивал К. К. Рокоссовский перед Верховным, лишена основания. Оба эти удара, проектируемые фронтом, были предварительно утверждены И. В. Сталиным еще 20 мая по проекту Генштаба, то есть до приезда командующего 1-м Белорусским фронтом в Ставку".

Маршал К. К, Рокоссовский

Отношения Рокоссовского с Жуковым непростые. Спустя годы Рокоссовский пишет о тяжелейшем ноябре 1941-го под Москвой:

"Напрасно некоторые начальники думали, что только они желают успеха, а к остальным нужно применять окрики и запугивание. К этим лицам я бы отнес и нашего комфронт. Доходило до того, что начальник штаба армии Малинин упрашивал меня намечать КП в стороне от дорог, желая избавиться от телефона ВЧ, по которому ему приходилось выслушивать внушения Жукова. Вспоминаю, как после разговора по ВЧ с Жуковым я вынужден был заявить, что если он не изменит тона, то я прерву разговор с ним. В тот день грубость переходила всякие границы".

В 20-х числах ноября 1941 года после очередного разговора с Жуковым Рокоссовский выходит на дорогу и под ураганным огнем у

деревни Пешки пытается остановить отступавших. Кто-то кричит: "Что вы делаете, товарищ генерал!" — и вытаскивает его из-под огня.

"А что мне оставалось делать, — скажет потом Рокоссовский, — если за невыполнение приказа остановить противника я отвечаю головой? Чем я могу его задержать. Вы же сами видите".

Рокоссовский вспоминает январь 1942 года, когда после победы под Москвой наше дальнейшее наступление жестоко захлебывается. Он пишет: "Ведь было совершенно ясно, что противник, хотя и отброшен от Москвы на сто с лишним километров, еще не потерял своей боеспособности, а у нас нет сил на разгромный штурм. Необходимо накопить силы. Почему же в таком случае мы продолжаем изматывать не врага, а себя в бесперспективном наступлении? Чем руководствовался знавший обстановку командующий Западным фронтом, мне и до сегодняшнего дня непонятно". Командующий Западным фронтом — это Жуков. Временами, когда Рокоссовский говорит о Жукове, разговор на самом деле получается о другом, то есть о Сталине. "Бесконечные попытки наступления в январе 1942-го — это грубейшая ошибка Ставки Верховного Главнокомандующего. Это несостоятельная наступательная затея, которая выгодна только врагу". И дальше на разных страницах полного варианта воспоминаний, опубликованного только в 1997 году, Рокоссовский будет повторять: "Желания Ставки не соответствуют возможностям войск. В поспешных мероприятиях Ставки отсутствует дальновидность, необходимая для столь ответственного органа".

Маршал Г. К. Жуков

Кроме того, Рокоссовский пишет: "Мне неоднократно приходилось сталкиваться с фактами, когда заместитель Верховного Главнокомандующего Жуков и начальник Генштаба Василевский в период решающих событий находятся у командующих фронтами, в войсках, а Верховный Главнокомандующий остается в Москве. Один".

В Белоруссии войска Рокоссовского будут наступать по болотам. Пойдут по гиблым местам, пойдут с боями и пойдут стремительно.

Войска подготовлены самым тщательным образом. Это не 1941-й, не начало 1942-го, это 1944 год. Подготовка идет по всем направлениям. Изготавливаются болотные лыжи, волокуши для легкой артиллерии. Танки снабжены бревнами для прохода через рвы. Идет тщательная маскировка. Наводятся ложные переправы. Орудия сосредотачиваются. производят несколько огневых налетов, затем увозятся в тыл, на ложных огневых позициях расставляются макеты. Рокоссовский говорит: "Начальник штаба фронта генерал Малинин был неистоим на такие хитрости".

Работает разведка — и воздушная, и радиоразведка. Идет аэрофотосъемка укреплений противника, карты рассылаются в войска. Взятые "языки" с документами. Наконец, накануне наступления, проведены штабные учения с военными играми. Тыл фронта держит в готовности свободный автотранспорт для переброски войск и техники. В смысле подготовки — это уже совсем другая война. В смысле пролитой крови — война все та же. В первые два года огромные жертвы были принесены, чтобы избежать поражения, в последние два — чтобы приблизить победу.

Немцы в Белоруссии дерутся как звери. Рокоссовский в воспоминаниях приводит свидетельство участника событий командира 108-й дивизии генерала Теремова: "Не менее двух тысяч вражеских солдат и офицеров при поддержке орудийного огня шли на наши позиции. Наши орудия открыли огонь по атакующим с 700 метров, пулеметы — с 400. Гитлеровцы шли. Пулеметы выкашивали их ряды. Фашисты шли, переступая через трупы своих солдат. Это была безумная атака. Нет, в ней не было и тени воинской доблести. Гитлеровцы были в каком-то полушоковом состоянии. В движении этой огромной массы солдат было скорее животное упорство стада, нежели войска. Но впечатление тем не менее было внушительное".

К. К. Рокоссовский

29 июня освобожден Бобруйск. Немцы в городе держали круговую оборону. Дома превращены в огневые точки. Улицы забаррикадированы, на перекрестках врыты танки, подступы к городу заминированы. Город освобожден в тяжелейших боях. Вплоть до рукопашных схваток в ночной темноте. Бобруйская группировка врага окружена и разгромлена. Рокоссовский получает звание маршала.

Дальше развивается стремительное наступление на Минск и Барановичи.

3 июля войска 1-го Белорусского фронта Рокоссовского во взаимодействии с войсками 3-го Белорусского фронта Черняховского освобождают столицу Белоруссии Минск. Минская группировка врага разгромлена. 8 июля освобождены Барановичи.

18 июля левое крыло 1-го Белорусского фронта начинает наступление с целью ликвидации Люблинской группировки. Правое крыло фронта Рокоссовского идет на Брест. Окружена Брестская группировка противника. Брест освобожден 28 июля.

В грандиозной Белорусской операции принимают участие пять фронтов. Результат операции — поражение немецко-фашистских групп армий "Центр" и "Северная Украина".

До операции "Багратион", завершившейся выходом за границы СССР, в феврале 1944 года в жизни Рокоссовского происходит эпизод из разряда вон для генерала армии. Он не воспроизводит его в своих мемуарах. Вспоминает Александр Пыльцын. Пыльцын командует взводом в штрафбате. Сам он не штрафник. В штрафбатах был так называемый постоянный состав из числа прикомандированных офицеров. И переменный состав — собственно штрафники. Они могут

быть в звании вплоть до полковника. Точнее, могли быть. Здесь они все рядовые. Штрафбат может быть расплатой за трусость и панику на поле боя. А может быть наказанием за невыполнение неосуществимой задачи, средством выяснения личных отношений, мстью за нежелание терпеть грубость начальства, просто способом выиграть борьбу за женское сердце.

Убитых штрафников в форме не хоронят. Ее снимают и отправляют в тыловые военные склады для ремонта и повторной выдачи. На этом обмундировании ставят штамп "Б/У 2". Выдают тем, кто мобилизован в штрафные роты из числа отбывающих срок в ГУЛАГе. В лагерях разрешена мобилизация всех категорий заключенных, кроме осужденных по 58-й, политической, статье.

На руководство штрафбатами направляются наиболее волевые и отличившиеся в боях командиры и политработники. Положено направлять по собственному желанию, хотя это далеко не всегда соблюдается. Многие набраны из числа воевавших в Сталинграде. Александр Пыльцын, командированный в штрафбат, — лейтенант, ему 20 лет. Вверенный ему 8-й отдельный штрафной батальон формируется в составе Центрального фронта в 1943-м перед Курской битвой. Центральным фронтом тогда руководит Рокоссовский. В 1944-м Рокоссовский возглавляет 1-й Белорусский фронт. 8-й штрафбат переходит вслед за Рокоссовским на 1-й Белорусский. Хотя состав его сильно изменился за прошедшее время. В штрафбатах гибнут в 6 раз чаще, чем в обычных частях. И командиры-нештрафники гибнут чаще. Зато быстрее идет продвижение по служебной лестнице, звания присваиваются быстрее. Из 18 офицеров, прибывших вместе с Пыльцыным на командирские должности в штрафбат, до конца войны довоевали только трое. Александр Пыльцын вспоминает: "Когда я пришел, батальон был около тысячи человек, примерно втрое больше обычного. А под конец войны, когда пополнение было уже недостаточным, мы воевали поротно: роту сформировали — и в бой. Пока одна воюет, следующая формируется".

Генерал армии К. К. Рокоссовский

Проблема пополнения, и не только штрафбатов, в 1944 году стоит крайне остро. Готовится мобилизация 1927 года, то есть семнадцатилетних мальчишек. Кроме того, начинается особый набор среди жителей, бывших на временно оккупированных, то есть на отданных Красной армией территориях. После освобождения эти люди поголовно попадают под подозрение только потому, что не по своей воле оказались на захваченных врагом землях. Из их числа формируются батальоны для увеличения массы атакующих. В основном это крестьяне. Много пожилых. Они необучены. Оружие должны добыть у павших. Пользоваться оружием не умеют. Форму им не дают. Идут в своем. Обычно в темном, черном. Получили название "черной пехоты".

Вспоминает командир артиллерийского взвода связи лейтенант Валентин Дятлов: "Атака. Поднимается черная цепь безоружных людей. За ней вторая. Черное на снегу — прекрасная мишень. Немец поливает эти цепи плотным свинцом. Они залегают. Командир батальона орет: "Вперед! Вперед! Застрелю!" Но попробуй оторвать себя, безоружного, от земли под артиллерийским, пулеметным и автоматным огнем".

Они все-таки поднимались, эти пережившие отчаяние оккупации, немолодые мужики. Из них выжили единицы. Положение этих крестьян хуже, чем у штрафников. Из "черной" деревенской пехоты — особой разновидности штрафбата — выбраться нельзя никогда. Из штрафников можно вырваться. По ранению, в связи со снятием судимости, за отличие в бою или по истечении срока пребывания в штрафбате. Срок этот до трех месяцев. Если не убьют, конечно.

Так вот, в феврале 1944 года генерал армии Рокоссовский лично посещает окопы 8-го отдельного штрафного батальона, в командном составе которого Александр Пыльцын. Рокоссовский приходит после тяжелейших боев под Жлобином, в Белоруссии. Потери в штрафбате огромные. Генерал был спокоен, со всеми доброжелателен, и с командирами, и со штрафниками. Сам приход командующего фронтом в штрафбат — событие, не имеющее равных. Генералы по-разному относятся к штрафникам. Генерал Горбатов, командующий 3-й армией в подчинении Рокоссовского, освобождает и награждает штрафников вне зависимости от ранения, а просто за отвагу и смелость в бою.

Генерал Батов, командующий 65-й армией фронта Рокоссовского, оправдывает только тех штрафников, кто убит или ранен.

Штрафники объясняют столь разное отношение просто: Горбатов и Рокоссовский, в отличие от Батова, имеют собственный опыт пребывания в заключении.

Рокоссовский о трех годах во внутренней тюрьме Ленинградского управления НКВД не вспоминает.

Воспоминания Рокоссовского начинаются словами: "Весной 1940 года я вместе с семьей побывал в Сочи. После этого был приглашен к народному комиссару обороны С. К. Тимошенко. Он тепло и сердечно принял меня. Семен Константинович предложил мне снова вступить в командование 5-м кавалерийским корпусом. В этой должности я служил еще в 36–37 года".

О том, что происходило между 1937 годом и весной 1940-го в Сочи — ни слова. В августе 1937-го командующий 5-м кавалерийским корпусом Рокоссовский арестован и доставлен из Пскова в Ленинград во внутреннюю тюрьму НКВД. Рокоссовского обвиняют в организации военно-фашистского заговора и в шпионаже в пользу польской и японской разведок. Оговорил Рокоссовского командарм 2-го ранга Великанов. Оговорил под пытками.

Единственный раз Рокоссовский публично вспоминает о происшедшем в апреле 1962 года во время встречи со слушателями Академии Фрунзе. Он говорит: "Били вдвоем, втроем. Одному-то со мной не справиться. Держался. Знал, что если подпишу, то верная смерть". Его сокамерник генерал Балдынов говорит: "Каждый раз возвращаясь в камеру после допросов, он упорно повторял: "Ни в коем

случае не делать ложных признаний, не оговаривать ни себя, ни другого. Коли умирать, так с чистой совестью"".

К. Рокоссовский. Конец 30-х годов

У Рокоссовского выбито девять зубов, сломаны три ребра. Молотком отбиты пальцы ног.

Семья Рокоссовского — жена и дочь — после его ареста выслана из Пскова в Армавир. Жена устроилась кассиршей в парикмахерской. Дочь училась в школе. Школы приходилось менять. В каждой школе в класс входил очередной директор и говорил: "Дети, я хочу, чтобы вы знали, что среди вас находится дочь врага народа. Встань, встань, девочка". Девочка вставала. Потом она ездила одна в 12 лет в Москву, на Лубянку, с передачей для отца.

Рокоссовского дважды водили на расстрел. Ставили на краю ямы. Солдаты по команде стреляли. Генералы, стоявшие справа и слева от Рокоссовского, падали. Его оставляли в живых.

После XX съезда, осудившего культ личности Сталина и сталинские репрессии, Хрущев предложит Рокоссовскому написать статью в духе оттепели. Рокоссовский наотрез откажется, скажет: "Товарищ Сталин для меня святой. Я свое мнение о нем не изменю".

Прежде всего в этом ответе Рокоссовского — его личное отношение к Хрущеву, отношение на уровне "а пошел ты", как свой своему, еще с фронта, как командир политработнику. Но также здесь и представление об офицерском долге. И нежелание битого, а затем успешного человека ворошить старое — ведь выпустили же, и поднялся, и как поднялся, значит, есть все-таки справедливость. И еще многое.

Возможно, что-то объясняет эпизод, о котором вспоминает Жуков. Он, Жуков, как-то упрекнул Рокоссовского, что тот вяло поддерживал его в споре со Сталиным. Рокоссовский отрезал: "А ты видел, как зло посматривал на нас Берия? Хватит, я у него "в гостях" уже побывал!"

После выхода из заключения Рокоссовский все время носил с собой браунинг. Когда жена спросила его, зачем, он ответил: "Если за мной снова придут, я живым не дамся".

Вслух о трех с половиной годах заключения маршал Рокоссовский никогда не вспоминал.

Когда в апреле 1940 года он вышел из тюрьмы, шел дождь. Он опоздал на поезд. Ночевать было негде. Он вернулся на ночь обратно в тюрьму.

1944 год — год окончательного освобождения территории СССР. В течение трех лет на оккупированных землях находилось до 70 миллионов человек. До полутора миллионов граждан СССР сотрудничало с немцами. Сотрудничество с врагом — одна из страшных черт Великой Отечественной войны. Отечественная война 1812 года такого явления не знала. Лица тех, кто шел на сотрудничество с врагом, многообразны. Прежде всего это те, кем движет трусость и жажда наживы. Еще — уголовники. Хотя далеко не всякий уголовник предатель. Известно, что уголовники-штрафники честно сражались и кровью искупали вину. У Рокоссовского летом 1942-го на Брянском фронте — стрелковая бригада из уголовников. Рокоссовский пишет: "Мы убедились, что им можно доверять серьезные задания".

Кроме того, с немцами сотрудничают те, кого заставляют и кто не находит в себе сил расстаться с жизнью. У кого на руках малые дети, и нет иного шанса спасти им жизнь. Были среди них те, кто люто ненавидел сталинский режим, чьи семьи прошли через чудовищные сталинские репрессии, кого режим провоцировал и спровоцировал на самое последнее — на предательство, на бесплодную мысль, что Гитлер может быть освободителем, если он избавит от Сталина. Трагический пример — судьба тысяч казаков, кубанских и ставропольских. В 1918 году, в Гражданскую войну, казаки не смогли определиться, метались между красными и белыми, так и не сумев защитить себя и свой жизненный уклад. В сталинскую

коллективизацию и позднее они подверглись жесточайшим репрессиям. В войну часть казаков, небольшая в масштабах народа, но насчитывающая десятки тысяч, бросится в объятия немцев. Когда немцы будут отступать, они пойдут вместе с ними целыми семьями.

Отдельно — те, кто сотрудничал с немцами в Крыму и на Северном Кавказе.

Предательство всегда остается предательством. Оно требует неизбежного наказания по закону. Но в Крыму и на Кавказе виновными в измене Сталин объявляет целые народы.

29 января 1944 года Берия подписывает инструкцию о порядке выселения чеченцев и ингушей. Практически это уже успешно опробовано на русском населении в годы коллективизации. То есть опыт уже есть. В преамбуле к инструкции говорится, что выселению подлежат все жители республики чеченцы и ингуши по национальности, включая детей. Выселяют всех, включая партийных, советских и хозяйственных работников. Русские женщины, состоящие в браке с чеченцами и ингушами, выселяются, если не проявляют желания расторгнуть брак.

Участковые совместно с приданными силами должны оцепить аулы, организовать засады в ущельях и на тропах. В операции задействованы 100 тысяч солдат, 19 тысяч офицеров. В разгар войны на эту акцию отпущено 150 миллионов рублей. Это стоимость 700 танков "Т-34".

31 января 1944 года приняты два постановления Государственного Комитета обороны СССР. Первое называется "О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР". В постановлении ни слова не говорится о том, что переселяться будут чеченцы и ингуши. Второй документ о выселении проходит под названием "О порядке принятия на Северном Кавказе скота и сельскохозяйственных продуктов". Операция получает название "Чечевица". За несколько дней под видом учений на территорию Чечено-Ингушетии введена танковая армия. Операция облегчается тем, что мужское население находится в рядах Красной армии и партизанских отрядах. 20 февраля в Грозный прибывает Берия для личного руководства операцией.

В 2 часа ночи 23 февраля 1944 года оцеплены все населенные пункты. Всех поднимают с постели, гонят на улицы. Людям

объявляют, что они все изменники и выселяются в Казахстан и Киргизию. На сборы — 20 минут. Многие солдаты из войсковых частей понимают настоящую суть происходящего. Как могут успокаивают. Помогают людям собирать вещи. Части НКВД зверствуют.

Белорусская деревня Хатынь, сожженная вместе с жителями, навсегда стала символом нацистского зверства. В одном списке преступлений против человечности рядом с Хатынью должно стоять чеченское селение Хайбах.

Когда после массового выселения выясняется, что жители некоторых горных сел остались на родине, органами НКВД проводится серия карательных акций.

Жителям селения Хайбах объявляют, что больные и престарелые должны остаться на месте в ожидании транспортировки. Женщины с детьми, беременные, больные и старики отделяются от общей колонны. Их загоняют в конюшню колхоза имени Берии. Конюшню обкладывают соломой. Кто-то из военных пытается воспрепятствовать злодейству. У них отбирают оружие. Командует акцией комиссар госбезопасности 3-го ранга Гвишиани. Солому поджигают. Под напором обезумевших пылающих людей падают ворота конюшни. Гвишиани командует: "Огонь!" Вырывающихся людей расстреливают. Молодая женщина, родившая накануне близнецов, пытается выбросить оставшегося в живых младенца. Его подхватывают и швыряют в огонь.

То же самое происходит в ингушских селах.

До Чечни и Ингушетии массовое выселение происходит в Карачаево-Черкессии и Калмыкии. Потом вывозят балкарцев. Из Крыма следует выселение татар, болгар, армян, греков. После освобождения Прибалтики начинается вторая волна депортации населения Литвы, Латвии и Эстонии. Депортация населения в Сибирь будет проводиться под кодовым названием "Весна".

5 июня 1944 года основные разработчики операции по освобождению Белоруссии Жуков, Рокоссовский и Василевский на местности уточняют детали предстоящих действий, 6 июня в 6 утра с высадки англо-американского десанта в Нормандии начинается операция "Оверлорд" 6 июня — день открытия союзниками второго, западного фронта в войне против гитлеровской Германии.

На самом деле 6 июня 1944 года открывается вторая глава наших отношений с союзниками. Первая глава длиннее, но менее известна. С осени 1941 года, то есть почти с самого начала войны, начинаются английские, американские и канадские поставки в помощь воюющему Советскому Союзу.

Маршал Жуков говорит: "Американцы нам гнали столько материалов, без которых мы не могли бы продолжать войну. У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали. Разве мы могли быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью. Мы получили 350 тысяч автомашин, да каких машин! Без них нам не на чем было бы таскать нашу артиллерию. Они вообще обеспечили наш фронтной транспорт. А высокооктановый бензин для "Мигов". Анастас Микоян говорит: "Осенью 1941 года мы все потеряли, и если бы не лендлиз, не американские поставки, не оружие, продовольствие и теплые вещи для армии — еще вопрос, как обернулось бы дело".

7 ноября 1941 года на параде на Красной площади наряду с нашими идут английские танки. Сталин захотел показать, что помощь нам уже поступает. Потом передумал — и английские танки из хроники вырезали. Их нет и по сей день. США, Англия и Канада в течение войны предоставили СССР помощь на сумму свыше 13 миллиардов долларов, тех долларов. На долю США приходится 11,2 миллиарда.

От США СССР получает по знаменитому лендлизу 14,5 тысяч самолетов, 7,5 тысяч танков. На 1 миллиард военной амуниции. 475 тысяч тракторов, тягачей и другого механизированного транспорта. 30 тысяч металлорежущих станков. 300 тысяч тонн цветных металлов. 11 миллионов пар обуви, 20 миллионов метров военного текстиля. В форму из американского хаки будут одеты многие наши солдаты. Плюс 2 миллиона тонн продовольственных товаров. Американская тушенка, суфле, яичный порошок, американский тертый шоколад.

Англия поставляет 100 тысяч тонн продуктов, 100 тысяч тонн резины, силовые установки, 15 тысяч электромоторов, 100 тысяч тонн цветных металлов.

Канада: 200 тысяч тонн пшеницы, 100 тысяч тонн цветных металлов, рельсы, сельскохозяйственные машины, продукты питания, военный текстиль.

За счет союзников наш флот получает: 1 линкор, 1 крейсер, 9 эсминцев, 4 подлодки, 202 торпедных катера, 49 десантных судов, 28 танкеров, 3 ледокола.

Маршал Жуков говорит: "Это сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии. Это не история, которая была, а история, которая написана. Лакированная это история".

Рокоссовский встретится с союзниками 9 мая. В Висмаре его принимает фельдмаршал Монтгомери. Принимает с орудийным салютом, с почетным караулом. Рокоссовский крайне осторожен в описании этой встречи. В первый день после войны он пишет: "Встреча прошла тепло и оставила у нас хорошее впечатление. Британские офицеры, да и сам Монтгомери оказались в действительности проще и общительнее, чем мы их себе представляли".

Потом Рокоссовский принимает англичан у себя в Карлсхорсте. Он вспоминает: "В почетный караул ставим кубанцев 3-го гвардейского кавалерийского корпуса Осликовского в конном строю, в полной казачьей форме. На Монтгомери и его офицеров они произвели огромное впечатление".

Что же касается тех кубанских казаков, что ушли вместе с отступавшими немцами, то их, 40 тысяч вместе с женами и детьми, англичане выдадут Сталину. К трагедии сотрудничества с нацистами этих казаков привело решение Гитлера об отмене колхозов на Кубани. Гитлер решил позаигрывать с казачеством. Но Кубань — исключение. В целом Гитлера устраивали колхозы. Он считал их идеальной формой эксплуатации завоеванного населения.

20 июля 1944 года ударные группировки левого крыла 1-го Белорусского фронта выходят на Западный Буг и, форсировав его в трех местах, вступают на территорию Польши. Люблин берут неожиданно. Настолько, что руководство концлагеря Майданек, который в нескольких километрах от Люблина, не успевает сбежать. Вся территория между городом и лагерем засажена капустой. Краснокочанной. Огромного размера. Поля удобряли золой из

крематория. Когда наши части подходили к Майданеку, из печей крематория еще шел дым. Рокоссовский приезжал в лагерь. Потом в Люблине на митинге он по-польски говорил о том, как потряс его Майданек.

Вместе с частями фронта под командованием Рокоссовского в Польшу вошли соединения 1-й Польской армии под командованием Зигмунда Берлинга. Соединения Берлинга — в составе фронта Рокоссовского Рокоссовский — поляк. В августе 1944-го Сталин намерен поиграть на национальном чувстве Рокоссовского. На личных чувствах и воспоминаниях маршала. Рокоссовский родился в пригороде Варшавы, который называется Прага. 31 июля 1944 года войска Рокоссовского достигают окраины Праги на восточном берегу Вислы. У Рокоссовского большие шансы "с ходу" освободить родной город. Немецкий гарнизон Варшавы составляет всего около 15 тысяч. Гарнизон деморализован. Во-первых, по причине разгрома немецких войск на Центральном фронте. Во-вторых, в связи с ситуацией в самой Германии. Только что, 20 июля 1944 года, произошло покушение на Гитлера. Бомбу подкладывает кадровый офицер ставки Гитлера полковник Штауффенберг. Главный мотив покушения: Третий рейх — преступное государство, позор и катастрофа для Германии. Гитлер по чистой случайности остается жив. Штауффенберг схвачен и расстрелян в Берлине уже вечером 20 июля. Вскоре казнены еще 200 человек. В числе этих двухсот — глава разведки Канарис и бывший посол в Москве Шуленбург.

Филипп фон Безелагер, который привез Штауффенбергу бомбу для покушения, остается в живых. Он скажет: "Мы были убеждены, что, даже если 20 июля 1944 года нам удастся осуществить задуманное, нас повесят, поскольку вся нация фанатично верила Гитлеру".

В конце июля, в момент подхода войск Рокоссовского к Варшаве, московское радио в специальном выпуске призывает население Варшавы к восстанию. Факт такого призыва маршал Рокоссовский подтверждает в интервью английскому журналисту Александру Верту в августе 1944-го. В Варшаве находится около 40 тысяч бойцов польской Армии Крайовой, которая поддерживает польское

правительство, находящееся после оккупации Польши в эмиграции в Лондоне. Кроме того, в городе отряды просоветской армии Армии Людовой.

1 августа 1944 года на фоне боев войск Рокоссовского в варшавских пригородах в столице Польши Армия Крайова начинает антифашистское восстание. 2 августа руководство просоветской Армии Людовой присоединяется к восставшим и передает свои отряды в распоряжение Армии Крайовой. 6 августа Сталин приказывает Рокоссовскому, Жукову и Генеральному штабу доложить свои соображения по плану взятия Варшавы. 8 августа Жуков и Рокоссовский докладывают Сталину: "Раньше 10 августа перейти в наступление не представляется возможным". То есть Жуков и Рокоссовский считают, что прорыв к Варшаве возможен уже через считанные дни. Даже несмотря на то что немцы уже успевают подтянуть к Варшаве значительные танковые силы. Рокоссовский пытается связаться с Варшавой, с руководителем Армии Крайовой генералом Бур-Комаровским, сбрасывает десант. Бур-Комаровский на контакт не идет. В эти же дни в Москве Сталин дважды принимает главу польского правительства в Лондоне Станислава Миколайчика.

Миколайчик начинает разговор с самого болезненного для обоих: с вопроса о будущем управлении освобожденными районами Польши и о будущей советско-польской границе. Только после этого Миколайчик говорит о начале восстания в Варшаве и добавляет, что намерен вернуться в Польшу и создать там правительство. Сталин замечает, что вообще-то Варшава пока в немецких руках. Миколайчик говорит, что Варшава скоро будет освобождена. "Дай-то Бог, чтобы было так", — реагирует Сталин.

У Сталина вместо польского правительства уже есть созданный в июле 1944-го польский Комитет Национального освобождения.

В ходе второй встречи со Сталиным Миколайчик просит о помощи оружием восставшей Варшаве. Сталин говорит, что сбросить оружие легко. Что нужно просто иметь позывные сигналы и шифры. Он, Сталин, постарается сделать все возможное.

12 августа, через три дня после этих слов Сталина, ТАСС выступает со специальным заявлением, в котором советское руководство полностью отмежевывается от действий польского

эмигрантского правительства и возлагает на него всю ответственность за происходящее в Варшаве.

В Варшаве в эти дни плохо подготовленное, не обеспеченное оружием восстание получает массовую поддержку населения города. Восстание приобретает новый характер и огромный размах. Безоружные жители Варшавы вливаются в ряды бойцов, строят баррикады. Но немцы удерживают город. Сражающаяся Варшава в крови. У Рокоссовского в Варшаве — сестра. Ее прячут, как сестру Рокоссовского. Рокоссовский взвинчен до предела.

Сталин пишет Черчиллю: "Восстание в столице Польши — безрассудная авантюра, за которую население поплатилось неисчислимыми жертвами. Этого не было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции". Этот тезис будет долго служить простым объяснением крайне сложной ситуации с Варшавским восстанием. Сложность состояла в том, что Миколайчик отказался слить свое правительство с просоветским польским Комитетом Национального освобождения. А Сталину прозападное польское правительство в случае победы восстания совершенно не нужно.

Сталин тверд в своем решении вобрать Польшу в советскую орбиту. Сталин окажет Варшаве материальную помощь. Но советским и польским летчикам будет разрешено начать вылеты в Варшаву только в сентябре, когда восстание будет задыхаться. Рокоссовский говорит: "Помощь Варшаве начинается 13 сентября". Летчики совершат 2253 вылета с огромными потерями. Будут сбрасывать минометы, противотанковые ружья, автоматы, винтовки, продовольствие, медикаменты. Мешки с боеприпасами падали в самом центре города, на перекресток Иерусалимских аллей и Маршалковской улицы. Тогда, ночью, этот перекресток был освещен огнем пылающих зданий. Американцы и англичане также постоянно сбрасывают грузы для восставшей Варшавы. 5000 вылетов. И у них огромные потери.

Весь август союзники не получают разрешения на посадку на советских аэродромах. Они получают это разрешение только 9 сентября.

Попытка наступления войск Рокоссовского на Варшаву будет предпринята только в начале сентября. Сентябрь для войск Рокоссовского сильно отличается от июля, когда они только подошли к Варшаве. Тогда был пик волны рекордного летнего наступления, тогда

была немецкая паника, тогда был особый здоровый военный азарт, который приносит успех. Тогда была близка к осуществлению мечта маршала Рокоссовского — принести свободу родному городу. Теперь все это сбито. В сентябре польские части фронта Рокоссовского переправятся на западный берег Вислы, будут биться там и с огромными потерями вернутся обратно. Варшава будет освобождена только в январе 1945-го. Варшавское восстание — это 200 тысяч погибших жителей города, которые поднялись против оккупантов. Варшавское восстание — это выплеск ненависти к фашизму в стране, которая потеряла в войне четверть своего населения.

Для Сталина поражение Варшавского восстания — это своеобразное решение польской проблемы немецкими руками. Неподконтрольная ему Армия Крайова в ходе восстания обескровлена. Окончательная расправа с ней уже сталинскими силами состоится 28 марта 1945 года. В этот день генерал НКВД Серов пригласит ее руководителей на переговоры в местечко Прушнув под Варшавой, где они и будут арестованы. Людей, боровшихся против фашистской оккупации, будут судить в Москве как "пособников фашистов". Союзники попросят советское руководство только об одном: не выносить смертных приговоров.

После войны в 1949-м Сталин поставит Рокоссовского на пост министра обороны Польши. Сделает его заместителем председателя Совета министров Польши, членом Политбюро Польской Объединенной рабочей партии и маршалом Польши. В 1950-м в Рокоссовского будут дважды стрелять. В войсках ему кричат: "Уезжайте в Россию!", "Долой красного маршала!". Незадолго до смерти Рокоссовский скажет: "Я самый несчастный маршал Советского Союза. В России меня считали поляком, а в Польше русским".

50-е годы. Министр обороны ПНР маршал К. К. Рокоссовский и маршал Г. К. Жуков

Но это будет потом. А 14 сентября 1944-го для Рокоссовского было днем большой личной радости. Освобожден пригород Варшавы — Прага, где Рокоссовский родился. Он, Рокоссовский, командующий 1-м Белорусским фронтом. Через освобождение Варшавы для войск его фронта открывается кратчайший путь на Берлин. Вечером дежурный офицер докладывает ему о звонке из Москвы. У аппарата Сталин. Без всякого предисловия он произносит: "Товарищ Рокоссовский, вы назначаетесь командующим 2-м Белорусским фронтом". — "Товарищ Сталин, за что такая немилость? Почему с главного направления меня переводят на второстепенный участок?" — "Это не немилость — это политика, — ответил Сталин. — На ваше место назначен Жуков".

1945 год

Георгий Жуков

В ноябре 1944-го Сталин по телефону снимает с командования 1-м Белорусским фронтом маршала Рокоссовского, перед которым открыта дорога на Берлин.

Жуков в своей книге "Воспоминания и размышления" пишет: "Верховный вызвал меня к себе и сказал: "1-й Белорусский фронт находится на Берлинском направлении. Мы думаем поставить Вас на это направление"".

То есть накануне победы Сталин назначает Жукова главным маршалом. Так же как в свое время назначил Маяковского после его смерти главным поэтом, а Горького перед смертью главным писателем.

После освобождения Варшавы в январе 1945-го войска 1-го Белорусского фронта стремительно продвигаются дальше по территории Польши. Вдоль дорог врывают деревянные щиты с плакатами, изображающими бойца, присевшего перемотать обмотки. На плакате надпись: "Дойдем до Берлина!"

Портнихи в польских городах в эти дни 1945-го приобретают неожиданных заказчиц. Это наши регулировщицы. Они просят подогнать по фигуре свои гимнастерки. Весной 1945-го им предстоит стоять на виду у всей Европы.

Вблизи советского КПП на германской границе на полуразрушенном доме дегтем большими корявыми буквами написано: "Вот она, проклятая Германия!"

Войскам жуковского 1-го Белорусского фронта до Берлина в это время остается меньше сотни километров. И речь идет о том, что Берлин можно взять уже в феврале. Жуков в воспоминаниях пишет: "Действительно, в то время противник на подступах к Берлину располагал ограниченными силами и оборона его была слабой. Это было нам ясно. В связи с этим командование фронта дало войскам фронта нижеследующую установку". В этом документе за подписью

Жукова читаем: "Стремительным броском 15–16 февраля взять Берлин".

Предложения по наступлению на Берлинском направлении вносились в Ставку Жуковым и командующим 1-м Украинским фронтом Коневым еще 26 и 28 января. И были утверждены Ставкой. Правый фланг 1-го Белорусского фронта Жукова граничит с территорией действия 2-го Белорусского фронта Рокоссовского. Рокоссовский в этот момент ведет наступление против немецкой группировки в Восточной Померании. Страхуясь от возможного удара со стороны этой группировки, Жуков обращается к Сталину: "Я прошу не останавливать наступление войск фронта. Для обеспечения нашего правого фланга достаточно усилить фронт еще одной армией".

Г. К. Жуков и И. С. Конев

То есть Жуков, чтобы взять Берлин в феврале, просит у Сталина одну дополнительную армию. Жуков пишет: "Верховный обещал подумать, но ответа в тот день мы не получили. После дополнительных переговоров Верховный обязал нас хорошо подумать о своем правом фланге, но в выделении дополнительных сил отказал". Тем самым решение Ставки о начале Берлинской операции и ориентировка фронтам на взятие Берлина в феврале 1945-го ничем не подкрепляются и висают. Этот вопрос для Жукова крайне болезненный. В его воспоминаниях спору о том, можно или нельзя было взять Берлин в феврале, отводится большое место. Спорит Жуков в 60-е годы с маршалом Чуйковым. Чуйков полагает, что "Берлином можно было овладеть уже в феврале". А вот Жуков, в 1945-м как раз нацеливший войска на взятие Берлина в феврале, в 1965-м выступает

жестким оппонентом Чуйкова. Спор получается долгим, на восьми страницах жуковских мемуаров. После чтения мемуаров Жукова возникает ощущение, что Жуков сам неожиданно отказался от февральского наступления на Берлин. Он ссылается на угрозу с фланга, возникшую со стороны Померанской группировки противника, против которой ведет наступление Рокоссовский.

Жуков в своем споре с Чуйковым говорит: "Чуйков утверждает, что вопрос о возможности взятия Берлина еще в феврале 1945-го поднимался им впервые на конференции в Берлине в 1945 году, но тогда он не получил широкого освещения". Так выглядят жуковские слова в книге его воспоминаний, опубликованной в 1969 году после тщательной редакторской правки. В перестроечное время выходит полный вариант воспоминаний маршала Жукова.

В полном варианте пассаж Жукова о Чуйкове звучит так же, но имеет продолжение. Да, Чуйков выступал в 1945-м на конференции по вопросу о возможности взятия Берлина в феврале, но тогда он не получил широкого освещения, поскольку был, по существу, связан с критикой действий Сталина. Больше Жуков ничего не пишет и в полном варианте воспоминаний. По-видимому, угроза критики действий Сталина уже достаточный повод для Жукова, чтобы закрыть любую тему. Когда Жуков спорит с Чуйковым, он, по сути, защищает Сталина. Что касается маршала Чуйкова, написавшего в 1965 году, что Берлин можно и нужно было взять в феврале 1945-го, то его немедленно вызвали на ковер к начальнику Главного политического управления Армии Епишеву. В присутствии других военачальников ему устроена проработка. Чуйков настаивает: "Для наступления на Берлин было достаточно сил. Кто же нас задержал? Противник или командование? Два с половиной месяца передышки, которые мы дали противнику, помогли ему подготовиться к обороне Берлина". Начальник ГлавПУРа Епишев в ответ говорит: "Нельзя очернять нашу историю, иначе не на чем будет воспитывать молодежь".

В. И. Чуйков

Жуков в воспоминаниях, естественно, не упоминает о плане Берлинской операции, который разработан им к 10 февраля 1945 года и который будет реализован позже. Но Берлин, не взятый в феврале, будет взят в мае с гигантскими потерями. Бросок на Берлин будет сделан тогда, когда союзники подойдут к нему так же близко, как и советские войска.

В начале февраля 1945-го союзники еще далеко от Берлина. Начало февраля — это встреча Сталина, Черчилля и Рузвельта в Ялте. В Ялте согласовываются границы зон оккупации в Германии и Австрии. Восточная Германия вместе с Берлином, Померания и Восточная Пруссия отойдут под советский контроль. Но накануне Ялты Сталин решает подстраховаться в Восточной Пруссии. Он хочет, чтобы советские войска уже фактически были там к началу территориальных переговоров с союзниками. Сталин отрывает часть армий Рокоссовского, наступающих на запад в Померании, и разворачивает их почти на 180 градусов в направлении Восточной Пруссии. Оставшимся силам Рокоссовского Сталин приказывает двигаться дальше, на Берлин. Рокоссовский напишет в воспоминаниях: "На мой взгляд, можно было повременить с ликвидацией окруженной немецкой группировки в Пруссии и ускорить развязку на Берлинском направлении". То есть Рокоссовский считает: если бы не неожиданное решение Сталина, то наступление на Берлин в феврале 1945-го было делом реальным. Но Рокоссовский рассуждает как военный, а Сталин как политик: он столбит Восточную Пруссию. Ослабленному фронту Рокоссовского, раздвоенному Сталиным, уже трудно прикрывать Жукова с севера. Когда Жуков говорит, что чувствует немецкую угрозу

с севера, он говорит правду. Но он не указывает или не задумывается о том, от чего возникла эта угроза. А возникла она оттого, что Сталина в тот момент больше интересовала Ялта, чем Берлин.

Кроме того, в преддверии Ялтинской конференции Сталин решает излишне не пугать союзников, прежде всего Рузвельта, мощью Красной армии и потому в тот момент не торопится со взятием Берлина. Таким образом, по совокупности соображений Сталин отказывает Жукову в возможности броска на Берлин в феврале 1945-го и тем возлагает на душу Жукова тяжелый грех. В апреле, когда немцы укрепят оборону Берлина, штурм города потребует огромных жертв. И Жуков эти жертвы принесет.

7 марта 1945 года Сталин вызывает Жукова в Москву. Принимает его на даче. Рассказывает Жукову о Ялтинской конференции.

Жуков пишет: "Я понял, что он остался доволен ее результатами". Зоны оккупации Германии в принципе согласованы. Принято решение о получении репараций. Решен вопрос о границе Польши.

Ялтинская конференция. У. Черчилль, Ф. Рузвельт и И. Сталин

Согласованы условия, при которых Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников.

Жуков пишет: "Верховный сказал: "Идемте разомнемся немного, а то я что-то закис". Во всем его облике, в движениях и разговоре чувствовалась большая физическая усталость. За четырехлетний период войны Сталин основательно переутомился. Это не могло не отразиться на его нервной системе".

Через двадцать лет в частном разговоре с писательницей и военным переводчиком 1-го Белорусского фронта Еленой Ржевской Жуков скажет конкретней: "После войны он был болен. Сталин сам мне говорил: "Я даже своей тени боюсь"".

Маршал Жуков рассказывает Елене Ржевской: "Я как-то ехал со Сталиным. Стекла в машине вот такие, сантиметров десять. Впереди сел начальник личной охраны Сталина генерал Власик. Сталин указал мне, чтобы я сел на заднее сиденье". В машине три ряда сидений. Так и ехали: впереди Власик, за ним Сталин, за Сталиным — Жуков. Жуков потом спросил у Власика: "Почему он меня туда посадил? Власик ответил: "А это он всегда так. Если будут спереди стрелять — в меня попадут. А если сзади, то в вас". Таков Сталин.

А Жуков на своем месте, на фронте, бьет по лицу кожаными перчатками начальника штаба армии генерал-лейтенанта, а тот стоит перед ним навтыжку. Но тот же Жуков 4 декабря 1941 года, в самый критический момент войны, в телефонном разговоре скажет Сталину, что ему, Жукову, лучше знать, как поступать на фронте, а это в Кремле можно играть в оловянных солдатиков.

И в завершение разговора выпустит в Сталина обойму матерной брани и бросит трубку. И Сталин стерпит.

Г. К. Жуков и И. В. Сталин

И тот же Жуков накануне войны, будучи начальником Генштаба, весной и летом 1941-го вслед за Сталиным не желал реагировать на информацию о неотвратимости нападения на СССР.

Потом, через 20 лет после войны, Жуков в воспоминаниях напишет, что не стремится "снять с себя долю ответственности за

упущения того периода".

Встреча Сталина, Черчилля и Рузвельта в Ялте закончилась 11 февраля. 13 и 14 февраля союзники бомбят Дрезден. Была информация, что через Дрезден будут перебрасываться немецкие танковые части. Потом информация не подтвердилась. Американцы предлагают отказаться от бомбардировки. Англичане решение не отменяют. В Дрездене погибает 135 тысяч человек мирного населения. Это сравнимо с последствиями атомной бомбардировки Хиросимы, которая будет в том же 1945 году. Дрезден хрестоматийный пример уничтожения гражданского населения на территории Германии. Есть примеры не хрестоматийные. Как со стороны союзников, так и с нашей стороны. Американский писатель Джон Дос Пасос после войны вспоминает слова некоего майора армии США: "Многие нормальные американские семьи пришли бы в ужас, если бы они узнали, с какой полнейшей безучастностью ко всему человеческому "наши парни" вели себя здесь. И наша армия, и британская армия внесли свою роль в грабежи и изнасилования. Хотя эти преступления не являются характерными для наших войск, однако их процент достаточно велик, чтобы дать нашей армии зловещую репутацию, так что мы тоже можем считаться армией насильников".

В июле 1945-го в американском Сенате проходят слушания, разбирающие случаи насилия со стороны союзных войск на территории Германии. Вызываются свидетели по делу об изнасиловании 2000 немецких женщин в Штутгарте.

По официальным данным советской военной прокуратуры, в первые месяцы 1945 года за совершенные бесчинства по отношению к местному населению военными трибуналами осуждены 4148 советских офицеров и большое число рядовых Красной армии. Несколько показательных процессов завершаются вынесением смертных приговоров.

Война снесла "железный занавес", за которым долгие годы жили те люди, которые составляли в 1945-м Красную армию. Они выросли в убеждении, что в европейских странах голод, забастовки, безработица. Теперь, войдя в Европу, они увидели жизнь, уровень которой даже в военном 1945-м был несравненно выше довоенного в Советском Союзе.

Писатель Виктор Астафьев пишет: "Мамочки мои! В каждом хозяйстве бетонированные дворы, своя колонка, кафельные печи, все прибрано, чисто, скот справный". Белый хлеб такой, какого солдаты и в мирное время не видели. Солдаты не желают питаться на армейских полевых кухнях.

От свежего хлеба и от бекона просто сходят с ума. На жителей, у которых едят, орут: "У меня в колхозе баба с детьми с голода околевают, а вы тут белый хлеб жрете, буржуи проклятые?! Да зачем за вас кровь-то проливать, зачем вас освобождать-то? Это нас освобождать надо!" Слепое отчаяние вызывает грабеж и насилие. В русский язык входит слово "барахолить", подменяя собой военный термин "мародерствовать".

В агитации и пропаганде тема возмездия, мести — основная. Илья Эренбург пишет в статье "На Берлин": "Будем вешать". Насилуют женщин любого возраста.

Много случаев, когда офицеров, препятствующих насилию, солдаты убивают. Некоторые офицеры от беспомощности кончают жизнь самоубийством. Об этих случаях говорят на заседании Военного совета 1-го Белорусского фронта в присутствии Жукова.

Командир артиллерийской батареи капитан Александр Солженицын арестован в феврале 1945-го в Восточной Пруссии за критические высказывания в письмах по поводу полководческих способностей Сталина. Сидит в камере с тремя офицерами. Они рассказывают: "Выпили, вломились в баню, где были две девушки. Девушки успели ускакать. Но одна оказалась не чья-нибудь, а начальника контрразведки армии". "Да, — пишет Солженицын, — все мы хорошо знали: окажись девушки немки — их можно было изнасиловать, следом расстрелять, и это было бы почти боевое отличие".

Будущий писатель Лев Копелев, в 1945-м майор, арестован со следующей формулировкой: "Вы обвиняетесь в том, что в момент, когда наши войска вступили на территорию Германии, вы занялись спасением немцев, ослабляли моральный уровень наших войск, агитировали против мести и ненависти".

Лев Копелев пишет: "Я уверен, что негодяи, мародеры, насильники составляли ничтожное меньшинство, однако они произвели неизгладимое впечатление".

Несмотря на то что еще 19 января 1945 года Сталиным подписан приказ "О поведении на территории Германии", ситуация в февралемарте выходит из-под контроля.

Приказ о поведении в Германии подписан и командующим 1-м Украинским фронтом Коневым. В приказе приводятся вопиющие случаи насилия и мародерства. Танки забиты бараклом настолько, что в случае внезапности не в состоянии вести боевые действия. Пьяный танковый экипаж открывает огонь по своим, уничтожает четыре орудийных расчета. Офицеры разъезжают в старинных экипажах в форме, но в цилиндрах и с дамскими зонтиками. В приказе Конева — длинный список разжалованных и отправленных в штрафные роты.

Маршал Г. К. Жуков в Германии

Волна бесчинств не подчиняется приказам. В войсках 1-го Белорусского фронта распространяется листовка за подписью Жукова, в которой маршал лично призывает солдат не жечь дома, не насиловать немецких женщин, не портить оборудование заводов и фабрик. Жуков в листовке намеренно называет все это привычным и опасным словом "вредительство". "Солдаты, — говорит Жуков, — смотрите, чтобы из-за подола немецкой девки вы не просмотрели того, за чем послала вас Родина!"

В воспоминаниях Жуков об этом не написал ни слова, да и не мог написать, даже если хотел. Вопрос о публикации жуковских мемуаров решался на самом верху. Давление на четырежды Героя Советского Союза маршала Жукова сильнейшее. Его он не выдерживает. В книге воспоминаний, о которой Жуков говорил, что "она для него — вопрос жизни", появляется анекдотическая, но обязательная история о его

встрече с Брежневым в годы войны. Маршал Жуков, заместитель Верховного Главнокомандующего, якобы хочет посоветоваться с начальником политотдела 18-й армии полковником Леонидом Ильичом Брежневым и едет специально к нему, но не застаёт, потому что тот находится на Малой Земле, где идут тяжелейшие бои.

В 1973-м году, за год до своей смерти, у Жукова будет разговор с Брежневым. Жуков попросит Брежнева похоронить его в земле. Брежнев пообещает. Но обещания своего Брежнев не выполнит. Жукова сожгут.

В 1973-м при телефонном разговоре Жукова с Брежневым присутствовал Михаил Пилихин, человек, близкий Жукову в детстве и в старости, во время войны — его шофер.

Михаил Пилихин — двоюродный брат Жукова. Отец Михаила — дядя Жукова по линии матери — один из известнейших скорняков в дореволюционной Москве. Его мастерская была в Камергерском переулке рядом с Художественным театром. Его друзья — знаменитые Голованов и Нежданова. Они и отпевать его будут.

В своих воспоминаниях Жуков о семье дяди пишет чистую неправду. Пишет, что его дядя немилосердно обдирал богатых заказчиков. Что мастеров своих эксплуатировал беспощадно, что бил их сам и жена его била. Пишет, что нечеловечески они относились к малолетним. На самом деле дядя взял к себе Жукова из деревни на учение. Учил наравне с сыновьями, оставил у себя на работу. Он сделал из племянника отличного специалиста по меху, по дамским шубам, и тем самым к 1914 году обеспечил ему безбедную будущую жизнь. В мастерской 15-летнего Жукова называли Георгий Константинович. Двоюродный брат Жукова Михаил Пилихин простил ему клевету на своего отца. Говорил: "Такое время было. Поэтому он так и написал в автобиографии. Ему ведь надо было в партию вступить".

Наступление на Берлин начинается в ночь на 16 апреля. Жуков вспоминает: "Утром 16 апреля на всех участках фронта войска успешно продвигались вперед. Однако противник начал оказывать противодействие со стороны Зееловских высот".

В 15 часов 16 апреля Жуков позвонил Сталину и доложил о сопротивлении противника на Зееловских высотах. Сталин выслушал

спокойно, сказал: "Вечером позвоните, как у вас сложатся дела".

Вечером Жуков говорит Сталину: "Раньше завтрашнего вечера Зееловские высоты взять не удастся". Жуков вспоминает: "На этот раз Сталин говорил со мной не так спокойно, как днем". Сталин спрашивает: "Есть ли у вас уверенность, что завтра возьмете зееловский рубеж?" Жуков отвечает: "Завтра, 17 апреля, к исходу дня оборона будет прорвана". "До свидания", — сухо сказал Сталин и положил трубку.

Зееловские высоты взяты к утру 18 апреля. Больше об этом рубеже в опубликованных воспоминаниях Жукова нет ничего.

На Зееловских высотах первой по минному полю отправлена пехота. За пехотой — танки. Первый день не приносит успехов, несмотря на невероятное упорство и жертвенность солдат. Фронт Жукова не в состоянии взять рубеж на пути к Берлину, в то время как все внимание Сталина в этой точке. Сталин в ночном разговоре с Жуковым говорит: "Мы думаем приказать Коневу двинуть танковые армии на Берлин с юга". Сталин в этот момент думает о двух вещах. Первое: на окраинах германской столицы могут появиться американские части, а Берлин все еще не наш. И второе: столкнуть в битве за Берлин двух маршалов, Жукова и Конева, обострить до предела борьбу их честолюбий. И это Сталину удастся. Командующий 1-м Украинским фронтом Конев потом напишет: "Жуков не хотел и слышать, чтобы кто-либо, кроме войск 1-го Белорусского фронта, участвовал во взятии Берлина. Надо прямо сказать, что даже тогда, когда войска 1-го Украинского фронта вели бои в Берлине, это вызвало ярость Жукова".

На Зееловских высотах три дня подряд идут лобовые атаки. Здесь лежат 33 тысячи советских солдат. Вся Берлинская операция Жукова — это более 250 тысяч убитых. Среднесуточные потери в боях за Берлин самые высокие среди всех наступательных операций Второй мировой войны. Каждый день — 15 712 человек убитых. В битве под Москвой 10 910 убитых в день, под Сталинградом — 6392. В первую послевоенную неделю в России получают треть миллиона похоронков.

Войска Конева ворвались на южную окраину Берлина раньше, чем армия Жукова на восточную. Жуков в бешенстве. Когда подразделения 3-й танковой армии Рыбалко в составе Украинского

фронта подходят к Рейхстагу, Жуков по ВЧ кричит: "Зачем вы тут появились?"

28 апреля Сталин предписывает Коневу ограничить действия его армий югом и юго-западом Берлина. Центр города отдается Жукову. Рейхстаг берут войска 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта Рейхстаг возьмут 30 апреля. Бой за него будет с утра и до 22 часов 50 минут.

В ночь на 1 мая 1945 года окруженные в правительственном квартале Берлина немецкие войска оказывают последнее отчаянно упорное сопротивление. В 3:30 ночи линию фронта переходит начальник Генштаба сухопутных войск Германии генерал Кребс. Его доставляют на наблюдательный пункт Чуйкова. Кребс принимает Чуйкова за Жукова и сообщает ему от имени Геббельса и Бормана о том, что накануне, 30 апреля, в 3:30 дня Гитлер покончил с собой. Кребс сообщает, что Геббельс желал бы снестись с советским правительством. Он получает ответ, что возможна только безоговорочная капитуляция. После отказа Геббельса-Бормана безоговорочно капитулировать 1 мая в 18:30 начинается последний бой. Утром 2 мая берут рейхсканцелярию. Одним из первых врывается в здание боец Курков. Он с Урала. Любил рассказывать, что он гроза у себя в доме, а сам писал жене нежнейшие письма.

И она ему писала: "Добрый вечер, здравствуй, мой дорогой муж Николай Петрович. Шлю я тебе свой сердечный привет и желаю всего хорошего в Вашей жизни, а главное в Ваших боевых успехах. Целуем мы Вас 99 раз, еще бы раз, да далеко от Вас". Николай Курков с уральского прииска смертельно ранен в имперской канцелярии эсэсовцем из личной охраны Гитлера. Он погибает, когда над Рейхстагом уже водружен наш флаг.

В саду рейхсканцелярии майор Быстров, подполковник Клименко и майор Хазин обнаруживают полуобгоревшие трупы покончивших с собой Геббельса и его жены. Еще бы немного, и хлынувшая в рейхскацелярию лавина красноармейцев "растоптала бы их, не глянув под ноги, не заметив". Так рассказывает переводчица 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта Елена Ржевская. В те дни в бункере Гитлера она разбирается со множеством документов. Переписка Бормана. Личные бумаги Гитлера.

Труп Геббельса выносят на берлинскую улицу. Ключья обгоревшей нацистской формы. На шее желтый галстук. Елена Ржевская пишет: "Он больше всего мне запомнился, этот галстук — желтая шелковая петля на черной, обугленной шее, — прихваченный круглым металлическим значком со свастикой". Перед смертью Геббельсы уничтожили собственных шестерых детей. Мертвые дети лежали под одеялами в подzemелье рейхсканцелярии. Жуков был в подzemелье. На мертвых детей Геббельса смотреть категорически отказался.

Про труп Гитлера пока ничего неизвестно.

Двадцать лет спустя, 1 ноября 1965 года, писательнице, а в прошлом военной переводчице Елене Ржевской позвонил Жуков. Он так и сказал: "Это Жуков говорит". И попросил ее о встрече.

На следующий день она приехала к нему на дачу. Жуков в штатском костюме. В клетку. В рубашке без галстука. Это непривычно. Жуков сросся в нашем представлении с военной формой. На даче он с тещей и дочкой Машей. Дочке 8 лет. Жукову — 69.

После славы победителя в 1945-м в 1946-м он отправлен в Одесский военный округ. Потом, в 1948-м, еще глубже — в Уральский военный округ. После Сталина Жуков — министр обороны. Но в 1957-м уже Хрущевым снят с поста и отстранен от всякой государственной и общественной деятельности. В 1965-м, уже при Брежневе, он появляется в президиуме торжественного заседания в честь 20-летия Победы. Зал восторженно приветствует Жукова.

Настолько восторженно, что на ноябрьский парад Брежнев Жукова не приглашает. У Жукова — инфаркт. Елена Ржевская встречается с ним за шесть дней до инфаркта. Жуков говорит: "Я пишу воспоминания. И сейчас как раз дошел до Берлина. Вот и захотел с вами повидаться. Я не знал, что Гитлер в мае 1945-го был обнаружен. Но я прочитал об этом в вашей книге и поверил".

В книге, которую прочитал маршал Жуков, Елена Ржевская рассказывает о том, кем и как в дни падения Берлина был обнаружен труп покончившего с собой Гитлера и как проводилось его опознание. Елена Ржевская принимала в этом участие как военный переводчик.

Маршал Жуков повторяет: "Я не знал, что Гитлер был обнаружен. И на пресс-конференции в мае 1945-го я сказал, что о Гитлере ничего

неизвестно. Но сейчас я должен решить, как мне об этом написать в воспоминаниях".

Помолчав, маршал Жуков, командовавший войсками, штурмовавшими Берлин в 1945-м, заместитель Верховного Главнокомандующего, спрашивает у бывшей переводчицы: "Как это могло случиться, что я этого не знал?"

Жуков вспоминает ночь 1 мая 1945 года: "Я доложил Сталину, получено сообщение о самоубийстве Гитлера. Спросил его указаний. Сталин ответил: "Доигрался, подлец. Где труп Гитлера?" До имеющейся информации труп Гитлера сожжен на костре", — ответил Жуков. "Если ничего не будет чрезвычайного, — сказал Сталин, — не звоните до утра. Хочу немного отдохнуть. Сегодня у нас Первомайский парад"". Больше о Гитлере ни слова.

В это время в Берлине по поручению Сталина идет поиск трупа Гитлера. Возглавляет эту работу полковник Горбушин. С 1 по 4 мая разыскивают и находят свидетелей из личной охраны Гитлера Один из них, Гарри Менгерхаузен, очевидец сжигания трупов Гитлера и Евы Браун. Его допрашивают в одном из дворов. Он прямо на земле чертит план сада рейхсканцелярии, где погребены трупы. Их находят и извлекают. 8 мая в советской печати появляется сообщение, что Гитлер где-то скрывается. В тот же день полковник Горбушин вызывает к себе переводчицу Елену Ржевскую. Он протягивает ей темно-бордовую коробочку и говорит, что в ней зубы Гитлера и что она отвечает головой за их сохранность.

Здесь же, в штабе, телеграфистка Рая примеряет белое вечернее платье Евы Браун, которое привез ей влюбленный в нее старший лейтенант Курашов. Платье длинное, с глубоким декольте. Рае оно не нравится. Как историческая ценность оно ее не интересует.

В тот же день, 8 мая, ближе к полуночи по берлинскому времени и уже 9 мая по московскому времени по радио объявляет о подписании акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Акт о капитуляции подписывают в столовой военно-инженерной школы в Карлсхорсте. С советской стороны капитуляцию принимает Жуков. Когда генерал-фельдмаршал Кейтель ставит свою подпись на документе, за его спиной стоит заместитель Берии — Серов. После завершения процедуры подписания наши вместе с союзниками гулять будут до утра. Жуков будет плясать.

Идентифицировать зубы Гитлера помогла ассистентка гитлеровского стоматолога Кете Хойзерман. Кабинет стоматолога был в центре Берлина, на Курфюрстендам, № 213. Во время войны Кете Хойзерман вместе с сестрой помогала скрываться врачам-евреям. В конце апреля она отказалась от предложения покинуть на самолете Берлин. Теперь в разрушенном здании рейхсканцелярии она нашла рентгеновские снимки зубов Гитлера. Опознание останков Гитлера состоялось. Все, кто выполняет задание по розыску и опознанию останков Гитлера, убеждены, что всякая неясность насчет его смерти вредна, так как будет будоражить население страны, которое столько лет истерически верило ему. Но главное, советский народ вправе узнать, что в войне поставлена последняя точка. Советский народ кровью завоевал это право. У Сталина другое мнение на этот счет. Он еще не знает, как распорядиться имеющейся информацией, какое применение найти труп Гитлера, но уже по привычке на всякий случай делает информацию совершенно секретной. Он будет лелеять труп Гитлера, искать ему применение. А ответственности перед народом-победителем и перед всем миром Сталин не ощущает.

Подписание акта о безоговорочной капитуляции

Вещественные доказательства, то есть челюсть Гитлера, а также немцы, помогавшие в опознании, высылаются в Москву.

В середине июля 1945 года Сталин спрашивает у Жукова: "Где же Гитлер?"

Двадцать лет спустя маршал Жуков задается вопросом: "Но ведь он же спрашивал меня: где же Гитлер? Зачем?" Жуков говорит: "Если это шло по линии НКВД так ведь Берия был при нашем разговоре со

Сталиным. Но Берия молчал". Маршал Жуков искренне полагает, что раз Берия молчал, то он был не в курсе. Между тем известно, что Берия был в курсе. Жуков говорит: "И Серов ведь был в Берлине. Он и сейчас живет со мной в одном доме на Грановского. Я его спрашивал. Он не знает". Генерал Серов, в мае 1945-го заместитель Берии, тоже был в курсе.

В 1965-м Жуков говорит: "Не может быть, чтобы Сталин знал. Я был очень близок со Сталиным". Жукову хочется, чтобы Сталин тоже не знал. Но то, что рассказывает ему Елена Ржевская, заставляет Жукова верить ей. Подтверждением этому — строки на странице 272 в III томе 10-го, наиболее полного издания жуковских воспоминаний: "О том, как велось расследование, с исчерпывающей полнотой описано Еленой Ржевской в книге "Конец Гитлера — без мифа и детектива". Я убедился, что для сомнений в самоубийстве Гитлера оснований нет".

4 мая 1945 года начинается антифашистское восстание в Праге. К Праге в это время подтянуты эсэсовские дивизии. Восставшая Прага не в состоянии длительное время сопротивляться немецким войскам. В 40 километрах к юго-западу от столицы Чехословакии стоит 1-я дивизия, входящая в состав армии Андрея Власова. Власов — советский генерал, любимец Сталина, участник битвы за Москву, чья армия в 1942-м попадает в окружение на Волховском фронте. Оказавшись в плену, генерал Власов идет на сотрудничество с немцами. В Европе власовцы известны своими действиями против югославских партизан. В 1944-м они активно участвуют в кровавом подавлении антифашистского восстания в Варшаве.

5 мая 1945-го в 1-ю дивизию, находящуюся вблизи восставшей Праги, прибывают чешские офицеры с просьбой о помощи. Здоровая ненависть к фашизму неожиданно прорывается в людях, три года шедших вслед за Власовым. Они идут в Прагу и освобождают город вместе с восставшими. Многие в Праге погибают. 7 мая 1-я дивизия покидает Прагу, в которую по советско-американской договоренности входят советские войска. Сам Власов — категорический противник оказания помощи антифашистскому пражскому восстанию. На последнем совещании, перед тем как дивизия двинется в Прагу, Власов произносит: "Если мои указания не являются для вас

обязательными — мне здесь делать нечего!" С частями его армии, освобождавшими Прагу, Власова не было.

На 24 июня 1945 года назначен Парад Победы. За несколько дней до этого Сталин вызывает Жукова и спрашивает, не разучился ли он ездить верхом. "Нет, не разучился?" — отвечает Жуков. "Вот что, вам придется принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский", — говорит Сталин. Жуков благодарит за честь и спрашивает, не лучше ли принимать парад Сталину, Верховному Главнокомандующему. Сталин отвечает: "Я уже стар принимать парады. Принимайте вы, вы моложе".

Маршал Г. К. Жуков. Парад Победы

В полном варианте воспоминаний у Жукова есть продолжение. На Центральном аэродроме, где шла подготовка к параду, Жуков встречает сына Сталина, Василия. Он говорит Жукову: "Отец сам готовился принимать Парад Победы. Но случился казус. Третьего дня во время езды конь понес отца по манежу. Отец ухватился за гриву, но не сумел удержаться и упал. Когда встал, плюнул и сказал: "Пусть принимает парад Жуков"".

24 июня 1945 года на десятый удар часов Спасской башни под гром аплодисментов и "Славься" Глинки Жуков на белом коне выехал на Красную площадь. От маршалов до рядовых, весь цвет армии, те, кто выжил, замерев, стояли перед ним. Потом Жуков поднялся на Мавзолей и встал рядом со Сталиным. Шел проливной дождь. Жуков хотел смахнуть с козырька фуражки воду, но взглянул на Сталина и не посмел. Сталин не двигался и дождь струями стекал с его козырька.

День Победы отметят еще два раза. В конце 1947-го Сталин его отменит.

День Победы как всенародный праздник вернется только в 1965 году, через двадцать лет после окончания войны.

1946 год

Анна Ахматова

Сорок шестой год. Мы — победители. Страна выиграла войну. Война была страшнейшая, и именно поэтому все ждут невероятных перемен к лучшему.

Надо сказать, иллюзии по поводу послевоенной жизни проявились еще в самом начале войны. Разговоры о будущем начинаются еще в поездах, идущих в эвакуацию. Советские писатели, лояльные власти, в поездах, идущих на восток, становятся так откровенны, что пугают едущих с ними родственников. Из сообщений НКВД:

"Иосиф Уткин, поэт, говорит: "У нас такой же страшный режим, как и в Германии. Все и вся задавлено. Мы должны победить немецкий фашизм, а потом победить самих себя"

Федин, писатель: "Теперь должна наступить новая эпоха, когда народ больше не будет голодать, не будет все с себя снимать, чтобы благоденствовала какая-то кучка большевиков. Я боюсь, что после войны вся наша советская литература будет просто зачеркнута. Нас отучили мыслить".

Погодин, драматург: "Так дальше не может быть, так больше нельзя жить, так мы не выживем".

Даже Алексей Толстой говорит: "Народ, вернувшись с войны, ничего не будет бояться".

А. А. Ахматова

"Нас ждут необыкновенные дни, — в эвакуации в Ташкенте повторяет Анна Ахматова. — Вот увидите, будем писать то, что считаем необходимым. Возможно, через пару лет меня назначат редактором ленинградской "Звезды". Я не откажусь!"

Анну Андреевну Ахматову в обслуживании власти заподозрить нельзя. Она стоит особняком. Поэтому ее иллюзии особенно горестны. Ее предсказание сбудется лишь в одном: имя Ахматовой в советской истории действительно окажется туго завязанным с ленинградским журналом "Звезда". И произойдет это, как она и сказала, через пару лет. В 1946 году.

Существует составленный самой Ахматовой список ее публичных выступлений. Их тридцать одно за всю ее жизнь. Двенадцать из них приходится на первое полугодие 1946 года. Ее выступления проходят в Ленинграде и в Москве. Проходят триумфально. 3 апреля 1946-го — знаменитый вечер московских и ленинградских поэтов в Колонном зале Дома Союзов. Из воспоминаний историка театра Виленкина: "Какое же это было торжество! Сколько здесь собралось в этот вечер военной и студенческой молодежи, как забиты были все входы в зал, как ломились хоры и ложи от наплыва этой толпы юношей и девушек с горящими глазами. Каким единством дышал зал, вымаливая у Ахматовой еще, еще и еще стихи". Из воспоминаний Любимовой, знакомой Ахматовой: "Когда она стала читать, все в зале встали и так и слушали ее стоя".

Из воспоминаний Оренбурга, у которого Ахматова была два дня спустя: "Когда я упомянул о вечере, она покачала головой: "Я этого не люблю. А главное, у нас этого не любят"". Но в те же апрельские дни Ахматова выступает в Московском университете, в Доме актера, в Центральном офицерском доме летчиков. Она шесть сеансов позирует художнику Сарьяну.

На войне все мечтали выжить и поглядеть, какой будет жизнь. До войны государство долгие годы подавляло человеческую личность. К войне страна была катастрофически не готова. Именно поэтому война предъявила невероятно высокие требования к каждому. Война проявила личность и позволила каждому ощутить себя гражданином.

Писатель Вячеслав Кондратьев устами своего героя потом скажет: "На войне я был до необходимости необходим. Там такое чувство было, словно ты один в своих руках судьбу России держишь".

Кроме того, война дала людям массу информации. Прежде всего об их собственной стране. На фронте встретились люди из разных социальных слоев, которые в мирной жизни не пересекались. Многие горожане впервые на фронте от крестьян узнали правду о голоде в деревне, о том, что из себя на самом деле представляет колхозная жизнь. Вместе с мобилизованными заключенными пришла информация из лагерей. Привычное для сталинских предвоенных лет массовое недоверие было и на фронте, и все-таки, как свидетельствуют фронтовики, разговоры велись достаточно откровенные. Когда армия перешагнула границу СССР, вошла в Европу, миллионы людей без подготовки столкнулись с иной, вообще неведомой им жизненной культурой. Это был психологический шок. Советские люди получили неожиданную возможность сравнивать. Но для переживания и осмысления полученного на войне опыта не будет ни времени, ни сил. Послевоенная жизнь — это новая борьба за выживание. Это на фронте казалось, что после последнего выстрела наступит счастье.

Фронтовики ищут работу, но часто не находят ее по своей довоенной специальности. Те, кто ушел на фронт со школьной скамьи, кроме войны, вообще ничего не знают. С жильем совсем плохо. Наваливаются болезни. В Советской армии — единственной из всех участвовавших в войне — отпуска военнослужащим не давали. Только по ранению. Крайнее физическое и психическое истощение дает о себе знать сразу после войны.

После войны — два миллиона инвалидов. Руководители предприятий и учреждений, как правило, отказывают им в приеме на работу. На пенсию, положенную фронтовику-инвалиду, прожить невозможно. Они, спасшие Родину, нищенствуют на вокзалах, на базарах, у церквей.

Общение между фронтовиками, связанными теперь еще и послевоенными проблемами, в 1946-м — это вопрос жизненной необходимости. На этот самый сложный социальный вопрос найден простой ответ. Это "Голубой Дунай". Такое народное название получают открытые после войны убогие пивные и закусовые, где фронтовики собираются вечерами, где они могут выговориться, где

они просто находятся среди своих, где у всех общее прошлое. "Голубой Дунай" — последнее прибежище той особой свободы, которую люди ощутили на фронте.

Из дневника писателя Эммануила Казакевича: "Я зашел в пивную. Два инвалида и слесарь-водопроводчик пили пиво и вспоминали войну. Один плакал, потом сказал: "Если будет война, я опять пойду"". Про этих людей, про миллионы таких людей, пришедших в тяжелую, нищую, послевоенную жизнь, большой писатель-фронтовик Виктор Астафьев скажет: " На исходе лет вдруг обнаруживаешь: что и было в твоей жизни, чем можно гордиться, о чем печалиться, это она — война".

Для другой части людей, прошедших фронт, жизнь не будет исчерпана войной. Это те, кому повезет с работой, кто сумеет психологически восстановиться и найдет себя в новой жизни. И главное, это те, кто после фронта, прямо в гимнастерках, придут в институты и университеты и начнут учиться. Две половины фронтового поколения впоследствии будут плохо понимать друг друга.

Но в 1946-м власть боится самостоятельного сплочения людей, вышедших из войны. Власть запрещает даже официальные общественные организации ветеранов. Запрещает сразу после победы. В мае 1945-го председатель Совинформбюро Лозинский обратился к Молотову с предложением создать для ветеранов войны Совет маршалов и Общество Героев Советского Союза. Предложение отвергнуто.

Страх власти перед угрозой нового декабризма необыкновенно велик. Декабрьское восстание в России в 1825 году — следствие освободительного похода в Европу в финале войны против Наполеона. В 1945, в 1946 годах победителей в войне с фашизмом, вернувшихся из Европы, необходимо рассеять, смешать их с общей массой. На самом деле о декабризме и речи нет. "Мы не могли даже представить себе какой-либо другой системы", — говорит писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев.

Писатель-фронтовик Виктор Некрасов пишет: "Увы, мы простили Сталину все! Коллективизацию, тридцать седьмые годы, дни военных поражений". Кадровый офицер и будущий диссидент Петр Григоренко говорит: "Сомнения, стучавшиеся в душу накануне войны, исчезли. Сталин был снова для меня "великий непогрешимый вождь" и

"гениальный полководец". Таково обаяние победы, что эту чушь принимаешь за откровение. Меня не могло смутить ничто".

1945 и 1946 годы — это пик популярности Сталина. Из воспоминаний военного корреспондента Александра Авдеенко. Он пришел на парад Победы с маленьким сыном. Он берет сына на руки. Тот видит Сталина. В тот день шел дождь. Мальчик спрашивает: "А Сталин не промокнет?" — "Нет, закаленная сталь не боится дождя". — "Папа, а почему Сталин не приказал Богу сделать нам хорошую погоду?"

Война — необыкновенно сильное массовое переживание. Война была так страшна, что исказила память о том, что было до нее. Если бы после всех безвозвратных потерь у людей спросили бы — как вы хотите жить после войны, они бы честно ответили — как до войны. Война оставила в памяти людей только хорошее, что было в довоенной жизни. А все остальное стерла. Такой вот подарок война сделала Сталину.

Поэтесса Маргарита Алигер пишет: "Весной 1946-го Ахматова была бодра и спокойна. У нее просили стихи, печатали их, платили деньги. "Да, да, деньги, — говорила Анна Андреевна. — Это хорошо, что деньги. Они ведь так нужны людям". Деньги ей нужны были, чтобы раздавать нуждающимся знакомым".

Ахматова знает цену отсутствия денег. Ее не печатали шестнадцать лет подряд. С 1924-го по 1940-й. В 1924-м на Невском она встретит партийную советскую писательницу Мариэтту Шагинян, которая скажет: "Вот вы какая важная особа. О вас было постановление ЦК: не арестовывать, но и не печатать".

До запрета на публикацию Ахматова в присущей ей манере говорила, что не любит видеть в печати свои стихи: это все равно, как забыть "на столе чулок или бюстгальтер". Но стихи — это и единственный доступный поэту вид заработка. Его у Ахматовой власть отбирает.

Из дневников писателя Константина Федина: "19 августа 1929 года. Был у Ахматовой. В ней что-то детски жалкое, очень несчастное и неприступное в то же время".

К этому времени крайняя бедность Ахматовой уже бросалась в глаза. В любую погоду она в старой шляпе и легком пальто. Только

когда умерла ее приятельница, Ахматова получила завещанную ей старую шубу, в которой и ходила до самой войны.

От прежнего внешнего облика одной из ярчайших звезд русской поэзии Серебряного века — одна знаменитая челка и худоба. Она и в старой, ушедшей, жизни хвасталась: "В мою околоключичную ямку вливали полный бокал шампанского". А Осип Мандельштам до революции шутил: "Ваша шея создана для гильотины".

В 1929-м Константин Федин, глава Издательства писателей в Ленинграде, предпринимает отчаянную попытку издать двухтомник Ахматовой.

Федин полтора часа говорит с главным цензором Лебедевым-Полянским. Федин в дневнике напишет: "Нельзя назначать на цензорское место людей, которым место в приюте для идиотов". Стихи Ахматовой света не видят, публикации не подлежат.

С таким прошлым весна 1946 года кажется фантастической. Кажется, что война действительно что-то изменила в советской жизни. 8 марта в "Ленинградской правде" под рубрикой "Знатные женщины нашей страны" опубликована фотография Ахматовой.

В марте 1946-го подписана к печати ее книга "Стихотворения Анны Ахматовой. 1909–1945 годы". Тираж — 10 тысяч экземпляров. Ахматова уже держит в руках сигнальный экземпляр. Его привозит в Фонтанный дом посыльный из Гослитиздата. Вместе с посыльным приезжает корреспондент газеты "Вечерний Ленинград", который берет у Ахматовой интервью.

В 1946-м, кроме неожиданно удачной литературной жизни, у Ахматовой и в личной жизни счастье. Ее личная жизнь в 1946 году вся в ее сыне. Он вернулся с фронта и теперь с нею. Ее сын — это и сын расстрелянного в 1921 году поэта Николая Гумилева.

Она познакомилась с гимназистом Николаем Гумилевым в пятнадцать лет в сочельник в Царском Селе. Гумилев пять раз делал ей предложение, дважды из-за нее пытался покончить с собой. Соглашаясь выйти за него замуж, Ахматова сказала ему: "Не люблю, но считаю вас выдающимся человеком".

Л. Н. Гумилев

Они поехали в свадебное путешествие в Париж. Она была очень красива. На ней белое платье и широкополая соломенная шляпа с большим белым страусовым пером.

Это перо романтик и искатель приключений Гумилев привез из Абиссинии. Весна 1910 года. На Монпарнасе в богемном кафе "Ротонда" Ахматова знакомится с Амедео Модильяни. Или он с ней. Гумилев смотрит на них с отчаяньем. Он знает, что она сделает, как ей захочется. В 1910 году Ахматова и Модильяни встречаются несколько раз, зимой он пишет ей письма. В 1911-м они встречаются в Париже снова. Сидят в Люксембургском саду. Не на платных стульях, как принято, а на скамейке. Он беден и не признан. Ахматова пишет: "Он водил меня смотреть старый Париж за Пантеоном ночью при луне. Это он показал мне настоящий Париж". Она приходила к нему в мастерскую с алыми розами. Если его не было, бросала цветы в окно. Модильяни рисовал Ахматову. Рисунки дарил ей. Она говорит: "Они погибли в царскосельском доме в первые годы революции". Уцелел один. Модильяни умрет на год раньше, чем расстреляют Гумилева.

Амедео Модильяни

О Гумилеве Ахматова будет вспоминать охотно, хотя постоянное семейное житье было непосильно для двух поэтов от Бога.

На чьи-то похвалы в адрес стихов Ахматовой Гумилев говорил: "Вам нравится? Очень рад. Моя жена и по канве прелестно вышивает". "Каждый талантливый человек должен быть эгоистом, — говорит Ахматова. — Исключения я не знаю. Талант должен как-то ограждать себя". При этом она со словами "Николай, нам надо объясниться" безудержно ревнует, а он намеренно откровенен. Ахматова будет вспоминать: "Спрашиваю, куда идешь? — На свидание к женщине. — Вернешься поздно? — Может быть, и не вернусь. — Перестала спрашивать".

"А она так хороша. Идет в черном котиковом пальто, тонкая, высокая, с гордым поворотом маленькой головки. Нос с горбинкой, темные волосы на лбу пострижены короткой челкой, на затылке подхвачены высоким испанским гребнем. Глаза суровые". Такая она, по воспоминаниям, в 1915 году, когда ходила навещать георгиевского кавалера Гумилева в госпитале.

Тогда их брак уже не существует. Даже сын их не сблизил.

Гумилев говорит: "Мы из-за него ссорились. Левушку — ему было года четыре — Мандельштам научил идиотской фразе: "Мой папа — поэт, а моя мама истеричка". И Левушка однажды, когда в Царском Селе собралась поэтическая компания, вошел в гостиную и звонко прокричал заученную фразу. Я рассердился, а Анна Андреевна пришла в восторг и стала его целовать: "Умница, Левушка. Ты прав. Твоя мама — истеричка"".

Тогда она не знала и не могла знать, какой век придет на смену Серебряному.

Анна Ахматова

Сына Ахматовой заберет к себе мать Гумилева.

До 1929 года он проживет в глуши, вблизи бывшего гумилевского имения в Тверской губернии. Лев Гумилев приедет в Ленинград через восемь лет после расстрела отца. Ахматова все это время в Ленинграде. Три года прожила в общежитии для ученых во флигеле Мраморного дворца. Она замужем за Владимиром Шилейко, фантастическим ученым, знатоком 52 языков, специалистом по древней Ассирии. Шилейко — приятель Гумилева.

Гумилев говорит: "Я плохой муж. Но Шилейко катастрофа, а не муж".

В 1919 году Ахматова в разваливающихся ботах еле тащит на плече мешок с картошкой. Останавливается отдышаться. Какая-то женщина подает ей милостыню: "Прими, Христа ради!"

Ахматова продавала ржавую селедку, которую выдавали на прокорм писателям. Ее видел поэт Владислав Ходасевич. На деньги от селедки покупала чай и курево, без которых не мог Шилейко.

Про себя говорила: "Скоро встану на четвереньки или с ног свалюсь".

В 1921-м, весной, она пришла в издательство "Всемирная литература", чтобы получить членский билет Союза поэтов. Председатель Союза поэтов Гумилев. Он занят. Он разговаривает с Блоком. Когда освободится, попросит извинения у Ахматовой за ожидание.

Она ответит: "Ничего, я привыкла ждать". "Меня?" — удивится Гумилев. — "Нет, в очередях".

Гумилев спросит, почему она редко выступает. Она скажет правду Шилейко запрещает. Гумилев не поверит: он убежден, что Ахматовой никто ничего запретить не может.

Об аресте Гумилева она узнает на похоронах Блока. А от Шилейко она уже к тому времени уйдет. Шилейко чрезвычайно ревнив. Ревновал ее и к мужчинам, и к стихам. Рукописью сборника "Подорожник" разжигал самовар, запрещал читать стихи на публике, писать стихи запрещал. Об этом ее стихи, посвященные ему. В конце жизни будет вспоминать о браке с Шилейко почти весело и с признательностью. Ахматова ушла от Шилейко к молодому композитору Артуру Лурье.

Лурье щеголяет близостью с Ахматовой. Живут они на Фонтанке втроем с Ольгой Судейкиной, знаменитой танцовщицей, актрисой, художницей.

Л. Гумилев, А. А. Ахматова и А. И. Гумилева (мать Н. С. Гумилева)

В 1922-м Лурье бросит свою должность замзавотделом Наркомпроса и уедет на пароходе за границу. Будет умолять Ахматову приехать к нему. "Приеду. Приеду, — отвечает она, — следующим пароходом". Ахматова говорила, что Лурье дал название ее пятой книге, которого она все не могла найти. Они шли по улице, на фронтоне одного из домов было высечено: "ANNO DOMINI". Лурье сказал: Вот название. Сборник стихов Ахматовой так и будет озаглавлен.

Первое стихотворение в нем — "Петроград. 1919". В нем строки: "Никто нам не хотел помочь/ За то, что мы остались дома".

Пастернак видел Ахматову, когда она провожала Лурье на причале. В это время из России еще приоткрыто окно в Европу. Ахматова никуда не уехала.

Существует письмо Марины Цветаевой Анне Ахматовой от ноября 1926 года из Франции: "Пишу Вам по радостному поводу Вашего приезда. Хочу знать, одна ли Вы едете или с семьей (мать, сын). Но как бы Вы ни ехали, езжайте смело. Напишите мне тотчас: когда — одна или с семьей — решение или мечта".

Про себя, про свой отъезд мечты у Ахматовой точно не было. Решение также не пришло.

Сына она никуда не отправила. В 1929 году ее сын, Лев Гумилев, приезжает из провинции в Ленинград, в квартиру в Фонтанном доме, где живет Ахматова со своим мужем искусствоведом Пуниным. Хотя это не совсем точно, потому что в этой квартире живет вся большая бывшая семья Пунина.

Семья Пунина — это его бывшая жена Анна Евгеньевна Аренс, дочка Ирина, мачеха Пунина Елизавета Антоновна, домработница Аннушка с сыном Женей. Кроме того, Анна Евгеньевна со временем берет к себе своего отца Евгения Ивановича Аренса. Время от времени здесь же проживает брат Пунина Александр с женой и дочерью. С 1935 года здесь же живет племянник Анны Евгеньевны Игорь. Когда дочка Пунина выйдет замуж, ее муж также поселится в этой квартире. Здесь же родится их дочка. В некоторые годы в квартире проживает еще и сестра Анны Евгеньевны Зоя Евгеньевна с дочерью, а также оставшаяся без крова вдова художника Львова Августа Ивановна с дочкой Ириной и внуком Алешей.

В начале 30-х сын домработницы Аннушки Женя женится и приведет сюда жену Татьяну Ивановну. Она первым делом отправляет свою свекровь в богадельню. Скоро у них родятся сыновья, Валя и Вова. Татьяна Ивановна считает себя правящим классом и занимает бывшую столовую. Вот в этой компании и живет Ахматова и ее сын. Татьяна Ивановна часто становится перед Анной Андреевной руки в боки и говорит; "А я на тебя в Большой дом донесу". Большой дом — это Ленинградское управление НКВД.

Лева Гумилев. 1926 год

Денег в пунинской семье катастрофически не хватает. Ахматову не печатают, и она вынужденно живет на иждивении Лунина и его бывшей жены. У Ахматовой только случайные заработки. Переводит письма Рубенса. Становится профессиональным исследователем Пушкина.

В 1930 году обращается с просьбой о пенсии. Под пенсией следует понимать условное денежное пособие.

Лунин плохо переносит безденежье. Становится болезненно скуп.

Он кричит в коридоре: "Слишком много людей у нас обедает". Ахматова вспомнит: "За столом Лунин как-то произнес такую фразу: "Масло только для Иры". То есть для его дочери. Это было при моем Левушке. Мальчик не знал, куда глаза девать".

После окончания школы сына Ахматовой и Гумилева в университет не принимают. Он нанимается рабочим в научную экспедицию. Потом, уже из рабочих, принят на исторический факультет. Из воспоминаний доброй знакомой Ахматовой Эммы Герштейн о Леве Гумилеве 1935 года: "Он стоял в коридоре в невозможном пиджаке и в брюках с огромными заплатами на коленях. Отрастил усы — татарские, тонкие, спускающиеся по углам рта. Он любит препираться в трамваях, чтобы последнее слово оставалось за ним. В своей мятой фуражке он выглядел бывшим офицером. Его ненавидели, но боялись из-за его дерзости".

В конце октября 1935-го Ахматова приезжает в Москву к Эмме Герштейн.

Анна Андреевна сидит на маленьком диване, со своим потрепанным чемоданчиком, говорит: "Их арестовали. Николашу и Леву".

Ее муж Николай Пунин и сын Лев Гумилев арестованы в Фонтанном доме 22 октября 1935 года.

Эмма Герштейн продолжает: "Она переночевала у меня. Я смотрела на ее тяжелый сон. У нее запали глаза и возле переносицы появились треугольники. Больше они не проходили. Она изменилась на моих глазах".

Наутро вышли, сели в такси. Водитель спрашивает, куда ехать. Ахматова не слышит. Наконец она говорит: "К Сейфуллиной, конечно". Лидия Сейфуллина — советская писательница. На вопрос, какой адрес, Ахматова неожиданно кричит: "Неужели вы не знаете, где живет Сейфуллина?" До этого, наверное, никто никогда не слышал, чтобы Ахматова кричала. Кое-как поняли, куда ехать. Всю дорогу Ахматова вскрикивает: "Коля, Коля. Кровь". Она была в бреду. Через много лет Ахматова прочитает: "За ландышевый май/ В моей Москве кровавой/ Отдам я звездных стай/ Сияние и славу".

Н. Н. Лунин

Из этого стихотворения опубликовано одно четверостишие. Вместо "В моей Москве кровавой", в публикации — "В моей Москве столбавой". Ахматова сочиняла это стихотворение в такси, когда ехала к Сейфуллиной. Лидия Сейфуллина в 1935 году имеет контакты в партийных верхах. Анна Андреевна пишет письмо Сталину. Пастернак также пишет Сталину в поддержку Ахматовой. Писатель Борис Пильняк везет Ахматову к комендатуре Кремля. Уже известно, кто

передает письмо Сталину. И чудо! Через несколько дней Николай Пунин и Лев Гумилев освобождены. Все поздравляют Ахматову с "царской милостью". А вскоре Ахматову снимают с нищенской пенсии, которую она некоторое время получала. В марте 1938-го ее сын вновь арестован.

Ахматова опять пишет Сталину. На этот раз письмо до адресата не доходит. Лев Гумилев к матери беспощаден. Он пишет ей: "Все на меня плюют, как с высокой башни".

Лев Гумилев не в состоянии выдержать избиений на допросах. После физических издевательств он говорит на допросе: "Мать неоднократно говорила мне, что если я хочу быть ее сыном до конца, я должен быть прежде всего сыном своего отца". То есть Лев Гумилев под пытками говорит, что это мать призывала его к открытой борьбе против режима.

Ахматова как заведенная ходит с передачей в тюрьму. "Я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде, — потом напишет она. — Как-то раз кто-то "опознал" меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом): "А это вы можете описать?" И Анна Андреевна сказала. "Могу".

Это слова из предисловия к "Реквиему".

Ахматовский "Реквием" — одно из мощнейших явлений русской гражданской лирики. И просто материнское проклятие сталинизму.

"Реквием" станет известен в начале 60-х, хотя опубликован в СССР не будет. "Реквием" попадет в самиздатовскую литературу, а не в ограниченно процеженно-разрешенную антисталинскую. У Ахматовой особая ненависть к Сталину. Ее ненависть всегда смешана с презрением. В 1962-м Ахматовой принесут еще в машинописном варианте "Один день Ивана Денисовича" Солженицына. Она будет говорить: "Нравится, не нравится — не те слова: это должны прочитать 200 миллионов". Она познакомится с Солженицыным. Она ему скажет: "Вы через короткое время станете всемирно известным. Это — тяжело. Я не один раз просыпалась утром знаменитой и знаю это".

Лев Гумилев. 30-е годы

В начале 60-х, при Хрущеве, сталинские репрессии официально обозначались нейтральной формулой "культ личности". Неофициально, разговорно, назывались "37-й год". Ахматова время сталинского правления характеризовала четко — террор.

Ахматова скажет: "Достоевский думал, что если убьешь человека, то станешь Раскольниковым. А мы сейчас знаем, что можно убить пятьдесят, сто человек — и вечером пойти в театр".

Сталинский режим ведет себя крайне изощренно. Приговор сыну Ахматовой Льву Гумилеву вынесен в августе 1939-го. А в сентябре Ахматовой неожиданно разрешено написать заявление с просьбой о приеме в Союз писателей. И ее принимают. В мае 1940-го после шестнадцатилетнего запрета выходит ахматовский сборник "Из шести книг". Начинаются разговоры, что сына Ахматовой скоро освободят. По одной из легенд, дочь Сталина Светлана любила Ахматову. На заседании секции литературы Комитета по Сталинским премиям Алексей Толстой предлагает выдвинуть книгу Ахматовой на Сталинскую премию. Предложение поддержано членами секции.

Однако вместо премии появляется докладная записка управделами ЦК ВКП(б) Крупина секретарю ЦК Жданову. Крупин пишет: "Стихотворений о людях социализма в сборнике нет. Издатели не разобрались в стихах Ахматовой, которая сама дала такое замечание о своих стихах: "Когда б вы знали, из какого сора/ Растут стихи, не ведая стыда"".

На первой странице докладной Жданов оставит резолюцию: "Просто позор, когда появляются в свет такие, с позволения сказать,

сборники. Как этот ахматовский "блуд с молитвой во славу Божию" мог появиться в свет?"

Вслед за этим следует Постановление секретариата ЦК ВКП(б) "О сборнике стихов А. А. Ахматовой". Руководящие работники, виновные в издании книги, получают выговор. Сборник изъят. Сын не освобожден. При этом год спустя, в самом начале блокады, Ахматова вывезена из Ленинграда в числе немногих писателей по личному распоряжению Сталина.

В 1942-м в "Правде" опубликовано знаменитое ахматовское стихотворение "Мужество". В 1943-м в Ташкенте, где Ахматова в эвакуации, выходит ее сборник "Избранное". В 1944-м заканчивается срок заключения ее сына. Он уходит на фронт добровольцем. В 1943 и 1944 годах, несмотря на войну, разгрому подвергаются Довженко, Зоценко, Федин, Асеев, Сельвинский. Ахматову не трогают. Она вернется в Ленинград. Ее сын дойдет до Берлина и вернется живым. В 1946-м вслед за сборником с 10-тысячным тиражом подписывается к печати еще один. Тираж — 100 тысяч.

А. А. Ахматова

Ахматова не выписывает газет. У нее нет радио. 20 августа 1946 года она зачем-то выходит из дома. Повсюду у заборов, у витрин сгрудившись стоят люди и друг у друга из-за плеча читают свеженаклеенные газеты. Ахматова говорит: "Я подумала — что-то случилось. Поднялась на цыпочки и вдруг из-за чужих спин и голов прочла свое имя". В газетах — текст постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград". В центре постановления два имени — Зоценко и Ахматова. Сталин лично правил текст. Слова

"пошляки и подонки литературы" — это личная сталинская грубость. Им лично Зощенко и Ахматова названы "несоветскими писателями".

Вспоминает великая актриса Фаина Раневская, давний друг Анны Ахматовой: "Помню, как примчалась к ней после "постановления". В доме было пусто. Пунинская родня сбежала. Она молчала, я тоже не знала, что ей сказать. Она лежала с закрытыми глазами. Губы то синели, то белели. Лицо становилось багрово-красным и тут же белело. Хотела ее накормить. В доме не было ничего съестного. Я помчалась в лавку, купила что-то. Есть она отказалась. Мы обе молчали".

Президиум правления Союза писателей немедленно исключает Ахматову и Зощенко из своих рядов. Их лишают продовольственных карточек. Друзья Ахматовой организуют тайный фонд помощи Ахматовой. По тем временам это героизм. Новый 1947 год Ахматова встречает у своей подруги Ольги Бергольц. Казалось, все тосты за здоровье Ахматовой произнесены. Но писатель Юрий Герман потребовал, чтобы все вновь наполнили бокалы. Все встали.

"Дорогая Анна Андреевна, — сказал Герман. — Мы вас очень любим и хотим, чтобы вы слышали это еще и еще раз. Вы для нас всегда были и навсегда останетесь великим русским поэтом. В русской поэзии были Пушкин, Лермонтов. Вы законная наследница их славы".

После постановления Ахматова задала Раневской вопрос: "Скажите, зачем Великой стране, изгнавшей Гитлера, со всей ее мощной техникой, зачем им понадобилось пройти всеми танками по грудной клетке одной больной старухи?"

Этот ахматовский вопрос имеет конкретный ответ.

Первая половина 1946 года — это время активной борьбы между группировкой Берии-Маленкова и Ждановым. Берия и Маленков, за годы войны необыкновенно продвинувшиеся в аппаратной иерархии, в начале 1946 года теряют свои позиции. Берия снят с должности руководителя НКВД. Маленков теряет пост секретаря ЦК по кадрам.

Жданов — второй человек в партии. На месте Маленкова оказывается человек Жданова Кузнецов. В этой ситуации сторона Маленкова в лице начальника Управления агитации и пропаганды Александрова делает ход. Выдвигаются обвинения в провале

идеологической работы в ленинградских журналах. Ленинград традиционно воспринимается как ждановская епархия. Сталин любит наблюдать за аппаратными схватками. Ахматова и Зощенко оказываются заложниками аппаратной игры. Но не только ее.

В постановлении 1946 года журналы "Звезда" и "Ленинград" обвиняются в том, что "они культивируют несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада". Это очевидный отголосок начинающейся холодной войны.

5 марта 1946 года в спортивном зале Вестминстерского колледжа в Фултоне, штат Миссури, бывший британский премьер Уинстон Черчилль уже произнес свою знаменитую речь.

Черчилль сказал: "Люди должны быть защищены от двух главных бедствий — войны и тирании. От Штетина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес". Черчилль впервые произносит эти слова — "железный занавес". "Старые государства Центральной и Восточной Европы — под контролем Москвы, — говорит Черчилль. — Я не верю, что Россия хочет войны. Чего она хочет, так это плодов войны и безграничного распространения своей доктрины. Западные демократии должны стоять вместе. Если мы будем разъединены, нас постигнет катастрофа". Черчилль расшифровывает, какие свободы и права он считает необходимым защищать от Сталина. Это свободные, не сфальсифицированные выборы, это свобода слова, это независимые от исполнительной власти суды. Черчилль говорит: "Это права, которые должны знать в каждом доме. Сталин этого знать не желает".

Бывший премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль — поклонник стихов Ахматовой.

Через неделю после речи Черчилля Сталин дает интервью газете "Правда". Сталин говорит: "Г-н Черчилль стоит на позиции поджигателей войны. Нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы своих стран, а не ради того, чтобы господство гитлеров заменить господством Черчиллей. Установка г-на Черчилля — это призыв к войне с СССР. Г-н Черчилль грубо и беспощадно клеветает как на Москву, так и на соседние с СССР государства. Советский Союз потерял в войне около семи миллионов человек".

У. Черчилль. Фултонская речь

Сталин говорит, что мы потеряли около 7 миллионов. Потом скажут — 20 миллионов. Теперь цифра уходит за 30 миллионов.

В конце ноября 1945 года в Ленинград приехал профессор Оксфордского университета, знаток философии и литературы сэра Исая Берлин.

В Советском Союзе он представитель британского министерства иностранных дел. Последний раз он видел этот город в 1919 году.

В 1945-м он случайно узнал адрес Ахматовой и запросто пришел к ней в Фонтанный дом. Они говорили о Гумилеве, о его расстреле, о смерти Мандельштама. Разговор прервался из-за неожиданного появления в ахматовском дворе сына Уинстона Черчилля Рандольфа. Он приехал в Ленинград как журналист. Разыскивал сэра Берлина. Сэр Берлин простился с Ахматовой и пришел опять в тот же вечер. По сводкам НКВД, они проговорили с 22 часов до 7 часов утра. Ахматова читает ему "Реквием". Говорит о 1937–1938 годах, об очередях в тюрьму с передачей. Ночью пришел Лев Гумилев. Сэр Берлин говорит Ахматовой: "Я приехал в Ленинград приветствовать вас, единственного и последнего поэта, не только от своего имени, но и от имени всей старой английской культуры. В Оксфорде вас считают самой легендарной женщиной. Вас в Англии переводят с необычайным уважением".

Исайя Берлин

Ахматова говорила близким: "С того дня не было ни разу, чтобы я вышла из Фонтанного дома и со ступенек, ведущих к реке, не поднялся человек и не пошел за мной". Кто-то спросил у Ахматовой: "А как вы знали, что он за вами идет, — оборачивались?" Она ответила: "Когда пойдут за вами, вы не ошибетесь".

После постановления, в 1947-м, в 1948-м Ахматова не пишет стихов. Замсекретаря Союза писателей советский драматург Всеволод Вишневский возмущается: "Меня удивляет то, что Ахматова сейчас молчит. Почему она не отвечает на мнение народа, на мнение партии? Неправильно ведет себя, сугубо индивидуалистически, враждебно". После постановления сын Ахматовой исключен из аспирантуры Института востоковедения. Пойдет библиотекарем в сумасшедший дом на 5-й линии Васильевского острова. Получит там характеристику и сможет защитить диссертацию. Ахматова все время боится ареста сына. В августе 1949-го в Фонтанном доме снова арестовывают Николая Пунина. Николай Николаевич Лунин умрет в лагере.

Ахматова идет на невыносимый для себя шаг. В страхе за сына она пишет стихи, посвященные Сталину: "И благодарного народа/ Вождь слышит голос: "Мы пришли/ Сказать — где Сталин, там свобода,/ Мир и величие земли!""

Стихи не спасают.

Лев Гумилев арестован. Он выйдет из лагеря в 1956-м. Он будет вспоминать, как его допрашивали о визите Берлина к его матери в 1945-м. Он будет рассказывать, как следователь в Лефортовской тюрьме, схватив его за волосы, бил головой о стену, требуя признания

о шпионской деятельности Ахматовой в пользу Англии. Лев Гумилев скажет, что в своей жизни он сидел за папу, за себя и за маму. Потом будет случайным людям говорить: "Мама не любила папу, и ее нелюбовь перешла на меня". Для него так и останется невыносимым, что мать не могла спасти его. Из лагеря он писал знакомым: "Пусть будет паскудной судьба, а мама хорошей: так лучше, чем наоборот". А Анна Андреевна в полном одиночестве ему, единственному на свете родному человеку, писала в лагерь: "Пожалей хоть ты меня".

Фото из следственного дела Л. Н. Гумилева

После смерти Сталина, после XX съезда уже в 1965 году Ахматова поедет в Англию, где в Оксфорде она будет увенчана мантией доктора литературы *Honoris Causa*.

Из Лондона она поедет в Париж, где встретится в отеле "Наполеон" с адресатом многих своих стихов, еще одной давней-давней любовью, с художником Борисом Анрепом. Ему посвящены почти сорок ее стихотворений. Они не виделись с 1917 года, с Февральской революции. Борис Анреп — автор многофигурной мозаики, выложенной в вестибюле лондонской Национальной галереи. Моделью для образа "Сострадание" он выбрал Ахматову.

А в 1946-м после разгромного постановления Ахматова пришла к искусствоведу Харджиеву и сказала: "Меня так ругают! Последними словами..." А он ответил: "Это и есть слава! Разве вы не знали?"

На самом же деле миллионам и миллионам советских людей было не до постановления и не до Ахматовой. Из сообщений с мест: "В Белебеевском районе Башкирской АССР заведующая родильным домом не имеет ни одного платья, пальто надевает на голое тело и

ходит в лаптях". Секретари ряда обкомов обратились в ЦК ВКП(б) с уникальной просьбой: разрешить им не проводить 7 ноября 1946 года демонстрацию трудящихся ввиду отсутствия у населения одежды.

1947 год

Соломон Михоэлс

Последней премьерой Государственного Еврейского театра, ГОСЕТа, был спектакль под названием "Фрейлехс", то есть "Радость". Сценарий этого спектакля написан художественным руководителем ГОСЕТа Соломоном Михайловичем Михоэлсом.

Главная мысль спектакля выражена тремя словами: "Ам Исраэль хай!" — "Еврейский народ бессмертен!"

Сцена погружена во мрак, под торжественную траурную музыку на горизонте появляется звезда. Одновременно в противоположных концах сцены возникают семь горящих свечей. Они медленно приближаются друг к другу и превращаются в семисвечник — символ победы слабых над сильными, символ героизма еврейского народа. Потом сквозь музыку прорывается голос: "Гасите свечи! Задуйте грусть!"

И сцена заливается ярким солнечным светом. Канва спектакля — традиционный еврейский свадебный обряд. По этой канве расшиты судьбы целого поколения. В песнях и танцах. Спектакль трагический и жизнеутверждающий. Этим спектаклем фактически и заканчивается жизнь Государственного Еврейского театра. Он был там, где теперь московский Театр на Малой Бронной.

В 1947 году Соломону Михайловичу Михоэлсу 57 лет. Как у театрального деятеля и артиста у него невероятная известность. И не только как у артиста. Во время войны в оккупированных городах развешивались его портреты с надписью "Так выглядит еврей!". Фашистским оккупантам принадлежит лозунг "Недалек тот час, когда мы сотрем с лица земли кровавую собаку Михоэлса!" Во время войны руководитель Государственного Еврейского театра Соломон Михоэлс возглавляет Еврейский антифашистский комитет.

Еврейский антифашистский комитет, ЕАК, создается в конце 1941 года. Тогда, в тяжелейший период войны, Михоэлс выступает на большом еврейском антифашистском митинге. По радио звучат его слова: "Братья евреи всего мира!" На интеллигенцию, и еврейскую и

нееврейскую, это событие производит сильное впечатление. То, что открыто обращаются к евреям, по радио произносят само слово "еврей", интеллигенцией воспринято как "хороший признак". В СССР все, что касается евреев, всегда означает какой-нибудь признак.

Выступление С. Михоэlsa в ЕАК

Добрый знакомый Михоэlsa — академик Петр Леонидович Капица. Вспоминает жена академика Капицы Анна Алексеевна: "Перед проведением еврейского антифашистского митинга Михоэls обратился к разным людям с просьбой выступить. Не только к Петру Леонидовичу. Обратился к Алексею Николаевичу Толстому, еще к нескольким людям. Согласился выступить только Петр Леонидович".

В Москве того времени согласие человека выступить на еврейском антифашистском митинге воспринимается как его признание в собственном еврействе. Вспоминает жена Михоэlsa Анастасия Павловна Потоцкая: "На банкете в честь 50-летия Петра Леонидовича Капицы Михоэls поднял заздравный тост, в котором в числе прочего сказал: "Я пью за вас, Петр Леонидович, как за воинствующего гуманиста! Я никогда не забуду ваше выступление на антифашистском митинге, бесконечно перед вами в долгу. И хотя я немало приложил сил для того, чтобы развеять версию о том, что вы — еврей, и добился этой цели, остаюсь вашим должником"". "

Созданный в 1941 году ЕАК — чисто внешнеполитический показательный проект. СССР — защитник прав человека. Сталин лишний раз отрещивается от недавней дружбы с Гитлером, целенаправленно уничтожающим евреев. В 1943-м после перелома в

войне у ЕАК появляются дополнительные функции: необходимо добиться кредитов у международного еврейского капитала на послевоенное восстановление в СССР. Кроме того, и после 1943 года это интересует Сталина больше всего, в 1948 году закончится Британский мандат в Палестине. Сталин рассчитывает установить собственный контроль в ближневосточном регионе. Именно для этого ему необходимо внедрение в сионистское движение.

П. Л. Капица и С. М. Михоэлс

Сионизм — это не ругательство, не статья обвинительного приговора. Сионизм — это идея воссоединения еврейской нации на территории собственного государства. Сталин — один из инициаторов создания государства Израиль. Более того, на определенном историческом отрезке Сталин выступает как главный мировой сионист.

В создании Еврейского антифашистского комитета самое активное участие принимает Лаврентий Берия. Начинается планомерная эксплуатация национальных чувств советских евреев. Война с фашизмом — превосходное для этого время.

Запускается излюбленная сталинская схема: главный поэт — Маяковский, главный писатель — Горький, главный еврей — Михоэлс.

Но Соломон Михоэлс не создан для роли свадебного генерала. Он включается в работу Антифашистского комитета искренне, как преданный сын своего народа, со всем своим неумным темпераментом. Он говорил, что "обвешан чужими судьбами". И это была чистая правда. Так было до войны, во время войны и после войны, до самой его гибели. Он всегда окружен людьми, с самого утра.

Телефон трезвонит постоянно. Он стоит с намыленными щеками перед зеркалом, бреется и говорит по телефону. У него три встречи назначены на один час. Он нервничает, спешит, отшучивается и никогда не жалуется. Разные люди нуждаются в его помощи, совете, а иногда просто в добром слове. Даже гуляет стихотворная строчка: "увидел я Михоэлса и сразу успокоился". В десять утра — начало утренней репетиции в театре. Театр в пяти минутах от его дома на Тверском бульваре.

Не успевает он переступить порог своего кабинета в театре, как на него наваливаются поджидающие его актеры, художники, драматурги и просто просители.

Соломон Михоэлс

Сквозь всех к нему бросается разъяренная костюмерша. "Соломон Михайлович! — кричит костюмерша. — Вот Роза отказывается от этого платья, потому что оно ее полнит". Надутая зареванная Роза сидит в углу, не отвечает на приветствие Михоэлса и при первых словах костюмерши с рыданиями выбегает из кабинета. Как только улаживается ситуация с Розой, выясняется, что какая-то Саррочка родила кого-то в Биробиджане и ей срочно требуются деньги. Михоэлс берет деньги из кассы театра в счет своей будущей зарплаты, и их отсылают в Биробиджан. Потом нужно достать успокоительные таблетки для чьей-то тещи, потом выслушать несчастного влюбленного актера. Старшая дочь Михоэлса Наталья пишет: "Очень сложно сказать, почему он, при всей своей занятости, позволял этим судьбам так бесцеремонно наваливаться на себя. Это не была сусальная доброта Деда Мороза. Это не было только живое

любопытство к человеческим судьбам. Это было чувство ответственности, которое свойственно только человеку, родившемуся старшим". Михоэлс был Старшим для своего брата-близнеца, Старшим — для своего друга и партнера по сцене знаменитого актера Бениamina Зускина, легкого, пластичного, с блестящим чувством юмора. Для Михоэлса он больше, чем друг. Он брат, которого надо защищать, ограждать от грубости жизни. Михоэлс погибнет первым. Бениamina Зускина расстреляют в 1952-м. Соломон Михайлович Михоэлс всегда ощущал себя в жизни Старшим. Однажды он признался родным: "Мне очень тяжело, и иногда мне кажется, что я один отвечаю за весь свой народ, не говоря уже о театре". Ему приходят письма со всего Советского Союза. Часто на конвертах пишут просто: "Москва, Михоэлсу". Михоэлс отдает себе отчет, что эта формулировка слишком опасно напоминает, другую: "Москва, Сталину".

С. М. Михоэлс

При всей занятости у Михоэлса есть привычка, которая мало сообщается с его образом жизни. Родные называют ее "телефонной болезнью". Едва закончив деловую встречу или репетицию, Михоэлс звонит домой и подробно отчитывается о прошедшем часе. Когда в 1953-м Михоэлс будет назван "агентом буржуазной разведки", заплаканная домработница Ксения скажет: "Да когда у него было время шпионить, если даже я знала каждый его шаг!"

Государственный антисемитизм, достигший своего пика в последние годы жизни Сталина, начинается не после войны.

Антисемитизм — как направление сталинской политики — поднимается непосредственно в годы войны с фашизмом. Просто до окончания войны Сталин не выпускает его на поверхность, не вбрасывает погромные лозунги в массы, выжидает с началом полномасштабной кампании.

Антисемитизм как государственную линию Сталин берет у Гитлера. Но во время мировой войны с фашизмом открыто проповедовать его неловко. Хотя Сталину очевидно не терпится. Во время войны Сталин начинает раскручивать антисемитизм как средство патриотического подъема. В самые страшные дни битвы под Сталинградом в Кремле обсуждается вопрос "О подборе и выдвижении кадров в искусстве". 17 августа 1942 года, когда идет шквальная бомбардировка Сталинграда, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Александров направляет докладную записку секретарям ЦК Маленкову, Щербакову и Андрееву.

Начальник Управления ЦК Александров по-фашистски прям: в сфере культуры "преобладают нерусские люди", в скобках — "преимущественно евреи". В качестве первого примера берется Большой театр, который назван "вышкой русской музыкальной культуры и оперного искусства СССР".

Обстановка в этой "вышке" представлена в форме таблицы: занимаемая должность, фамилия, партийность и национальность, точнее, определенная, недопустимая, уже почти преступная национальность.

Далее указывается национальность руководителей и профессоров Московской и Ленинградской консерваторий. Далее имена и национальность известных музыкантов. Первые в этом ряду мировые знаменитости — Давид Ойстрах и Эмиль Гилельс.

Осенью 1942 года начинаются чистки по национальному признаку. В защиту преследуемых выступают выдающиеся композиторы Шостакович, Хачатурян, Кабалевский, Шапорин, Мясковский.

18 сентября 1944 года композитор Мокроусов в состоянии опьянения заходит в бильярдную Союза советских композиторов со словами: "Когда только не будет у нас жидов и Россия будет принадлежать русским!" Он подходит к композитору Кручинину, берет его за воротник и говорит: "Скажи, ты жид или русский?" Кручинин,

русский по национальности, не задумываясь отвечает: "Был и остаюсь жидом".

Писатель Юрий Нагибин в своей последней повести "Тьма в конце туннеля" пишет о том, как всю жизнь, с самого детства, жил с сознанием своего еврейства, как часто, особенно в детстве, страдал и дрался за собственное равенство и тайно мечтал быть русским. В конце жизни Юрий Нагибин узнал, что в нем нет ни капли еврейской крови.

И вот, оказавшись русским, он написал горчайшие слова:

"Что с тобой творится, мой народ! Ты цепляешься за свое рабство и не хочешь правды о себе. Может, пора перестать валять дурака, что русский народ был и остался игральным внешним сил. Все в России делалось нашими, русскими руками, с русского согласия, сами и хлеб сеяли, сами и веревки намывали. Ни Ленин, ни Сталин не были бы нашим роком, если бы мы этого не хотели.

Я хочу назад в евреи. Трудно быть евреем в России. Но куда труднее быть русским".

24 октября 1942 года руководитель Комитета по делам кинематографии Большаков докладывает секретарю ЦК Щербакову, что он, Большаков, отклонил предложение режиссера Эйзенштейна утвердить актрису Раневскую на роль княгини Старицкой в фильме "Иван Грозный". Большаков пишет секретарю ЦК: "Семитские черты у Раневской очень ярко выступают, особенно на крупных планах". К официальному письму прилагаются фотографии кинопроб Раневской анфас и в профиль.

С самого начала войны главного редактора газеты "Красная звезда" генерала Давида Ортенберга заставляют сменить свою фамилию на русскую. Газета выходит за подписью главного редактора О. Вадимова. В 1943-м и это не помогает: Давид Ортенберг вообще уволен из газеты.

22 мая 1943 года, перед началом Курской битвы, председатель Комитета по делам искусств Храпченко составляет "Список руководящих работников в области искусства евреев по национальности".

Увольняется четырнадцать директоров московских и ленинградских театров.

Директор Центрального онкологического института и главный врач Клинической больницы имени Боткина Шимелиович пишет секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову: "Секретарь партийной организации Центрального онкологического института доктор Мартынова информировала меня, директора института, о содержании и форме беседы с нею заведующего сектором здравоохранения ЦК доктора Петрова".

В ходе беседы он перечислял членов партии и сотрудников института, уточняя "еврейка", "еврей", выкрикивал, что в институте "еврейская партийная организация". Письмо, которое цитировалось, датируется 19 июня 1944 года.

В 1938 году доктор Петров, о котором идет речь в письме, занимал другой пост в аппарате ЦК. Он ответственный организатор Отдела руководящих партийных органов. 27 ноября 1938 года при участии Петрова была подготовлена справка "О засоренности аппарата Наркомздрава СССР". В этом документе этнические евреи отнесены к политически сомнительным людям.

В мае 1939 года, в преддверии подписания пакта Молотова-Риббентропа о дружбе с фашистской Германией, Сталин снимает с поста наркома иностранных дел этнического еврея Максима Литвинова, известного своими антифашистскими выступлениями в Лиге Наций, и назначает на его место Молотова.

Литвинов в дружеских отношениях с Михоэлсом. Литвинов умрет в опале через три года после Михоэлса. На его похороны в здании МИДа на площади Урицкого мало кто решится прийти. Панихида задерживается на три часа. Оказалось, что в квартире покойного не могут найти его орден. Вдова Литвинова безучастно говорит: "Откуда я знаю, где орден. Наверно, завалился за книжную полку".

М. М. Литвинов, в 1930–1939 годах нарком иностранных дел

Наконец дочери Михоэлса предлагают взять для похорон Литвинова орден их отца. Организаторы похорон соглашаются. На кладбище перед гробом Литвинова несут орден убитого Михоэлса. Его дочерям скажут: "Получите обратно в проходной Кремля".

Молотов вспоминает: "Когда сняли Литвинова и я пришел на иностранные дела, Сталин сказал мне: "Убери из наркомата евреев"". До подписания пакта с Германией Молотов успеет взять к себе в замы старого знакомого, еврея по национальности, Лозовского. Лозовского расстреляют в 1952-м в ходе так называемой борьбы с космополитизмом. Жена Молотова, Полина Жемчужина, член Еврейского антифашистского комитета, будет арестована за сотрудничество с Михоэлсом.

Незадолго до смерти письмо Сталину пишет Крупская: "Дорогой Иосиф Виссарионович! Пишу Вам о волнующем меня вопросе. Мне сдается, что начинает показывать рожки великодержавный шовинизм. Среди ребят появилось ругательное слово "жид"".

Отец фашизма Бенито Муссолини в октябре 1939 года говорит: "Большевизм в России исчез. На его место встал славянский тип фашизма".

Осенью 1939 года в театре Михоэлса запрещают принятую к постановке пьесу Маркиша "Клятва". Пьеса повествовала о судьбе еврейской семьи, бежавшей из гитлеровской Германии в Палестину.

В 1942-м году 24 июля в ставке под Винницей за ужином Гитлер вспоминает о беседе Сталина с Риббентропом после подписания пакта. Сталин тогда сказал Риббентропу, что "ждет лишь того момента, когда

в СССР будет достаточно своей интеллигенции, чтобы полностью покончить с засильем евреев, которые пока еще ему нужны".

Михоэлс продолжает работать.

Театр — это его среда обитания. Еще его учитель литературы предсказывал ему будущее великого актера. Правда, другой учитель обещал ему славу большого поэта. Михоэлс на самом деле чрезвычайно одарен от природы.

С. М. Михоэлс

Он отлично учился и успевал сам как частный учитель давать уроки по разным предметам. Только в тринадцать лет он начал обучаться русскому языку. Он увлекся Лермонтовым. В пятнадцать лет Михоэлс решает перевести лермонтовского "Демона" на иврит, потому что не удовлетворен переводом. И делает этот перевод. По отзывам — блестящий. Михоэлс никогда не терпел небрежности в языке. Русский язык любил и преподавал. Вспоминает друг Михоэлса режиссер Юрий Завадский: "Если вас затруднял какой-либо речевой вопрос — ударение, происхождение слова, его многогранный смысл, у Михоэлса вы получали ответ подробный, увлекательный. Михоэлс чувствовал, понимал, знал русский язык во всем богатстве и красоте".

Он вышел из патриархальной еврейской семьи, где профессия актера считалась зазорной. И он решил сделать адвокатскую карьеру.

Михоэлс поступил на юридический факультет Петербургского университета. Потом — Октябрьский переворот, который заставил Михоэлса усомниться в необходимости адвокатской деятельности. Он

решает перейти на математический факультет и мог бы это легко сделать. Но вместо этого становится учеником только что созданной Первой еврейской театральной студии под руководством Алексея Грановского. Потом студия переезжает в Москву. В 1919 году появляется московский Государственный Еврейский театр, который играет на идише. Сначала театр в особнячке на улице Станкевича. Здесь же общежитие для актеров. Стены и потолок маленького зрительного зала расписывает не кто-нибудь, а Марк Шагал. Он же делает грим и костюм Михоэлса к премьерному спектаклю.

Из воспоминаний: "Перед самым выходом Михоэлса на сцену Шагал вцепился ему в плечо и тыкал в него кистью как в манекен, ставил на костюме какие-то точки и выписывал на картузе никакими биноклями неразличимых птичек и свинок".

Взлет театра блистательный. Публика в зале и еврейская, и русская. Вспоминает жена академика Петра Леонидовича Капицы Анна Алексеевна:

"В Еврейском театре было очень занятно. Там было очень мало людей, которые знали идиш, и все друг другу шептали, объясняли. Весь театр шептал.

Петру Леонидовичу очень понравился Соломон. Соломон не мог не понравиться. У него было необыкновенное обаяние. Он был очень умный, настоящий, какой-то мудрый человек и в то же время необыкновенно остроумный и талантливый как актер".

В 1928-м ГОСЕТ едет на гастроли в Европу.

Из рецензий зарубежной печати: "Этому театру следовало бы побывать во всем мире. Это не еврейский театр, а настоящий мировой театр". Успех театра вызвал неприязнь у советских властей. Руководитель театра Грановский в СССР не вернулся. Во главе ГОСЕТа становится Михоэлс.

В 1935 году Михоэлс ставит "Короля Лира". Он сам играет Лира. На одном из первых спектаклей присутствует английский режиссер и знаток Шекспира Гордон Крэг. На следующий день в газетах опубликована статья Крэга: "Я шел на спектакль с нескрываемым недоверием Я даже попросил Михоэлса, чтобы мне оставили такое место, с которого я мог бы уйти. Но я сразу понял, что с такого спектакля уходить нельзя. Теперь мне ясно, почему в Англии нет

настоящего Шекспира в театре. Потому что там нет такого актера, как Михоэлс".

Как-то в период репетиций "Короля Лира" Михоэлс ночью зимой возвращался домой. Он поймал себя на том, что вслух громко на идише читает монолог Лира. В этот момент он попался на глаза трем пьяным парням, которые с криком "бей жидов" начали его избивать. Михоэлсу отбили легкие.

Гордон Крэг пришлет Михоэлсу приглашение исполнить на идише роль короля Лира в Шекспировском театре "Глобус". До Михоэлса это приглашение не дойдет. За Михоэлса ответят, что он болен и приехать не может.

Потом был 37-й год.

В один из вечеров Михоэлс попросил старшую дочь не отречься от него, если его заберут. Михоэлс ни в коем случае не подозревал свою дочь. Но в это время слишком многие отрекались от самых близких. Солженицын пишет про 1937 год: "Именно этот под залил нашу душу массовым растлением". Сталин напрямую откровенно шел на это растление душ, и оно ему удавалось.

Члены семьи Михоэлса в то время спали урывками. Ждали, что за ним придут, и боялись, что не удастся попрощаться.

Когда началась война, Михоэлс просился в ополчение. Ему сказали, что "ему найдут другое применение".

Его назначают главой Еврейского антифашистского комитета Известный на Западе деятель еврейской культуры Михоэлс должен заниматься просоветской настройкой мировой общественности.

О какой-либо деятельности ЕАК внутри страны даже речи нет.

ЦК ВКП(б) выдает ЕАК разрешение на издание газеты "Единение" на еврейском языке. Организуется отправка за границу статей о трагедии и героизме советских евреев. Внутри страны подобная информация подвергается жесткой цензуре и строго дозируется. Когда в мае 1945 года заговорят о лагере смерти в Освенциме, о евреях, уничтоженных в нем, не будет ни звука.

Для Михоэлса работа в Антифашистском комитете связана с конкретными человеческими судьбами. К нему домой приходят чудом уцелевшие беженцы из оккупированных областей. Михоэлс оставляет

их ночевать, кормит. В Антифашистский комитет стекается информация о концлагерях. ЕАК разыскивает без вести пропавших.

К Михоэлсу домой приезжают люди из партизанских отрядов. Он говорит с ними дома и прямо на бульваре. Один из партизан сумел вывезти на освобожденную территорию группу еврейских сирот. Он рассказывал Михоэлсу о проявлениях антисемитизма в отношении этих несчастных детей, уцелевших от фашистов. Дочь Михоэлса Наталья вспоминает: "Отец только повторял: "Говорите, говорите. У вас есть передо мной большое преимущество — вы можете говорить, я же могу только слушать"".

Михоэлс трезвый человек, но 18 февраля 1943 года на 2-м пленуме Еврейского антифашистского комитета прямо заявлено о росте антисемитизма в стране. Член ЕАК, писатель и публицист Илья Эренбург скажет: "Ради пропаганды против фашизма среди евреев за рубежом нечего было создавать Еврейский антифашистский комитет, главная задача — в борьбе против антисемитизма у нас в стране". Но Михоэлса перемещают на другой фронт. Его командируют в США и Англию в целях сбора средств для Красной армии. Перед Михоэлсом ставится конкретная задача: собрать деньги на строительство как минимум тысячи самолетов и 500 танков. Задача выполнена. На грандиозных митингах, которые проводили международные еврейские организации, собрано 16 миллионов долларов, несколько миллионов выделяет "Джойнт". Очень скоро в связях именно с этой благотворительной организацией будут обвинены члены ЕАК. Фонд жены Черчилля дает 15 миллионов. Деньги давали простые люди: по пятьдесят центов, по доллару, по десять, — кто сколько мог. О Михоэлсе в США вспоминает Марк Шагал: "Я видел постановки, которые делали на площадях, на стадионах, на аренах цирков крупнейшие режиссеры нашего времени. Но такое действо, как антифашистский митинг в Нью-Йорке в 1943 году" мог поставить только Михоэлс. Требовать от правительства США — не просить, требовать — открытия второго фронта — этого не позволил бы себе сам президент".

Марк Шагал

Михоэлс посещает Эйнштейна, На митингах Михоэлс неустанно повторял, что антисемитизма в СССР нет. Эйнштейн при личной встрече с Михоэлсом в дискуссии по этому поводу не вступал. Эйнштейн просто сказал: "Антисемитизм — это тень еврейства".

Альберт Эйнштейн и Соломон Михоэлс

В 1934 году с Эйнштейном встречался Илья Эренбург. Он вспоминает: "Эйнштейн спросил меня, есть ли в Советском Союзе антисемитизм. Я ответил, что нет. "Господин Эренбург, — сказал мне Эйнштейн, — я вам не верю. Антисемитизм — тень любого фашизма"".

После Штатов Михоэлс прибывает в Англию. Для приема его миссии организован Почетный комитет, в который входят и жена Черчилля, и деятели профсоюзов. Британская секция Всемирного еврейского конгресса устраивает вечер для гостей из Москвы. После ужина начинается беседа. Михоэлса спрашивают о положении евреев в СССР. Михоэлс держится уверенно, отвечает как надо. Из

воспоминаний друга Михоэлса Штейнберга, который присутствовал на том приеме: "Соломон Михоэлс был больше, чем трагический актер. С нами за столом сидела глубоко трагическая личность". Вскоре после возвращения в Москву 21 февраля 1944 года руководство ЕАК во главе с Соломоном Михоэлсом направляет письмо Молотову с предложением поставить вопрос о создании Еврейской советской социалистической республики в составе СССР. В письме указывается: "Создание Еврейской советской республики раз и навсегда разрешило бы по-большевистски проблему положения еврейского народа".

В это время контроль над ЕАК осуществляет замначальника Управления агитации и пропаганды ЦК Кондаков. Кондаков заявляет, что существование Еврейского антифашистского комитета "излишне". А затем готовит докладную под названием "О националистической линии в работе Еврейского антифашистского комитета". Кондаков пишет: "Во главе комитета надо поставить советского еврея". Это прямое недовольство Михоэлсом.

Кондаков вскоре снят с кураторства над Еврейским антифашистским комитетом за воровство. Но его бывший начальник глава Агитпрома ЦК ВКП(б) Александров осенью 1945 года также предлагает закрыть ЕАК, мотивируя тем, что с окончанием войны надобность в нем отпала.

Как раз в это время, в сентябре 1945 года письмо Сталину направляют бывшие фронтовики-евреи, живущие на Украине. Они пишут:

"В ЦК КП(б) и в СНК УССР взят новый курс. Этот курс имеет очень много схожего с курсом, исходившим ранее из канцелярии Геббельса, достойными преемниками которого оказались руководители партии и правительства Украины. Из центральных районных, городских партийных и советских организаций изгнаны все евреи. За принятого на работу еврея виновные привлекаются к ответственности.

Для поступления в институты, аспирантуру и другие научные учреждения для евреев установлены нормы. Многих евреев-фронтовиков или беженцев не принимают на работу, лишают жилплощади и не ставят на партийный учет. Евреям — коренным жителям Киева — не разрешается въезд в родной город, где от рук фашистов погибли их семьи. В смешанных семьях русские жены и мужья не могут вызвать к себе жен и мужей евреев.

Особо тяжело этот новый курс переживают дети. Антисемитизм уже пробрался в пионеротряды и в школы". В это время первый секретарь ЦК Компартии Украины — Хрущев.

Информация о росте антисемитизма в сводках НКВД и из Крыма, и из Алтайского края, из мест эвакуации — Киргизии, Казахстана, из Москвы.

В ноябре 1946-го Михоэлс от лица Еврейского антифашистского комитета пишет письмо секретарю ЦК Жданову с просьбой об издании так называемой "Черной книги", отражающей злодеяния немецких фашистов по отношению к еврейскому населению в годы войны.

В США "Черная книга" к этому моменту уже издана. Она разослана для издания во Францию, Англию, Италию, Мексику, Австралию, Палестину, Болгарию, Венгрию, Румынию и Чехословакию. Основное же, русское издание "Черной книги", до сих пор не вышло. В феврале 1947-го начальник Управления пропаганды Александров даст заключение по вопросу, поднятому Михоэлсом: "Управление пропаганды подробно ознакомилось с содержанием "Черной книги", представляющей сборник дневников и писем свидетелей зверств гитлеровцев против еврейского населения на оккупированных территориях. Книга содержит серьезные политические ошибки. Управление пропаганды считает издание "Черной книги" в СССР нецелесообразным". Еще до этого, в ноябре 1946 года, в секретариат ЦК ВКП(б) поступает новый документ с очередным предложением закрыть Еврейский антифашистский комитет. На этот раз автор предложения будущий главный партийный идеолог, будущий член Политбюро Михаил Сулов. Он возглавляет отдел внешней политики ЦК ВКП(б). ЕАК передан в его ведение. Именно в это время вся архивная документация ЕАК впервые арестована и вывезена для просмотра на Лубянку.

12 октября 1946 года министром госбезопасности Абакумовым подписано совершенно секретное спецсообщение № 1550/А на имя Сталина. Спецсообщение озаглавлено "О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета". Михоэлс возглавляет этот список. Указанные лица обвиняются в поддержке создания еврейского государства на Ближнем

Востоке, в требовании разрешить свободный выезд евреев из СССР, в стремлении установить официальные отношения с международными еврейскими организациями.

Обвинения неоригинальны. Свободный выезд кого-либо куда-либо из СССР запрещен, работа любых общественных организаций строго подконтрольна. Оригинален только первый пункт обвинения: дело в том, что идею создания еврейского государства на Ближнем Востоке поддерживает сам Сталин. Просто участие советских евреев в этом не предполагается.

Что касается письма завотделом внешней политики ЦК ВКП(б) Сулова, то там содержатся дополнительные обвинения. Например:

"Некоторые руководители в 1945 году настойчиво выдвигали предложение о сборе среди евреев средств на сооружение памятников погибшему от фашизма еврейскому населению". Сулов продолжает: "ЕАК становится посредником между населением и партийно-советскими органами, оказывает поддержку еврейскому населению". То есть ЕАК становится самостоятельной правозащитной организацией. Именно поэтому документ за подписью Сулова содержит однозначный вывод: "Существование Еврейского антифашистского комитета политически вредно и нетерпимо". Именно это — главное реальное обвинение. Национализм, а впоследствии шпионаж, инкриминируются для прикрытия.

В кругу друзей Соломона Михоэlsa — Козловский, Качалов, Рубен Симонов, Алексей Толстой, Сергей Образцов, Леонид Утесов, Иракий Андроников, Фаина Раневская, Александр Таиров, Алиса Коонен, Дмитрий Шостакович, знаменитый хирург Вишневский.

Козловский, Михоэлс и Утесов составляют знаменитое трио под названием "Козмилёдия". Они выступают на всех капустниках в ЦДРИ. Михоэлс поет по-еврейски, Утесов по-русски, Козловский по-украински. Потом все вместе по-русски. Последнее их выступление состоялось весной 1947 года.

В конце декабря 1947-го в Политехническом музее отмечается юбилей патриарха еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфорима. Со вступительным словом выступает Михоэлс. Он вспоминает фрагмент из своего знаменитого спектакля "Путешествие Вениамина Третьего". Михоэлс говорит "Вениамин, отправившись на поиски Земли обетованной, встретил крестьянина и спросил: "Где дорога в

Землю обетованную?" И вот недавно с трибуны Организации Объединенных Наций товарищ Громыко дал нам ответ на этот вопрос!" Михоэлс произнес это и замолчал. Он стоял совершенно бледный, он отлично знал, что именно он только что сказал.

Депо в том, что накануне первый постоянный представитель СССР в ООН Андрей Громыко с трибуны заявил: "Если два народа, евреи и арабы, населяющие Палестину, оба имеющие глубокие исторические корни в этой стране, не могут жить вместе в пределах единого государства, то ничего не остается, как образовать вместо одного два государства — арабское и еврейское". Это означает образование государства Израиль. И это означает, что в Политехническом музее Михоэлс выступил с призывом ехать в Израиль, СССР будет первой страной, установившей с Израилем дипломатические отношения. Но советским евреям путь в Израиль будет закрыт.

Радиозапись выступления Михоэлса размагничена на следующий день, за 48 часов до нового 1948 года.

В том же декабре 1947-го по указанию Сталина арестованы его, Сталина, родственники по линии его жены Надежды Аллилуевой. Арестованы ее сестра Анна Аллилуева, жена брата Надежды Аллилуевой Евгения Аллилуева и ее дочь Кира. Они обвиняются в сборе информации о главе советского государства в интересах иностранной разведки. Вместе с ними арестованы их друзья. Им инкриминируется связь с главой ЕАК Михоэлсом.

Надежда Аллилуева и Иосиф Сталин, 20-е годы

7 января 1948 года Михоэлс уезжает в командировку в Минск. Перед отъездом он заезжает к друзьям попрощаться, Михоэлс уезжал на гастроли часто и надолго, но не имел привычки прощаться. Тут он звонит, прощается с Петром Леонидовичем Капицей. Вспоминает жена академика Капицы Анна Алексеевна: "Михоэлс спросил, как Петр Леонидович поживает, что делает. И какое-то было у нас впечатление, что мы не могли понять, почему он позвонил, Уже потом нам представилось, что он знал, что с ним что-то случится, что он хотел как-то передать последнее свое настроение. У нас было очень тяжелое впечатление после этого разговора".

Соломона Михайловича Михоэлса убили в Минске ночью 12 января 1948 года.

В своей книге "Только один год" дочь Сталина Светлана Аллилуева после отъезда из СССР напишет: "Это было у отца на даче. Я вошла к нему, когда он говорил с кем-то по телефону. Ему докладывали, а он слушал. Потом сказал: "Ну, автомобильная катастрофа".

Я отлично помню эту интонацию — это был не вопрос, а утверждение, ответ. Он не спрашивал, а предлагал это, автомобильную катастрофу. Окончив разговор, он сказал мне: "В автомобильной катастрофе разбился Михоэлс". Михоэлс был убит, и никакой катастрофы не было. Автомобильная "катастрофа" была официальной версией, предложенной моим отцом. Мне слишком хорошо было известно, что отцу везде мерещится "сионизм и заговоры".

Из докладной записки первого заместителя министра госбезопасности Огольцова Лаврентию Берия 18 марта 1953 года, то есть уже после смерти Сталина: "В ноябре 1947 года тогдашний министр госбезопасности Абакумов и я были вызваны в Кремль к товарищу Сталину. В конце беседы им было дано указание Абакумову о проведении специального мероприятия в отношении Михоэлса, и что для этой цели устроить "автомобильную катастрофу". 6 января 1948 года я с группой товарищей выехал в Минск. Мы остановились на варианте — Михоэлса через агентуру пригласить в ночное время к каким-нибудь знакомым, подать ему машину, привезти его на территорию дачи министра госбезопасности Белоруссии генерал-лейтенанта товарища Цанавы, где и ликвидировать, а потом труп вывезти на малолюдную улицу". Операция была проведена успешно.

Соломон Михоэлс

Из показания бывшего министра госбезопасности Белоруссии генерал-лейтенанта Цанавы 16 апреля 1953 года: "Заместитель министра госбезопасности СССР Огольцов сообщил мне, что приехал в Минск для выполнения "решения правительства" и указания Сталина о "ликвидации Михоэлса"". Из объяснительной записки участника спецоперации полковника Шубняка 18 марта 1953 года: "Операция по ликвидации Михоэлса осуществлена на даче. Он умерщвлен — раздавлен грузовой машиной. Тело вывезено и выброшено на одной из улиц".

28 октября 1948 года Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение об одобрении указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами генералов и офицеров Министерства государственной безопасности СССР "за успешное выполнение специального задания правительства". В протоколе подчеркнуто "без опубликования в печати".

Участники убийства Михоэлса награждены следующим образом: Цанава — орденом Красного Знамени. Круглов, Лебедев и Шубников за убийство Михоэлса получают орден Отечественной войны 1 степени. Косырев и Повзун получают орден Красной Звезды. Министр госбезопасности Абакумов и его зам Огольцов будут награждены орденом Красной Звезды в соответствии с отдельным приказом.

Иван Козловский поедет на то место, где было брошено тело его друга Соломона Михоэлса и по древнему славянскому обычаю оставит там серебряную монету.

1948 год

Николай Старостин

Великий композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович сказал: "Футбол — это у нас единственное место, где каждый может говорить то, что он думает о том, что он видит".

Послевоенная страна без разбора пола и возраста живет футболом, дышит им. На трибуне стадиона "Динамо" красивых женщин больше, чем в Большом театре. Голос футбольного комментатора Синявского в радиоприемнике ловят так же жадно, как совсем недавно голос Левитана. Это время могло бы быть временем Николая Петровича Старостина. Ведь о нем потом будут говорить, что он царь и бог московского "Спартака", совесть советского футбола, воспитатель нескольких поколений знаменитых мастеров. Потом все в "Спартаке" будут звать его "дед".

Все его время будет отдано "Спартаку". Рано утром Старостин будет выпивать стакан чаю. Поздно ночью плотно есть. Такой будет у него режим на протяжении почти всей второй половины XX века. Он так привык.

Новый 1948 год знаменитый футболист и бывший руководитель московского клуба "Спартак", а ныне лагерник с шестилетним стажем Николай Петрович Старостин встретил на Дальнем Востоке, в Амурлаге. Он руководит футбольной командой Комсомольска-на-Амуре. Футбол в сталинские времена — это не просто игра.

Спустя десятилетия Старостин напишет: "Принадлежность к футболу — лучшая охранная грамота в стране, где лагеря стали формой человеческого существования. В созданной лагерной системе футбол превращался в средство выживания". Уполномоченный Министерства госбезопасности СССР по Дальнему Востоку генерал-полковник Гоглидзе — горячий поклонник футбола. У него своя команда. Он в постоянной конкуренции с командующим Дальневосточной армии маршалом Малиновским, у которого целых две футбольных команды — хабаровский СКА и команда ВВС. Еще в 1944 году генерал-полковник Гоглидзе узнал, что у начальника Ухтлага

генерал-лейтенанта Бурдакова сидит знаменитый Николай Старостин и тренирует команду ухтинского Динамо". Старостин пишет: "С годами я перестал удивляться тому, что начальники ГУЛАГа, олицетворение его бесчеловечности и ужаса, эти вершители судеб тысяч и тысяч людей, любили футбол наивно, почти по-детски. Начальник Ухтлага Бурдаков всегда приводит на стадион жену — пожилую располневшую даму". На игры приезжают команды из других лагерей. Из разговора по селектору начальника Ухтлага Бурдакова с начальником Интлага генералом Барабановым: "Вот приедешь ты со своей командой в Ухту, я тебя вдребезги расшибу", — говорит Бурдаков, "Приеду, приеду, — отвечает Барабанов. — А кого расшибет, будет видно. Ведь у меня тренирует Старостин". — "Какой такой Старостин?" — спрашивает начальник Ухтлага. "Александр", — отвечает начальник Интлага. — "Да мой Старостин — Николай — твоему Старостину покажет, где раки зимуют". В это время все четыре брата Старостины, все прославленные футболисты "Спартак", сидят по разным лагерям.

Генералы НКВД — полновластные владельцы сотен тысяч крепостных. Тех, которые играют в футбол, они почти любят. Может быть, за победу в игре они могли бы даже дать вольную. Но, главное, оставить у себя. Николая Старостина начальник Ухтлага готов сохранить у себя любой ценой. Когда неожиданно приходит предписание отправить Старостина на Дальний Восток, генерал Бурдаков решает его спрятать. Он отправляет его за 300 километров от Ухты в лагпункт на лесоповал. Тридцатиградусный мороз. До лесоповала километров пять-шесть. Те, у кого 58-я статья, валят лес, уголовники у костра, на еловых лапах играют в карты. Старостин пишет: "Уголовники для надзирателей и конвоя не то что социально близкие элементы, а просто родные. У нас на ногах чуни из старых автопокрышек, обмотанные тряпьем. Каждый день умирает не меньше сорока человек. Их свозят в морг. Горы голых трупов, которые пожирают сидящие на них сотни крыс. Я видел".

Его все-таки забрали на Дальний Восток. Генерал-полковник НКВД Гоглидзе отбил у генерал-лейтенанта Бурдакова ценного завидного крепостного футболиста Николая Старостина. Полгода пути из Ухты в Хабаровск. Через десяток пересылок. Везде заправляют уголовники. Старостин вспоминает: "Уголовники ко мне относились

более чем доброжелательно. С этапа на этап передавалось: "Старостина не трогать". Когда я рассказывал футбольные истории, игра в карты прекращалась. Рецидивисты слушали как примерные школьники".

Старостину было что рассказать. В 1936 году на День физкультурника во время физкультурного парада на Красной площади решено было показать Сталину футбол. Правительственную комиссию по подготовке праздника возглавляет генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Косарев. Он хороший знакомый Николая Старостина. Для игры на параде Косарев выбирает старостинский "Спартак". Режиссер парада — впоследствии многолетний руководитель Театра сатиры Валентин Плучек.

Чтобы застелить брусчатку на Красной площади, решено сшить ковер из войлока размером в девять тысяч квадратных метров, покрасить и превратить его в стадион. Триста спартаковцев, включая самых знаменитых, каждую ночь сапожными иглами сшивают войлочные пластины. К утру сшитое скатывают, чтобы не мешать проезду машин. За день до парада готовый ковер в виде огромного рулона, замаскированного еловыми ветками, лежал вдоль ГУМа. В день парада по сигналу Николая Старостина сотни рук покатают рулон. Потом единым усилием встряхнут этот ковер — и все пространство от храма Василия Блаженного до Исторического музея превратится в стадион с изумрудным полем, размеченным белыми линиями. На нем и начинается футбол в исполнении спартаковских игроков, поделенных на две команды. Руководитель комсомола Косарев стоит рядом со Сталиным на Мавзолее. В руке Косарев сжимает белый носовой платок. У них со Старостиным условлено: если зрелище не понравится Сталину, Косарев достанет платок и игра прекратится. Николай Старостин постоянно бросает взгляд на Мавзолей. Все спокойно. Сталину футбол нравится. По сценарию положено играть 30 минут. Играют 43 минуты. Главный соперник "Спартака" — "Динамо", ведомственное спортивное общество НКВД. Участие "Спартака" в параде — удар по профессиональному самолюбию руководства НКВД. В 1938-м, когда во главе НКВД и, соответственно, во главе "Динамо" встанет Лаврентий Берия, он вспомнит о Дне физкультурника. Глава комсомола Косарев расстрелян сразу после прихода Берии к власти.

По дороге в Амурлаг на пересылке в Кирове Старостина неожиданно вызывают. В комнате свиданий — чемпионка мира, прославленная советская конькобежка Мария Исакова. Она не обращает внимания на сидящего рядом начальника тюрьмы. Бросается Старостину на шею. Передает приветы. Потом вдруг поднимает край подола и достает из чулка мешочек с табаком и деньги. Следующая пересылка в городе Молотов, до этого и после этого город Пермь. Старостин вспоминает: "Город Молотов встретил нас злым лаем конвойных овчарок и распахнутыми воротами очередной для меня тюрьмы". Здесь Николай Старостин случайно встречается с братом Александром. Александра Старостина погонят на лесоповал в Соликамск. Николай Старостин прибывает в Амурлаг. Здесь он будет тренировать футболистов-лагерников, ссыльнопоселенцев, вольнонаемных и бывших военнопленных. Тех, которые сразу из немецких лагерей попали в Амурлаг. Старостину здесь выпадает счастье. Он живет на территории гаража, примыкающего к зоне. Он так и напишет: "Это счастье в прямом смысле слова, ведь гараж — не зона". Он вспоминает: "Начальство Амурлага в то время ни в чем не нуждалось. Все продовольствие было американское. Не знаю, как и кто официально руководил транспортировкой грузов, приходящих из Америки в помощь СССР, но руководство Амурлага ходило в американской одежде, ело блины из заморской муки, импортную ветчину и чай у них был лучших в мире марок".

Во всей остальной стране 1 января 1948 года начинается третья неделя после отмены карточек. Ожидание послевоенной отмены карточек сравнимо мало с каким событием. В этом ожидании — надежда на лучшую, сытую жизнь, на то, что должно же когда-нибудь стать легче. Никто не знает, что государство для проведения акции по отмене карточной системы в качестве показательных площадок выберет несколько крупных городов, прежде всего Москву и Ленинград. Именно москвичи и ленинградцы сохраняют яркие воспоминания об отмене карточек: "Мы с мужем поехали в Столешников переулок. В магазине было битком народа, но на прилавках было — все! Тогда сумок не было, были авоськи, и вот из них у всех торчали мясные кости, завернутые в грубую бумагу, рыбы хвосты". Особым постановлением Совета министров в Москве почти за год создается неснижаемый запас товаров: мыло, сахар, мясо,

колбаса, мука. Повышенным спросом пользуется сахар, крупа, растительное масло. В промтоварных магазинах особенно быстро раскупаются галоши. К началу 1948 года уже введен так называемый "лимит" на галоши. Столичные города боятся наплыва людей из провинции и деревень. До отмены карточек существовали пайковые цены, то есть цены, по которым выкупались продукты по карточкам. В войну пайковые цены были фиксированными. В начале сентября 1946 года Совет министров и ЦК ВКП(б) принимают решение о повышении пайковых цен. 10 сентября информацию о повышении цен дают в партийный и советский актив. 12 и 13 сентября слухи распространяются по Москве и Ленинграду. С одной стороны, люди не верят, говорят: "Повышение цен не будет соответствовать политике советского государства". С другой стороны, те же самые люди немедленно встают в очереди в магазинах, чтобы отоварить карточки за сентябрь.

Решение о повышении пайковых цен публикуется 16 сентября 1946 года и преподносится как необходимое условие для отмены карточек в 1947 году.

Часть рабочих надеется в связи с этим повысить свою зарплату путем увеличения производительности труда. Однако сталинская экономическая система этого не позволяет: производство постоянно не обеспечено материалами, запасными частями, простои, потери времени неистребимы. Кроме того, специальное секретное постановление Совмина и ЦК ВКП(б) категорически запрещает повышение окладов. В том же сентябре — новое совместное постановление Совмина и ЦК ВКП(б) "Об экономии в расходовании хлеба". Экономия заключается в том, что с карточного снабжения снимается значительная часть населения страны. Это сельские служащие, колхозники, дети и инвалиды. Всего 100 миллионов человек, то есть 58 процентов населения СССР. Вот эти 58 процентов с особым голодным нетерпением ждали отмены карточек.

После отмены карточек вопреки массовым ожиданиям новые цены на продукты оказываются выше старых, пайковых. По зарплатам доступен самый минимум продуктов. Одежда и обувь вообще очень дороги.

Одновременно с отменой карточек проводится денежная реформа. Деньги меняют в соотношении 10 старых рублей на 1 новый. Обмен

производится в течение недели. В течение этой недели можно платить старыми деньгами, из расчета одной десятой их нарицательной стоимости. Вклады в сберкассах до 3 тысяч рублей обмениваются рубль в рубль. Вклады после 3 тысяч обмениваются с большими потерями. Партийные и советские работники узнают о реформе раньше населения, соответственно им удается провести обмен денег в первых рядах.

В городах ввиду столпотворения в сберкассах деньги удается обменять далеко не всем. Сельское население, складывающие жалкие рубли на черный день в чулок, в силу удаленности от сберкасс несет самые ощутимые потери. Реформа задумана как антиинфляционная. Для значительной части населения она оборачивается конфискацией денег.

Отмена карточек и денежная реформа в очередной раз в советской истории разводят в разные стороны, безвозвратно, население нескольких больших городов и всю остальную массу людей, населяющих страну.

Поэтому и воспоминания о 1947 и 1948 годах будут разные.

Раньше, по карточкам, 1 килограмм черного хлеба стоил 1 рубль, после отмены — 3 рубля 40 копеек. Цена 1 килограмма мяса выросла с 14 до 30 рублей, сахар с пяти с половиной до 15 рублей, масло с 28 до 66, молоко с двух с половиной до 8 рублей. В больших городах минимальная зарплата 200 рублей, столько у рядового милиционера. Средняя зарплата — 500 рублей. Рабочий в Москве столько зарабатывает. Шоколадные конфеты, копченую колбасу, которые появились в центральных гастрономах, понятно дело, никто не покупает. Но самое необходимое — макаронны, растительное масло, крупу — можно себе позволить. Правда, за грошовой ливерной колбасой приходится часами в очереди стоять. Очереди неизбежны, потому что действует постановление Совмина "О нормах продажи товаров в одни руки": крупа — 1 килограмм, колбаса — полкило, мыло — 1 кусок, спички — 2 коробка, нитки — 1 катушка. Но это просто в магазинах, не по карточкам. После такой войны — это действительно счастье. Что ж с того, что очередь после работы не на один час. Зрелище недоступных для большинства продуктов в витринах больших гастрономов вселяет в людей не раздражение, а оптимизм.

Именно ленинградцы" пережившие блокаду, чаще других вспоминают это время как самое сытое.

На Невском работает кафе "Север", бывший довоенный "Норд". Открыто с 9 утра до 12 ночи. Здесь подают в основном пирожные и кофе, из горячих блюд яичницу или омлет. Можно заказать коньяк, марочный портвейн, ликер, шампанское.

В малых городах и деревнях после отмены продуктовых карточек положение со снабжением просто катастрофическое. Самый дефицитный товар — хлеб. Все остальное просто не в счет.

В очередях стоят с утра до утра.

Из письма инвалида войны, Рязанская область: "Ввиду своего здоровья не могу лезть в давку, и потому я и моя семья из пяти человек вот уже 10 дней не видим хлеба". Служащий из Семипалатинска: "у входа в магазин, где продают хлеб, установили наблюдателей. Ежедневно происходит мордобитие". Окошки в кирпичной стене магазинов, откуда ведется торговля, в народе называют амбразурами. Их берут приступом, с хождением по головам.

1946 год в деревне — это время повсеместного отчаяния. В послевоенном 1945-м, в начале 1946-го у людей была надежда на отмену колхозов. В измученном крестьянском сознании все смешалось. Говорили, что "колхозная система была введена по указанию немцев для того, чтобы развалить хозяйство и ослабить Россию с целью завоевания". С другой стороны — и об этом свидетельствуют сводки МГБ — крестьянство не верило, что Сталин по собственной воле откажется от колхозов. Из Псковской, Курской, Ростовской областей, а также из сибирских деревень информаторы передают одни и те же слухи: "Бывшие союзники — Англия и Америка — заставят Сталина распустить колхозы. Американцы будут проверять с самолета, верно ли, что колхозы распущены".

К середине 1946 года эти надежды исчезают. Из письма крестьян Ставропольского края: "На работу гонят, а не кормят и денег не платят. А для приманки дают в день по чайной ложке баланды, 50 граммов хлеба, чтобы дышали и не подохли". В колхозе в Бурят-Монголии говорят: "Надо выходить из колхоза. Мы на краю гибели. Давайте бросайте работу — пойдете куда-нибудь".

В 1946 году начинается голод, который перейдет в 1947 год и дальше в 1946-й. Такой страшный, что именно он, голод, на самом

деле будет главным событием этих лет. Он унесет более двух миллионов жизней людей, которые пережили и выжили в войну. Урожай в 1946 году был меньше, чем в 1945-м, но не в этом причина голода. Истинная причина в том, что в 1946 году, точно так же, как в 1928 году, Сталин начинает продразверстку. В целях пополнения госрезерва государство, после того как колхозы сдали ему положенный хлеб, устанавливает надбавку к плану. То есть у колхозов изымается весь хлеб подчистую, включая тот хлеб, который предназначался для раздачи крестьянам в качестве натуральной оплаты их труда. Точно так же, как в 1930-м, деревня немедленно после этого входит в голод.

При этом хлеб в стране есть. Как и во время первого советского голода 1929–1933 годов в 1947-м полным ходом идет экспорт зерна.

Советские газеты 1947 года постоянно пишут о советской помощи голодающим в других странах. Государственный хлебный резерв пополнен в 1946–1947 годах и не размораживается, несмотря ни на что, Госрезерв не размораживается. Но и не сохраняется. Хлеб, изъятый государством, гниет на элеваторах, складах, на железнодорожных станциях и при перевозке. Загубленного по стране хлеба вполне хватило бы, чтобы оплатить трудодни голодающих крестьян.

В правительственных документах первое упоминание о поставке некоторых продовольственных и промышленных товаров для торговли в деревне относится к 1950 году. Большинство колхозников думает, что все это время от Сталина скрывают бедственное положение людей. Местной власти не верят. Колхозница Ивина из Ивановской области пишет письмо популярной артистке московской эстрады Марии Мироновой: "Уважаемая Мария Владимировна, мы уверены, что наш вождь и учитель товарищ Сталин об этом не знает, а то бы он не допустил так мучиться народу. 7 ноября на праздник Великого Октября собираются дать муку. Очередь пишется с середины октября. За промтоварами давка. Развелся какой-то блат, без него ничего не достать".

В течение июня 1948 года к правительству о срочной помощи хлебом обращаются 16 краев и областей, 4 автономные республики и 3 союзные республики. Просьбы местных властей, однако, никогда не мотивируются крайним голодом среди населения. Ссылаются на

снижение темпов прополки, сенокосения, уборки урожая. В крайнем случае, на суховей.

Сталин от своей провальной политики в деревне не отказывается. Летом 1948-го голод идет новой волной.

Однажды летом 1948 года, ночью, к строению на территории гаража Амурлага, где жил Николай Старостин, подъезжает машина первого секретаря горкома партии Комсомольска-на-Амуре. Приехавши на ней капитан входит и произносит: "Старостин, одевайтесь. Вас срочно требует к телефону Сталин". Когда через полчаса Старостин взял трубку телефона правительственной связи, он услышал голос сына Сталина Василия. С Василием Сталиным Старостин виделся в конце 30-х. Василий занимался в "Спартаке" верховой ездой. Теперь, в 1948-м, он командующий военно-воздушными силами Московского военного округа. И он хочет иметь собственную футбольную команду.

В телефонном разговоре он скажет Старостину: "Ну что они вас там до сих пор держат? Посадили-то попусту, это же ясно. Но вы не отчаивайтесь. Вы нам нужны. Я еще позвоню". Василий Сталин выпишет к себе Старостина. Правда, это будет после того, как у Старостина закончится срок. Он выходит с формулировкой "минус 16", то есть с запретом на проживание в 16 городах. Первый в этом списке — Москва. Вот тогда Василий Сталин и вывезет его в Москву на собственном самолете. Старостин будет вспоминать: "Мною овладело одно всепоглощающее желание — оказаться в Москве, я даже не пытался анализировать, чем грозит незаконное возвращение в столицу". Прямо с аэродрома Старостина привезут в особняк Василия Сталина на Гоголевском бульваре. На первом этаже бильярдные столы и обеденный стол.

Василий Сталин

На нем графин и ломти арбуза. Арбуз — любимая закуска Василя Сталина. Василий говорит Старостину: "Будете жить со мной у меня дома. Тут вас никто не тронет". Старостин не интересуется Василя Сталина как невинно арестованный человек. Старостин, несомненно, нужен ему как тренер. Но и это отходит для него на задний план. Старостин напишет: "Суть заключалась в том, что он ни в чем не хотел уступать Берии, которого люто ненавидел, постоянно ругал его последними словами, совершенно не заботясь о том, кто был в тот момент рядом". Мотив этой ненависти Василя — арест родственников по линии Аллилуевых. То есть родственников матери Василя, Надежды Аллилуевой, жены Сталина, покончившей с собой. О самом Сталине в присутствии Старостина Василий не говорит ни слова. И это при том, что Старостин с Василием в силу ситуации неразлучны. Вместе на тренировки, в штаб, на дачу. Старостин пишет: "Даже спали на одной широченной кровати".

Когда Старостин наконец предпримет попытку вырваться домой к семье, его арестуют и отправят из Москвы. Но в Орле, во время стоянки поезда, его догонят люди Василя Сталина. Они стаскивают Старостина с поезда, сажают в джип, потом на военном аэродроме в самолет. А в Москве Василий немедленно везет его на футбол, на стадион "Динамо", в правительственную ложу. Василий подвозит Старостина к генералу, говорит: "Познакомьтесь, это генерал Огольцов. А это Старостин, которого вы, генерал, сегодня утром выслали из Москвы". Генерал Огольцов, замминистра госбезопасности — организатор и участник убийства знаменитого актера и режиссера Соломона Михоэлса. Потом Василий решает спрятать Старостина на

военной базе ВВС в Переславле-Залесском. В 18 километрах, в деревне Погост, откуда родом мать Старостина. Сюда вся семья до революции из Москвы выезжала на лето. Отец и дядя Николая Старостина были егерями. Помимо профессионального обеспечения непосредственно охоты они натаскивали породистых собак, которых отдавали им на обучение владельцы. Кроме того, у них пансионат для тех собак, которых хозяева не имели возможности держать у себя. Все собаки чистокровные, дорогие. Пребывание каждой такой собаки в пансионате стоило 15 дореволюционных рублей в месяц. Николай Старостин пишет, что он с братьями не были господскими детьми, но и крестьянскими точно уж не были. Они были егерские.

В Москве Общество охотников имени императора Александра II выстроило егерской семье Старостиных дом на Пресненском валу. Из воспоминаний Андрея Старостина: "Наша детская в небольшом особнячке, стоявшем на Пресненском Камер-коллежском валу, казалась нам таинственной и большой. В ней мы играли в театр, в колдуны, сменились и путешествовали". Старостины — потомственные егеря. Их знаменитые предки — егеря Императорского охотничьего общества Архип и Никита Старостины. Младшее поколение должно было продолжить семейное дело. Тем более что у Николая Старостина — несомненный талант менеджера. Но раскроется он в иной области — в футболе. Николай Старостин с 14 лет учится в Коммерческом училище братьев Мансфельдов, которое готовит так называемых торговых корреспондентов, то есть менеджеров со знанием иностранного языка. Образование училище давало отличное, перспективы — превосходные. В это же училище поступит и другой брат Старостина, Андрей. Андрей Старостин — крестник известного московского миллионера и кутилы Алексея Назаровича Грибова. В доме Грибовых теперь резиденция бельгийского посла. Отец будущих футболистов Петр Старостин к политике равнодушен. Его брат Дмитрий — убежденный монархист и такой же убежденный противник футбола. Футболистов называл "голоштанниками".

Вскоре после революции глава семьи Старостиных умрет от тифа. Сыновья, чтобы не умереть с голоду, на отцовские подарочные ружья будут выменивать муку и картошку. Коммерческое училище закроется, Николай Старостин поступит на работу бухгалтером. И все братья

будут играть в футбол. В дореволюционном детстве все они были страстными футбольными болельщиками. Ходили смотреть игры на первенство города между студенческими командами. Фаворитом первенства в 1916 году была команда императорского училища. Из года в год она сражалась за первое место с командой Духовной семинарии, которую запросто называли "попы". Матчи проходят в Сокольниках, на 4-м лучевом просеке. В дикий футбол тогда играют на Ходынке. Осенью 1916 года возникает идея построить поле для футбольной команды Русского гимнастического общества. Вспоминает Андрей Старостин: "Мой брат, Николай Старостин, увлекался конькобежным спортом на Патриарших прудах. Он общался со знаменитыми конькобежцами Русского гимнастического общества. РГО культивировало футбол, а поля своего не было".

Тогда Николай Старостин и предложил правлению Общества арендовать воровской пустырь на Пресне, так называемую Горючку. Горючка — это своего рода казино московского уголовного мира, летний филиал Широковки — притона, находившегося в Большом Тишинском переулке. Главный спонсор строительства футбольного поля на Горючке — Шустов, глава знаменитой коньячной фирмы и финансовый партнер Русского гимнастического общества. Горючка, по сути, и есть родина будущего старостинского "Спартака". Сформированная команда сменит несколько названий, прежде чем в 1935 году обретет по инициативе братьев Старостиных название "Спартак".

Александр Старостин — первый капитан "Спартака". В 1937-м он передает капитанскую повязку следующему брату, Андрею. Младший Петр играет в "Спартаке" в амплу правого хавбека.

Нападающий Николай Старостин к моменту появления собственно "Спартака" — капитан сборной СССР. В 1936-м он перестает играть. Но именно с этого момента начинается новый виток его футбольной карьеры. Он возвращается к своей специальности менеджера. На пост тренера футбольной команды "Спартак" он приглашает иностранного специалиста, чеха Антонина Фивебра, который до этого тренировал испанские клубы, включая знаменитую "Валенсию". Используя ресурс генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева, Николай Старостин подключает огромные возможности

Промкооперации для финансирования созданного им общества "Спартак". "Спартак" никогда не будет ведомственной военизированной структурой, в отличие от "Динамо", образованного в 1923 году по личной инициативе Дзержинского.

Шестнадцатого июня 1937 года в Москву приезжает сборная Басконии. Играют с "Локомотивом" — 5:1. Потом выигрывают у "Динамо" 2:1.

У басков абсолютно новая тактика. Они применяют только входящую в моду схему нападения "W" — "дубль в". То есть два из пяти нападающих оттянуты назад, это так называемые инсайды. Центральный нападающий выдвинут вперед — на острие W. Линия нападения становится ломаной. Нападение — более маневренным. А мы все еще играем "пять в линию".

Попытка матча-реванша в исполнении "Динамо" снова заканчивается победой испанцев — 7:4. И тогда всеобщей последней надеждой становится "Спартак". Споры вокруг состава идут круглые сутки. Заседает не только тренерский совет. В обсуждениях участвуют знаменитые спартаковские болельщики артист Художественного театра Михаил Яншин, писатели Юрий Олеша и Лев Кассиль. Накануне матча Николай Старостин попадает в серьезную автомобильную аварию: сильно пострадала его жена. В день матча по дороге на стадион спартаковцы стоят в пробке. Переодеваются прямо в машинах и сразу на поле. И выигрывают у басков 6:2. Динамовское руководство, то есть руководство НКВД, воспринимает эту победу "Спартака" как личную обиду. После матча — награждение орденами. Николай Старостин получает орден Ленина. Александр — орден Трудового Красного Знамени, Андрей — орден "Знак Почета".

Старостин напишет: "Этот банкет — пир во время чумы. По стране идет лавина репрессий 1937 года. Арестованы сотни спортсменов, многие близкие мне люди. Арестован Володя Стрепихеев, которому выпало несчастье судить тот матч с басками, в котором проиграло "Динамо". Арестован лучший в то время судья и руководитель, Локомотива" Виктор Рябоконт. Арестовывают лыжников. При этом распускаются слухи, компрометирующие репрессированных". Старостин пишет: "Я тогда еще знал: чем невероятнее слух, тем легче в него готов поверить обыватель".

В 1938-1939-м спартаковцы делают золотой дубль — выигрывают и Кубок, и первенство страны. В 1938-м Берия становится главой НКВД и соответственно почетным председателем общества "Динамо".

Старостин встречается с Берией у Вышинского. Бывший главный прокурор Вышинский, в 1939-м зампред Совнаркома, курирует спорт. Николай Старостин вспоминает Берию на совещании у Вышинского: "Он без всяких границ располнел, при среднем росте весил явно за сто килограммов. Отекшая физиономия, шея с многочисленными бесформенными складками вываливалась из-под воротника рубахи, всегда мокрые жирные губы. И глаза — зеленые, навывкате, рачьи глаза. При всем желании в его больших зрачках невозможно было уловить что-либо человеческое". Берия посещает едва ли не каждый матч с участием динамовских команд. Динамовец Василий Трофимов в "Метрополе", самом богемном тогда московском ресторане, рассказывает Андрею Старостину, Михаилу Яншину, Юрию Олеше о разговоре Берии с динамовским тренером.

"Есть проблема в защите", — произносит тренер. Берия прерывает его: "Может, вам в защиту роту пулеметчиков поставить? Это можно. Только учтите, ваши спины тоже будут на мушке. Я не советую вам об этом забывать".

В 1939-м в полуфинале Кубка СССР тбилисское "Динамо" играет со "Спартаком". "Спартак" выигрывает 1:0. Еще через две недели "Спартак" выигрывает у ленинградского "Сталинца" и получает Кубок СССР. Через месяц Старостин узнает, что тбилисское "Динамо" приехало на переигровку матча со "Спартаком". Председатель Комитета физкультуры Снегов подтверждает: "Да, несмотря на победу "Спартак" в Кубке СССР, есть указание переиграть полуфинал". Старостин идет в ЦК. На уровне завоцделом ему отвечают: "Товарищ Старостин, решение о переигровке принято". Старостин возражает: "Это невозможно. Переигрывать полуфинал после финала — случай в спорте беспрецедентный". — "Не вам, товарищ Старостин, решать, что возможно, что нет. За выполнение решения вы отвечаете своим партийным билетом". — "Я — беспартийный", — отвечает Старостин. Вечером Старостину звонит секретарь ЦК Щербаков: "Игру придется переиграть. Есть указание, которое не может быть не выполнено".

Лаврентий Берия

Спустя 50 лет Старостин так пишет об этой переигровке, что текст, очевидно, выбивается из жанра воспоминаний.

Это отменный комментарий в темпе прямого эфира. И это свидетельствует о силе переживаний во время матча и о понимании, что все происшедшее впоследствии так или иначе связано с происходившим на поле в 1939-м.

"Спартак" в переигровке выигрывает у "Динамо" — 3:2. В том же 1939-м Берия представляет на подпись председателю Совнаркома Молотову ордер на арест Николая Старостина. Старостин пишет: "Случилось непредвиденное. Молотов не подтвердил ордер на арест". Дочь Молотова училась в одной школе с дочерью Старостина и дружила с ней, о чем знала жена Молотова Полина Жемчужина. Старостин потом скажет: "Может быть, поэтому и дрогнула тогда рука Молотова". Всех братьев Старостиных арестуют в 1942-м. Потом возьмут мужей их сестер и близких друзей семьи. Николай Старостин — в одиночке во внутренней тюрьме на Лубянке.

На стене камеры нацарапана фраза: "Федот, не верь следователю". Старостин будет встречать эти слова в других тюрьмах и на пересылках. "Федот, не верь следователю" — это фраза короткая, как крик, но совершенно понятная, исчерпывающая для того, кто ее читает в сталинских застенках. В ней желание остаться необолганным, сказать, что смог, выстоял, никого не оклеветал. Или если не смог и подписал ложные показания, то только потому, что пытали и выбили последние силы и, значит, все равно "не верь следователю" и "прости".

Семья Молотовых

Сначала следователь Рассыпинский добивается от Старостина признания в подготовке вместе с братьями террористического акта против Сталина во время парада в 1937 году. Потом Старостина обвиняют в хищении вагона мануфактуры. Затем — в публичном восхвалении буржуазного спорта. Старостин скажет потом: "За время, проведенное на Лубянке, я понял, что любая нелепица в этом ведомстве тянет минимум на десять лет".

Младший из братьев Старостиных Петр попадет с Лубянки в лагерь с двумя туберкулезными кавернами в легких — результат побоев на допросах. Оперировать уже после реабилитации. Александру Старостину повезет: у него был ленивый следователь. Он дожидался показаний, которые выбивали из других арестованных другие следователи. У Андрея Старостина после пыток бессонницей — нарушения в работе вестибулярного аппарата. После Лубянки он проведет полтора месяца в больнице Бутырской тюрьмы, где будет заново учиться ходить.

В 1948-м все братья Старостины в лагерях.

В 1948-м уже три года, как кончилась война. Это по календарю. В действительности все по-другому.

Рабочим, которые были эвакуированы вместе с заводами на восток и которые работали всю войну день и ночь на оборону, этим рабочим запрещено возвращаться в родные города. Из писем рабочих в президиум Верховного Совета: "Наши семьи не эвакуировали вместе с нами. Сейчас война кончилась, отпустите нас к нашим детям". Кадровый рабочий Козлов пишет: "Наш завод эвакуировали на Урал.

Дайте возможность дожить свои годы в своей семье до смерти, больше этого я у вас ничего не прошу".

Отмечены попытки коллективных действий рабочих. Чкаловский горком партии обсуждает коллективное письмо рабочих завода "Автозапчасть" с жалобами на тяжелые условия труда и быта. Горком приходит к выводу, что рабочие встали на "антипартийный путь". Факты, изложенные в письме, названы "клеветой на партийные и советские органы". Массовые требования отпустить домой идут от рабочих Челябинского тракторного завода, производившего в войну танки. На ЧТЗ — 6 тысяч ленинградцев, 4,5 тысячи харьковчан, 2 тысячи сталинградцев, 11 тысяч мобилизованных из армии. Такая же картина в Омске. Вводится уголовная ответственность за бегство на родину. Она сохраняется до 1956 года.

Из письма рабочего Миасского автозавода: "Кормить стали хуже, чем в войну, — миска баланды да две ложки каши овсяной, и это за сутки взрослому человеку". Ответ директора одного из заводов на просьбу рабочих улучшить питание: "Вы не советские люди. Советские люди много не едят".

В воздухе 1948 года носится одна мысль: чтобы выжить — надо воровать. Тюрьма не страшна. Там можно получить кусок хлеба. Хрущев, в то время первый секретарь ЦК КП(б) Украины, вспоминает, как сообщал Сталину о голоде и людоедстве и как отреагировал Сталин: "Мягкотелость! Вас обманывают, нарочно докладывают о таком, чтобы разжалобить и заставить израсходовать резервы".

В 1948 году ситуация с продовольствием в стране становится абсолютно беспорядочной. Карточная система стихийно восстанавливается по всей стране, кроме нескольких больших городов. Голод 1946–1948 годов, вызванный второй сталинской продразверсткой, спровоцировал бегство сельского населения в малые города, которые и так страдают от нехватки продуктов. Этот процесс в дальнейшем продолжится. Колхозники, у которых уже два года изымается весь произведенный хлеб, теперь стараются выработать только минимум трудодней, работа на общественных полях их не интересует. Даже угроза суда не может заставить их трудиться даром. Кроме того, за время войны на оккупированных землях многие крестьяне вернулись к единоличному хозяйству. Они не желают

возвращаться в колхоз. Единоличное хозяйство — единственный способ выжить. Власть действует рефлекторно, то есть исключительно мерами принуждения. 2 июня 1948 года принят указ Президиума Верховного Совета СССР "О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни". Выселяют в основном в Сибирь. Как единоличников, так и колхозников.

В крестьянской памяти указ от 2 июня 1948 года — это "второе раскулачивание". Опять конфискуются единоличный скот и инвентарь. Вопрос о выселении, как и в 1929-м, решают сельские сходы. Подлежащие выселению немедленно арестовываются. Крестьян отрывают от земли и привычно отправляют в никуда.

Сталинская система отторгает самые зрелые и опытные кадры в сельском хозяйстве. Тех, кто способен к тяжелому самостоятельному труду в деревне даже в условиях советской власти. В 1948 году начинается тот прогрессирующий кризис сельского хозяйства, из которого советская власть не сможет выбраться никогда.

Иногда жизнь на высылке была лучше, чем в колхозе. Сосланные из колхоза имени Буденного и теперь проживающие в поселке Батыган Верхоянского района Якутии пишут на родину: "Зарабатываем большие деньги, весьма довольны, приглашаем к себе". Местный райком партии счел это письмо дискредитацией указа о выселении, следствием потери революционной бдительности и слабости цензуры по месту ссылки. Спецпереселенцев отправляют в Красноярский край, в Иркутскую, Читинскую, Тюменскую области и в Хабаровский край. В том же 1948 году 26 января выходит указ Президиума Верховного Совета СССР в отношении народов, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны. В указе говорится: "Во время переселения чеченцев, карачаевцев, ингушей, калмыков и др. не были определены сроки их высылки. В целях укрепления режима поселения установить, что переселение проведено навечно. За самовольный выезд — 20 лет каторжных работ".

Спецпереселенцев много в тех краях, где политзаключенный Старостин тренирует футбольную команду.

В лагере, где он отбывает срок, главный закон звучит так: "Выжить и пережить тех, кто тебя посадил". Все четыре брата

Старостины выжили и пережили.

1949 год

Бомба

29 августа 1949 года взорвана советская атомная бомба.

Люди ядерной физики — это верхушка советской научной элиты. Просто новая советская послевоенная элита. Они по максимуму возможного в СССР интеллектуально свободны. Сначала, до войны, они свободны, потому что власть не проявляет к ним интереса и им удастся идти в русле мирового научного процесса. Потом, после войны, возникает уникальная ситуация. Власть нуждается в их интеллектуальной свободе, потому что именно от нее зависит создание атомной бомбы. Естественно, в квартирах всех участников атомного проекта установлены прослушки, за их родственниками и знакомыми идет спецнаблюдение, но, как вспоминает один из руководителей атомного объекта Арзамас-16: "На каком-то этапе нам дали понять, что мы можем говорить все что угодно и за это ничего не будет. Мысль рождается только при свободе разума, и, как мне кажется, Берия и Сталин это однажды поняли. Им нужна была атомная бомба, а сделать ее могли только люди без страха".

Еще в 1944 году, в самом начале атомного проекта, младший брат член-корреспондента Академии наук Исаака Кикоина в разговоре с коллегой высказал сомнение в мудрости руководства страны.

И. В. Курчатов

Коллега об этом донес. Через несколько дней Берия лично появляется в лаборатории Кикоина, чтобы снять все опасения в отношении его брата. Берия собирает тройку ученых — Кикоина, Алиханова, Курчатова — и говорит: "Нет никаких причин волноваться за судьбу родственников — им гарантирована полная безопасность". Только атомная бомба впервые за все правление Сталина делает возможными подобные слова. От государства атомный проект возглавляет Берия. От науки — Курчатов.

С началом атомного проекта Курчатов отращивает бороду. Его так и будут звать — "Борода".

Его коллеги говорили, что с бородой он походил на священника. В его доме возле камина — фигура Мефистофеля, главного искушителя рода человеческого. Возможность увидеть практический результат своих научных усилий — сильнейшее искушение для большого ученого. Тем более такой результат, как взрыв атомной бомбы.

24 января 1949 года в парижском Дворце правосудия начинается процесс по делу Виктора Кравченко в связи с его книгой "Я выбрал свободу". Инженер Виктор Кравченко, сотрудник советской закупочной комиссии в Вашингтоне, в 1943 году попросил политического убежища и вскоре выпустил книгу, где писал о коллективизации в СССР, о голоде на Украине, о сталинских лагерях, о том, почему он решил остаться на Западе. После выхода книги на французском языке коммунистический еженедельник "Летр франсэз" печатает фельетон под названием "Как был сфабрикован Кравченко". Смысл фельетона следующий: книга Кравченко — это козни ЦРУ против СССР. Знаменитый драматург Жан-Поль Сартр немедленно пишет пьесу, где также прозрачно намекает, что Кравченко — творение ЦРУ. Французская очень левая интеллигенция вплоть до появления на Западе Солженицына и его "Архипелага ГУЛАГ" будет отрицать правду о сталинизме. В 1949 году Кравченко подает иск на "Летр франсэз" за клевету и выигрывает процесс. На суде так называемым "свидетелем чести" против Кравченко выступил нобелевский лауреат по физике Фредерик Жолио-Кюри.

Фредерик Жолио известен своими левыми взглядами. Советское руководство использует публичную левизну французского ученого.

Советское руководство вступило в общение с ним еще во время войны.

В 1944 году с Фредериком Жолио встречается представитель советской разведки Лев Василевский. Научные тезисы для разговора разведчика с ученым пишет Курчатов. Разговор показывает, что Жолио готов к сотрудничеству с СССР в области использования атомной энергии в промышленной и военной сферах. Летом 1945 года он напишет письмо президенту АН СССР Комарову: "Я хотел бы иметь беседу с Молотовым и Сталиным по крайне актуальному вопросу об атомной энергии". Президент Академии наук передаст письмо Сталину. Сталин ничего не ответит.

В сентябре 1945-го, после американской атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, Берия подготовит для Сталина письмо с анализом предложения Жолио о сотрудничестве: "Профессор Жолио и его сотрудники были бы полезны нам, если бы возможен был их переезд в СССР для постоянной или длительной работы в СССР. Однако выяснилось, что профессор Жолио предполагает сотрудничество в форме взаимных консультаций. Предлагаемая Жолио форма сотрудничества неприемлема ввиду секретности работ по урану".

Четыре десятилетия, вплоть до начала Второй мировой войны, в развитии ядерной физики главенствовал научный интерес. Политики не было.

Это направление в науке развивается на редкость быстро, можно сказать, оно модное и, главное, интернациональное. Движение, которое приведет к созданию атомной бомбы, представлено мировой космополитической компанией ученых: Беккерель, Мария и Пьер Кюри, Резерфорд и Содди, Чедвик, Кокрофт и Уолтон, Энрико Ферми, Ирэн и Фредерик Жолио-Кюри, Бор и Уилер, Дирак, Вайскопф.

В декабре 1938-го в этот ряд входят Отто Ган и Фриц Штрассман из берлинского Института кайзера Вильгельма. Еще до того, как опубликована их статья в номере "Ди Натурвиссенсшафтен" о результатах бомбардировки ядра урана нейтронами, Отто Ган сообщает об эксперименте в письме к своей сотруднице Лизе Мейтнер, которая бежала из Германии после принятия там антисемитских законов и живет в Швеции. Лиза Мейтнер показывает письмо своему племяннику, физику Отто Фришу, который приехал к ней на

рождественские каникулы. Фриш тоже бежал от нацистов и теперь работал в институте Нильса Бора в Копенгагене. Они — то есть Отто Фриш со своей тетушкой — ходят на лыжах и бесконечно обсуждают проблему. Их вывод: "Распад ядра урана под действием нейтронов — новый тип ядерной реакции".

Они называют ее — деление. Фриш возвращается в Копенгаген и извещает обо всем Нильса Бора. Бор поражен настолько, что едва не опаздывает на пароход, отправляющийся в Швецию. Оттуда Бор должен ехать в Штаты, где собирается провести несколько месяцев в Институте прогрессивных исследований. Там работает Эйнштейн, бежавший из Германии. Великий Эйнштейн в Германии уже объявлен главарем "еврейской физики". Бор еще на пути в Штаты, когда Отто Фриш в Копенгагене повторяет опыты Гана и Штрассмана. Новость об открытии распространяется по миру. От Бора в Нью-Йорке об этом узнает Энрико Ферми. Итальянец Ферми работает в Штатах: у него жена еврейка, и он вынужден был уехать из фашистской Италии.

В лаборатории Ферми в тот же вечер проводят такой же эксперимент, что и Фриш в Копенгагене. Ферми с Бором выезжают в Вашингтон на конференцию по ядерной физике. Бор рассказывает о состоявшемся открытии. Ферми на глазах у изумленной аудитории высказывает предположение, что при расщеплении ядра урана испускаются нейтроны. И значит, возможна цепная реакция. Это конец января 1939-го. В марте 1939-го венгерский физик еврейского происхождения Лео Сциллард, эмигрировавший в США, ставит эксперимент и убеждается в правоте предположения Ферми. Независимо тот же эксперимент ставит группа Фредерика Жолио в Париже. Причем французы на 1939 год имеют все шансы первыми перейти к практическому использованию ядерной энергии. Фредерик Жолио получает финансирование своих исследований и после некоторых сомнений патентует свои работы. Один из пяти патентов — на конструкцию урановой бомбы. Даже обсуждается предложение о пробном взрыве в Сахаре. Германская оккупация Франции навсегда вычеркивает из истории вероятность французского атомного первенства.

Между тем именно Фредерику Жолио принадлежит особая роль в том, что Англия, Германия и США запускают свои атомные проекты. Фредерик Жолио в последний предвоенный год, когда война уже

нависла над Европой, продолжает придерживаться железного правила своей знаменитой тещи, нобелевского лауреата Марии Кюри: "Информация о каждом научном открытии должна быть опубликована". Но в 1939-м уже другая эпоха. Каждая публикация — шаг к новому оружию. Американские физики-ядерщики и прежде всего Лео Сциллард уже отдают себе отчет во всей опасности этой темы. Опасность связана с вероятностью применения результатов их исследований в военной сфере. Причем применить их может гитлеровская Германия.

Сциллард просит Фредерика Жолио приостановить публичное оповещение о результатах исследований. Жолио не прислушивается 22 апреля 1939 года в журнале "Нэйчер" выходит его статья, в которой черным по белому написано, что цепная реакция возможна. На французскую статью реагируют англичане. Урановой проблемой в Англии начинает заниматься Комитет по научным изысканиям по противовоздушной обороне при Министерстве авиации. Вскоре создается Комитет Мод, который будет курировать непосредственно английский атомный проект.

Фредерик Жолио

В Германии проект исследований по делению ядер утверждается в сентябре 1939-го. Физический Институт кайзера Вильгельма переподчиняется военному министерству. Все публикации по проблеме запрещаются. В Штатах 2 августа 1939 года Альберт Эйнштейн по поручению своих коллег пишет письмо президенту Рузвельту, в котором предупреждает о том, что Германия начала движение к атомной бомбе. В октябре 1939-го в США создается

Урановый комитет. Ведущие американские ученые и редакторы основных научных журналов принимают решение о добровольном прекращении публикаций о делении.

В Советском Союзе в это время физики открыто публикуют свои работы. Ни сами советские ученые, ни государство не чувствуют необходимости в каких-либо ограничениях.

В СССР не бегут физики из Германии. У нас нет тревоги по поводу того, что нацисты могут создать атомную бомбу. Мало того, заключение пакта Молотова-Риббентропа о дружбе с гитлеровской Германией делает разговор о немецкой бомбе вообще недопустимым, противоречащим государственной политике. Сталинская официальная дружба с Гитлером вносит в ядерную физику элемент беспечности. Она не позволяет вовремя мобилизовать ученых на решение прикладных задач, в то время как Англия и США уже отдают себе отчет в неотложности этих задач. Как следствие пакта Молотова-Риббентропа, начинается наше отставание в ядерной сфере. Кроме того, после заключения договора СССР с гитлеровской Германией западные физики прекращают обмен научной информацией с советскими коллегами в самой чувствительной области науки. Договор Сталина с Гитлером наносит удар по советской ядерной физике в тот самый момент, когда в мире эта наука делает огромный интернациональный антифашистский рывок. О бомбе в руках Гитлера Сталин не думает. Он заинтересуется бомбой, когда она появится у Соединенных Штатов.

О делении урана советские ученые узнают с некоторым опозданием. Большой террор 1937–1938 годов означал не только физическое уничтожение в том числе и людей советской науки. С началом волны массовых репрессий свернуты международные научные контакты. Специальные журналы поступают в СССР с опозданием на шесть-восемь недель. Когда информация о делении ядра наконец приходит, она вызывает у советских физиков огромное воодушевление. Они идут теми же путями, что и мировая наука. Бее в будущем знаменитые имена советского атомного проекта уже на поверхности. Курчатов с 1932 года возглавляет отдел ядерной физики в ленинградском физтехе у Иоффе. У Курчатова в отделе начальники лабораторий — Абрам Алиханов, Лев Арцимович, Дмитрий

Скобельцын. Все трое — будущие академики. Сотрудник Курчатова Флеров и его коллега из Радиевого института Петржак в Москве на станции метро "Динамо" проводят эксперимент по спонтанному делению и первыми доказывают явление, предсказанное Бором и Уиллером. Из физтеха Иоффе выделяется Институт химфизики. Его возглавляет друг Петра Капицы Николай Семенов, будущий нобелевский лауреат. В этом институте — Харитон и Зельдович, будущие академики.

Слева направо: И. Курчатов, Д. Скобельцын, Л. Арцимович, А. Алиханов

Под влиянием работ Харитона и Зельдовича физики Маслов и Шпинель в октябре 1940 года подают в бюро изобретений Народного комиссариата обороны СССР секретную заявку на изобретение "Об использовании урана в качестве взрывчатого и отравляющего вещества". В 1940 году заявка получает отрицательный отзыв.

Большинство советских ученых в это время к использованию ядерной энергии относятся скептически.

Как ни странно, куда более практично на эту проблему смотрят ученые старшего поколения.

12 июня 1940 года на имя заместителя председателя Совета народных комиссаров Булганина пишут письмо знаменитый русский ученый академик Вернадский, его друг директор ленинградского Радиевого института академик Хлопин и выдающийся минералог академик Ферсман. Все они принадлежат к русской дореволюционной академической науке. И именно они в 1940 году пишут в правительство: "Мы полагаем, что уже назрело время, чтобы правительство приняло ряд мер для технического использования

атомной энергии, что обеспечило бы Советскому Союзу возможность не отстать от зарубежных стран. Важность вопроса об использовании атомной энергии вполне осознается за границей, и, по поступающим оттуда сведениям, в Соединенных Штатах Америки и Германии лихорадочно ведутся работы по этой проблеме и на них ассигнуются большие средства". Интересно, что именно послужило толчком к написанию письма. Эта ситуация как нельзя полно характеризует изоляцию, в которую загнана советская наука.

5 мая 1940 года газета "Нью-Йорк таймс" на первой странице публикует статью Уильяма Лоуренса под заголовком "Наука открыла громадный источник атомной энергии". Автор пишет: раз — об авангардных работах в Колумбийском университете столько что впервые полученными образцами U-235 и говорит, что эти работы окажут "колоссальное влияние на исход войны в Европе". Два — автор статьи говорит о работах по урану в Германии: "каждому немецкому ученому-физику, химику, инженеру приказано посвятить себя только этой работе". Сын академика Вернадского, Георгий, давно эмигрировавший из СССР, на момент выхода статьи преподает историю в Йельском университете. Он, зная об интересе отца к урановой проблеме, вырезает статью и отправляет ее в письме в СССР. Академик Вернадский получает письмо от сына, будучи в подмосковном академическом санатории "Узкое". Вернадский поражен полученной информацией. Он буквально бежит к Хлопину, который здесь же, в "Узком". Вот по мотивам этой полученной газетной статьи они немедленно пишут письмо в правительство и в Академию с требованием срочной разведки залежей урана. 26 июня 1940 года газета "Известия" публикует информацию о создании "тройки" — это традиционная для советской системы форма организации труда, — так вот на сей раз тройка состоит из Вернадского, Хлопина и Ферсмана. Сыну в США Вернадский пишет: "Спасибо за вырезку из "Нью-Йорк таймс" об уране. Это было первое известие об этом открытии, которое дошло до меня и до Москвы вообще".

В. И. Вернадский

Летом 1940 года образована Комиссия по урану при Академии наук. Это решение оформлено постановлением ЦК. Вернадский в записных книжках дает собственное объяснение этому партийному решению. 29 августа 1940 года, через год после подписания договора о дружбе между СССР и гитлеровской Германией, академик Вернадский пишет: "Гитлер предложил Сталину и Молотову организовать обмен научными достижениями в области науки между Германией и Советским Союзом. Послана комиссия от НКВД с самим Берией. По-видимому, пока не дошло до трагедии. Может быть, и постановление ЦК партии об уране связано с предложением Гитлера?" То есть Вернадский предполагает, что советская комиссия ездила в Германию в связи с урановой проблемой. Если это так, если великий ученый был прав, то путь Берии к руководству советским атомным проектом начинался с опыта атомного сотрудничества с гитлеровской Германией.

Много лет спустя, в 60-е годы, создатель ядерного центра в Дубне, член-корреспондент Академии наук Мещеряков, прочитав записные книжки Вернадского, скажет: "Как это важно! С каким недоверием директор Радиевого института Виталий Григорьевич Хлопин относился к Берии. Как он препятствовал попыткам Берии учинить расправу над его сотрудниками. Там были евреи. Когда в 1946-м в марте было подуказание Берии — тогда уже главы атомного ведомства — "очиститься" от этих шести человек, Хлопин посмотрел на этот список своими подслеповатыми глазами, взял ручку и написал первым "Хлопин", и говорит: "Пожалуйста. Но меня — вместе с ними". А без Хлопина не могли обойтись, он был единственный крупный

радиохимик, который знал толк в этой проблеме. Ведь в урановой проблеме после открытия деления ядра все остальное — это технология. Проблемы химического выделения, проблемы металлургии. И Хлопину тут были все карты в руки".

Ситуацией Берия-Хлопин дело не ограничится. В 1949-м ведущие советские физики Иоффе, Ландау, Леонтович, Зельдович, Харитон, Капица, Френкель, Мандельштам названы космополитами, то есть приспешниками буржуазной идеалистической науки и, значит, антипатриотами. Они попадают под начатую в 1949-м сталинскую борьбу с так называемым "космополитизмом".

В. Г. Хлопин

На общечеловеческом, несталинском, языке космополит — это гражданин мира. Это понятие существует со времен античности, оно изначально позитивно по смыслу и давно уже почетно. Оно — свидетельство личных заслуг перед человечеством. В годы сталинского заката иностранное слово "космополит", смысл которого неизвестен большинству населения, посредством пропаганды получает совершенно другое значение. Во-первых, "космополит" воспринимается населением как одно из государственных обозначений этнических евреев. Это естественно, потому что в качестве космополитов фигурируют сплошь люди с еврейскими фамилиями. Но космополитами могут быть не только евреи. Ими могут быть просто представители интеллигенции любой национальности, которые в силу профессиональных, скажем, научных интересов опосредованно связаны с западным миром. То есть всякого человека умственного труда следует подозревать в космополитизме, а значит, и в том, что он

не любит Родину. Тем самым разжигается не только национальная, но и в очередной раз социальная ненависть.

Кампания борьбы с космополитизмом, начавшаяся с публикации в "Правде" 28 января 1949 года, охватит все сферы интеллектуальной деятельности. Самый страшный пример — окончательный разгром генетики под классическим лозунгом "Генетика — продажная девка империализма".

Физика, где многие крупные ученые — евреи по национальности, находится на грани такого же разгрома, что произошел в фашистской Германии в 30-е годы. В 1949-м проклята знаменитая Копенгагенская школа Нильса Бора. Хотя именно Бор — один из немногих западных ученых — и до, и во время войны внимательно следит за успехами советской физики и высоко их ценит.

Дело доходит до того, что разгромная идеологическая кампания ставит под угрозу атомный проект. Этот момент настолько критичен, что Курчатов может позволить себе поставить власть перед альтернативой: "Либо идеологические игры, либо бомба". Сталин выбирает бомбу. Труд специалистов-евреев использовался в виде исключения и в нацистской Германии. Они назывались "экономически полезные евреи". Геринг любил говорить: "Я сам определяю, кто из моих подчиненных еврей".

На самом деле советский атомный проект не первый в нашей истории. Первый начинался в России в период экономического бума, предшествующего Первой мировой войне.

В 1910 году на общем собрании Академии наук Владимир Иванович Вернадский произносил "В явлениях радиоактивности — источник атомной энергии. Ни одно государство и общество не может быть безразлично, как, кем и когда будут использованы эти источники атомной энергии". В 1910 году создается Радиевая комиссия Академии наук. Запускаются государственные экспедиции по разведке урановых месторождений. В это время в той же сфере работает частная компания под названием "Ферганское общество по добыче редких металлов". Оно доставляет руду в Петербург. Извлекает урановые препараты и экспортирует их в Германию, В отходах остается радий. Но в компании не знают, как его извлечь.

В 1911 году по инициативе Вернадского создается первая лаборатория по извлечению радия. Лаборатория размещается в Петербурге в бывших мастерских знаменитых художников Ивана Крамского и Архипа Куинджи.

Средства на начало первого российского атомного проекта дает русский бизнес. Лаборатория Вернадского оснащается оборудованием на деньги Фонда Леденцова. Фонд создан на основании завещания крупного предпринимателя Христофора Семеновича Леденцова и обеспечивает, как сегодня принято говорить, инновационные исследования и целые научные направления. На средства Леденцова — все оборудование для нобелевского лауреата академика Павлова, а также Циолковского, Жуковского, Зелинского, Лебедева. Фонд финансирует мозги России. Леденцовское общество будет закрыто в 1918 году по личному распоряжению Ленина. Деньги, шедшие на науку, национализированы.

Х. С. Леденцов

Параллельно с Фондом Леденцова работают братья Рябушинские. Эта семья — в первом ряду российского бизнеса. В 1913 году Вернадский выступает в доме Павла Рябушинского по проблеме радия. Речь идет о новых источниках энергии. Рябушинские дают огромные деньги на геологоразведку. 29 июня 1914 года Государственная дума одобряет правительственную смету на радиевые исследования, До начала Первой мировой войны месяц.

1916-й — последний предреволюционный год — это год стратегического перелома, время возникновения многообещающего союза российской науки и военно-промышленного комплекса. В 1916-

м военном году они спаяны патриотическим духом. И что крайне существенно — огромными частными деньгами, которые русский бизнес вкладывает осмысленно, на перспективу. Русский бизнес создает перед самой революцией уникальную ситуацию: деньги есть — слово за наукой. В этом смысле первый, российский, атомный проект был просто обречен на успех. При сохранении темпов развития начала XX века Россия могла в 20-е годы стать первой державой мира, заняв то место, которое впоследствии заняла Америка. Ее превращение в ядерную державу не вызывает сомнений. Это был бы экономически естественный ход событий. Атомный проект не высосал бы до дна все силы из экономики, как это произошло в 1949 году. В 1914 году по просьбе администрации Соединенных Штатов две тысячи российских инженеров были направлены в Америку, чтобы делиться с американцами российским опытом.

После Октябрьского переворота у "Ферганского общества по добыванию редких металлов" конфискуются остатки урановой руды. В мае 1918 года радиоактивные материалы в целях сохранности вывозят из Петрограда. В Пермской губернии по указанию Ленина предпринимается попытка создать промышленную установку по получению радия. В конце 1918 года сюда вступает армия Колчака. Широко известна история об эшелоне с золотом, который, отступая, вывозил с собой Колчак. На самом деле часть вагонов этого эшелона заполнена урановой рудой. Оставшаяся часть руды перевезена на завод в поселок Бондюги на берегу Камы. Именно там в 1921 году Хлопиным и Башиловым получен первый радий. Завод, на котором получен радий, — одно из самых передовых химических предприятий России. Построен завод русским предпринимателем Петром Ушковым. С 1925 года завод брошен.

Личное указание Ленина о производстве радия объясняется вовсе не интересом к передовой науке. Ленина привлекает мировая цена на радий и, собственно, возможность торговли им. На начало Первой мировой войны 1 грамм радия стоит 180 тысяч долларов, то есть примерно столько, сколько 160 килограммов золота. Однако в 1922 году цена на радий падает. Видимо, именно по этой причине препараты радия не будут проданы, сохранятся и пролежат до середины 40-х годов, когда неожиданно будут востребованы.

После четверти века хранения в фондах Министерства финансов запаянные ампулы с радием извлекают и привезут в только что созданный под боком у курчатовской лаборатории № 2 НИИ-9, так называемую "девятку". Здесь из не проданного Лениным радия по заданию Курчатова и Хлопина на установке в сарае под руководством Зинаиды Ершовой, проходившей в 1936 году стажировку в Институте Марии Кюри в Париже, будет получен полоний. Из него будет сделан нейтронный взрыватель для первой советской атомной бомбы. Здесь же, в этом институте, в 1947-м будет разработана технология получения плутония — главной начинки бомбы. Уран для получения плутония облучают в реакторе у Курчатова. А производят этот уран под Москвой в городе Электросталь. Заняты урановым производством немецкие специалисты, вывезенные в 1945 году из Германии. Руководит работами доктор Риль, уроженец дореволюционного Петербурга. Работают они на обогатительном заводе, построенном в 1916 году представителем большого российского бизнеса Николаем Второвым. Зинаида Ершова была замужем за его племянником — физиком. На вопрос, чем бы она занималась, если бы не революция, она отвечала: "Тем же, чем и сейчас. Урановой проблемой".

В 1941 году Англия лидирует в исследованиях по бомбе. В секретном отчете речь идет уже и об урановой и о плутониевой бомбах. Вывод: атомная бомба может быть создана еще до окончания войны. Потом американцы делают рывок и выходят вперед. Полномасштабные работы по созданию атомной бомбы, знаменитый Манхэттенский проект, начаты в июле 1942-го. В 1943 году во время встречи Рузвельта и Черчилля согласовано участие англичан в Манхэттенском проекте. Британские физики переезжают в Штаты.

С сентября 1941 года НКВД начинает получать детальную информацию о ходе работ в Великобритании. Источники этой информации — Джон Кейрнкросс и Клаус Фукс. Вплоть до весны 1942 года советские власти никак не реагируют на стратегическую информацию. Им не до бомбы. СССР, катастрофически не готовый к германскому нападению, переживает самый тяжелый, трагический период войны. В 1942-м, в марте, Берия напишет записку Сталину, основной смысл которой — проблема атомной бомбы англичанами решена. Начинаются консультации с учеными. В конце 1942-го Сталин

решает возобновить ядерные исследования. Курчатова отзывают с фронта, где он ведет работы по размагничиванию боевых кораблей. В конце года он в Москве. Вместе с Алихановым и Кикоиным. Их просят представить информацию о возможности создания бомбы и времени, необходимом для ее производства. В начале 1943-го Курчатов встречается с Молотовым. Молотов вспоминает: "Был у меня самый молодой и никому еще не известный Курчатов. Я его вызвал, поговорили, он произвел на меня хорошее впечатление".

10 марта 1943 года Курчатов утвержден научным руководителем проекта. Молотов продолжает: "Я решил дать Курчатову материалы нашей разведки. Курчатов несколько дней сидел у меня в Кремле над этими материалами. Где-то после Сталинградской битвы, в 1943 году". То есть до этого момента правительство консультировалось с учеными, не показывая им материалы, которые имели решающее значение.

Курчатов под грандиозным впечатлением от увиденных им материалов. Главный вывод: из материалов разведки следует, что для решения урановой проблемы требуется значительно меньше времени, чем полагали советские ученые, не знающие о том, что делается за границей. Об этом Курчатов пишет подробную записку на имя Первухина, зампреда Совнаркома.

Через две недели Курчатов напишет ему вторую записку. Ее суть: следует двигаться не к урановой, а к плутониевой бомбе. Эти две курчатовские записки — базовые для запуска советского атомного проекта. Они говорят о том, что Курчатов-менеджер уже готов к работе. И еще о том, что Курчатов-ученый восхищен высочайшим качеством работы своих зарубежных коллег. Молотову Курчатов скажет: "Замечательные материалы. Как раз то, чего у нас нет, они добавляют". Молотов представит Курчатова Сталину. 12 апреля 1943 года принято секретное постановление о создании для Курчатова новой лаборатории. Для отвода глаз она названа Лаборатория Ns 2, а не Лаборатория № 1.

На самом деле вплоть до 1945 года, до взрыва американской бомбы, работы по атомному проекту идут крайне медленно. Характерна записка Курчатова Берии осенью 1944 года: "За границей создана невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерных сил. У нас же положение дел остается совершенно неудовлетворительным".

Советская разведка начинает получать материалы из США. Клаус Фукс в числе английских специалистов приезжает в Штаты и передает принципиальную и полную информацию. Кроме Фукса, источником работает английский физик Алан Нанн Мэй. В первую неделю 1945 года он сумеет передать микроскопический образец урана-235 и урана-233, которые отправляются в Москву. Курчатов и Харитон принимают решение использовать американскую информацию при конструировании советской бомбы. Уже после капитуляции Германии Курчатов продолжает твердить руководству страны: необходимо срочное проектирование и строительство предприятий атомной промышленности. Курчатов по разведматериалам знаком с гигантской работой, проделанной в США. Власть не проявляет интереса. Одно из объяснений этому интересному обстоятельству дает офицер разведки Яцков, работавший на проекте. Яцков говорит: "Берия не верил сообщениям разведки. Берия заподозрил дезинформацию, считая, что таким образом противник пытается втянуть нас в громадные затраты средств на работы, не имеющие перспективы. Он не верил даже тогда, когда работы над бомбой шли полным ходом. Говорил: "Если это дезинформация — всех вас в подвал спущу"". Подозрения в отношении разведки накладываются на традиционное неверие советского руководства советским ученым. Власть не оказывает поддержки идеям советских ученых до тех пор, пока они не находят подтверждение западным опытом.

И. В. Курчатов и Ю. Б. Харитон

Сталин вызовет к себе Курчатова только 25 января 1946 года. Курчатов запишет некоторые впечатления от беседы. Сталин сказал:

"Не стоит заниматься мелкими работами, а необходимо вести их широко, с русским размахом. В этом отношении будет оказана самая широкая помощь". Сталин говорит: "Не нужно искать более дешевых путей". Сталин сказал: "Наше государство сильно пострадало, но всегда может обеспечить, чтобы несколько тысяч человек жило на славу, а несколько тысяч человек жило еще лучше".

Создание атомной бомбы — это прежде всего создание атомной промышленности, это ситуация, когда экономика должна продемонстрировать свои индустриальные и технологические возможности. Советская экономика демонстрирует то, что может — присущую ей технологию организации труда. Отлаженная лагерная система разворачивается на атомный проект. Здесь все карты в руки Берии.

Именно Курчатов предложил Бериию на руководство проектом, реально понимая, что кроме как его ресурсами решить поставленную задачу у нас нечем.

Вспоминает заместитель Курчатова по Лаборатории № 2 Игорь Головин: "Использовался ли при осуществлении труд заключенных? В широчайших масштабах. Все стройки, рудники, атомграды, даже наш институт в Москве — на всех этих объектах работали заключенные. Вы видели наш клуб? В этом здании была тюрьма. Оно было огорожено высокой глухой стеной, на углах вышки с автоматчиками. Первый реактор возводился руками заключенных. Все специалисты это видели и обо всем знали".

На строительстве атомных объектов работает 750 тысяч человек. Из них более половины заключенные. Треть — военные строители с правами заключенных. И десять процентов вольнонаемных, свобода передвижения которых крайне ограничена. Большинство заключенных — военнопленные, вышедшие из фашистских лагерей.

Из воспоминаний военного строителя Анатолия Осипова: "Солдат-фронтовиков, бывших в плену, сразу рассортировали по признаку — кем, какими войсками был освобожден. Было три категории. Освобожденные американцами, англичанами, советскими войсками. Самыми неблагонадежными считались так называемые "американцы". Соответственно питание и одежда".

Все затраты на строительство оплачиваются Госбанком по фактической стоимости без предоставления смет и расчетов. Это

называется "открытый счет". Неограниченные деньги, неограниченные рабские ресурсы плюс талантливые ученые и инженеры, отвечающие головой за сроки работы. На этом фоне высокая оценка административных способностей Берии выглядит малоуместной.

Вспоминает врач, профессор Ангелина Гуськова: "В лаборатории по выделению плутония работают в основном молодые девушки. Это группа особого риска. Болезнь этих людей называется пневмосклероз плутониевый".

Вспоминает академик Петрянов-Соколов: "Я был поражен видом этих молодых женщин, имевших дело с плутонием и полонием. У них была странная походка. Они медленно передвигались. И мертвенно-бледный цвет лица. Мне сказали, что у них у всех "плохая кровь". И никаких средств защиты". Эти женщины — не заключенные. Они молодые специалисты. Это они — ядерный щит Родины. Они верят в угрозу атомной войны и спасают от нее Родину ценой своей жизни.

У Сталина свой взгляд на атомную войну. Война с Соединенными Штатами представляется ему вероятной. Она его интересует и не вызывает беспокойства. В июле 1952 года Сталин скажет итальянскому социалисту Пьетро Ненни: "Для Америки недостаточно разрушить Москву, так же как для нас недостаточно разрушить Нью-Йорк. Нужно мобилизовать сухопутные силы для третьей мировой войны в Европе и Азии. А где Соединенные Штаты найдут миллионы солдат, чтобы вести третью мировую войну?" Сталин, начиная с 1949 года, увеличивает советские вооруженные силы в Германии и реорганизует восточноевропейские армии. К 1953 году, году смерти Сталина, они составят миллион человек. В советских вооруженных силах более пяти миллионов. В 1949 году Сталин разворачивает 14-ю армию на Чукотке с перспективой высадки на Аляске. В том же 1949-м в плане "Оффтекл" Объединенный комитет начальников штабов вполне улавливает ход сталинской мысли: "Ожидается, что Советский Союз начнет выступление в Западной Европе и на Среднем Востоке, бомбардировки Британских островов и выборочные воздушные атаки на Северную Америку. Западные союзники будут слишком слабы, чтобы удержать Западную Европу, но попытаются удержать Северную Африку. Откуда начнут наступление с целью возвращения на европейский континент".

Если Сталин знал об этой оценке, она не могла ему не понравиться. В его представлении мощь государства всегда определялась только размером территории. Женщины, которые работали и умирали на плутониевом производстве, ничего об этом не знали.

1950 год

Виктор Абакумов

В последние два дня сентября 1950 года в Ленинграде в Доме офицеров на Литейном проспекте идет процесс по так называемому "ленинградскому делу".

По схеме, отработанной на Больших процессах 30-х годов, обвиняемые уже сознались во всех предъявленных им обвинениях, а именно в том, что они — Кузнецов, Попков, Капустин, Вознесенский, Лазуткин, Родионов, Турко, Закржевская, Михеев — еще в 1938 году объединились в антисоветскую группу, вынашивали изменнические замыслы, проводили вредительско-подрывную работу, наносили экономический вред советскому государству.

Оглашение приговора заканчивается в 00 часов 59 минут 1 октября 1950 года. Шестеро приговорены к расстрелу. После оглашения приговора охранники набрасывают на осужденных белые мешки, взваливают на плечи и несут к выходу из зала.

В зале сидит министр государственной безопасности СССР Абакумов.

Он вел это дело год. Основные фигуранты — бывшие секретарь ЦК Кузнецов, председатель Совмина РСФСР Родионов, председатель Госплана Вознесенский. Все выходцы из Ленинграда. Всех в свое время привел Жданов, которого уже больше двух лет нет в живых, Кузнецов, по сути, заступил на место Жданова, который в послевоенные годы был вторым после Сталина человеком в партии. Еще в 1946-м, при Жданове, Сталин поручил Кузнецову курировать МВД и МГБ. С возвышением Кузнецова связан приход ленинградцев на самые различные посты. Первый секретарь Ленинградского обкома Попков, который пойдет по "ленинградскому делу", выступая 22 октября 1948 года на областной партконференции, с гордостью говорит: "За два года Ленинградская парторганизация выдвинула на руководящую работу 12 тысяч человек".

Кузнецов сделал карьеру в годы Большого террора. В ноябре 1937 года газета "Ленинградская правда" писала о кандидате в депутаты Верховного Совета СССР Кузнецове: "В первый же год своего

пребывания в партии Кузнецов активно разоблачает подрывную работу кулаков. В 1929 году товарищ Кузнецов избран секретарем окружкома в г. Луга. Тов. Кузнецов вступил в борьбу с замаскированными врагами в окружкоме ВКП(б), сигнализировал об их подрывной работе в областной комитет партии, и они были разоблачены как враги народа. С особой силой тов. Кузнецов развернул свои способности на посту первого секретаря Дзержинского райкома Ленинграда. С неутомимой энергией боролся тов. Кузнецов за разоблачение врагов в Государственном Эрмитаже, в Русском музее. Непримириемость к врагам — вот главная черта тов. Кузнецова как ленинца-сталинца".

В. С. Абакумов

Несомненно, Маленков, Берия и Хрущев — активные противники усиления ленинградской группировки. Особенно ввиду старения Сталина.

В прошлом, 1949, году Сталин отметил 70-летие.

А. А. Кузнецов

О Кузнецове после смерти Жданова пошли разговоры как о преемнике Сталина. Для Сталина всякий разговор о преемнике — это разговор о его, Сталина, смерти.

"Ленинградское дело" — это затея самого Сталина. В его окружении — все его личные ставленники. Он перетряхивает их как хочет. Без всякого усилия. Даже старческой рукой.

Министр госбезопасности Абакумов был в дружеских отношениях с обвиняемым Кузнецовым в бытность того секретарем ЦК. Они вообще дружили семьями. Сталин в ходе "ленинградского дела" требует от Абакумова, чтобы Кузнецов пошел у него по статье "шпионаж", то есть по расстрельной статье. Впоследствии следователь Комаров скажет: "Я доложил Абакумову план расследования и заговорил про шпионаж, а он принялся рассуждать вслух: "Они все давно на виду, постоянно под охраной МГБ. Начни мы ставить вопросы об их связи с границей, в ЦК будут смеяться"". На самом деле Абакумов отлично знает, что тут не до смеха. Если Кузнецов будет обвинен в шпионаже, то МГБ, абакумовское ведомство, будет обвинено в попустительстве шпионам. А сам Абакумов, приятель Кузнецова, тогда сядет с ним на одну скамью. Именно поэтому Абакумов обеспечит признание обвиняемых во всем, кроме шпионажа.

Сталин еще в 1939 году, 10 января, подписал шифротелеграмму, адресованную секретарям обкомов, крайкомов и ЦК компартий республик. В шифротелеграмме указывалось: "ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь в отношении неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод".

В 1950 году сталинский документ не теряет своей актуальности. Иосиф Турко, проходивший по "ленинградскому делу" и выживший, вспоминает о ходе следствия в ведомстве Абакумова: "Кабинет № 31 — это кабинет предварительных пыток. Настоящие пытки в кабинете № 4. Совершенно пустой кабинет. Только несгораемый ящик. На нем какие-то странные предметы. Орудия пыток. Следователь Комаров в синей рубашке, расхристанный. Сидит в кресле. На другое ноги

положил. Вскочил и для начала приложил меня так, что у меня кровь изо рта пошла".

Вспоминает подследственный генерал-майор Геннадий Куприянов: "Пытки бывают индивидуальные. Назначаются следователем и напальником тюрьмы. У них имелись все орудия пыток — от средневековых клещей до современных электроприборов. Я вспоминаю пытку под названием "бараний рог", которую ко мне применяли довольно часто. Меня сгибали в полукруг, прикручивали веревкой пятки к затылку. Туда же прикручивали руки — получался бараний рог. Я лежал на животе, свора надзирателей пинали меня то в голову, то в ноги. А я качался животе то в одну, то в другую сторону, как пресс-папье. Зубы мне выбили еще раньше. Иногда пьяные следователи играли мной, как в мяч". Следователь Рюмин, который потом донесет на Абакумова, кричит жене обвиняемого Капустина: "Подписывай, или я тебя на электрический стул посажу". Жену Кузнецова держат в кандалах, потом вталкивают в душ и пускают кипяток.

Абакумов, прежде чем приступить к пыткам в своем собственном кабинете, расстилал на пол замаранное покрывало, чтобы кровь подследственных не испачкала ковер.

Когда арестуют самого Абакумова, он напишет письмо Сталину: "Я живу и работаю, руководствуясь Вашими мыслями и указаниями, товарищ Сталин. Заверяю Вас, товарищ Сталин, что, какое бы задание Вы мне ни дали, я всегда готов выполнить его в любых условиях".

На одном из первых допросов Абакумов скажет: "У меня были недостатки и неудачи в работе. Но я был весь на глазах ЦК ВКП(б). Там повседневно знали, что делается в ЧК".

Документ о методах физического воздействия Сталин подписывает в 1939-м, через два месяца после назначения на НКВД Берии. Берия приводит с собой наверх Кобулова. Кобулов приводит с собой Абакумова. Кобулов присмотрел Абакумова, когда тот был помощником начальника отделения второго отдела ГУГБ (Главного управления госбезопасности НКВД).

Второй отдел назывался оперативным. Его сотрудники занимались обысками, арестами, наружным наблюдением и установкой подслушивающей техники. Работа живая, особенно если

учесть, что на дворе Большой террор. Абакумов — человек крепкий, работа соответствует его физическим возможностям.

Он в органах с 1932 года. Шесть лет его карьера никак не двигалась. В 1933-м в его аттестации написано: "К оперативной работе имеет большое влечение". Потом вскрылось, что он вербовал молодых женщин, развлекался с ними на конспиративных квартирах, а потом от их имени писал донесения с обвинениями врагов народа. Абакумова переводят на работу в Центральный аппарат Главного управления лагерей — ГУЛАГа. Оттуда в 1937-м он вернется в ГУГБ. А в 1938-м Кобулов возьмет его с собой в поездку в Ростов-на-Дону. Берия после прихода на НКВД чистит под себя региональные управления. Комиссия Кобулова как раз и приехала проводить чистку. Абакумов по ходу работы занимается подбором девочек для своего шефа и членов комиссии. Вскоре Абакумов станет начальником управления НКВД по Ростовской области. Он получает внеочередное звание старшего майора НКВД, два ромба в петлицах, что приравнивается к званию комдива. В 1940-м получает орден Красного Знамени. Дальше — пост заместителя наркома внутренних дел СССР.

Абакумов поднялся вместе с Берией. Но он не человек Берии. Абакумов быстро понял, что в сталинском государстве можно ставить только на одного человека — на Сталина. Это свидетельствует о хорошо развитом инстинкте самосохранения.

А многолетие Сталину впервые произнес в Богоявленском кафедральном соборе протоиерей храма Николая в Кузнецях отец Иаков Абакумов. Литургия совершается 4 ноября 1941 года.

Вспоминает артист Малого театра, впоследствии староста прихода храма Успения Пресвятой Богородицы на Могильцах Анатолий Свенцицкий, присутствовавший в 1941 году на литургии. "Отец Иаков начал: "Богохранимой стране Российской, властем и воинству ея и первоверховному Вождю многие лета!""

Отец Иаков — родной брат зама Берии Виктора Абакумова. В начале войны с 19 июля 1941 года Абакумов возглавляет Управление особых отделов НКВД. Но в апреле 1943-го Управление особых отделов преобразовано в Главное управление контрразведки СМЕРШ. СМЕРШ расшифровывается как "смерть шпионам". Так вот, СМЕРШ переводится в состав Наркомата обороны. Теперь Абакумов

подчиняется не Берии, а непосредственно наркому обороны Сталину. Абакумов — заместитель Сталина.

Абакумов востребован с самого начала войны.

Военному командованию Сталин не доверяет, особенно во время отступления. Особые отделы НКВД — привычный посредник в общении Сталина с армией. Они и до войны действовали постоянно, с 1919 года, когда были учреждены Троцким и Дзержинским как средство постоянного контроля над армейскими настроениями.

Отлично отработан опыт агентурной работы в армейской среде. Плотная сеть осведомителей — секретных сотрудников, сексотов. Задача сексотов — слежка за личным составом и сбор компромата на комсостав.

Во время войны они пронизывают на всех уровнях армию снизу доверху. Абакумов лично предоставляет Сталину практически ежедневные сводки о поведении лиц из высшего военного руководства. Особисты отправляют наверх собственные комментарии и оценки ведения боевых действий. Обладают правом не только ареста, но и расстрела на месте. Они занимаются перлюстрацией красноармейских писем. Письма рассматриваются как важнейший источник информации. В разгар жесточайших боев под Сталинградом только за период с 15 июля по 1 августа 1942 года в 62-й армии генерала Чуйкова просмотрено более 67 тысяч писем. Солдаты знают, что письма просматриваются. Иногда нервы сдают, и прорываются слова о тяжести положения или просто жалобы на еду. Особые отделы документируют эти высказывания, авторы писем приравниваются к дезертирам и предателям, подлежат немедленному аресту и расстрелу. Под Сталинградом особисты читают письма, которые пишут солдаты, перед тем как пойти в последнюю в жизни атаку.

Вспоминает судебный секретарь военного трибунала. Из особого отдела в трибунал передано дело Ольги Печерской, двадцати лет. Она обвиняется в том, что, будучи в плену, была завербована немецкой разведкой для шпионажа в тылу Советской армии. Ее расстреляли. Обвинение основывалось исключительно на ее собственных словах. А она была, очевидно, душевнобольная. Она с горящими глазами без умолку говорила о том, что влюбилась в немецкого офицера и он учил ее шифру. Потом начинала говорить о литературе, о Тургеневе. Даже

оглашение расстрельного приговора не сбilo ее с этого бреда. Судебный секретарь далее пишет: "Я знал, что в конце 30-х годов на фоне террора появился особый вид психоза, когда больные ощущали себя агентами иностранных разведок".

Хотя надо сказать, что во время войны особисты в паре с военными трибуналами лютуют меньше, чем в конце 30-х. Сталинщина отступает перед непреложным фактом: жизни осужденных нужны фронту. Военными трибуналами осуждены 994 300 человек. Миллион. В отношении почти 400 тысяч осужденных исполнение приговора отсрочено до окончания военных действий, и они направлены в штрафбаты.

Кроме того, жесткость карательной политики определяется во время войны общей ситуацией на фронте. В самый горький период отступления выносились сплошь расстрельные приговоры. Когда пойдет наступление, за измену родине бывших советских солдат, перешедших на сторону врага, приговаривают к десяти годам лагерей. С отсрочкой и отправкой в штрафбат.

Хотя всегда попадают разные люди. Из воспоминаний сотрудника СМЕРШа генерал-майора Иванова: "В мае 1942 года на Крымском фронте переправа раненых на Кубанский берег. Зрелище ужасающее. Море заполнено трупами. Толпа напирает. Я сам не спал уже трое суток. И тут на носилках несут какого-то полковника, кричат: "Это раненый командир дивизии". Что-то кольнуло внутри. Приказываю развязать бинты. Никакого ранения. Достаяю пистолет. И на моих глазах полковник мгновенно седеет. Я наклонился тогда и шепнул ему: "Слушай, я буду стрелять мимо, но ты падай в воду. Повезет — выберешься"".

Из воспоминаний летчика-фронтовика: "Я не знаю, может быть, в пехоте у особистов и были важные функции, но в авиации? Что делать особисту в авиации? Перелеты к врагу предотвращать? Так у нас, кто хотел уйти к немцам, мог это очень просто сделать. Садись и сдавайся. Только у нас в дивизии я таких случаев не знаю. У нас почти у всех летчиков при себе граната была на случай пленения. В авиации особистов никто не уважал. Боялись их почти все, но за людей их, бездельников, не держали".

Еще из воспоминаний летчиков: "В 1944-м у нас в полку был особист капитан Корнеев. Я как-то сказал ему: "Что ты своим детям

после войны расскажешь, что на фронте делал?"

Абакумовский СМЕРШ — разноплановая организация. Одно крыло особистов-смершевцев занято мутной, дилетантской или откровенно карательной работой. Другое крыло — профессионалы контрразведки. Они успешно играют против германских спецслужб. Ни одно значительное разведывательное или террористическое мероприятие немцам осуществить не удастся. Включая попытку покушения на Сталина. Начальник штаба германского Верховного командования генерал-фельдмаршал Кейтель скажет: "В ходе войны данные от нашей агентуры касались только тактической зоны. Мы ни разу не получали данных, которые оказали бы серьезное влияние на развитие военных действий".

В. С. Абакумов, глава СМЕРШа

Кейтель пишет это в ожидании исполнения смертного приговора, вынесенного на Нюрнбергском процессе. Абакумов входил в комиссию по руководству подготовкой обвинительных материалов в Международном военном трибунале над главными военными преступниками в Нюрнберге. Комиссию возглавляет Вышинский. Следственная бригада СМЕРШ работает в Нюрнберге параллельно с группой прокуратуры СССР. Группа прокуратуры подчиняется Главному обвинителю от СССР Руденко. Смершевцы охраняют советскую часть обвинения, участвуют в допросах арестованных и отборе свидетелей фашистских зверств. Бригаду контрразведки возглавляет заместитель начальника следственного отдела СМЕРШа Лихачев. Еще на предварительной стадии Нюрнбергского процесса Лихачев сообщает в Москву, что следователи прокуратуры "слабо

парируют антисоветские выпады обвиняемых, в частности Геринга, Йодля, Кейтеля и некоторых других". Докладные контрразведчика Лихачева столь активны, что представители прокуратуры обращаются к прокурору СССР Горшенину с просьбой "пресечь кривотолки, так как это создает нервозную обстановку и мешает работе".

Заседание Международного военного трибунала в Нюрнберге

На фоне Нюрнбергского процесса, помимо доносов на коллег из прокуратуры, Лихачев успевает склонить к сожительству молоденькую переводчицу, заставляет ее сделать аборт. Операция проходит неудачно. Руденко сообщает о происшествии прокурору СССР. Лихачева высылают из Нюрнберга и дают ему десять суток ареста.

Нюрнбергский международный трибунал над главными военными преступниками дает ход еще 12 судебным процессам. Один из них идет с декабря 1946 года по август 1947-го. Это "процесс врачей". Рассматриваются дела нацистских врачей, проводивших опыты на заключенных концентрационных лагерей. Еще в сентябре 1945-го в Германию командирован Григорий Майрановский с помощниками. С 1938 года он в НКВД возглавляет лабораторию по ядам и наркотикам. В послевоенную Германию до Нюрнбергского процесса он командирован с заданием: "Разыскать немецких специалистов и ознакомиться с уровнем, достигнутым нацистами в аналогичной сфере деятельности".

По результатам поездки Майрановский делает доклад, в котором засвидетельствует: "Результаты, достигнутые немецкими специалистами, значительно ниже наших".

Действительно, перед Майрановским его руководство ставило более сложные задачи, чем нацистское руководство перед своими врачами. И в гитлеровской Германии, и в СССР над заключенными ставятся опыты с применением иприта. Нацисты впервые проводят эксперимент в концлагере Заксенхаузен в 1939 году. Майрановский начинает раньше. Нацисты применяют газ "Циклон-Б" для массового уничтожения людей в лагерях смерти и не скрывают этого. Майрановскому труднее, чем его нацистским коллегам. Перед ним стоит задача: чтобы яд не обнаруживался в трупах.

При Абакумове проходит структурная реорганизация. Лаборатория ядов и наркотиков, входившая в 4-й спецотдел НКВД, становится лабораторией № 1 в отделе оперативной техники МГБ. В СССР лаборатория смерти создана еще в 1926 году для проведения терактов за границей. Препараты, полученные в лаборатории, опробуют на заключенных. Внешне все напоминает прием у врача: "На что жалуетесь?" — и сразу вводят лекарства. Если человек не умирает сразу, вводят повторную дозу.

Потом разработали отравленные пули. У нацистов были точно такие же разработки. Из материалов Нюрнбергского процесса: "11 сентября 1944 года в присутствии штурмбаннфюрера СС доктора Динга доктор Видман провел эксперимент с отравленными пулями на пяти лицах, приговоренных к смерти".

В Москве немногочисленные сотрудники МГБ, имевшие доступ в лабораторию № 1, иногда приходили запросто пострелять в обеденный перерыв. Лаборатория смерти долгие годы размещалась в центре Москвы в Варсонофьевском переулке в угловом доме на первом этаже.

Майрановский будет арестован в 1951 году в ходе борьбы группировок внутри МГБ. Статья обвинения — за хранение сильнодействующих веществ.

В 1951 году, когда уже будет арестован Абакумов, руководство СССР отдаст предпочтение бактериологическим методам политических убийств. Руководителя Югославии Иосипа Броз Тито планируют убить с помощью распыленных бацилл чумы. Коллега Майрановского по лаборатории смерти, руководитель бактериологической группы профессор Муромцев удостоен Сталинской премии.

Муромцев будет уволен из МГБ по состоянию здоровья и назначен директором Института эпидемиологии и микробиологии имени Гамалеи. Когда Муромцев станет директором, известный ученый, в прошлом заключенный, академик Здродовский подаст заявление об уходе из института.

По свидетельствам очевидцев, другой известный ученый и тоже бывший заключенный академик Зильбер, старший брат писателя Каверина, в какой-то момент просто войдет в кабинет директора и запрет его изнутри на ключ.

Что именно было за дверью, неизвестно. Но известно, что в кабинете были сломаны все стулья.

За время войны Абакумов получает три полководческих ордена. Суворова II степени — в марте 1944-го, Суворова I степени — в июле 1944-го и Кутузова I степени — в апреле 1945-го. Первым военным орденом Абакумов награжден за депортацию чеченцев и ингушей в феврале 1944 года. После войны Абакумов организует депортацию населения из Западной Украины и Прибалтики. С 1947 года у Абакумова идут так называемые "повторники", то есть по второму лагерному кругу пускают ранее освобожденных меньшевиков, троцкистов и раскулаченных крестьян. Сам Абакумов в это время переезжает в особняк по адресу Колпачный переулок, дом 11. К переезду Абакумова из дома выселены 16 семей. На ремонтных работах заняты 200 рабочих. Бухгалтерская отчетность 1-го отделения Управления делами МГБ, ведавшего хозяйственным обслуживанием, по приказу Абакумова уничтожена.

При аресте у него изымут стандартный для советской номенклатуры набор вещей — большое количество наручных часов, сотни метров тканей, чемоданы мужских подтяжек, холодильники, гарнитуры, фотоаппараты. В этом смысле Абакумов выгодно отличается от начальника своего секретариата майора Зобова. У Зобова во время обыска найдены золотые кольца, серьги и броши, редкие мужские и женские часы на сумму до полумиллиона рублей. Все это начальник абакумов-ского секретариата хранил в авоське, висящей на гвозде в чулане.

Все эти ценности, как установлено, раньше принадлежали евреям, уничтоженным в фашистских концлагерях.

19 января 1945 года в Будапеште сотрудниками абакумовского СМЕРШа арестован шведский дипломат Рауль Валленберг. С июля 1944 года в Венгрии, союзнице Германии, Валленберг обеспечивает шведскими паспортами евреев, чем спасает их от смерти в Освенциме. Лично Валленбергом спасены более 20 тысяч человек. Германское покушение на Валленберга заканчивается неудачей. Теперь он арестован советской контрразведкой. 6 февраля 1945 года Валленберг уже во внутренней тюрьме НКВД. Предпринята попытка его вербовки. Валленберг от сотрудничества отказывается. В мае 1947-го заместитель Молотова и бывший прокурор СССР Вышинский пишет служебную записку: "Товарищ Молотов. Поскольку дело Валленберга продолжает оставаться без движения, я прошу вас обязать Абакумова представить справку по существу дела и предложения о его ликвидации".

Рауль Валленберг

17 июля 1947-го Валленберг найден в камере мертвым. Начальник санчасти Лубянской тюрьмы полковник медицинской службы Смольцев на рапорте о смерти Валленберга делает приписку: "Доложил лично министру. Приказано труп кремировать без вскрытия". Одна из версий смерти Валленберга — инъекция в спецлаборатории Майрановского. На запросы шведов советский МИД отвечает, что Валленберга в СССР нет.

В 1950 году в ноябре по указанию Абакумова арестован и посажен в Лефортовскую тюрьму известный кардиолог и лечащий врач Берии профессор Этингер.

В ходе следствия по распоряжению Абакумова он длительное время содержится в камере-холодильнике, оснащенной трубопроводной системой, нагнетающей ледяной воздух. Условия в камере-холодильнике площадью 2 квадратных метра обсуждались с врачами МГБ. Врачи высказывали сомнения, но согласились с решением Абакумова. Профессор Этингер умрет в тюрьме в марте 1951 года.

Л. Берия

В 1950 году арест Абакумовым врача Берии профессора Этингера — это ход в сталинской игре против Берии. Точнее, это такой запасной сталинский ход. Арест врача Этингера в будущем легко использовать против его пациента Берии. Пока в отношении Берии Сталин держит паузу. Берия курирует атомный и водородный проекты. Советская атомная бомба уже есть. Теперь на повестке дня — водородная. Вот после водородной бомбы можно будет заняться Берией. Заместитель Абакумова генерал Питовранов подтверждает, что санкцию на арест Этингера давал Сталин. Доктор Этингер лечил и консультировал все высшее политическое и военное руководство, деятелей культуры и искусства. Крупнейшие западные врачи предлагали выдвинуть его на Нобелевскую премию. Наша современная электрокардиография базируется на его исследованиях.

Доктор Этингер — человек свободомыслящий, беспартийный и неосторожный. Он слушает зарубежные радиостанции, пересказывает содержание передач знакомым. В 1949 году его увольняют из 2-го Медицинского института, где он заведовал кафедрой и руководил

клиникой. Этингер к тому же хорошо знаком с членами Еврейского антифашистского комитета, ЕАК.

Глава ЕАК, знаменитый режиссер Соломон Михоэлс, уже убит в 1948 году. Операцию по убийству Михоэлса по поручению Сталина проводит Абакумов. Зам Абакумова Огольцов лично принимает участие в убийстве. Через год после убийства Михоэлса начинаются аресты всех членов Еврейского антифашистского комитета. У Сталина — целый ворох мотивов в пользу физического уничтожения членов созданного им же, Сталиным, Еврейского комитета. Во-первых, государство Израиль, создание которого Сталин активно поддерживал в расчете на собственные ближневосточные перспективы, так вот, этот Израиль отказался ориентироваться на СССР, а предпочел Соединенные Штаты. Сталин поставил советским евреям запрет на выезд в Израиль, при этом начав кампанию открытого государственного антисемитизма. Еврейское население СССР объявлено каналом влияния буржуазной, т. е. антисоветской идеологии. В этих условиях Еврейский антифашистский комитет должен быть уничтожен. Тем более что он в силу значительного авторитета его руководителя, Михоэлса, постепенно начинал превращаться в активную правозащитную организацию.

Абакумов открывает дело о "сионистском заговоре". Доктора Этин-гера арестовывают именно в связи с этим делом. Но не только. У Сталина на доктора Этингера дополнительные виды. Сталин хочет использовать его имя и профессию для осуществления грандиозной провокации. Физики, инженеры, театральные критики, которые обвинялись в космополитизме, буржуазном влиянии и сионизме, мало интересовали широкие слои населения. Сталину нужен массовый шок, и он его производит. Доктор Этингер объявляется убийцей в белом халате. Это клеймо массовое сознание молниеносно распространяет на всех врачей-евреев, с которыми ежедневно сталкиваются тысячи людей, кто лечит их детей. Это и есть необходимый Сталину страх, шок, гарантированный взрыв массовых антисемитских настроений. Это мощный выплеск ненависти, которая в очередной раз разделяет и разлагает советское общество.

Сталин не изменяет себе все годы своего правления. Поиск врагов по классовому, а затем по национальному признаку — фирменный сталинский способ управления населением. Ненависть к вечному

врагу, постоянно меняющему свой облик, — отличная замена куску мяса в тарелке.

За месяц до ареста доктора Этингера арестован его приемный сын, впоследствии историк Яков Этингер. Он вспоминает: "Меня несколько раз допрашивал подполковник Рюмин: "Мы вас, евреев, всех передумим. То, что не успели сделать с евреями немцы, доделаем мы".

Рюмин через год напишет донос на Абакумова. Рюмин получит должность заместителя министра. Потом будет арестован. Абакумов арестован до суда над членами Еврейского антифашистского комитета.

Абакумов, пока был на посту, выбил у подследственных признательные показания. Заканчивает это дело уже другой, новый министр госбезопасности Игнатъев. Он пожалуется Берии и Маленкову: "Совершенно отсутствуют документы, подтверждающие показания арестованных о проводившейся ими шпионской и националистической деятельности". Слова Игнатъева означают, что Абакумов действовал хоть и традиционно кроваво, но не обеспечил проведения впечатляющего открытого процесса, подобного тем, что были в 30-х годах. Впрочем, это ничего не меняет. Просто процесс над членами Еврейского антифашистского комитета сделают закрытым. Абакумова во время процесса над членами ЕАК возят на допросы из внутренней тюрьмы МГБ в Лефортово и обратно. А сразу после ареста его привезли в специализированную тюрьму на улице Матросская Тишина. Она открыта в 1950 году, еще в бытность Абакумова главой МГБ. "Матросская Тишина" создана специально для высокопоставленных политзаключенных. Она компактная, рассчитана на 35–40 человек. Плюс 35 кабинетов для следователей. Начальник "Матросской Тишины" Абакумову как министру госбезопасности никогда не подчинялся. Эту политическую тюрьму курирует непосредственно секретарь ЦК Маленков. Находящемуся под арестом Абакумову, начинавшему дело о "сионистском заговоре", предъявлено обвинение в участии в этом самом заговоре.

Абакумову инкриминируется, что "он, стремясь к высшей власти в стране, сколотил в МГБ СССР преступную группу из еврейских националистов, с помощью которых обманывал и игнорировал ЦК КПСС". Фактически Абакумов объявлен главой "сионистского заговора". Смерть доктора Этингера в результате пыток в холодильной

камере рассматривается теперь следствием как ход Абакумова по ликвидации ценного свидетеля.

Военная коллегия в ходе процесса о так называемом "сионистском заговоре" позволит себе усомниться в виновности подсудимых. Это исключительный случай для сталинского правосудия. Председатель Военной коллегии Чепцов предложит вернуть дело на доследование. Доследования не будет. Приговор определен в Кремле: 13 человек — к высшей мере наказания. Нерасстрельный приговор получает единственный член ЕАК — первая женщина-академик физиолог Лина Штерн.

Через допросы и издевательства в ведомстве Абакумова по обвинению в еврейском национализме пройдет и жена Молотова Полина Жемчужина.

Формальным поводом для ее ареста служит ее беседа с израильским послом в Москве Голдой Меир. Они разговаривали на идише во время дипломатического приема в МИДе по случаю 31-й годовщины Октябрьской революции 8 ноября 1948 года.

На самом деле арест жены Молотова — это шаг против Молотова. В марте 1949-го он снят с постов министра иностранных дел и первого зама председателя Совмина. Но оставлен просто заместителем. Жену Молотова отправляют в ссылку.

В январе 1953 года, уже в отсутствие в МГБ Абакумова, ее опять арестуют и привезут в Москву. Сталин планирует использовать ее в ходе процесса над Молотовым и Абакумовым. Этого процесса не будет потому, что Сталин умрет. Это спасет Молотова.

Абакумова после ареста самого посадят на длительный срок в камеру-холодильник, которую он сам придумал, куда сам сажал доктора Этингера, где тот и умер.

Абакумов после холодильной камеры напишет Берии и Маленкову: "Со мной проделали что-то невероятное. Меня привели в холодильную камеру. Я никогда о наличии в Лефортово таких холодильников не знал. Такого зверства я никогда не видел. Меня чудом отходили. Я все время спрашивал, кто разрешил проделать со мной такие штуки. Мне ответили: "Руководство МГБ". Прошу вас, Лаврентий Павлович и Григорий Максимилианович, вернуть меня к работе. Уважающий вас Абакумов".

Фото из следственного дела В. Абакумова

Известно, что, кроме доктора Этингера, Абакумов отправлял в холодильник актрису Татьяну Окуневскую. Из воспоминаний Окуневской: "Я в холодильнике. В углу крошечный откидной треугольник, сесть на него невозможно, соскальзываешь или примерзаешь к стене. Следователь Соколов тихо говорит: "Надо все подписывать. Нечего корчить из себя Зою Космодемьянскую. Не таких, как ты, ломаем. Маршалов ломаем"".

Окуневская арестована по ложному обвинению по личному указанию Абакумова. Реальная причина ареста актрисы в том, что она не уступила желанием министра. Следователь Соколов, допрашивавший Окуневскую по распоряжению Абакумова, потом войдет в бригаду следователей по делу самого Абакумова.

Обвинения против Абакумова будут меняться. Его будут вести по "делу врачей": сперва, до самой смерти Сталина, потому что был недостаточно жесток, после смерти Сталина — потому что был слишком жесток. Потом объявят пособником югославского руководителя Тито. Потом после ареста Берии он пойдет по одному делу с Берией.

В 1954-м расстрелян.

От всех остальных руководителей органов госбезопасности, действовавших в течение трех десятилетий сталинского беззакония и террора, Абакумов отличается одним: в ходе следствия и суда он не признал ни одного из выдвинутых обвинений. Всегда говорил, что действовал по приказу ЦК и Сталина. И что другой жизни у него не может быть.

В 1921 году к Абакумовым, жившим вблизи Хамовнических казарм, пришел бывший ломовой извозчик Федор Гнутов. Гнутов — крестный сына Абакумовых Виктора, будущего министра госбезопасности. Гнутов приходит с угощением — пара селедок и бутылка водки. Выясняется, что такое богатство у Гнутова потому, что он в ЧОНе, в частях особого назначения, занимающихся подавлением крестьянского антибольшевистского сопротивления. Гнутов говорит: "Я контру всякую за версту сердцем чую". Зовет к себе на службу своего крестника. "Зачем, — говорит Гнутов, — ему на завод идти. Пускай лучше к нам, в чоновцы, идет. Ботинки дадут, паек выдадут, жить будешь кучеряво". Вот Виктор Абакумов и пошел.

1951 год

Александр Вертинский

Сегодня в центре города Ульяновска, бывшего Симбирска, на Советской улице стоит Ленинский мемориал. В 1951 году на его месте еще стоял Ильинский храм. В 1951 году от Ильинского храма остались одни стены. В храме — трикотажная фабрика. Над алтарем фабричная 20-метровая труба. Из нее день и ночь летит шлак. Вторая короткая труба — внизу, прямо в алтаре, торчит вбок. Из этой трубы тоже летит шлак. Прямо во двор с жилыми домами. Некоторые, проходя по двору, останавливаются перед бывшим алтарем, то есть перед шлаковой трубой, и крестятся.

В одном из этих старых деревянных домов в бывшей кухне живет Нина Алексеевна Кривошеина с сыном Никитой пятнадцати лет. Возможность жить в этой кухне — огромная удача. Из той комнаты, где они жили раньше, на улице Рылеева, их выселили. Хотя, может быть, это и к лучшему. Соседи, которые жили за фанерной перегородкой, на Кривошеиных стучали. Начальник жилотдела полковник Федоров, который помог Кривошеиным с новым жильем, так прямо и сказал: "Да, кухня эта страшновата. Но переезжайте, переезжайте. Тут хоть будете совсем отдельно от соседей жить". А потом полковник Федоров взрывается: "Хотите, я вам покажу все доносы, которые соседи на вас написали? Вот они здесь у меня, в ящике. Ну вот, хотя бы: когда ваш сын приходит домой, вы с ним говорите по-французски. Ваш сосед пишет, что плохо это, потому что он не понимает, о чем вы говорите, а значит, и сообщить ничего не может".

Нина Алексеевна Кривошеина действительно говорит с сыном по-французски. Они три года как приехали в Ульяновск из Парижа.

22 июня 1946 года в парижской газете "Русские новости" был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР "О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции".

Русская эмиграция — вся политическая. Она спровоцирована большевистским переворотом 1917 года. Но война и победа СССР над фашизмом произвели грандиозное впечатление на русскую эмиграцию. Многие считают, что наступила новая эра, что и внутри самого Советского Союза вот-вот начнутся перемены. Указ Верховного Совета будоражит души. Многие мечтают о советских паспортах. Эмиграция раскалывается. Возвращаться или оставаться? Раскол проходит даже внутри семей.

По форме Указ о восстановлении в гражданстве имеет чисто пропагандистский характер. По сути, это сталинский реванш над теми, кто укрылся от Сталина в 20-х и 30-х годах. Теперь он манит их в мышеловку. Они идут. Вместо сыра — любовь к Родине. Новые паспорта выдают в советском консульстве на бульваре Малезерб.

Заявления об отмене паспорта можно подавать в посольство СССР во Франции до 1 ноября 1946 года. То есть эмигрантам первой волны, людям, не бывшим на родине четверть века, дается всего четыре месяца, чтобы принять поистине судьбоносное решение за себя и за своих детей. После войны русская эмиграция во Франции составляет около 65 тысяч человек. Около 10 тысяч получают советские паспорта. На самом деле эта история начинается раньше, во время войны. Русская эмиграция активно участвовала в Resistance, во французском движении Сопротивления. Многие погибли, были казнены. Муж Нины Кривошеиной, в 1951 году живущий в Ульяновске Игорь Кривошеин, — участник Сопротивления. Летом 1944-го арестован, отправлен в концлагерь Бухенвальд. Освобожден союзниками.

Еще во время освобождения Парижа русская организация Сопротивления — Союз русских патриотов — выходит из подполья и начинает самостоятельную деятельность. Адрес этой организации — улица Галльера, 4. Отделения Союза русских патриотов возникают по всей Франции. Всюду собрания, лекции, доклады. Все на одну тему: СССР и его достижения. Война и победа над фашизмом сместили все акценты в восприятии советской власти. Для многих из русской эмиграции это произошло прямо 22 июня 1941 года. В этот день князь Оболенский пришел к советскому послу Богомолу с просьбой отправить его на родину, чтобы он мог вступить в Красную армию. Это невозможно. Князь Николай Александрович Оболенский — участник

Сопrotивления еще до 22 июня 1941 года. То есть князь Оболенский сражается с фашизмом в то время, когда СССР еще живет под знаком договора о дружбе с фашистской Германией. Он попадет в Бухенвальд. Потом станет священником.

Его жена, участница Сопrotивления, Вера, или Вики Оболенская будет гильотинирована в Берлине в 1944-м в тюрьме Плетцензее. На русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа ее мемориальная доска.

Николай Вырубoв просится в Красную армию или хоть окопы рыть, но на русской земле. Не удается. Николай Вырубoв с 1940 года в рядах антифашистской армии "Сражающаяся Франция". Сподвижник де Голля. Будет награжден всеми военными орденами Франции.

22 июня 1941-го начинаются аресты среди русских эмигрантов. Гестапо входит в их квартиры со словами: "Вы русский?" — "Да". — "Значит, вы арестованы". Вывозят за сотню километров от Парижа в лагерь в Компьен. Там, в лагере, между русскими, вышедшими из одной эмигрантской среды, день и ночь идут жесточайшие споры. Разброс эмоций — от злорадства по поводу отступления Красной армии до глубочайшего русского, практически советского патриотизма.

Для многих этот патриотизм на фоне Великой Отечественной войны — начало пути во французское Сопrotивление, и не только.

В феврале 1945 года, после освобождения Парижа, группа видных деятелей русской эмиграции встречается с советским послом Богомоловым. Они заявляют, что готовы пересмотреть свое прежнее отношение к СССР. Об этом визите много разговоров в эмигрантской среде, ходят просто фантастические слухи.

Потом патриотическое заявление делает не кто-нибудь, а сам Николай Бердяев, высланный из СССР в 1922 году на "философском пароходе". Бердяев произносит: "Вторжение немцев в русскую землю потрясло глубины моего существа. Присущий мне патриотизм достиг предельного напряжения. Советская власть — единственная русская национальная власть, никакой другой нет. Нужно пережить судьбу русского народа как свою собственную судьбу".

После этого заявления Бердяева его сосед по парижскому пригороду Кламар Николай Симонов прекращает всякое общение с ним. Потомственный русский офицер Николай Симонов приходится родственником по линии отца советскому поэту Константину Симонову. Константин Симонов в 1946 году приезжает во Францию,

пытается встретиться со своим французским родственником. Тот от встречи категорически отказывается. Симонов направлен во Францию, чтобы уговаривать вернуться на родину русского писателя и нобелевского лауреата Ивана Алексеевича Бунина. В то время в Париже много болтали о том, что у Бунина якобы налаживаются отношения с советским посольством, что Бунин смягчился в своем неприятии большевизма.

Симонов встречался с Буниным несколько раз. Сначала в ресторане "Лаперуз" на берегу Сены. Потом в тех местах, которые предпочитает Бунин. Разговаривали подолгу. Годы спустя Симонов скажет: "Нет, в Россию Бунин не вернулся бы. Это чепуха, что Бунин пересмотрел позицию, ничего он не пересмотрел".

Но для многих из русской эмиграции — это время большого смятения. Долгие годы они жили с ощущением, что их отрыв от родины — явление временное. Жили, что называется, на чемоданах. Потом, через два десятка лет после Октябрьского переворота, это ощущение "временности" эмиграции стало исчезать. С жизнью вне России, с безвозвратностью России почти смирились, так или иначе встроились в чужую жизнь. И тут война и победа, и с ней — опять загоревшаяся надежда на восстановление связи с родиной.

Они всегда любили Россию с той особенной силой, которую дает только разлука. Эта, любимая, Россия одержала великую победу над фашизмом. И уже невозможно ее, любимую, отделить от России сталинской. Все вдруг путается.

В то время как в послевоенном СССР в соответствии с новой великодержавной, националистической струей слово "советский" все чаще подменяется словом "русский", в Париже русские многие начинают называть советским. Александр Угримов, ребенком высланный с родителями на том же "философском пароходе", что и Бердяев, говорит: "Теперь, после победы, в России должен настать блестящий период расцвета всех творческих сил народа. Отдать теперь все силы, все знания этой героической родине — вот мое желание". Не уехавший, а высланный с родины Александр Угримов продолжает:

А. И. Угримов

"И было у меня еще чувство, свойственное многим, — чувство вины, задолженности перед Россией, перед русскими людьми. Видимо, такое чувство — наследие просвещенного дворянства XIX века".

Тут и появляется сталинский указ о возможности получения советского гражданства. Союз русских патриотов в 1947 году превращается в Союз советских граждан. Новых советских граждан с тридцатилетним эмигрантским прошлым, не имеющих представления о реальной жизни в СССР, приглашают на приемы в советское посольство.

Посол Богомолов встречает их на верхней площадке парадной лестницы. Рядом с ним жена, отлично и скромно одетая, говорящая по-французски. Она всем очень нравится. Богомолову задают массу вопросов. Например, можно ли будет, вернувшись на родину, навещать родных, оставшихся во Франции. Надо отдать должное послу Богомолову. В ответ на вопрос он очень долго молчал. Потом он сказал: "Вряд ли в первое время это будет возможно".

В июле 1947-го в Париже был Молотов. Он принимает в посольстве на улице Гренель большую группу эмигрантов. "Может случиться, что вернувшихся на родину будут попрекать их эмигрантским прошлым. Что же делать! — вздохнул Молотов. — В таких случаях обращайтесь ко мне".

Реэмиграция начинается потихоньку, несмело. В одном из русских домов в Париже получили открытку от родственника, два месяца назад уехавшего в СССР.

Он писал своей сестре: "Ждем тебя обязательно! Как только выдашь Машу замуж, приезжай к нам". А Маше тогда было два года.

Многие обладатели новых советских паспортов еще не успели подать заявление на отъезд. Это время последних раздумий. Размышления о том, ехать или не ехать, прерваны французскими властями. По приказу министра внутренних дел Жюля Мока в ноябре 1947-го производятся аресты 24 наиболее активных деятелей Союза советских граждан. Во-первых, эта организация с филиалами по всей Франции имеет явно выраженную политическую окраску и вызывает подозрения у французских властей. Во-вторых, это жест французских властей в адрес французских коммунистов, которые крайне активны со времен войны. А кроме того, поворотный момент для многих из рядов русской эмиграции приходится на начало холодной войны. Им не дают времени на раздумья. Арестованные русские эмигранты с советскими паспортами вывезены в советскую зону в Германии, оттуда — в товарных вагонах в СССР.

Есть случаи совершенно концентрированные. Русский эмигрант Григорий Николаевич Товстолес в 1951 году арестован в Париже французскими властями, выслан в советский сектор Берлина, а через два дня оказывается в тюрьме Моабит, где во времена нацизма сидели немецкий коммунист Эрнст Тельман и татарский поэт Муса Джалиль. В стенах Моабита советский военный трибунал приговаривает высланного французами эмигранта Товстолеса к 25 годам лагерей. В скотском вагоне его вывозят в Тайшет. Знакомые, узнав о его судьбе, говорили: "Вернулся на родину на двадцать пять лет".

Александр Угримов вспоминает: "На остановках, к поезду будут подходить деревенские женщины, торгующие молоком. Они спрашивают: "Кто вы такэ?" Когда мы отвечаем: "Русские", они не верят и смеются: "На русских совсем не похожи. Русские не такие"". Вместе с Александром Угримовым в одном товарном вагоне едет и Игорь Кривошеин. Он только недавно пришел в себя после Бухенвальда. До участия в Сопротивлении, до инженерной работы в Париже, он — в Крыму в рядах армии Врангеля. Он сын Александра Васильевича Кривошеина, возглавлявшего правительство Врангеля в Крыму, профессионально занимавшегося экономикой на этом последнем свободном от большевиков куске России. У него огромный опыт. Он был министром земледелия в правительстве Столыпина в момент проведения знаменитой аграрной реформы. Петр Аркадьевич Столыпин убит на родине в 1911 году. Александр Васильевич

Кривошеин умрет в Берлине в начале эмиграции. Его сын с советским паспортом едет в СССР. За этими мужчинами, которых на родине не принимают за русских, отдельно поедут их жены с детьми. Это женщины, вышедшие из хороших, обеспеченных семей, с титулами и без, отлично образованные, теперь уже не слишком молодые и усталые. Они прошли трудную школу эмиграции, они работали, бились в чужой стране наравне с мужьями. И теперь они по русской традиции едут вслед за мужьями.

Одни — с самостоятельным желанием во что бы то ни стало вернуться на землю своих отцов, которые уже лежат в чужой земле. Другие едут вслед за высланными мужьями, как в свое время жены декабристов, зная, а еще больше предчувствуя, куда едут и на что. И все едут с детьми.

В это же время, параллельно с так называемой реэмиграцией, идет репатриация, то есть возвращение в СССР советских военнопленных и лиц, угнанных на работу на территории Третьего рейха. Женщины, вышедшие замуж за советских пленных, едут с ними на их родину. Их мужья на родине, как правило, попадают в лагеря. Жены с детьми в чужой стране, без языка, предоставлены сами себе.

Муж француженки Рене Клод Вилланше в лагерь не попал. Он ее с тремя дочерьми просто бросил, а имущество, привезенное из Франции, продал и пропил. Она оказывается в деревне в Курской области.

По чудесному стечению обстоятельств у нее по прибытии в СССР не отобрали французский паспорт. После того как муж ее бросил, она решила вернуться во Францию. Соседи по деревне советуют ей ехать в Москву, говорят, там есть французское посольство. "Может, — говорят, — уедешь домой".

На перекладных доезжает она до Москвы. По-русски не говорит, даже понимает плохо. Невероятно, но она попадает на прием во французское посольство. В посольстве говорят, что возвращение назад невозможно, и отбирают французские документы.

Она возвращается в деревню. К ней приходят из МГБ, допрашивают, угрожают. А потом дают советский паспорт. Так она и живет всю жизнь.

Незадолго до начала реэмиграции в Париже, и не только в Париже, в продаже появляются пластинки Александра Вертинского, изданные в СССР.

Александр Вертинский

До войны эмигранта Вертинского слушали тайно. Вспоминает композитор Никита Богословский: "Его пластинки привозили контрабандою из-за границы и давали послушать. Давали с выбором — кому можно, кому нельзя. Потому что, если человек увлекался Вертинским, вообще могли посадить". После войны, после его возвращения, его пластинки в СССР по-прежнему не продают. Их выпускают и продают на Запад. На Западе кажется, что это признак новой жизни: многолетний эмигрант Александр Вертинский вернулся на родину и выступает с концертами. Он был так потрясен победой русских под Сталинградом, что обратился с просьбой о возвращении в СССР. И ему разрешили. И он поет на родине.

Вспоминает мхатовец Владлен Давыдов, в 1944-м студент школы-студии МХАТ: "Я был на одном из первых его концертов. Выходит человек в темно-синем фраке. Зал замирает. И он тихо, почти интимно объявляет: "Степь молдаванская". И начинается таинственное действие. Вертинский с того берега, из того мира. Из старой России, из Серебряного века. И мы его видим... Потом, правда, когда Вертинский уже пожил в нашей стране, на своей родине, объехал почти всю страну, у него появились иронические интонации: "Ведь вы не всерьез меня воспринимаете"".

Из письма Вертинского жене от 22 мая 1951 года: "Так, все хорошо. И кровать в номере ничего. И коньячку выпиваешь, и книжка интересная под рукой. Только холодно. Подмерзает искусство,

которого я являюсь сеятелем. Нетопленные театры с полузамерзлыми зрителями — все это немножко напоминает музей восковых фигур. Я получаю сомнительное удовольствие от удовольствия зрителей, которые мимоходом послушали какой-то наивный бред о "красивых чувствах" и разошлись под шумок, покачивая головами и добродушно улыбаясь: "Есть же, мол, еще такие чудачки!" И пошли эти люди опять к своим примусам, авоськам и разговорам, завистливым, злобным и мелочным".

В более ранних письмах были другие ощущения.

Харьков, август 1945-го: "Принимали с треском, воем и воплями. Попробовал спеть песню о войне. Никто не аплодировал. Не хотят ничего слушать о войне. Зато все остальное на ура!"

А. Н. Вертинский с женой Лидией

Вертинский из Астрахани: "Во всем городе — ни куска мяса. Если хочешь суп — вари его из тяжелой индустрии".

Тяжелая послевоенная жизнь уведет из его залов измученную поисками еды публику. Интеллигенция останется с ним. В годы холодной войны концерты Вертинского будут создавать ощущение короткой вылазки за железный занавес.

К 1951 году он очень устал. "Больной, пою концерт и еле вытягиваю его. В магазинах пусто. Жрать нечего. Впрочем, это не важно. Я ничего не хочу. Буду обпевать точки. Поеду в Хабаровск. Потом на Сахалин. Потом опять в Хабаровск. Потом — Чита, Улан-Удэ".

Он вернулся из эмиграции из Шанхая с юной женой и четырехмесячной дочкой. Он старше жены на 34 года. Вторая дочка

родилась у Вертинского уже в Москве. Вспоминает Лидия Вертинская: "Меня привели в родильную палату, уложили меня. Соседи узнали, что я жена Вертинского. Я лежала тихо, не стонала. По палате пошел ропот: "Мы третьи сутки лежим, мучаемся, а она приехала из-за границы и уже рождает как ни в чем не бывало". Подошла врачиха с блокнотом и устраивает допрос: "Кем были отец и мать? Где служили? Есть ли родственники за границей?" От этого допроса у меня усилились схватки. Подошла старший врач, шепнула: "Терпите, все кончится благополучно". Скоро родилась наша вторая дочь, Настенька".

А. Н. Вертинский с дочерьми Марианной и Анастасией

Новая жизнь, в которую Вертинский привез семью, тяжелая, непредсказуемая и очень дорогая. Он немолод. Его главная мысль — обеспечить будущее семьи. Его инструмент — его голос. Он концертирует постоянно. Столько, сколько есть здоровья и несмотря на здоровье.

"Я мужчина и могу спать на твердых кроватях, и не мыться неделями, и есть что попало, — я привык ко всему и умею молчать и курить, когда ничего исправить нельзя. Моя жизнь — борьба за деньги, за будущее твое, и детей, и мое. И я не такой уж неврастеник, как ты думаешь", — это из письма Вертинского жене, от 12 июля 1946 года.

Он ездит с концертами по стране вдоль и поперек. По 24 концерта в месяц. Его жена Лидия Вертинская пишет: "В Шанхае он был здоровым, бодрым и жизнерадостным человеком. Здесь Гастрольбюро его жестко эксплуатирует, и он начал сдавать", Гастрольбюро отбирает львиную долю его заработка. Он зовет свои вечные гастролы "ледяным

походом". Да, он передвигается по стране, поет, несмотря на морозы и нетопленые провинциальные залы. Но дело не только в этом. Для Вертинского естественна параллель с другим трагическим "ледяным походом", предпринятым разутой и оборванной белой Добровольческой армией Корнилова, Деникина, Маркова в 1918 году в отчаянной попытке вернуть Россию и вернуться в Россию. В СССР о том "ледяном походе" никто уже не помнит и не знает. Он существует только в исторической памяти русской эмиграции. Вертинский извлек слова "ледяной поход" именно из этой памяти.

Четырнадцать лет после возвращения на родину Вертинский концертирует без отдыха. Он видит и знает страну. Более того, он испытывает перед ней вину.

Из письма после концертов в Кузбассе:

"Ты не представляешь! Вода — черная как чернила. Мыться — нельзя. Из тысяч труб день и ночь вырывается едкий, желтый дым. Есть нечего. Пить воду — нельзя. Денег у шахтеров много. Но что с ними делать? И они пьют... Водки нет. И они пьют коньяк, который туда нарочно присылают. И на моих концертах сидят уже пьяные. В зависимости от настроения или матерятся, или плачут. Иногда за кулисами говорят: "Можно поцеловать вам руку?" И пять процентов интеллигенции".

Вертинского вывозит богатая школа, пройденная в эмиграции в ресторанах. Он напишет в воспоминаниях: "Иметь успех в кабаке гораздо труднее, чем в театре. В кабаке, независимо от того, слушают тебя или нет, ты должен петь. И я пел. Сквозь самолюбие, сквозь обиды, сквозь отвращение. Я пел точно и твердо, не ища настроений и не расстраиваясь. Как человек на посту. Я имел успех или не имел успеха. Это зависело не от меня, а просто от подбора публики".

В 1951-м Вертинский получает Сталинскую премию. Премию дают за роль в неудачном фильме "Заговор обреченных". А не за песни.

А в 1956-м Вертинский напишет письмо заместителю министра культуры Кафтанову: "Мне 68-й год. Я на закате. У меня мировое имя. Но я русский человек. И советский человек. Вот я и хочу задать вам ряд вопросов: Почему я не пою по радио? Почему нет моих пластинок? Почему нет моих нот и стихов? Почему за 13 лет ни одной

рецензии на мои концерты? Я, собственно, ничего у вас не прошу. Я уже ко всему остыл".

В том же 1956-м он написал жене: "Знаешь, Лиличка, я понял, что единственное спасение у нас в труде. Очень тяжело жить в нашей стране. И если бы меня не держала мысль о тебе и детях, я давно бы уже или отравился, или застрелился".

И через полгода он умер. Вертинский не раз говорил, что хотел бы умереть не дома, чтобы его родные не видели "кухни смерти". Вот это получилось так, как он хотел. Он умер в Ленинграде, во время обычных концертных гастролей.

На самом деле, по советским меркам, у Вертинского счастливая судьба на родине. Он на свободе, и ему довелось увидеть страну, в которую он хотел вернуться. Приехавший из Парижа Игорь Кривошеин в 1951 году уже два года как арестован и осужден на десять лет. Он в Марфинской шарашке, о которой потом напишет Солженицын "В круге первом". Александр Угримов, приехавший в СССР вместе с Кривошеиным, уже три года как в лагере, в шахте в Воркуте. Его жена Ирина Николаевна Угримова едет на родину вопреки своим убеждениям. Она не хотела возвращаться в СССР. Поехала вслед за мужем.

Ее арестуют у сестры на даче под Москвой на Николиной Горе. Дочку отберут и отправят в детприемник. Ирина Николаевна встретится с мужем на пересылке в Кирове. Скажет ему просто: "Вот видишь, я была права". Позже, вспоминая всех виденных им следователей, прокуроров, конвоиров, Угримов скажет про них и про себя: "Ах, как им было смешно и весело смотреть на нас, на этих наивных и глупеньких зверьков — как уморительно они себя ведут, когда их связывают хвостами, отнимают детенышей, мучают и так и сяк. Ах, как забавно! Вот умора-то!"

В 1951-м году жена Угримова Ирина Николаевна в лагере в Ин-те. Жена и сын Кривошеина в Ульяновске.

Они вышли из дома на улице Жан Гужон, где прожили двадцать лет, не взяли с собой ни кастрюль, ни сковородок, только три корзины с вещами, — и оказались в Ульяновске.

Нина Алексеевна Кривошеина идет по улице. На дороге стоят весы. Рядом мужик. За пятьдесят копеек можно взвеситься. Денег

смертельно жалко, но она становится на весы. Тридцать шесть килограммов. "Недалеко до узника Бухенвальда!" — думает она и идет дальше.

У нее нет работы. После ареста мужа, бывшего узника Бухенвальда, ее уволили из пединститута, где год после приезда из Парижа она преподавала английский и немецкий.

Вернувшись из эмиграции занимается Ульяновский отдел переселенческого управления. Возглавляет его чиновница по фамилии Золинова. Нина Кривошеина пишет: "Полного презрения к нам, реэмигрантам, она не могла скрыть. Рассовать этих *ci-devant*, этих бывших людей, этих ненавистных образованных парижан на самые низкие работы в городе доставляло ей осязаемое удовлетворение".

Она предлагает Нине Кривошеиной работу в Управлении ночных сторожей. А предлагает охранять в тулупе и с ружьем самый большой универмаг Ульяновска в здании бывшей немецкой кирхи. Это предложение Нина Кривошеина принять не в состоянии. Но на него согласится некая старуха. Через неделю на нее нападут бандиты, которыми был полон Ульяновск, исполосуют ножами, ключи вытащат и ограбят магазин.

Страшный был город Ульяновск в 1951 году. Дома после 1917 года не ремонтировались ни разу. Заборы лежали на тротуарах. Балконы на домах обрушились. Нина Кривошеина пишет: "В первый день, когда мы только приехали в Ульяновск, я подумала, что тут, верно, во время войны немцы похозяйничали и что кругом следы бомбежек. Я сказала водителю грузовика, на котором мы ехали: "Ну, видно, город не раз бомбили, до сих пор следы остались". Он долго молчал, а потом ответил: "Нет, нет, тут и вообще немец никогда не был" И добавил: "Бомбежки тоже не было".

Ни стола, ни стула, ни кастрюли, ни сковороды, ни стакана в Ульяновске купить нельзя. Все, что касается обычной человеческой жизни, в продаже отсутствует.

Уборные в городе — во дворах. Иногда в городе появляется ассенизационный обоз. Это дроги, запряженные быком. На них бочка и рабочий в клеенчатом халате до пят с капюшоном, с черпалкой и ведром. Люди сторожат его перед домом. Один заезд даром. За второй надо платить. Соседи Нины Кривошеиной, председатель финотдела горсовета и его супруга, люди с достатком, платить категорически

отказываются. Мы, говорят, во двор не ходим, у нас, говорят, в комнате ведро.

Безработная Нина Кривошеина на барахолке продает последние из парижских вещей. Эта женщина, стоящая на барахолке, из хорошей семьи. Ее отец, Алексей Павлович Мещерский, выпускник петербургского Горного института, директор Сормовского завода.

Он тот, кого теперь называют топ-менеджер, организатор производства в российском машиностроении. Он создатель индустриального концерна из Сормовских, Коломенских, Ижевских и Белорецких заводов. Его уже называют "русский Форд". Он автор плана переноса тяжелой промышленности за Урал. Он предлагает это до Первой мировой войны. Реализовано это будет аврально во Вторую мировую войну. Он член правления Волжского пароходства. Дизельные пароходы его Сормовского завода ходят по Волге. По службе он общается с высокими правительственными чиновниками, губернаторами, инженерами и рабочими. Он много ездил по России и знал Россию не понаслышке.

Алексей Мещерский в промышленности, Александр Кривошеин в аграрной области — это те, кому Россия обязана резким экономическим подъемом начала XX века. Их дети, Нина и Игорь, соединятся уже в эмиграции, в Париже. А до революции, еще в Петербурге, к Нине сватался начинающий композитор Прокофьев. Не сложилось.

Теперь, стоя на ульяновской барахолке, Нина Кривошеина думает: "Продаю плохо, все за полцены. А ведь необходимо поддерживать каждодневную жизнь, чтобы сыну, Никите, казалось, что мы живем нормально, что у нас есть шансы и дальше жить".

Продают шкаф, который был сделан по случаю сразу после приезда из Парижа. Шкаф грузят на ручную тележку, и Никита везет его в комиссионку. Но шкаф покупают у него прямо на улице. Мебели ведь нигде в Ульяновске не купить. Теперь, когда кто-то спрашивает: "На что же вы живете?" — Нина Кривошеина отвечает: "Мы сейчас шкаф едим".

Как-то на Гончаровке Нине Кривошеиной кто-то из знакомых подает милостыню. Она с благодарностью принимает. Потом, годы спустя, она скажет: "А горделивые свои замашки и снобизм я спрятала в тот день далеко и надолго. Нищета и смирение идут рядом. Вместе".

А соседка Нины Кривошеиной, не стесняясь, громко при ней и про нее говорит: "Вот надо же, приехала к нам эта проклятая аристократка с голоду подыхать".

Но тут кто-то из редких знакомых советует пойти к профессору Пединститута Любищеву.

Нина Кривошеина расскажет сыну, что собирается идти к посторонним людям за помощью. Сын, воспитанный в другой жизни, скажет: "Мама, как же это вы, незваная, — к чужим людям? Ведь это ужасно — до чего мы дошли!" Но она, незваная, пойдет и найдет в семье Любищевых отдушину, приют, возможность говорить на понятном ей языке.

Профессор А. А. Любищев

Обычный язык города в это время — грубый и циничный. Одно из характерных выражений: "а я бы ему дала 25 — знал бы как деду дерзить". И всем ясно, что 25 — это срок. Так сталинская карательная лексика входит в бытовой русский язык, в народное сознание и закрепляется в них. Легко, непринужденно и сейчас слетающие с языка "убью!", "убить тебя мало" — особенно часто в разговоре с детьми — это далеко в будущее залетевший привет из сталинского прошлого. До Сталина русский язык такого не знал.

В доме у профессора Любищева Нина Кривошеина встретится с Надеждой Мандельштам, вдовой великого русского поэта. Она в Ульяновске ввиду запрета на проживание в Москве. Здесь же помогут с работой: Нина Кривошеина станет чтецом для двух слепых студентов. Они будут приходить каждый день, и она будет читать им

по десять часов подряд за плату из их скудной студенческой стипендии.

Еще она будет продавать билеты на аттракционы в городском парке культуры. В парке везде торгуют пивом и водкой. Повсеместно драки. Поножовщина. Полно народу гибнет.

Никита, сколько возможно, ходит в школу. Это школа, в которой учился Ленин. В Париже Никита ходил в хорошую школу и хорошо подготовлен. За учебу в школе в Ульяновске надо платить. Платить нечем. Никита идет на завод и в школу рабочей молодежи.

Нина Кривошеина вспоминает: "Никита уже полгода не ел мяса. И вот как-то на базаре я быстро подошла к мясному прилавку и скорее, чтобы не передумать, купила отбивную котлету. Никита пришел с завода, и я подала ему эту котлету с жареной картошкой. Он оторопел и спросил: "Мама, это мясо?" Он сел, закрыл лицо руками и начал громко плакать. Плакал долго, котлета стыла. Потом он ее съел и заснул".

Н. А. Кривошеина

Никита Кривошеин вырвется из Ульяновска. Он уедет в Москву и с боем поступит в Иняз. Потом умрет Сталин. Отец Никиты выйдет на свободу. Вся семья соберется в Москве. Никита поступит на работу в журнал "Новое время". А после антисоветского восстания в Венгрии и его кровавого подавления советскими войсками он ухитрится опубликовать в газете "Монд" статью о советской интервенции в Венгрию. В 1957-м Никита Кривошеин арестован и отправлен в мордовские лагеря. В 60-х годах, выйдя из лагеря, он будет ежегодно просить разрешения навестить в Париже родственников. Ему будут

отказывать. А в 1970-м ему скажут: "Если вы попросите о выезде во Францию на постоянное место жительства, мы вас выпустим". Его родители настоят на том, чтобы он уехал. Отец приедет к нему в Париж в 1973-м и вернется в СССР.

Никита Кривошеин

Когда он вернется, в ОВИРе удивятся: "Как? Вы вернулись?" И тогда Кривошеины поймут, что на родине их никто не удерживает. Более того, не против, чтобы в СССР их не было.

Открытку с просьбой явиться за загранпаспортами Кривошеины получают в день высылки Солженицына. По настоянию Солженицына Нина Алексеевна Кривошеина напишет свои воспоминания. Игорь Александрович Кривошеин получит почет от французских властей, официальную отмену постановления МВД Франции о высылке в 1947 году и выражения сожаления. А Никита Кривошеин из СССР привез себе жену. Ксению. До Первой мировой войны, до всего, дед Ксении ухаживал за тетужкой Никиты. На старой семейной фотографии он рисует ее в Крыму, в последнем мирном 1913 году.

1952/1953 годы

Сталин/Берия

В феврале 1952 года Сталин возвращается в Москву с Южных дач. Сталин провел на юге семь месяцев. Его не было в Москве с августа 1951-го. Последние годы у него гипертония и прогрессирующий артериосклероз. Периодически возникают расстройства мозгового кровообращения. Вызванные артериосклерозом мозга нарушения в психической сфере усиливают врожденные патологические свойства сталинской натуры.

В 1952 году Сталин неожиданно вспоминает о давно забытом Александре Федоровиче Керенском, главе Временного правительства в 1917 году. Керенский в 1952-м проживает в Соединенных Штатах. По информации, полученной МГБ, 70-летний Керенский якобы намерен возглавить мифический Антибольшевистский блок народов. В связи с этим МГБ СССР получает задание организовать убийство Керенского во время его поездки то ли в Париж, то ли в Лондон. Осуществить убийство должен сотрудник Бюро № 1 МГБ СССР капитан Хохлов вместе с сотрудницей бюро Ивановой, которая должна выдавать себя за тетюшку Хохлова. Убийство должно быть осуществлено с помощью пистолета, замаскированного под авторучку "Паркер". По воспоминаниям начальника Бюро № 1 МГБ Судоплатова, капитан Хохлов отказался от выполнения задания, сказав, что у него расшатаны нервы, дрожат руки, он может промахнуться и застрелить не того. Задумали было переориентировать на выполнение задания боевую группу князя Гагарина, которая в это время была занята поиском подходов к штаб-квартире НАТО в Фонтенбло. Однако руководство МГБ в последний момент сочло нецелесообразным засвечивать группу князя Гагарина. Керенского не убили.

Осенью 1951-го Сталин совершил вояж по своим резиденциям от Сочи до Боржоми. Вместе с ним начальник его охраны генерал Власик. Власик вспоминает: "В Новом Афоне я был приглашен товарищем Сталиным к обеду. За столом — Берия и Поскребышев. Товарищ Сталин попросил принести молодое вино. Но вино подали переохлажденным, тогда как по указанию вождя оно должно было

храниться при температуре не ниже 13–15 градусов тепла. Обслуга подала вино, не проверив температуру. Все это крайне возмутило Сталина. После этого инцидента, которого я никогда в жизни не забуду, я не спал трое суток. До конца обеда я просидел за столом ни жив ни мертв. Не знаю, как выдержало сердце, думал, потеряю сознание. Я переживал, потому что товарищ Сталин никак не мог успокоиться, все нервничал. Я подумал, что лучше тут же умереть, чем переживать такое мучительное испытание".

Этот эпизод генерал Власик датирует 17 ноября 1951 года. Непосредственно перед этим, 9 ноября 1951 года, на фоне сталинского отдыха в Грузии выходит постановление ЦК "О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе товарища Барамия". Это начало так называемого "мингрельского дела". Оно запускается как уголовное антикоррупционное, но мгновенно превращается в политическое. Упомянутый в постановлении второй секретарь ЦК Компартии Грузии Барамия мингрел по происхождению. Вместе с ним арестованы 36 человек. Более 400 сняты с постов. Подавляющее большинство мингрелы. Они обвиняются в связях с националистической эмиграцией и западными спецслужбами. Сталин с дачи в Новом Афоне постоянно связывается с главой Грузинского МГБ Рухадзе и с новым, только что назначенным первым секретарем ЦК Компартии Грузии Мгеладзе. Сталин требует применить к арестованным меры физического воздействия с целью добиться их признания в шпионской работе.

И. В. Сталин и начальник его личной охраны генерал Н, Власик

16 ноября 1951 года, накануне того дня, когда Сталин пришел в раздражение от температуры поданного ему вина, выходит постановление ЦК ВКП(б) "О выселении с территории Грузинской ССР враждебных элементов". В соответствии с постановлением начинаются отлов и высылка. В Казахстан отправлено 11 200 мингрелов. Берия в это время в Новом Афоне вместе со Сталиным. Берия — мингрел. Село Мерхеули, где родился Берия, как раз совсем недалеко от Нового Афона. Смысл затеянного Сталиным "мингрельского дела" Берии очевиден, хотя, вероятно, он и не знает того, что Сталин сказал главе МГБ Игнатьеву. А Сталин Игнатьеву сказал: "Ищите большого мингрела". Сталин все помнит. В 1949 году на XIV съезде КП Грузии Берию ставят в один ряд со Сталиным. При выборах ЦК Берию единогласно избирают почетным членом. При голосовании по кандидатуре Сталина много воздержавшихся. По указанию Сталина начинается слежка за родственниками Берии в Грузии. На квартире его матери в Тбилиси установлена прослушка. С началом "мингрельского дела" Сталин назначает Берию главой партийной комиссии по расследованию и направляет его в Тбилиси. Берия уверенной рукой выполняет возложенные на него функции: следит за эффективностью чистки, арестов, высылки, а также осуществляет закрытие мингрельских газет. Намерения Сталина в отношении Берии от этого не меняются. Берия — третий из ближнего круга Сталина, кого он к 1952 году отбирает для устранения. Первые два — Молотов и Микоян. Этих двоих Сталин намечает еще в 1948 году.

Из личных заметок Микояна: "В декабре 1948-го, по возвращении Сталина из отпуска, я вместе с другими членами Политбюро приехал к Сталину на Ближнюю дачу. Разговор велся вполне мирный и приятный. Внезапно в самый разгар ужина со своего места поднялся Поскребышев. Поскребышев — зав. особым отделом ЦК, фактически секретарь Сталина. Поскребышев встал и заявил: "Товарищ Сталин, пока вы отдыхали, Молотов и Микоян здесь, в Москве, готовили против вас заговор". Я выкрикнул: "Негодяй!" — и схватил стул, чтобы бросить в него. Берия удержал меня. Молотов сидел как статуя. Другие тоже молчали. По-видимому, все это было запланировано, и Поскребышев лишь выполнил поручение Сталина. Сталин повел беседу на другую тему".

У Молотова в 1948-м уже арестована и сослана жена. В 1952 году для стоящих рядом со Сталиным ситуация усугубляется до предела. Сталин готов начать новую чистку. Он не желает оставлять потенциальных критиков его системы управления страной. Первый в этом ряду — Берия, обладатель исключительной информации во всех областях как внутренней, так и внешней политики. В силу возрастной разницы Берии, Молотова, Маленкова с ним, Сталиным, они переживут его. И значит, их надо ликвидировать сейчас. Действия всей верхушки непредсказуемы, если он, Сталин, начнет быстро дряхлеть. А тут еще визит его личного врача профессора Виноградова. Этот визит состоялся в январе 1952 года.

Виноградов обнаруживает у Сталина резкое ухудшение состояния здоровья и делает запись в истории болезни о необходимости строгого режима с полным уходом от всякой деятельности. Сталин в бешенстве. Это последний визит профессора Виноградова. Собственную историю болезни Сталин приказывает уничтожить. Более того, Сталин, вождь страны с атомным оружием, вообще отказывается от медицинской помощи.

Между тем, по воспоминаниям Константина Симонова, на XIX съезде партии в октябре 1952 года Сталин был бодр. "Сталин встает из-за стола президиума, обходит этот стол и бодрой, чуть-чуть переваливающейся походкой не сходит, а почти сбегает к кафедре. Говорит спокойно, неторопливо". Виртуозно, в своей манере, интонирует, выверенно жестикулирует. По содержанию его речь на съезде непримечательна и непродолжительна. Примечательно другое. На закрытом заседании съезда избран новый состав ЦК. ЦК расширяется почти вдвое. Члены этого последнего сталинского ЦК — Суслов, Гришин, Зимянин, Капитонов, Кузнецов, Патоличев, Громько, Епишев, Устинов — переживут во власти Хрущева и составят основу брежневской власти. В этом ряду сталинских выдвиженцев несколько особняком, внеидеологически, стоят экономисты Косыгин и Байбаков. Брежнев становится членом ЦК также в 1952 году.

Выступление И. В. Сталина на XIX съезде партии

16 октября 1952 года проходит постсъездовский Пленум ЦК. Он продолжается часа два с небольшим. Из них полтора часа — речь Сталина. Вспоминает член ЦК академик А. И. Румянцев: "Сталин вошел в зал под бурные аплодисменты. Подойдя к столу, он глухо, неприязненно, с сильным акцентом сказал: "Чего расхлопались? Что вам тут, сессия Верховного Совета или митинг в защиту мира?" Сталин сказал, что обстановка в мире тяжелая. Что он стар и приближается время, когда его работу придется выполнять другим. И тут Сталин заговорил о Молотове. Это был шквал обвинений в капитулянтстве перед буржуазной идеологией, в ослаблении партии, в пособничестве сионизму. Сталин неприкрыто груб: "Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу товарища Жемчужину, что не успеем мы принять решение Политбюро по тому или иному важному вопросу, как это становится известным товарищу Жемчужиной. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять"". Жена Молотова сослана в связи с так называемым делом Еврейского антифашистского комитета, ЕАК.

В августе 1952 года процесс над членами ЕАК завершен. Комитет был создан Сталиным в начале войны, в 1941 году, для обеспечения материальной помощи СССР со стороны международной еврейской общественности. ЕАК во главе со знаменитым режиссером Соломоном Михоэлсом задачу выполнил. После войны Еврейский комитет со своим авторитетным руководителем приобретает правозащитный характер. По указанию Сталина Михоэлса убивают в 1948 году.

Тринадцать руководителей ЕАК расстреляны 12 августа 1952 года. Однако большого публичного процесса из дела ЕАК устроить не удалось. Обвиняемые не признались в шпионаже.

Жену Молотова Полину Жемчужину вернут из ссылки в Москву в начале 1953-го и опять арестуют. Цель — выбить из нее показания против мужа и использовать их в ходе намечающегося процесса над Молотовым.

Сталин продолжает выступление на пленуме: "Теперь о товарище Микояне. Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. А ведь мужик — наш должник" Мы же дали колхозам землю. Вот мужики и должны отдавать долг государству. Что тут Микояну не ясно? Кто он, наш Анастас Микоян?"

Молотов и Микоян выходят на трибуну и оправдываются. Константин Симонов, присутствовавший на пленуме как кандидат в члены ЦК, напишет: "Молотов и Микоян выступали, а мне казалось, что это не люди, а белые маски, очень похожие на лица и в то же время совершенно непохожие, уже не живые. Сталин целенаправленно бил по своим многолетним соратникам. Сталин бил, вышибая из строя своих возможных преемников. И хотел это дать понять всем, кто собрался на Пленум".

Сталин опять выходит на трибуну и неожиданно произносит: "Я прошу освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря". Сталин произносит эти слова, глядя в зал. За спиной у Сталина сидит Политбюро. Маленков, ведущий заседание пленума, стоит.

Симонов пишет: "Лицо Маленкова, стоящего за спиной Сталина, его жесты, его выразительно воздетые руки были прямой мольбой ко всем присутствующим немедленно отказать Сталину в его просьбе". Маленков, делавший отчетный доклад на съезде, ведший большинство заседаний ЦК, именно он, Маленков, был кандидатурой на пост Генерального секретаря, на пост товарища Сталина, который тот якобы хотел оставить из-за старости и усталости. Маленков мгновенно понял, что Сталин вовсе не собирается отказываться от поста Генсека, что это проба, прощупывание. И только почувствуй Сталин, что в зале есть готовые поддержать его просьбу, первый за это ответил бы Маленков. И ответил бы головой.

Сперва из президиума раздалось: "Нет, просим остаться". Потом загудел весь зал: "Нельзя! Просим остаться!" Сталин долго стоял, всматривался в зал, потом махнул рукой и сел.

Имя Берии на октябрьском пленуме ЦК Сталин не произнес. Берия в это время курирует проект по созданию водородной бомбы. О завершении работ над советской водородной бомбой Сталину доложат в начале 1953 года. В конце 1952-го бомбы еще нет. Именно поэтому сталинская решающая игра против Берии отложена во времени.

Сталин боится заговора и переворота. Нащупывает, метит возможных зачинщиков. И блокируется от переворота.

Он начинает разыгрывать свою излюбленную комбинацию по устранению ближайших соратников, которую только слегка подкрашивает реалиями холодной войны. Эта комбинация получит название "дело врачей".

Зампред Совмина и член ЦК Малышев в дневнике пишет о выступлении Сталина на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС 1 декабря 1952 года. Сталин тогда сказал: "Любой еврей — потенциальный агент Соединенных Штатов. Среди врачей много евреев-националистов".

В конце лета 1951 года Сталин отдыхал в Новом Афоне. Микоян — в Сухуми. Маленков — в Мюссерах. Булганин — в Сочи. Микоян вспоминает: "Как-то сидели у Сталина за ужином все названные товарищи. Шла беседа на разные темы. Все шло хорошо. Около четырех часов утра подали на стол бананы. Надо сказать, что Сталин очень любил бананы. После войны он даже распорядился поставлять небольшие партии бананов для Москвы, Ленинграда и Киева. Были большие трудности по доставке небольших партий бананов, но дело наладили".

Так вот, тогда на даче в Новом Афоне в четыре утра Сталин взял банан, попробовал и остался недоволен его вкусом. "Почему так? — спросил Сталин. — Ведь сколько лет мы получали бананы, никогда такого не было? Значит, министр работает плохо?" Микоян стал защищать министра внешней торговли Меншикова. Сталин потребовал проверки и поиска виновных. На следующий день о "банановом деле" уже знал Берия.

Через несколько дней Микоян опять приехал к Сталину. Сталин сразу заговорил о бананах, потребовал снять министра внешней торговли Меншикова, а на его место поставить его заместителя Кумыки-на. Когда в Москве Микоян вызвал к себе Кумыкина и

сообщил ему о назначении, тот изменился в лице, потом заплакал: "Не губите меня, я не хочу быть министром, помогите мне избавиться от этого назначения". Новых назначений, повышения многие, трезво оценивающие обстановку, боятся как приговора. Бывшего министра внешней торговли Меньшикова Микояну удалось отправить начальником таможни на Амур. После смерти Сталина он станет послом в Индии, потом в Штатах.

Осенью 1951-го к Сталину на дачу в Новый Афон приезжает министр здравоохранения Смирнов. Он вспоминает; "Мы гуляли по саду, разговаривали. Сталин показывал на деревья, где росли лимоны и апельсины. И вдруг без всякого перехода спросил: "Товарищ Смирнов, вы не знаете, какой врач лечил Димитрова и Жданова?" "Знаю", — отвечает министр Смирнов и называет фамилию профессора Когана. "Странно, — говорит Сталин. — Один врач лечил, и оба умерли".

Профессор Коган действительно был лечащим врачом секретаря ЦК Жданова. Последний месяц перед смертью Жданов провел по настоятельной рекомендации Сталина в санатории на Валдае. Там его консультирует группа врачей, включая начальника Кремлевского лечебно-санитарного управления Егорова, профессора Виноградова и профессора Этингера. Тогда на Валдае в августе 1948 года группа врачей — кремлевских консультантов разошлась в постановке диагноза с врачом Лидией Тимашук, заведующей кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы.

Тимашук делала кардиограмму Жданову. Расхождение во мнениях с командой врачей подвигло Тимашук к немедленному написанию письма начальнику Главного управления охраны МГБ СССР Власику. Генерал Власик переправил письмо Тимашук министру госбезопасности Абакумову. Абакумов в тот же день переправил письмо Тимашук со своей сопроводительной запиской Сталину. Сталин прочитал и написал "в архив". Тимашук понизили в должности. Врачи продолжили работу. Прошло четыре года.

Мысль о раскрутке "дела врачей" посещает Сталина не в 1952 году. Словосочетание "дело врачей" или "процесс врачей" скорее всего привлекло его внимание во время Нюрнбергского процесса. Тогда, в 1946-м, в рамках Международного трибунала над нацистскими

преступниками, рассматривалось дело нацистских врачей-убийц. Сталин фиксирует это и оставляет в памяти.

В 1948-м в этот же архив сталинской памяти отправляется письмо врача и внештатной сотрудницы МГБ Тимашук по поводу лечения Жданова. В августе 1952-го Сталин извлекает это письмо. Начинаются беседы с Тимашук в следственной части по особо важным делам Министерства госбезопасности. В феврале 1952-го арестован бывший замдиректора правительственного санатория "Барвиха" доктор Рыжиков. Его обвиняют в террористических связях с лечащим врачом Щербакова профессором Этингером. Профессор Этингер к этому времени уже год как умер после пыток в холодильной камере, изобретенной лично главой МГБ Абакумовым. Абакумов уже также арестован за участие в "сионистском заговоре". Невзирая на то что он, будучи главой МГБ, лично организовывал убийство Михоэлса и процесс над ЕАК, его обвиняют в сионистском заговоре. Абакумову в 1952 году также инкриминируется сокрытие письма врача Лидии Тимашук, несмотря на то что именно на абакумовской записке Сталину стоит сталинская резолюция "в архив". Лидия Тимашук, о которой вспомнили в 1952-м, принимает участие в исследовании сердца секретаря ЦК Щербакова, умершего в 1945 году.

Дело в том, что по кремлевским порядкам внутренние органы всех умерших членов руководства страны в течение семи лет сохранялись в емкостях с раствором формальдегида. В 1952 году комиссия, а точнее, две комиссии исследуют сердце Щербакова и приходят к единому мнению: лечение товарища Щербакова можно характеризовать как "криминальное".

В сентябре арестовывают первую партию кремлевских врачей. В середине октября арестован начальник Кремлевской больницы Егоров. За две недели до него арестовывают его жену. В ноябре 1952-го очередь доходит до профессоров Виноградова, Вовси, Василенко, Когана, в декабре за ними следуют профессора Фельдман, Темкин, Гринштейн.

В соответствии с указанием Сталина для ускорения следствия ко всем арестованным применяются пытки. Уже 4 декабря 1952 года выходит постановление ЦК КПСС "О вредительстве в лечебном деле". В постановлении указывается: "Документальными данными и признаниями арестованных установлено, что вражеская группа из

врачей и еврейских националистов была связана с английским и американским посольствами, действовала по указке американской и английской разведки и готовилась к осуществлению террористических актов против руководителей партии и правительства. Преступники признались, что им удалось умертвить Жданова и Щербакова".

В постановлении подчеркивается, что вражескую группу можно было бы обезглавить, если бы вовремя внимание было обращено на заявление товарища Тимашук.

13 января 1953 года в "Правде" публикуется сообщение ТАСС об аресте группы врачей-вредителей, а также статья под заголовком "Подлые шпионы и убийцы под маской профессионалов-врачей": "Целый мир может теперь видеть истинное лицо каннибалов — подручных США и Англии". В статье подчеркивается, что США "разослали шпионов по всему тылу СССР". То есть речь идет не только о кремлевских врачах. Это массовое, повсеместное явление. Поэтому, говорится в статье, наши люди должны бороться с неосмотрительностью. В скобках поясняется: "ротозейством". Это уточнение повторяется в тексте несколько раз. Это свидетельство личной сталинской правки. Впервые это понравившееся ему словечко "ротозейство" Сталин произнес на заседании Президиума ЦК 1 декабря 1952 года, когда говорил об атмосфере, в которой легко работать американской разведке.

20 января Лидию Тимашук принимает в Кремле секретарь ЦК Маленков, который от имени Сталина и советского правительства благодарит ее за бдительность. 21 января в газетах публикуется указ о награждении Лидии Тимашук орденом Ленина за помощь в деле разоблачения врачей-убийц. В газетах ее называют "великой дочерью русского народа", ее сравнивают с Жанной д'Арк.

Еще 15 января с очередной статьей вышла газета "Звезда". "Звезда" уточняет, что речь идет о заговоре еврейских врачей. И опять об американско-английском шпионаже. И опять: беспечность (ротозейство) и болтовня — плацдармы для врагов. В любых условиях, где советский человек работает, он должен выполнять требование партии — быть осторожным. Начинается массовый психоз.

Каждый врач рассматривается как потенциальный убийца. Люди повсеместно отказываются от лекарств. Во всех учреждениях проходят митинги с требованием казни преступников. Многие участники

митингов предлагают себя в палачи. Предлагают себя в этом качестве и представители медицинской профессии, врачи и даже профессора. Сын замученного профессора Этингера, историк Яков Этингер, впоследствии беседовал с бывшим министром вооруженных сил Булганиным. По сведениям Булганина, процесс над врачами намечался на 12–15 марта 1953-го. Осужденных планировалось публично повесить на площадях в крупнейших городах страны. Разрядка по городам уже имелась. Публичное повешение на центральных площадях должны были наблюдать жители Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Свердловска.

При этом в атмосфере массовой истерии и массовой готовности к погромам Сталин для себя изыскивает способ войти в историю в качестве избавителя евреев от стихийной мести. Появляется идея депортации евреев. Депортация должна быть представлена как акт гуманизма — спасение от внесудебной народной расправы. Министр вооруженных сил Булганин подтверждает факт подготовки массовой депортации евреев в Сибирь и на Дальний Восток. На востоке отстраиваются свежие концлагеря. При депортации планируются крушения железнодорожных составов и так называемые стихийные нападения на поезда. Хрущев вспоминает о разговоре со Сталиным на эту тему. Сталин, по словам Хрущева, говорил, что до места назначения должна доехать только половина депортированных.

Пацифизм, т. е. миролюбие, вообще не в моде в это время. Он не поощряется. Более того, он карается. Жесткой критике подвергнут детский журнал "Дружные ребята" за публикацию стихотворения Вероники Тушновой "Голубь мира". Простое доброе стихотворение названо порочным за недопустимый сентиментализм.

1 января 1953 года газета "Марийская правда" публикует рассказ "Вахта мира". Тракторист Вася "все время думал о том, как хорошо было бы приделать к тракторам железных голубей. Стояли бы в строгом ряду готовые к работе тракторы с большими, сверкающими на радиаторах голубями". Рассказ подвергнут критике, так как "воспитывает читателя в пацифистском духе".

В январе-феврале 1953-го выкристаллизовывается суть всей сталинской комбинации с "делом врачей".

Следователи выбивают показания о связях арестованных врачей с Молотовым и Микояном. Картина должна быть стройной. Главный враг — Соединенные Штаты. Их агенты — профессора-евреи, которым покровительствуют лица из высшего руководства страны. Плюс пятая колонна из евреев-врачей по всей стране и вообще всех евреев, как готовых агентов влияния США. То есть "дело врачей", помимо антисемитской составляющей, тянет за собой полное и окончательное устранение старого сталинского окружения.

Это во многом повтор сталинской схемы образца 1937 года. И тогда были обвиненные в шпионаже лица из высшего руководства. И тогда были врачи, которым инкриминировалось умерщвление Куйбышева. Горького и сына Горького. Старая закваска разбавлена теперь антисемитизмом, почерпнутым в фашистской Германии. И все это одобрено риторикой холодной войны. Главное же в этом — обещанное в финале действие, расправа. О том, что она будет публичной, слухи уже ползли. В отсутствие массовых развлечений — телевидения еще нет — да при нищей жизни вдруг ожидается даровое зрелище.

И тут — на пике предвкушения и истерии — Сталин умирает.

Даже после того, как Берия в апреле 1953 года официально прекратит "дело врачей" и о невиновности врачей будет сообщено в "Правде", страсти не улягутся. Сообщение в "Правде" вызывает шквал писем в редакцию газеты. Письма объединяются в сводки и с грифом "секретно" подаются в ЦК. Большинство писем анонимно.

"Врачи-вредители возмутили своими действиями весь советский народ, и каждый честный человек проникся к ним ненавистью. И вдруг сегодня прочли, что все эти обвинения ложные. Это сообщение вызвало чувство пощечины, полученной незаслуженно и неожиданно. Не успели утром выйти на кухню, как все сразу заговорили об этом и все возмущаются. Целый день всюду возмущаются. Как можно сеять такие сомнения в народе? Кому после этого верить?"

Еще анонимка из Москвы: "Нельзя так по-хамски рвать известную политическую настроенность в умах наших граждан".

Некий Москаленко из Москвы: "Мы, простые люди, просто удивлены. Нет твердой сталинской руки. Правительственное сообщение о невиновности врачей просто дезориентирует простой народ и вызывает неуверенность и нервозность".

Анонимка из Москвы: "Неужели эти несчастные профессора, если они оказались невреждителями, стоят того, чтобы взволновать так умы наших рабочих?"

А есть письма совсем новые по духу, еще недавно немислимые. "От лица группы рабочих-коммунистов выражаем полное недоверие редакции "Правда". В течение двух-трех лет газета вела погромную кампанию, смакуя еврейские имена и доказывая, как фашистский листок, что евреев надо бить. А теперь печатает передовицы о дружбе народов. Вы же проститутки и звери. Уйдите. Фашистам не место в "Правде"".

И еще одно письмо: "Да, скандал с профессорами получился небывалый. Москва взбудоражена как пчелиный улей. Тайное стало явным. Как могло случиться, что в Москве в МТБ орудовали заплечных дел мастера? Как в центре столицы мог существовать застенки фашистского типа? Как часто приходится видеть боровоподобных генералов и полковников МТБ, надменных, с видом, точно они соль земли. Поставленные в исключительные условия, получающие не по заслугам тысячные зарплаты и пенсии, машины, путевки, квартиры. Нужен контроль над МТБ. Нужна немедленная проверка прежних дел, ссылок, осуждений". И в конце письма приписка: "Подписываться хотят все собравшиеся, но многие еще боятся".

Те, кто составлял руководство страны, распрощались со Сталиным до момента его физической смерти. Прежде всего Берия. В 1953 году Лаврентию Берии 54 года. Сталинская нацеленность на него, Берии, ликвидацию для него очевидна. Он слишком опытен, чтобы не отдавать себе в этом отчет. И он не намерен умирать. Он намерен жить. Он участвовал, руководил и осуществлял репрессии в 30-е годы и в Грузии, и в стране в целом. Он знает механизм репрессий. И трудно заподозрить, что с этим знанием он пойдет в 1953 году на заклание. А значит, Берия может, готов пойти на попытку переворота. Это его единственный шанс. И не позже начала процесса по "делу врачей". Времени на сколачивание сторонников у Берии немного. Месяца полтора. Но последующий опыт заговора Хрущева против самого Берии показывает, что этого времени вполне достаточно.

Л. Берия

Долгие годы в дружеских отношениях с Берией Микоян. Микоян на пленуме 1952 года уже получил черную метку. Он может ждать ареста в любой момент. Есть еще одно обстоятельство. Микоян в силу занимаемых должностей имеет представление о советской экономике, прежде всего о катастрофическом положении с обеспечением продовольствием. Берия — зампред Совмина и лицо, обладающее эксклюзивной реальной экономической информацией по линии НКВД — МГБ. Многолетний хозяин ГУЛАГа Берия в курсе того, что советская лагерная экономическая система не в состоянии конкурировать с западной экономикой периода научно-технического рывка. Берия также в курсе протестных настроений по стране.

Из повседневной почты газеты "Социалистическое земледелие" от апреля 1952 года — от колхозников Кикнурского района Кировской области Смирнова, Деминцева, Овчинникова: "В колхозе сеять нечего, семян нет, а из рабочей силы остались одни старики, а молодые разбежались кто куда. Скот кормить нечем, и он гибнет. Мы дожили до того, что дальше жить невозможно. Придется нам, наверное, бежать. Неужели нам обращаться в Америку?"

И. Сталин и Л. Берия

Берию, несомненно, трудно заподозрить в том, что называется государственнической позицией. Но прагматически в личных целях он способен использовать глубочайший развал в экономике как козырь в решающей игре против Сталина. Микоян в этом может оказать ему поддержку. Микоян в воспоминаниях напишет: "В 1952 году вышла брошюра Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР".

В ней утверждалось, что товарно-денежные отношения в экономике исчерпали себя, что надо переходить к продуктообмену между городом и деревней. Это был невероятно левацкий загиб. Сталин, видимо, всерьез планировал осуществить построение коммунизма в нашей стране еще при своей жизни". Сталинская новая экономическая идея грозит полным хаосом в стране. Дальнейшее насилие над экономикой становится опасным, а значит, нецелесообразным.

С Микояном, с Маленковым экономические проблемы Берия вполне мог, обязан был обсуждать. Действия Берии после смерти Сталина это подтверждают. И Микоян будет осторожно поддерживать Берию даже в момент, когда Берию будут арестовывать.

Кроме того, сын Микояна женат на дочери секретаря ЦК Кузнецова, который расстрелян в числе прочих в 1951 году по так называемому "ленинградскому делу". Сталин точно об этом помнит. Бракосочетание детей Микояна и Кузнецова происходит в то время, когда Кузнецов уже снят с должности. После расстрела Кузнецова брак не расторгнут. Каганович говорил Микояну: "Ты что, с ума сошел?!"

Г. Маленков и Л. Берия у гроба Сталина

Что касается Молотова, то он был главным объектом гнева Сталина в 1952-м на пленуме. До смерти Сталина между Молотовым и Берией никакой конфронтации нет. К аресту жены Молотова Берия отношения не имеет. Молотов ценит Берию прежде всего за энергичность.

Сын Берии Серго Берия говорит: "Георгий Константинович Жуков (я сам слышал разговор у нас в доме) предлагал отцу устроить военный переворот".

С Маленковым у Берии давний тандем, особенно укрепившийся в период усиления в Москве ленинградской группировки, впоследствии расстрелянной. Общеизвестно, что Маленко в 1953-м — второй человек в партии после Сталина. На Маленкова Берия делает основную ставку.

Ворошилов с пленума 1952 года также ходит с клеймом "английского шпиона".

Хрущева Берия недооценивает. И в этом Берия, кстати, не оригинален. То, что Хрущев потенциальный № 1, не усматривает в начале 1953 года никто.

Хрущев вспоминает: "В последний год жизни Сталина Берия всё резче и резче проявлял в узком кругу неуважение к Сталину. Он вел эти разговоры и в моем присутствии. Признаюсь, меня это несколько и обижало, и настораживало. Оскорбительные выпады против Сталина со стороны Берии я рассматривал как провокацию, с тем чтобы потом выдать меня Сталину как врага народа. Я слушал, уши не затыкал, но никогда не ввязывался в эти разговоры. Несмотря на это, Берия продолжал в том же духе".

Хрущев, безусловно, вправе был подозревать Берию в провокации. Хрущев пишет: "Берия на это был мастер, он был на все способен, на все гнусное". Но Хрущев в круг потенциальных сталинских жертв не входил. Хрущев пишет: "Сталин ко мне хорошо относился, доверял мне и ценил".

Все остальные главные фигуры сталинского Окружения ничего подобного о себе в начале 1953 года сказать уже не могут.

Сталинская охота на ближайших лиц не обходит даже многолетнего по-собачьи преданного начальника охраны Власика.

В 1952-м избран расширенный состав ЦК, но это новые люди, лично Сталиным не обкатанные. Они готовы занять места в руководстве страной, но эти места должны быть освобождены для них Сталиным. А Сталин дряхлеет. Вспоминает в то время начальник Бюро № 1 МГБ СССР Судоплатов: "Это был конец февраля 1953 года. Глава МГБ Игнатьев сказал, что мы едем в "инстанцию", т. е. к Сталину. То, что я увидел, меня поразило. Я увидел старика. Сталин очень изменился. И хотя он всегда говорил медленно, теперь он произносил слова через силу, паузы между словами стали длиннее. Видимо, слухи о двух инсультах были верны". В этом состоянии Сталин обсуждает не что иное, как подготовку к убийству руководителя Югославии Иосипа Броз Тито.

Не умри Сталин в отведенный ему историей срок, Берия пошел бы на переворот. И дело не только в наличии сторонников. Берия — единственный в стране, кто располагает возможностями атомного шантажа во внутренней политике. Берия больше чем просто сталинский наместник в атомном и водородном проектах со всеми их военными и людскими ресурсами. В этой сфере Берия успешно конкурирует с самим Сталиным. Андрей Дмитриевич Сахаров рассказывал, как его старший коллега академик Зельдович говорил: "Наш Лаврентий Палыч". В июне 1953-го, перед самым своим арестом, Берия запустит этот механизм шантажа уже с помощью водородной бомбы. Но это будет после Сталина. При жизни Сталин обыгрывает Берию. Сталин умирает.

1953 год

Лаврентий Берия

Однажды, незадолго до смерти Сталина, на личный прием к председателю Президиума Верховного Совета Швернику приходит супружеская пара. Он на костылях, инвалид войны. Ему 25 лет. Она еще моложе. У них есть ребенок. Теперь она опять беременна и хочет сделать аборт. Но аборт в СССР с 1936 года запрещены. Разрешение дают в исключительных случаях. У этой семьи не исключительный случай. Таких, как они, миллионы. Но именно они рискнули идти за помощью в Москву. Этой семье негде жить. Он живет в общежитии. Она живет вместе с мачехой и ее замужними дочерьми в 15-метровой комнате. Их на 15 метрах 8 человек. Днем мачеха сидит с ее полуторагодовалым ребенком. За это мачеха берет с нее 200 рублей из ее пятисотрублевой зарплаты. Но на ночь мачеха запрещает оставлять ребенка. И его приходится нести ночевать в общежитие. Эта молодая семья стояла в очереди на комнату, но им отказали. И тогда они пошли в приемную Президиума Верховного Совета. Потому что говорят, что там ближе к Сталину и там помогут.

Их действительно приняли. У них затеплилась надежда, что им дадут комнату, в которой они будут растить двоих детей. Была создана комиссия, которая обследовала их жилищные условия и признала, что молодая семья нуждается в помощи. Но нет, им не выделили комнату. Ей разрешили "в порядке исключения сделать аборт". По личному указанию председателя Президиума Верховного Совета СССР Шверника Н. М.

Эта история характерна для существовавшей долгие годы системы. Эта система — урод. Но она отличается стабильностью. Потому что все годы настройки этой системы и ее функционирования во главе нее стоит один человек — Сталин. И вот Сталин умер.

Суть массового стресса сразу после смерти Сталина в вопросе: что же теперь будет? Как же мы без него? Смысл всех слез, пролитых страной с 5 по 9 марта 1953 года, в этом детском, инфантильном ощущении брошенности, неопределенности будущего и страхе перемен.

Из докладной министра госбезопасности Игнатьева Маленкову, Берии, Булганину, Хрущеву о реакции военнослужащих на смерть Сталина: "Машинистка штаба мотострелковой дивизии: "Как-то боязно. Кто знает, что люди думают. Встанет кто-нибудь на его пост, потом окажется врагом народа. А что, если война? Сейчас самый удобный момент к этому, потому зима кончается, а война всегда начинается летом"".

Противоположные мнения запечатлены в многочисленных доносах, поступивших в траурные дни.

Из доноса: "5 марта 1953 года я на базаре встретил Муравьева, и мы зашли в ларек. Туда же зашел и гражданин Басов, которого я не знал. Заговорили о состоянии здоровья Сталина. Кто-то сказал: "Миллионы людей будут о нем плакать". На что Басов ответил: "Не плакать, а радоваться будут миллионы людей". Мы с Муравьевым задержали Басова".

А солдат бронетанкового склада сказал: "Что Сталин умер, то это даже лучше. Увидите, как все сразу изменится".

В среде высшего руководства вопрос — как мы дальше будем? — имеет свой собственный смысл. Это вопрос о власти. Основным игрокам расклад ясен еще до физической смерти Сталина. Еще 3 марта разосланы приглашения на совместное заседание пленума ЦК КПСС, Совмина СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Заседание проходит вечером 5 марта. Продолжается 40 минут. Председательствует Хрущев. Министр здравоохранения Третьяков делает сообщение о состоянии здоровья Сталина. То есть Сталин еще официально жив. Потом слово предоставляется Маленкову. Маленков говорит: "Важнейшая задача — обеспечение бесперебойного руководства страной". Слово предоставляется Берии. Берия говорит: "Бюро Президиума ЦК считает необходимым теперь же назначить председателя Совета Министров СССР. Бюро вносит предложение назначить председателем Совмина Маленкова Г. М.". Слово предоставляется Маленкову. Маленков назначает четырех первых замов — Берия, Молотов, Булганин, Каганович. Главная новая идея — сосредоточить власть в руках правительства, а не в партийной структуре. Это идея Берии, которую он обсуждал с Маленковым заранее. Хрущев в этой ситуации никакого правительственного поста

не получает. Он секретарь ЦК, и только. Поста первого секретаря Московского комитета партии Хрущев лишается.

Согласованность назначений и удивительная ладность в распределении постов говорят о том, что все это обдумано и проговорено заблаговременно. Экспромт во всем этом не ощущается. Зато просматривается инициативный силовой источник. Берия последние годы жизни Сталина находится в связке с Маленковым. Еще до финальной болезни Сталина Берия имел виды на Маленкова. Хрущев вспоминает: "Берия мне как-то сам сказал о Маленкове: "Слушай, это безвольный человек. Он такой козел. Он может прыгнуть, если его не удержать. Поэтому я его держу, с ним хожу. Он русский человек, культурный человек, он может пригодиться"". Именно Берия на заседании 5 марта заявляет Маленкова на пост председателя Совмина. Константин Симонов, наблюдавший Берию и Маленкова на том заседании, пишет: "Что до Берии и Маленкова, они оба говорили с трибуны живо, энергично, по-деловому. Что-то в их голосах не соответствовало скорбным концовкам их выступлений, связанных с болезнью Сталина. Они были какие-то распеленатые, что ли". Молотов, Ворошилов, Микоян еще со времен октябрьского пленума 1952 года, после разгромного сталинского наезда, в ожидании ареста. В финале собственной жизни Сталин начинает очередную кампанию по истреблению своего окружения. Включая Берию. Из всех, намеченных на отстрел, Берия наиболее инициативен, информирован и обладает рычагами в силовых структурах, включая военных и интеллигенцию, связанную с производством атомного и водородного оружия. Берия готов к игре со Сталиным на выживание. В этих обстоятельствах, при живом еще Сталине, Молотов, Микоян, Ворошилов поддерживают распределение постов, намеченное Берией. На заседании в Кремле 5 марта 1953 года эти потенциальные сталинские жертвы получают посты в руководстве страной. Молотов — министр иностранных дел. Микоян — нарком торговли. Ворошилов — председатель Президиума Верховного Совета. Симонов пишет: "Назначения, произведенные на заседании, говорили о том, что Сталин вот-вот умрет. У меня было чувство, что старые члены Политбюро вошли с каким-то затаенным ощущением облегчения. Это как-то прорывалось в их лицах".

Выступление Л. Берии на сессии Верховного Совета

Маленков продолжает свое выступление. Он предлагает объединить Министерство государственной безопасности СССР и Министерство внутренних дел СССР в одно министерство — Министерство внутренних дел СССР. Назначить министром внутренних дел СССР товарища Берию Л. П.

Главные действующие лица после заседания в Кремле в 20:40 поехали на сталинскую дачу. После их приезда в 21:50 официально констатируется смерть Сталина.

Хрущев в своих воспоминаниях, наговоренных в конце 60-х, уверяет, что заподозрил усиление Берии к 50-м годам: "К 50-м годам я даже считал, что если допустить Берию занять ведущее положение в партии, то он повернет развитие в стране не по социалистическому пути, а по капиталистическому. Такое у меня было мнение".

Хрущев вспоминает: "Когда Сталин был при смерти, мы попарно дежурили при нем". Хрущев дежурил в паре с министром вооруженных сил Булганиным. Хрущев, сидя возле умирающего Сталина, говорит Булганину: "Ты знаешь, какой пост для себя возьмет Берия?" "Какой?" — спрашивает Булганин. — "Министра госбезопасности. Никак нельзя допустить этого. Это начало нашего конца. Он возьмет его только для того, чтобы истребить, уничтожить нас. Этого никак нельзя допустить, никак нельзя". "И мы с Булганиным, — говорит Хрущев, — стали обсуждать, как будем действовать".

Эта тема несколько отстывает на время похорон Сталина.

После сообщения по радио о смерти Сталина, которое прозвучало 6 марта в четыре утра, московский корреспондент газеты "Нью-Йорк таймс" немедленно отправился на Центральный телеграф, чтобы передать информацию. Телеграммы о Сталине не пропускались. Не только не принимали телеграмму, но на коммутаторе международного телеграфа все провода были вынуты из гнезд. Потом прибежал механик, который рванул заднюю дверцу коммутатора и выдернул главный кабель.

Около шести утра 6 марта в центр города входит колонна грузовиков с солдатами спецбатальонов МВД. Солдаты становятся вдоль и поперек всех больших и малых центральных улиц. Грузовики образуют баррикады. На улице Горького появляется танковая колонна. Танки усиливают баррикады из грузовиков в ключевых точках. О маршруте движения народа к Колонному залу, где выставлен гроб с телом, по радио не сообщают. Людская масса, заполнившая весь город, спрессовываясь на ходу, ищет пути к Колонному залу. Очередь спонтанно возникает на площади Белорусского вокзала. Потом по улице Горького толпа идет до площади Маяковского. Дальше ее гонят налево на Садовое кольцо. По Садовому — до улицы Чернышевского, с которой поворачивают на Бульварное кольцо. Наконец людская волна добирается до горки Рождественского бульвара. Тут на мгновение замирает от открывающегося внизу зрелища сплошной массы человеческих голов.

Но в спину уже напирают новые волны. И толпа, не владея собой, катится вниз, под горку. Внизу, в левом углу бульвара, выходящего на Трубную площадь, открыт узкий проход. Это и есть единственный проход к Сталину. Толпа постоянно прибывает. Подвернувшему ногу, упавшему, помочь никто не может. Иногда людям приходится поджимать ноги, потому что идут по телам. Многие бегут с детьми. Детей в давке начинают передавать на грузовики офицерам. Людей засасывает, давит в узком проходе между грузовиками. Люди кричат: "Уберите грузовики!" Офицер на грузовике плачет и кричит: "Указания нет!" В сдавленной многотысячной толпе возникает водоворот. Вырваться нельзя. Так продолжается два дня. Раздавленных свозят в Лефортовский морг. Он всех не вмещает. Затоптанные трупы лежат прямо на снегу.

8 марта вдруг объявляют, что по многочисленным просьбам трудящихся в последний раз открывается доступ к телу товарища Сталина. По сути, это провокационное объявление. У многих появляется ощущение, что они упускают шанс. 8 марта пускают не через Трубную, а через улицу Чехова. Узкая старая московская улица забита толпой, как и в первый день. Над толпой сплошной гул криков и стонов. Под ногами сдвигаются крышки канализационных люков. Люди падают в люки. Люки доверху заполняются людьми. В два часа ночи объявляют перерыв до пяти утра. Люди ждут, греются в подъездах. Цель близка. На лицах выражение спортивного азарта. Из московской школы на Пресне попытать счастья посмотреть на Сталина пошли все. В классе остался один мальчик. Он сидел за партой и читал книжку.

6 марта 1953 года гроб Сталина проверен специальной комиссией на наличие отравляющих веществ, радиоактивных веществ и часовых механизмов. Комиссию по похоронам возглавляет Хрущев. Литератор, спецкор "Огонька" Александр Авдеенко в Колонном зале встречает своего фронтового друга Василия Мефодьевича Верховых. Они выходят в фойе. "Судя по опухшим глазам, ты, роднуша, дни и ночи плачешь", — говорит Василий Мефодьевич. "Как все", — отвечает Авдеенко. "Не все, роднуша, не все плачут и рыдают. Немало и таких, кто крестится: "Слава тебе, Боже, прибрал наконец", — говорит Василий Мефодьевич и гладит испуганного Авдеенко по плечу. — Не бойся, роднуша. Он теперь не дотянется до нас. Кончился временщик. Испустил дух. Своей смертью Хозяин принес стране больше пользы, чем всей долгой жизнью". Авдеенко поднимается, прощается. "Иди, роднуша, иди, — говорит фронтовик Василий Мефодьевич. — Иди рыдай".

Из Грузии на похороны Сталина выписаны профессиональные плакальщицы.

В один день со Сталиным умирает великий русский композитор Сергей Прокофьев. Близкие и друзья не могут пройти в его квартиру в Камергерском переулке. Всюду оцепление и кордоны. Цветы нигде не купить. Все на гробе Сталина.

Период с марта по июнь 1953 года — это время записок Берии и документов, принятых или не принятых в результате этих записок. Первый же документ за подписью Берии в новом качестве министра МВД демонстрирует изменение терминологии. Профессора, проходящие по "делу врачей", давно и повсеместно именуемые "врачами-вредителями", в документе, вышедшем всего через неделю после смерти Сталина, названы "арестованными врачами". Формулировка, невозможная неделей раньше и отдающая реабилитацией.

Далее, в тот же день, 13 марта, следует записка о пересмотре дел о выселении граждан из Грузии. Выселение этих граждан в Казахстан было произведено в рамках так называемого "мингрельского дела", затеянного Сталиным в 1951 году и нацеленного против Берии.

В апреле 1953 года появляется записка Берии в Президиум ЦК КПСС о неправильном ведении дела о так называемой "мингрельской националистической группе". Берия в своей записке воспроизводит показания арестованных о применении к ним пыток. Более того, и это впервые, Берия пишет: "И. В. Сталин требовал применения к арестованным физических мер воздействия... По прямому указанию И. В. Сталина ЦК ВКП(б) принял Постановление о выселении граждан с территории Грузинской ССР".

И никакого "товарищ" перед именем Сталина.

18 марта 1953 года выходит приказание Берии о пересмотре дела против бывшего руководства ВВС и Министерства авиационной промышленности. Затем следует реабилитация руководителей указанных ведомств.

26 марта 1953-го следует бериевская записка о проведении амнистии. Амнистии подлежат осужденные на срок до 5 лет за должностные и хозяйственные преступления, беременные женщины и женщины с детьми до десяти лет, несовершеннолетние, пожилые мужчины и женщины и неизлечимо больные. Амнистированы 1 201 738 человек. Это без малого половина всех советских заключенных. Не подлежат амнистии отбывающие срок за бандитизм и убийства, а также осужденные по 58-й, политической статье. Через два дня, 28 марта, появляется письмо Берии в президиум Совмина о передаче лагерей и колоний из МВД в Министерство юстиции. В составе МВД остаются особые лагеря для осужденных по 58-й статье и бывших

военнопленных. Еще через неделю выходит приказ Берии "О запрещении применения к арестованным каких-либо мер физического воздействия". Документ начинается словами: "МВД СССР установлено, что в следственной работе имели место аресты невинных граждан, разнузданная фальсификация следственных материалов, широкое применение различных способов пыток. Изуверские методы допроса доводили невинно арестованных до потери человеческого облика". Далее Берия пишет: "Следователи подсовывали им сфабрикованные признания об антисоветской и шпионско-террористической работе". То есть в бериевском приказе от 4 апреля 1953 года черным по белому написано, что масса людей безосновательно обвинена в шпионаже и терроризме. И осуждена по 58-й статье, на основании показаний, данных под пытками. То есть в приказе министра внутренних дел Берии произнесено "а", за которым маячит "б" — пересмотр дел и вал реабилитаций невинно осужденных на сроки и расстрелы по политической статье. А это уже ревизия трех десятилетий жизни страны, ревизия всего сталинского правления. Теперь, весной 1953-го, для этого нужна только политическая воля руководства страны. Ведь Сталина уже нет.

Между тем Сталин умер всего месяц назад. Только месяц прошел с того дня, как страна отрыдала по Сталину. Готовность страны взглянуть на себя свежим взглядом в начале апреля 1953 года совершенно неочевидна. У Берии есть возможность в этом убедиться. 1 апреля Берия пишет записку о реабилитации лиц, привлеченных по так называемому "делу врачей". 3 апреля на основании его записки выходит постановление Президиума ЦК, реабилитирующее арестованных врачей. 4 апреля сообщение об этом появляется в газете "Правда". Аналитики МВД фиксируют ответную реакцию. Вот наиболее характерная: "Но как же так?! Народ был возмущен врачами-убийцами, народ устраивал митинги, и вдруг — врачи не виноваты. После смерти великого Сталина творятся дела, вызывающие недоумение". Это пишет в "Правду" Крюков В. Ф. из Свердловска. Пишут студенты юридического факультета Львовского университета: "Это же в корне подрывает авторитет наших юридических и следственных органов. А в какое положение поставлено МВД? В кого же теперь верить? Где искать правду?"

Тысячи подобных писем идут после реабилитации 37 арестованных врачей. Реабилитация сотен тысяч невинно осужденных оказалась бы непосильным переживанием для страны, еще не отошедшей, не очнувшейся после Сталина. И в 1956-м осуждение культа личности будет шоком. Многотысячную реабилитацию, начини ее Берия в 1953-м, трудно было бы расценить как популистский шаг с его стороны. Берия ставит не на популизм. В этом смысле ему бесполезно тягаться с только что ушедшим Сталиным. В своем рывке во власть Берия ставит совсем на другое: он, да-да, он, душегуб Берия, хочет войти во власть, а значит, в историю, как человек, выводящий страну из сталинизма. Тактически он обречен именно на это. Он сотрет Сталина и вместе с ним собственное прошлое. И всех соперников. Все оставшееся после Сталина руководство страны — не меньше в крови, чем он, Берия. Он владеет информацией на них. Они — Хрущев, Маленков, Молотов — это знают и ощущают постоянно. Берия торопится. Сейчас он как никогда близок к власти. А он властолюбец. Больше, чем сластолюбец.

Г. Маленков и Л. Берия

Пришедшие после Берии Маленков, а затем Хрущев также возьмут на вооружение идею отказа от Сталина. И будут применять ее в разных дозах в целях внутрипартийной верхушечной борьбы. То есть в целях получения личной власти. Берия — первый и наименее удачливый из тех, кто вступил на этот путь.

Всех проходивших по "делу врачей" освобождают 4 апреля 1953 года.

На машинах их доставляют с Лубянки домой. Машины подъехали к профессорскому дому в Серебряном переулке ночью, за несколько часов до выхода газет с сообщением о реабилитации. Дворничиха, бывшая понятой при обысках и арестах, увидев, что недавно при ней арестованные профессора возвращаются в свои квартиры, бросилась в отделение милиции с криком: "Враги сбежали!"

Через пару дней после того, как по ночной Москве бегала дворничиха, у которой от всего происходящего сдали нервы, в Кремле в трех комнатах членов и кандидатов в члены ЦК знакомят с документами, свидетельствующими о личном участии Сталина в "деле врачей". Вспоминает Константин Симонов: "Идея предоставить нам эти документы для прочтения принадлежала, несомненно, Берии. Он хотел показать себя человеком, который никак не склонен продолжать те жестокость, беззаконие, которые, судя по предъявленным нам документам, были связаны непосредственно со Сталиным, с его инициативой, с его требованиями. Берия как бы утверждал, что он не собирается покрывать грехи Сталина. Вот он вам ваш Сталин, как бы говорил Берия, не знаю, как вы, а я от него отрекаюсь. Я намерен сказать о нем всю правду. Документы, которые я видел, не являлись фальшивыми. Поэтому к тому нравственному удару, который я пережил во время речи Хрущева на XX съезде, я был, наверное, больше готов, чем многие другие люди".

Хрущев о Берии в марте — начале апреля 1953 года говорит: "Берия ко мне проявлял большое внимание и уважение, чем я был удивлен. Он не порывал связей с Маленковым, но начал отношения устанавливать со мной. Если, бывало, они соберутся с Маленковым пройтись по Кремлю, то меня тоже приглашают. Как-то мы ходили, гуляли, и Берия вдруг говорит: "Все мы под Богом ходим. Стареем мы уже. Все может случиться с каждым из нас. Надо подумать о старости и о своих семьях. Поэтому я предложил бы построить персональные дачи, которые надо передать в собственность тем, для кого они построены"". "

К. М. Симонов, кандидат в члены ЦК партии

Хрущев скажет, что у Берии "некоммунистический ход мышления". Берия действительно трудно заподозрить в коммунистических взглядах. Впрочем, как и всех других. Но в истории со строительством дач он выходит за рамки принятых правил игры. Дачи, высокие заборы, obsлуга — неременный стиль жизни сталинской номенклатуры. Но они давались Сталиным и отбирались Сталиным. Часто вместе с жизнью. Номенклатурные блага за народный счет — это плата за страх. А тут вдруг Берия произносит крамольное слово "собственность". Хрущев вспоминает: "Я был убежден, что все это он делал в провокаторских целях".

А Берия уже в деталях делится с Хрущевым и Маленковым своими планами. Строить дачи будем не под Москвой, а в Сухуми. Там такие персики растут, такой виноград. Разрабатывать проекты и вести строительство будет Министерство внутренних дел. Главным на строительстве будет человек, специализирующийся на возведении атомных объектов. Хрущев говорит: "Я слушаю его, не противоречу". Поговорили, поехали за город, на дачу, на Рублевское шоссе. Сначала вместе, втроем ехали — Берия, Маленков, Хрущев. Хрущеву с Маленковым налево надо поворачивать, а Берии прямо. Хрущев с Маленковым пересаживаются в другую машину, которая все время шла сзади. Хрущев говорит Маленкову: "Эти дачи — чистейшая провокация. Давай сейчас ему не противоречить, пусть он этим занимается и думает, что его никто не понимает". Берия и Молотову предлагает дачу. Молотов соглашается. Только просит, чтобы ему строили не на Кавказе, а под Москвой.

В связи с дачной историей Хрущев продолжает: "Для меня уже был неудивителен такой некоммунистический ход мышления Берии. Он полностью вязался с его образом". Хрущев имеет в виду ряд документов, вышедших из-под пера Берии и произведших шоковое впечатление на партийную верхушку.

Прежде всего, это бериевский проект по оздоровлению политической обстановки в Германской Демократической Республике.

На самом деле этот документ — молниеносная реакция на события в странах Восточной Европы. В ГДР — волна забастовок в мае 1953-го, в июне — в Чехословакии. То же самое в Польше. В Румынии — голодные бунты. Большие проблемы в Венгрии.

Н. Хрущев и Г. Маленков

Документ от 2 июня 1953 года констатирует массовое бегство жителей ГДР в Западную Германию. Большая часть бежавших — трудовые элементы: рабочие, крестьяне, а также домашние хозяйки, представители интеллигенции и члены правящей партии СЕПГ. Документ указывает: "Причина бегства сотен тысяч людей — неправильный курс на ускоренное строительство социализма. А именно: форсированное развитие тяжелой промышленности, ограничение частной инициативы, насильственное создание сельскохозяйственных кооперативов. Все это привело к нарушению снабжения населения промышленными и продовольственными товарами, к разорению мелких собственников. Пятьсот тысяч гектаров земли брошены бережливыми немецкими крестьянами, которые перебираются в Западную Германию. Курс немецкой марки резко падает". То есть Берия говорит, что политический и экономический

курс, введенный в ГДР Сталиным, — пагубный и разрушительный. Между тем это тот самый курс, по которому Сталин гнал СССР в течение тридцати лет. И, значит, Берия, говоря о ГДР, позволяет себе, пусть в узком кругу, ревизию сталинского строя.

"Для исправления создавшегося в ГДР положения, — пишет Берия, — необходимо отказаться от курса на форсированное строительство социализма. Привлечь в экономику частный капитал. Принять меры по обеспечению демократических прав граждан". И, наконец: "В настоящее время главной задачей является борьба за объединение Германии на демократических и миролюбивых началах". На дворе начало июня 1963 года.

Берия сам зачитывал текст. Первым против предложений Берии выступил Молотов. Хрущев поддержал Молотова. Их в свою очередь поддержал министр вооруженных сил Булганин. В том же духе выступили другие члены Президиума ЦК. Молотов в тот же день предложил Хрущеву перейти на "ты".

Между тем крайне важны причины, по которым Берия решился на обсуждение столь радикальных предложений, как отказ от социализма в ГДР и начало объединения Германии. Берию толкает на это советская экономика. Прежде всего ситуация в сельском хозяйстве. Оно требует вложения денег. Но всякие вложения неэффективны. Сельское население деградировало вследствие многолетней сталинской политики. Советская промышленность не обладает достаточным потенциалом для увеличения вложений в сельское хозяйство. Сводки МВД, которые имеет Берия, реалистично отражают картину. Проблемы в сельском хозяйстве могут легко перерасти в проблемы политические. Маячит необходимость повышения цен на продукты. Это грозит стихийными возмущениями. Через девять лет, после всех усилий и средств, брошенных на освоение целины, повышение цен вызовет массовый бунт в Новочеркасске, раздавленный войсками и принесший огромные жертвы.

Л. Берия

Об отмене колхозов речь не идет. В 1953-м Берия с Маленковым предлагают снизить сельскохозяйственный налог, чему категорически противился Сталин и за что он клеймил Микояна на октябрьском пленуме 1952 года. Но и снижение налога не решает проблему. Все послевоенное восстановление хозяйства не привело к структурным изменениям в экономике. Разрыв между военно-промышленным комплексом и гражданскими отраслями увеличивается. Берия, как никто другой, знает истинную цену атомного проекта для советской экономики. Поэтому он ищет кредиты за границей. Надежд на помощь США на фоне холодной войны нет. Ожидать содействия от международного еврейского капитала, который помогал СССР во время войны, больше не приходится. Предсмертный сталинский государственный антисемитизм и переориентация Израиля на США исключили помощь с этой стороны. Остается Германия. Вот за объединение этой Германии Берия и хочет получить отступные, а именно долгосрочный кредит. Прощупывание почвы Берия намерен поручить актрисе Ольге Чеховой, уже имевшей опыт щепетильных заданий со стороны советского руководства. В Германию в июне 1953-го прибывает начальник немецкого отдела внешней разведки полковник Зоя Рыбкина. Она встречается с Ольгой Чеховой 26 июня, в день ареста Берии. Этим операция и исчерпывается.

13 мая 1953 года появляется записка Берии об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей.

"Если взглянуть на карту СССР, — пишет Берия, — то можно увидеть, что вся страна пестрит режимными городами и запретными

зонами, где запрещено проживать гражданам, имеющим судимость и отбывшим наказание. Это создает трудности не только для этих граждан, но и для их семей. Это вызывает справедливое недовольство.

Такой практики паспортных ограничений не существует ни в одной стране. В США, Англии, Канаде, Финляндии, Швеции о судимости никаких отметок в личных документах граждан не делается. МВД СССР считает необходимым упразднить существующие паспортные ограничения как не имеющие необходимости. Режимность и паспортные ограничения тормозят экономическое развитие".

Это уже похоже не на что иное, как на подготовку к массовой реабилитации.

Далее. Берия предлагает строительные управления и промышленные объекты ГУЛАГа передать из МВД в отраслевые министерства. То есть он предлагает ликвидировать лагерную основу советской экономики.

Далее. Берия предлагает отменить введенные Сталиным и непосильные для граждан госзаймы. Он предлагает отказаться от увеличения оборонных расходов. Предлагает прекратить дорогостоящие стройки как не имеющие первостепенного значения для нужд народного хозяйства. Повысить закупочные цены в сельском хозяйстве. Переориентировать экономику на производство товаров народного потребления.

Далее. Берия предлагает написать новую, более объективную историю Великой Отечественной войны.

Предлагает ограничить роль партии в государстве, упор — на органы советской власти. Повысить роль национальных кадров в республиках. Поднять вопрос о возвращении Японии спорных островов Курильской гряды. Восстановить отношения с Югославией. Сократить численность советской разведки в капиталистических странах.

Предлагает запретить использовать во время демонстраций портреты вождей, как умерших, так и живых.

Прекратить издание собрания сочинений Сталина. Осуществить внутрипартийное осуждение Сталина.

Трудно сказать, как долго обдумывал Берия эти предложения. Три месяца весны 1953 года — слишком короткий период, чтобы понять,

что в этих предложениях. Короткий расчет, нацеленный исключительно на захват власти, или это результат долгого анализа, знание неэффективности режима, понимание его исчерпанности вопреки кажущейся незыблемости. Вероятно, весна 1953 года могла бы оказаться контрапунктом всей последующей отечественной истории. Страна ошарашенно приняла бы новый курс. В особенности еще молодые, совсем недавние фронтовики, которые помнят свои европейские впечатления. Фронтовики могли бы стать мотором новой страны. Вообще, в 1953 году страна отстоит от 1917-го всего на одно поколение. Но все это в сослагательном наклонении. В реальности вторая жизнь Берии не состоится. В первой жизни Берия рука об руку со Сталиным участвовал в зверской эксплуатации и уничтожении населения страны. В этом смысле он легко может быть сочтен шпионом и признан террористом. Однако такой взгляд на присталинскую деятельность Берии расходится с партийной оценкой.

Хрущев пишет: "Мы видели, что Берия форсирует событий". Это несомненно. Противостояние с группой Хрущев-Молотов-Булганин для Берии очевидно. При обсуждении ряда вопросов на президиуме ЦК противостояние уже вошло в острую фазу. Вопрос стоит просто: кто кого? Берия идет напролом; либо они поддерживают его в его программных действиях, включая обличение Сталина, и тем самым обеспечивают его фактическое восхождение на высшую ступень власти в белых одеждах освободителя от тирании, либо он арестовывает их, открывает свои архивы и устраивает открытый процесс, где все они, по локоть в крови сталинского террора, оказываются врагами народа, а он, такой же как они все, выступает их судьей и защитником измордованной страны.

Хрущеву остается одно — действовать. И он действует. Времени у него мало. Счет идет на дни. Хрущев разговаривает с Маленковым. "Слушай, товарищ Маленков, неужели ты не видишь, куда дело клонится? Мы идем к катастрофе. Берия ножи подобрал". — "Я вижу это, — говорит Маленков, — но что делать?" Хрущев говорит: "Сопротивляться". Маленков, по должности, — первый человек в государстве. Постоянный нажим со стороны Берии в противоход остальным страшит его. Конкуренция со стороны Берии очевидна, хотя Берия трезво в этом смысле оценивает ситуацию: грузину сейчас

не бывать на высшем посту. Но смерть Сталина, исчезновение Сталина, срывает тормоза даже у такого опытного игрока, как Берия, и его несет, в одиночку, несмотря на отсутствие тыла, несмотря ни на что.

Маленков в разговоре с Хрущевым дает согласие на общую игру. Хрущев уже переговорил с министром вооруженных сил Булганиным. Булганин правильно понимает опасность. Хрущев едет к Ворошилову. Хрущев вспоминает: "Как только я переступил порог его кабинета, Ворошилов сказал: "Товарищ Хрущев, какой у нас замечательный человек Лаврентий Павлович Берия, какой это замечательный человек!""

Хрущев уезжает от Ворошилова и едет к Молотову. "Берия очень опасен, — говорит Молотов. — Я считаю, что надо, так сказать, идти на крайние меры".

Хрущев вспоминает: "Мы решили, что надо форсировать события, потому что могут нас подслушать или кто-либо может как-то проговориться".

Переговорили с членами президиума Сабуровым и Первухиным. Тут в Москву возвращается Каганович. Хрущев пишет: "Каганович был на лесозаготовках, проверял, как идут дела". Так вот, Каганович возвращается и говорит, что он "за". Маленкову поручают переговорить с Ворошиловым. Маленков приезжает к Ворошилову и рассказывает ему о выработанном решении. Ворошилов обнимает Маленкова, целует и принимается плакать.

Хрущев должен переговорить с Микояном. Разговор состоится в тот самый день, на который намечено заседание президиума Совмина, на котором будет поставлен вопрос о Берии. Микоян заезжает к Хрущеву на дачу по дороге на заседание. Разговаривают долго. Хрущев вспоминает: "Позиция Микояна была такая: товарищ Берия имеет отрицательные качества, но он не безнадежный, он в коллективе может работать. Это была совершенно особая позиция, которую никто не занимал".

Микоян с Хрущевым садятся в машину и едут в Кремль.

В пятницу 26 июня 1953 года академик Курчатов и будущий академик Александров находятся на объекте, где идет сборка водородной бомбы. За несколько дней до этого на объекте появились

несколько генералов, направленных Берией, который курировал проект. Александров вспоминает, что было получено задание по моментальному завершению работы. Первый образец нового термоядерного изделия следует передать генералам. "Генералы просто сидели над нами", — вспоминает Александров. Курчатов по два раза в день докладывает Берии, как идут дела. 26 июня Курчатов звонит Берии — Берии нет.

В Москве, в Кремле, в это время начинается заседание президиума Совмина. Маленков председательствует. Слово просит Хрущев. Так условились заранее. Хрущев предлагает обсудить вопрос о товарище Берия. Хрущев вспоминает: "Берия сидел от меня справа. Берия взял меня за руку, посмотрел на меня и говорит: "Что ты, Никита? Что ты мелешь?" Хрущев ему отвечает: "Вот ты и послушай. Я об этом как раз и хочу рассказать". Хрущев говорит о записках и действиях Берии после смерти Сталина, об отказе от социализма в ГДР, о том, что Берия хотел объединить националистов в республиках против русских, о том, что еще в 30-х годах говорили, что он, Берия, агент мусаватистской разведки, работающей на англичан. А люди, которые говорили об этом, исчезли. Хрущев заканчивает словами: "У меня сложилось впечатление, что Берия не коммунист, что он карьерист".

Потом говорит Молотов, другие. Потом Микоян. Он держится своей позиции: Берия не безнадежный человек. Маленков должен подвести итог. Но он теряется. Возникает пауза. Слово опять берет Хрущев. Предлагает поставить вопрос об освобождении Берии от всех постов, которые он занимал.

Маленков должен поставить вопрос на голосование. Вместо этого он нажимает кнопку и раньше условленного времени вызывает военных.

Военные ожидали сигнала в комнате ожидания при кабинете Маленкова. До заседания с ними беседовали Хрущев, Булганин, Маленков и Молотов. Вспоминает маршал Москаленко: "Они начали нам рассказывать, что Берия в последнее время нагло ведет себя, шпионит за членами президиума ЦК, подслушивает телефонные разговоры, следит, кто куда ездит, грубит со всеми. Они сказали нам, что по сигналу нам нужно войти и арестовать Берию". В числе этих военных — маршал Жуков. Маршал Москаленко вспоминает, что

Хрущев дал добро на участие Жукова в перевороте. Но сказал, чтобы Жуков был без оружия.

После условного сигнала именно Жуков первым входит в зал заседания. Растерянный Маленков произносит: "Именем советского закона арестовать Берию". Жуков обыскивает Берию. На дверях, у входа в кабинет, где арестовывают Берию, стоит Леонид Брежнев. Берию уводят.

На следующий день, 27 июня 1953 года, руководство страны идет в Большой театр на оперу "Декабристы".

28 июня 1953 года академики Курчатов и Александров получают газеты. Александров вспоминает: "Спектакль в Большом театре, правительство сидит в ложе, Берии среди них нет. Мы были посланы на объект с четким поручением Берии — быстро закончить работу и передать изделие, т. е. бомбу, генералам. Но все генералы вдруг исчезли. Вот у меня такое впечатление получилось, что Берия хотел использовать эту подконтрольную ему бомбу для шантажа. И не только у меня — у Курчатова тоже было такое впечатление. Мы по этому поводу с ним говорили, прогуливаясь там в садике".

Было два варианта. Вариант номер один. Перекрывается шоссе Энтузиастов и дальше все улицы, ведущие к Кремлю. В Кремль ввозят водородную бомбу, которую создал Сахаров. Окончательная сборка производится в спецпалатке возле Царь-пушки. Затем объявляется, что бомба в Кремле и может быть взорвана в любую минуту.

Второй вариант — публичный. Объявляется, что водородная бомба находится на шоссе Энтузиастов. После объявления начинается движение в сторону Кремля. Под охраной бомбу ввозят в Кремль.

Берии нравился вариант № 2. Публичный.